

1

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ISSN 0206-8680

КИНОСЦЕНАРИИ

1986

ИЗДАЕТСЯ
С 1973 ГОДА

КИНОСЦЕНАРИИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

- 3 *В. Белкин, В. Ивантер, А. Соснин*
ОТ ЗАРПЛАТЫ ДО ЗАРПЛАТЫ
- 27 *М. Унт*
ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ В МАЕ
- 56 *А. Проценко*
СЛЕД КРАСНОЙ МОЛНИИ
- 79 *В. Жалакявичус*
УИК-ЭНД В АДУ
- 104 *Братья Вайнеры*
ПОТЕРПЕВШИЕ ПРЕТЕНЗИЙ НЕ ИМЕЮТ
- 130 *В. Токарева*
ЗВЕЗДА В ТУМАНЕ
- 149 *О. Лупий*
КНЯЗЬ ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ
- 175 *А. Сулева, С. Бодров*
НА ЗЕЛЕНЫХ ХОЛМАХ

1

1986

ГОСКИНО СССР
МОСКВА • 1986

В первом номере альманаха 1986 года публикуется восемь новых сценариев полнометражных художественных фильмов. Острым проблемат перестройки хозяйственной деятельности посвящен сценарий В. Белкина, В. Ивантера и А. Соснина «От зарплаты до зарплаты». Писатель Мати Унт в сценарии «Через сто лет в мае» рассказывает о выдающемся деятеле русского и эстонского революционного движения, основателе эстонской компартии Викторе Кингисепе. Историко-революционной теме посвящен и сценарий А. Проценко «След красной молнии». Жанр трагикомедии представлен новым произведением В. Жалакявичуса «Уик-энд в аду». Сценарии братьев Вайнеров, Виктории Токаревой, а также С. Бодрова и А. Сулеевой посвящены темам современности, а киноповесть украинского писателя Олеса Луцья — далекой истории Древней Руси.

Главный редактор Б. ПАВЛЕНОК

Редакционная коллегия:
О. АГИШЕВ, С. АНТОНОВ, Е. ГАБРИЛОВИЧ,
С. ЖГЕНТИ, В. СОЛОВЬЕВ, В. СЫТИН, В. ТРУНИН

Ответственный секретарь Е. КЛЕЙНЕР

Номер подготовили к печати:
О. ГОРБАЧЕВА, Н. РЮРИКОВА,
Т. ПОКРОВСКАЯ, М. СЕРГИЕНКО

Технический редактор Л. РЯБЫКИНА

Корректор И. ШАРАЕВСКАЯ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© В/О «Союзинформкино»

Сдано в набор 15.10.85. Подписано к печати 29.12.85. А07379
Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 1548+0,32 Уч.-изд. л. 21,7
Усл. кр.-отт 790,0 Печать офсетная. Бумага типограф «Сыктывкар»
Гарн. лат. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2847. Цена 1 р. 20 к.

Всесоюзное объединение «Союзинформкино» 109017, Москва,
Б. Ордынка, 43. Тел. 231-11-33
Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., 12.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический
комбинат В/О «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
142300 г. Чехов Московской области

ВИКТОР ДАНИЛОВИЧ БЕЛКИН (родился в 1927 году) доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института экономики АН СССР. Автор ряда книг по планированию и управлению в народном хозяйстве.

ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ ИВАНТЕР (родился в 1935 году) кандидат экономических наук, заведующий лабораторией Центрального экономико-математического института АН СССР. Автор ряда книг по проблемам финансов, кредита, моделирования экономики.

АНАТОЛИЙ СЕМЕНОВИЧ СОСНИН (родился в 1925 году), участник Великой Отечественной войны. Член Союза писателей СССР. Много лет работал журналистом, затем редактором на киностудии «Леннаучфильм». Автор ряда пьес, по его сценариям поставлены несколько десятков научно-популярных и документальных фильмов, в том числе: «Смоленское сражение», «Лось, лиса и дельфин», «Первое дело жизни», а также художественный фильм «Грибной дождь».

Фильм по литературному сценарию «От зарплаты до зарплаты» ставит на киностудии «Мосфильм» режиссер Анда Мансарова.

В. БЕЛКИН, В. ИВАНТЕР, А. СОСНИН

ОТ ЗАРПЛАТЫ ДО ЗАРПЛАТЫ

З абрызганная грязью серая «волга» осторожно двигалась по проулку мимо высокой деревянной ограды, окружавшей фабричную территорию. Из машины выбрался хорошо одетый худощавый мужчина с пухлой кожаной папкой в руках, приткнувшись к расщелине между досками и долго, мрачно смотрел в дальний угол двора. Там, у кирпичной стены двухэтажного корпуса, густо толпились люди. Одни сидели на досках и ящиках, другие вытянулись цепочкой под окнами. Очередь уходила в приоткрытую дверь.

Мужчина с папкой отошел от забора и направился через улицу к телефонной будке. По пути ему встретилась печальная пара: женщина средних лет вела под руку старика. Старик опирался на палку и волочил ногу. Мужчина с папкой почтительно ему

поклонился, но старик не ответил, может быть, совсем не заметил.

Мужчина зашел в будку, стал набирать номер.

...Из окна своего кабинета на рабочих, столпившихся во дворе, озабоченно смотрел заместитель директора фабрики Юрченко. Зазвонил телефон. Юрченко, не оборачиваясь, протянул руку и снял трубку.

Мужчина в будке сказал:

— Сергей Васильевич, это я — Андрианов. Денег нет, банк отказал.

— Та-ак... Весело... А к управляющему пробился, к Ефимову?

— Ефимов мне не по чину. Свяжитесь сами. Что сейчас будем делать?

— В каком смысле?

— С народом... Посмотрите в окно.

— Я смотрю. Наслаждаюсь этой карти-

ной уже два часа. По вашей милости, между прочим. Приезжайте скорее, они ждут вас, объясните им положение.

— А что им сказать?

— Скажите правду.

— Какую правду? И почему я?

— Вы главный бухгалтер, деньги — по вашей части.

— А вы сейчас за директора. Объясните и мне, и им, почему мы дошли до ручки. Я тоже хотел бы знать!..

Юрченко положил трубку, сел за стол.

— Что будем делать?

В комнате было несколько человек. Все сидело подавленное.

— Черт побери! — со злостью сказал маленький нервный начальник сбыта Шарпов. — Проклятый эксперимент! Жили себе спокойно, не хуже других, так надо же.

— А Ефимов, Ефимов хорош! Называл себя другом фабрики!..

— Друг и соратник...

— Нет, не соратник, берите выше — идейный вдохновитель эксперимента!

— Хватит об этом! — раздраженно оборвал Юрченко. — Я тоже не был сторонником эксперимента, вы это знаете, но сейчас... После драки кулаками не машут...

В комнату вошел секретарь парткома Баженов, устало опустился на стул.

— Вот послушаем партийное слово, — нервно продолжал Юрченко. — Для меня сейчас главный вопрос — отзываться директора или нет. Заграничная командировка — не шутка.

— А в чем тут вопрос? — сухо спросил Баженов.

— В том, что с ним никогда не известно — в яблочко попадешь или нет. Как еще он рассудит...

— Никакого вопроса нет. Он, когда уезжал, позвонил мне с вокзала: если опять возникнут сложности с банком, дать немедленно телеграмму.

— Значит, он знал? Предвидел? — Юрченко покачал головой. — А мне сказал: сиди спокойно, работай...

— Ну и правильно он сказал — кроме работы, нас ничто не спасет. Все мы почувствовали, если быть честными.

Во дворе нарастал гул голосов. Слов было не разобрать, но доносились какие-то визгливые выкрики.

— Вот главный вопрос, — прислушиваясь, добавил Баженов. — Как людям в глаза смотреть...

Все подошли к окну.

Сквозь плотную, недобро настроенную толпу набычившись продвигался Андрия-

нов. Люди нехотя расступались, говорили ему в лицо что-то насмешливое и злое, он отвечал им, размахивая руками.

— Третий раз, Юрий Дмитриевич, третий раз! — звучит у него над ухом визгливый голос. — Так же нельзя!..

— Написать в Москву обо всем и подписей пятьдесят...

— Всем, всем подписаться...

— А наша бригада во вторую смену не выйдет. Так Юрченко и скажите!

У входа в корпус Андрианов резко обернулся:

— Кто-кто, а ты бы, Грубин, помалкивал! Когда на собрании обсуждали эксперимент, кто первый выступил? Я или ты? Я не вылезал, я сидел, а ты, известно, первый у нас оратор — поддерживаем, поддерживаем! Вот теперь и заткнись! Кто не хотел, тот уволился... И ты, Марья Павловна, — Андрианов повернулся в другую сторону, — сколько получала эти два года? Сто семьдесят вместо ста сорока! И ничего, не шумела — ставила свои штампики. А теперь, когда заколодило, хочешь писать в Москву? Ну пиши, все пишите! Только правду пишите — и про себя тоже!

— Напишем, напишем! — угрожал Грубин.

А одна из женщин спросила тихим, но строгим голосом:

— А верно ли говорят, Юрий Дмитриевич, что деньги дадут, если...

— Если что? — обернулся к ней Андрианов.

— Если нашего директора... снимут...

Все замерли с интересом.

— Эх ты, Татьяна, — с укором проговорил Андрианов. — Как у тебя совести-то хватило?.. Ты что, хотела бы, чтобы Николай Михалыча сняли? Он что, кого-нибудь в коллективе обидел?

Татьяна молчала, но Грубин спросил упрямо:

— Вам задали вопрос, почему вы не отвечаете?

Андрианов вошел в корпус, прошел по коридору и скрылся за дверью с табличкой: «Главный бухгалтер».

Баженов выглянул в приемную:

— Надежда Ивановна, зайдите, пожалуйста.

Вошла секретарша, женщина неопределенного возраста.

— Сергей Васильевич вам сейчас продиктует.

— У вас есть адрес Николая Михайловича в Будапеште? — спросил Юрченко.

— Будапешт, отель «Братислава», номер семьсот одиннадцать. Адреса Николая Михалыча я всегда помню на память.

— Очень хорошо, пишите: «Будапешт, отель «Братислава», номер семьсот одиннадцать. Павлищеву Н. М.» Вам известно, что писать полагается латинскими буквами?

— Мне известно все, что относится к моей должности.

— Удивительно. Уникальное качество. Можно вам позавидовать...— Юрченко переключил свое внимание на Баженова: — А что писать, как?..

— Пишите,— сказал Баженов.— «Ефимов деньгах категорически отказал положение сложное ждем вашего возвращения Юрченко».

— «Юрченко Баженов»,— поправил Юрченко.— Вы тоже подписывайте, мне чужого не надо.

Секретарша вышла. Юрченко поднял руки и скомандовал остальным:

— А теперь — все по своим местам! Жмите на торги, на должников, на строителей, жмите и не слезайте, иначе Павлищев придет — всем будет плохо!

Когда они остались вдвоем, Баженов сказал:

— А теперь главная новость. Обком назначил комиссию — будут разбираться в наших делах.

— Та-ак,— озадаченно откликнулся Юрченко.— Дождались... Похоже, что конец — прикроют наш славный эксперимент. А жаль...

— Да? А я, между прочим, думал, что это с вашей подачи.

— А вот это вы зря. Я не Званцев, я не враг Павлищеву.

— Званцев был тоже ему не враг, просто думал не совсем так. Впрочем, почему был, он живой...

— Живой,— покачал головой Юрченко.— Чем так, уж лучше не жить. Водят, как маленького за ручку... А впрочем, это не наше дело — я в их спор не вникал. Я лично хочу только хорошего. Нет, правда, еще немного — и была бы у нас отличная фабрика, продукцию нашу рвали бы из рук! — Он открыл ящик стола и вынул пару новеньких полосатых кроссовок.— Мечта!

— Вы так и на комиссии скажете? — с вызовом спросил Баженов.

— А вот это не знаю. Какие будут вопросы... Комиссия, Александр Ильич, это всегда стихия, а разве стихию предсказать можно?

Секретарша вошла опять, принесла на подпись бумаги. Юрченко прилежно, со вкусом ставил свои автографы. Покончив с бумагами, он спросил:

— Кстати, в этой комиссии — кто там будет командовать, вы узнали?

— Какой-то Гращенко, что ли... Новый завпротомделом.

— Новый... Это плохо — не подберешься...

— Не стоит помирить раньше времени. Павлищева в один глоток не проглотить.

— Как сказать... В положении об эксперименте есть один коварный параграф. Вы давно перечитывали?

— Давно.

— А я недавно — вчера, на ночь... Параграф двадцать второй. В случае хронической нерентабельности... что-то там еще про кредиты... банк имеет право поставить вопрос о замене на фабрике руководства... Руководства — понятно вам? Мы с вами тоже не рядовые. Мы втянуты, втянуты в шестеренки! — Он прошелся по кабинету.— Надо что-то делать, предпринимать: бездействие — опасней всего! — Он открыл дверь в приемную: — Надежда Ивановна, соедините меня с банком, с Ефимовым.

Банк размещался в ампирном особняке. Полукруглый кабинет Ефимова выходил окнами в старый парк. Сильные порывы ветра забрасывали на балкон желтые листья. Ефимов, облокотясь на озорную загородку, смотрел вниз на мокрую цветочную клумбу. Рядом стояла Зоя Сергеевна, заведующая кредитным отделом.

— Если б они смогли продержаться еще месяца два,— сказал Ефимов.— Потом, на оптовой ярмарке, они наконец предьявят свой главный козырь — кроссовки — и заказы пойдут. Ливнем посыпятся...

— Или да, или нет,— вздохнула Зоя Сергеевна.— Пока еще кроссовок не видно, одни обещания...

— Надо быть оптимистами,— ответил Ефимов,— другого выхода нет... Значит, нужно сто двадцать тысяч рублей сроком на три недели. Допустим, кто-то им расщедритца на аванс под нашу гарантию или ссуду...

— Вот же отдел балансов вам предложил идею...

— Это предложение незаконное. На это мы не пойдем. Только что-нибудь вполне безупречное... Искать и искать.

Внизу, по сырой аллее, женщина вела под руку старика. Старик опирался на палку и волочил ногу. Ефимов рассеянно проводил их взглядом. Из кабинета донесся зуммер, молодой голос сказал:

— Владимир Иванович, вас просит Юрченко с обувной фабрики.

Ефимов поморщился:

— Сейчас начнет страховаться, имитировать деятельность... — Он прошел в кабинет. — Слушаю. Ефимов, — сказал в трубку.

Юрченко начал с высокой ноты:

— Владимир Иванович, так нельзя! Это ни в какие ворота! Очень просим еще раз проверить — может быть, ошибка в счетах, в каких-то ваших бумагах...

— Ошибки никакой нет, — ответил Ефимов. — К сожалению... Мы только что еще раз проверили, — он протянул руку, и Зоя Сергеевна подала ему пачку бумаг. — Вы рассчитывали получить шестьдесят пять тысяч рублей от Барнаульского торгового дома? Но он отказался от вашей обуви, акт пошел в арбитраж. Это первое. И второе: за моторы и транспортеры из Киева перечислено вчера сорок тысяч. Вы их торопили, просили — вот они и отгрузили досрочно. Трех тысяч еще даже и не хватило. Так что, Сергей Васильевич, в бумагах ошибки нет.

— Все равно так нельзя! — продолжал возмущаться Юрченко. — У нас полторы тысячи рабочих! Я буду жаловаться!

— Кому жаловаться, Сергей Васильевич? — кротко спросил Ефимов. — Жаловаться нам некому. Мы вступили в эксперимент добровольно, взяли на себя всю ответственность. На себя! — подчеркнул он твердо. — Не забывайте...

Баженов шел по узкому застекленному переходу и свернул в пошивочный цех. На стеллажах и столах стояли рядами мужские полуботинки, лежали грудями на полу неказистые сандалеты. Везли на тележках картонные обувные коробки, рулоны грубого полотна. Все, кого Баженов встречал, смотрели на него с молчаливым вопросом.

В светлой комнате «красного уголка» фабричный художник Гера что-то изображал на бумаге. Баженов прочел: «Объявление. Сегодня и завтра по вине банка зарплата выдаваться не будет. Бухгалтерия».

Гера был парень старательный, но, видимо, не слишком толковый: объявление было многокрасочным, ярким, с пестрой игровой рамочкой, издали напоминало афишу какой-то модной рок-группы. Баженов разорвал лист и сказал:

— Записывай новый текст: «Дорогие товарищи! Выдача зарплаты задерживается. На счету фабрики нет денег. Администрация принимает срочные меры, чтобы в самые ближайшие дни выдать зарплату полностью. Дирекция. Партком.» Записал? Нарисуешь все одним цветом, без всяких твоих ромашек.

Гера, обидевшись, проворчал:

— У каждого свои вкусы. Званцев, тот всегда требовал: повеселее, Гера, повеселее...

— Да? А что ты ему писал?

— Всякое писал: «Все на демонстрацию, как один!», «Все на субботник!».

— Что же ты, голова, — усмехнулся Баженов, — разницу сам не видишь?

Гера пожал плечами и принялся за работу. Но вдруг спросил:

— Александр Ильич, а директору уже известно о наших делах или он загорает в неведении? Народ интересуется.

— Интересно?

— Да.

— А что именно говорят?

— Говорят, что без Павлищева ни черта денег не будет. Потому что не заработали. Павлищев, — Гера подмигнул, — сами знаете...

— Что?

— Он пойдет к управляющему банком Ефимову, а они давние корешки, с детства дружат. Без этого в наше время... Вы что, маленький, что ли?

— Н-да, — Баженов покачал головой, — хорошие у тебя представления... А все-таки спасибо — напомнил. Вот тут допиши: «Директор фабрики Павлищев отозван из заграничной командировки». Кстати сказать, ему там вовсе не до загара. Вот так, заруби на носу. Он технику для нас добывает, литьевые машины.

Жаркое солнце, пляж, переполненный загорающими. Это остров Маргит в Будапеште, блаженное место развлечений и отдыха. В перспективе видны нависшие над Дунаем мосты, высотные здания гостиниц и памятники.

На мелкой розовой гальке, подстелив махровое полотенце, сидели Павлищев и Губкин, главный механик фабрики. Павлищев — крупный, крепкий мужчина, круглое живое лицо, ежик седых волос. Губкин — худощавый, спортивный, с модными чумацкими усами. Рядом с ними в полосатом шезлонге покоилась загорелая девица, рассматривала иллюстрированный журнал.

— О, святой король Матиаш! — с досадой проговорил Павлищев. — Сколько же можно плавать? Может быть, она утонула? Магда, — обратился он к девице с журналом, — не пора ли идти на помощь?

Магда поднесла к глазам часики и сказала с сильным акцентом:

— Товарищ Гелена Варени будет плавать еще шесть минут.

— Да? Почему такая точность?

— Она плывет туда и обратно обязательно пятнадцать полос. Это ее дистанция. Вы, возможно, не знаете — товарищ Гелена Варени не только конструктор, она — чемпион.

— Господи,— оживился Губкин,— сколько достоинств в одной хрупкой женщине! Чемпион чего — Венгрии?

— Чемпион нашего профсоюза «Варгак». По вашему выражаясь,— «Сапожник».

— Варгак — сапожник,— невесело повторил Павлищев.— Все одно слово выучили. Тоже не плохо, все-таки какая-то польза.

— Знаете что, Николай Михайлович...— вдруг сказал Губкин хмуро.

— Знаю. Ты сейчас скажешь, давайте бросим все к черту — возьмем, что дают, и домой!

— Правильно. Давайте, честное слово, возьмем эту третью модель. Дома переберем, смажем, подварим. Года два еще поработает.

— Ты, Губкин, когда-нибудь в своей жизни тонул?

— Как — тонул?

— Обыкновенно — в воде.

— Нет.

— Ну и не тони, не советую. Обязательно потонешь, не выплывешь.

— А вы что — часто тонули?

— Я — часто. У меня, Губкин, другой недостаток: я уже и на дне лежу, утопаю, а все-таки еще булькаю. До крайнего конца, до предела. Иначе не могу, не умею... Магда, сколько еще минут?

— Еще три.

— Много... Значит, чемпион, говоришь? Ну, еще что-нибудь расскажи. Какие любим цветы, какую музыку, какое вино? Чем интересуется в жизни?

— Она любит нарциссы, курит сигареты «Салем»... Она интересовалась вчера, каким спортом занимается товарищ Губкин.

— Правда? — вскинулся Губкин.

— Да, правда. И еще — товарищ Губкин женат или нет?

— О! — Павлищев заволновался.— Это ценная информация! Смотри у меня, Губкин, смотри! Максимум внимания к нашим торговым партнерам! И максимум теплоты! Но мы не можем взять третью модель «Флоры», третья — это вчерашний день! Нам необходима четвертая — хотя бы два автомата. Но как и с чем подойти...

— По-моему, лучше всего подойти к ней вот с этим,— серьезно сказала Магда и протянула яркий махровый халат.— Вон Гелена уже идет, и я думаю, ей будет приятно.

Павлищев резво поднялся с места, но Магда его мягко остановила:

— Я думаю, пускай лучше товарищ Губкин.

С открытой веранды кафе был виден весь город. Внизу, по Дунаю, мимо зеленого острова плыли белые пароходы. Гелена Варени, энергичная маленькая брюнетка с голубыми глазами на загорелом лице, показывая рукой, что-то быстро и весело говорила. Магда перевела:

— И тогда святой Тибор уперся спиной в берег, а ногами в скалу и свалил ее вниз. Так получился остров. Это мне рассказывала моя старая бабушка, в книжках вы не прочтете... Но, кажется, товарищ Павлищев не слушает? Ему это не интересно?

— Слушаю, слушаю,— уныло возразил Павлищев.— Ногами... Очень поучительная история...

Гелена опять стала что-то весело говорить, и Магда перевела:

— Когда Гелена была в командировке у вас, ее пять дней возили по достопримечательным местам и рассказывали много интересного. Она думает, что так принято.

— Послушайте, дорогая Гелена,— сказал Павлищев плаксивым голосом.— Простите меня, пожалуйста, мне совсем не до этого. Вы обещали подумать, что можно для нас сделать. Я надеялся, что улечу домой в пятницу, а сегодня уже среда! У меня дома, на фабрике, очень сложное положение, а я надеялся, что договорюсь с вами... А легенду про этот остров я впервые лет сорок без малого здесь слышал, когда прекрасной Гелены Варени, вероятно, еще не было и в проекте...

И Магда, улыбаясь, все это пересказала Гелене.

Гелена с интересом слушала Павлищева.

— Мой отец здесь воевал в сорок пятом. Он врач... потом в госпитале работал. Я летом к нему на каникулы приезжал. Вон там, у того моста, чуть мальчишкой не утонул. Но это все лирика.

А Гелена нахмурилась и, подумав, сказала:

— Это не лирика. Это меняет дело... Давайте спустимся вниз.

...Она вела машину уверенно и курила. Проехали мост, промчались через центр к окраине. Здесь она обернулась к Магде и что-то ей объяснила. Магда перевела:

— Вы хотите «Флору-четыре» — это правильно. Но их еще мало, выпускаем пять-шесть автоматов в месяц. Их покупают у нас и зарубежные фирмы и платят валюту. Вы понимаете, что это такое...

...Машина остановилась у огромного стеклянного коргуса. Гелена что-то сказала Магде.

— Гелена сейчас познакомит вас с одним человеком. Это главный инженер фирмы. В детстве, в сорок пятом, он подорвался на mine, в нашем госпитале ему спасли жизнь. Он часто вспоминает об этом. Гелена надеется, что он захочет помочь вам, в память о прошлом.

Они вышли из машины.

Председателем комиссии обком назначил Павла Егоровича Гращенкова, человека средних лет, спокойного, неулыбчивого, с шеей и фигурой борца. За его спиной, у окна, сидели еще два члена комиссии, но они преимущественно молчали. Напротив Гращенкова, за столом, сидели Баженов и Юрченко.

— Вы понимаете, что положение на фабрике чрезвычайное и времени у нас мало? — спокойно начал Гращенков.

— Да, конечно, — согласился Юрченко. — Но я хочу доложить, что мы не бездействуем, мы принимаем меры.

— Хорошо. Об этом потом. Я человек у вас в области новый, мне придется уяснить очень многое, поэтому и вынужден по порядку. С самого начала, как говорится. Прошу мне в этом помочь.

— Да, да, пожалуйста...

— Мне уже сообщили, что до начала эксперимента, то есть три года назад...

— Извините — два года. Эксперимент длится два года.

— ...два года назад фабрика была на хорошем счету.

— Да, в числе лучших в нашем республиканском главке. Дважды мы получали знамя и каждый год премии, — не без гордости заметил Юрченко.

— Директор фабрики Павлищев награжден орденом «Знак Почета»... — поддержал его Баженов.

— Да, к юбилею. Ему стукнуло пятьдесят.

— Чем же тогда вызваны перемены? Я имею в виду затею с экспериментом? — задал вопрос Гращенков.

— Это вопрос не простой, — не сразу ответил Юрченко. — И вообще не по адресу. Идея эксперимента принадлежит управляющему банком Ефимову и нашему директору Павлищеву. Они его добивались, отстаивали, они сумеют объяснить лучше. Директору фабрики послана телеграмма, он должен вот-вот вернуться. Я думаю, даже завтра. А я... я обязан признаться, что с самого начала не был уверен... Впрочем, имеются документы... — он вынул из портфеля тоненькую красную папку.

— А вы, товарищ Баженов? Вы секретарь парткома, не так ли?

— Да, с прошлого года. До этого я работал технологом.

— Так... С прошлого года... Значит, тоже обосновать не сумеете — правильно я вас понял?

— Почему, я могу... Хотя каждый, я думаю, будет отвечать вам по-своему.

— Ну, пожалуйста, — предложил Гращенков.

— По-моему, — начал Баженов, — задача эксперимента заключается в том, чтобы все наконец стали работать с полной отдачей сил. И чтобы каждый получал по труду: справедливо, без приписок. В этом суть... Хотя я тоже считаю, что лучше всего вам смогут ответить экономисты. Например, тот же Ефимов — он в городе, его легко пригласить...

Один из молчавших до сих пор членов комиссии, работник областного финансового отдела Цирин, подал реплику:

— Ну ясно, теперь все начнут прятаться по кустам.

— А вот кусты совсем не при чем, — запротестовал Баженов. — Вы хотите разобрататься, вы так сказали? Тогда у меня есть предложение — могу кое-что показать. Сами поймете, когда увидите... На машине туда и обратно — не больше часа...

— Ну что ж... Давайте посмотрим, что вы покажете.

Обувная фабрика в Будапеште. Уютный цех, со сводами и витражами.

Павлищев с часами в руке стоял у литейного автомата и жадно смотрел. Каждые восемь секунд на лоток падала розовая кроссовка. Звоночек, восемь секунд — и еще одна, и еще...

Магда сидела в стороне на низеньком стульчике и читала журнал. Откуда-то из глубины цеха появилась Гелена. Подошла к Павлищеву и, подозвав Магду, устало сказала:

— Придется подождать еще несколько дней. Николь Ференци вчера вылетел в Вену.

Унылая местность где-то в районе железнодорожной товарной станции. Длинная шеренга складских барakov. Машина Гращенкова подъехала к одному из них и остановилась у лужи. У дверей склада стояла тетка в дождевике и еще некий чин из местной охраны с кобурой на ремне.

Баженов подошел к ним, показал удостоверение. Тетка в дождевике стала с большим трудом отпирать огромный замок. Все

протиснулись в маленький сырой тамбур. Дальше двигаться было некуда: склад от пола до потолка был забит коробками с обувью.

— И еще на других складах столько же. Наша продукция прошлых лет, — показал рукой Баженов. — За это мы получали знамена и премии. — Он сунул руку в толщу коробок, словно в стог сена, и вытащил мужской черный полуботинок. — Вот, пожалуйста, цена шестнадцать рублей. Можете купить в любом магазине. Гарантирую — в очереди стоять не придется. А придет срок, все это спишут и темной ночью вывезут на свалку.

Гращенков подержал полуботинок в руках и, передав другим, спросил:

— Как же вам позволяли производить такое, да еще в большом количестве?

— Не только позволяли, планировали, — ответил Баженов. — Обувь соответствует ГОСТу, а покупатель не берет. В торговле ее за это «чумою» называют. Теперь понятно, чем была вызвана необходимость перемен?

Солнце било в окна отеля. Павлищев сидел на кровати с телеграммой в руке, Губкин стоял у двери.

— Вот так, — сказал Павлищев. — Где тонко, там и рвется. И так всю жизнь — не хватает пяти минут... Ну что делать — ехать или не ехать?

— Вы хотите знать мое мнение? — спросил Губкин.

— Конечно. С кем же посоветоваться еще? Жена далеко.

— Хотите спросить мое мнение и сделать наоборот?

— Почему? Откуда ты знаешь?

— У вас такой принцип — все на фабрике раскусили. Некоторые даже пользуются, идут к вам с каким-то вопросом, а им советуют: «Ты скажи: так и так, а он — то есть вы — решит как раз поперек. Так на так и получится».

— Неужели? А я и не знал...

Губкин вздохнул:

— Мое мнение — вам надо остаться. Сделаем вид, что телеграммы никакой не было. Через несколько дней решится вопрос о «Флоре», и тогда — самолетом... Ничего, подождут.

— Правильно, — сказал Павлищев. — И я так считаю. Точно так же, как ты... Ишь, додумались — телеграмму! Мудрый твой совет, Губкин... Умница, умница... — Он прошелся по комнате, постоял у зеркала, задумался. — Да... Только сделать придется наоборот... Черт меня побери, я хочу слушать всех, учитывать все советы, но

как быть, если все вы порете ерунду?! Как же не ехать, Губкин, если до телеграммы дошло? И две подписи... Баженов не паникер, зря сигналить не станет. Ни черта они без меня там не решат!

Он посмотрел на часы, быстро достал чемодан и стал нервно укладывать вещи.

Очередное заседание комиссии проходило в том же составе. Только теперь за столом напротив Гращенкова сидел Ефимов.

— Владимир Иванович, пожалуйста, изложите нам суть эксперимента. Если можно, яснее.

Ефимов пожал плечами:

— За эти два года столько уже писалось... По-моему, растолковали каждому школьнику.

— Видите ли, Владимир Иванович, я человек в области новый. Именно поэтому, как я полагаю, обком поручил мне во всем разобраться, чтобы не было никаких прежних пристрастий. Ведь у вас ломались копыя? Было много противников...

— А как же. Противников и сейчас хватает... — Ефимов выразительно посмотрел в сторону Цириня и слегка ему иронически поклонился.

Цирин принял вызов:

— Но события, по-моему, подтверждают...

Гращенков неожиданно рассердился:

— Прошу по порядку! Мне необходимо понять замысел эксперимента, каким он вначале виделся!

— Пожалуйста, — начал излагать суть дела Ефимов. — Фабрика заключает договор с банком, получает кредиты для реконструкции. Срок договора — два года, ссуда дается на льготных условиях и в большем объеме, чем обычно. Кроме того, помогаем ей фондами, насколько это возможно, и оказываем прочие услуги.

— Божий рай, а не жизнь, — съязвил Цирин.

— Пожалуйста, продолжайте, — поддержал Ефимова Гращенков.

— Дальше самое главное. Через два года обновленная фабрика должна жить полностью за свой счет. Что сумеет продать — с этого и все заработки. Если обувь хорошо продается, всем хорошо — от директора до рабочего: заработок заметно растет.

— Да, это они успели. Все оклады повысили, — перебил Цирин.

— Это верно? — уточнил Гращенков.

— Да, — подтвердил Ефимов, — с начала эксперимента оклады руководителей, как и заработки рабочих, выросли в среднем на восемнадцать процентов. А как же ина-

че? Реконструкция — дело трудное, рабочие могли разбежаться. Да и хороших специалистов как-то нужно привлечь. Впрочем, у кого-то заработки и снизились. Идет борьба с уравниловкой.

— Ну, допустим... — вникал Гращенков. — Прошу вас дальше.

— Я уже говорил: в зависимости от сбыта заработка растут или падают. Если покупателям обувь не нравится, если она остается на полках, коллектив отвечает своим карманом, зарплата соответственно уменьшается. Может дойти до минимума... Подчеркиваю: через два года банк не имеет права давать кредит на зарплату. Ни копейки. В этом суть, это записано в Положении... Так что, как видите, пышки и шишки уравновешены!

— Владимир Иванович, — раздумчиво протянул Гращенков, — скажите, пожалуйста... вы считаете, что это правильно?

— Что именно? — не понял Ефимов.

— А вот это все... шишки и пышки. Ваш эксперимент, я имею в виду.

— Павел Егорович, я автор эксперимента... Извините, так меня называют...

— Хорошо, я спрошу вас иначе: коллектив принял эти условия?

— Я знаю, что условия обсуждались, — неопределенно ответил Ефимов.

— Как же, — усмехнулся Цирин. — Даже голосовали. Как в английском парламенте... Впрочем, некоторые уволились.

— Да, в цехах обсуждали, голосовали, — подтвердил Баженов. — Восемь человек засомневались, уволились. Включая одну уборщицу.

— Остальные остались ждать больших денег. Им ведь обещали... — развел руками Цирин.

Возбужденный Ефимов парировал:

— Мы обещали только одно: деньги будут платить за добросовестную работу. За качество, за поиск, за новизну. И людям это понравилось! Они это приняли! — Он перевел дух. — А всякие попытки как-то исказить и принизить... Опорочить задним числом...

— Спокойно, спокойно, — прервал его Гращенков. — У вас всё? Вся теория?

Ефимов вскочил с места:

— Как это вся?! Не вся, конечно, но главное! Я могу на эту тему прочитать целую лекцию — два академических часа, а если хотите — спецкурс! Вот у меня здесь, в папке... — Он вытащил из «дипломата» зеленую папку. — Вы спрашивайте, если что-нибудь непонятно.

Тут проявил волнение еще один член комиссии — Будашкин:

— Как же так, Владимир Иванович! Вы же главного не сказали! Я директор

завода, я завистью исхожу, наблюдая за фабрикой Павлищева... Я вам скажу, что главное, самое ценное в вашем эксперименте. Вы же развязали им руки! Они сами выбирают продукцию, сами нанимают людей и платят им по заслугам. Они строят то, что им нужно! За два неполных года — два новых цеха, два жилых дома... У меня денег хватает, а построить ничего не могу! Потому что реально хозяйственные права...

Цирин подошел к столу:

— Вот-вот... Вот оно выплывает! Разрушение планового начала, бесконтрольность, анархия — вот что значит этот эксперимент! И результат налицо — рабочие без зарплаты!

— Сядьте, — тихо, с выдержкой сказал Гращенков. — Я всех прошу сесть. Значит, так, на сегодня достаточно. Если можно, — попросил он Ефимова, — оставьте мне, пожалуйста, вашу папку. И очень вас прошу, Владимир Иванович, подготовьтесь к нашей следующей встрече. Нам необходимо понять, почему такие блестящие начинания...

— ...привели фабрику к катастрофе! — перебил Цирин.

Гращенков сделал паузу, потом сказал: — ...привели к таким затруднениям. Не скрою, судьба эксперимента во многом зависит от наших с вами ответов.

Ефимов положил на стол зеленую папку и сказал:

— До свидания.

Павлищев дремал в самолетном кресле, прикрыв лицо от света газетой. Сначала ему мерещилось что-то пестрое, бегущее назад и мелькающее. Потом он увидел, что мчится куда-то в маленьком автомобиле Гелены. Магда сидела рядом с водителем, а водителем был Ефимов. Обернувшись назад, он грозил Павлищеву кулаком, и лицо его было мрачным и непреклонным...

Павлищев тряхнул головой, оглянулся. Рядом в кресле, завернувшись в платок, спала маленькая старушка, стюардесса проплыла по проходу... Он встал, прошел в хвост салона. Что-то в нем всколыхнул этот нелепый сон.

Он отрешенно смотрел в иллюминатор...

Ленинские горы. Яркий морозный день. Ефимов и Павлищев, в шапках с опушенными ушами, обозревают панораму Москвы.

— Страшноато, Коля... — Ефимов взволнован. — Правда, по-настоящему страшно. Хорошая работа в Москве, перспективы...

Года через три, возможно, сделаю докторскую... И все ломать, все сначала?

— Я понимаю,— ответил Павлицев серьезно.— Риск есть, это не статейки кропать... Зато и слава другая! Творчески мыслящий ученый написал выдающуюся статью с новыми идеями. Мало того — нашел группу единомышленников, добился разрешения на настоящий, солидный эксперимент и поехал в глубинку осуществлять. Оставив столицу! Звучит? Красиво звучит! Полноценный мужской поступок!

— Ну, половина здесь твоего. Пробил ты, единомышленник — тоже ты...

— Это не важно, это останется между нами.

— Страшновато, Николай. И все еще не верится. У меня тут спросили коллеги: как это тебе удалось? А я толком и сам не знаю. Такой, говорю, человек броневой...

— Ну как? Авторитет! Фабрика в числе лучших. С замминистра ездил в Чехословакию, взял с собой твою статью и жужжал ему в уши — вот и весь фокус, в основном... Всего не упомянешь...

Павлицев прошел в салон, сел в кресло. Беспокойные мысли тревожили его.

...Они оказались в комнате, за праздничным столом. Были какие-то гости, мелькала жена Ефимова. Павлицев шумел:

— Что докторская, чепуха — докторская!.. О тебе самом писать станут: метод Злобина есть? Метод Ефимова — будет!

Ефимов сидел тихо, понуро.

— О, господи,— горестно вздохнул он.— Все это не то, не то... Совсем не то, Николай Михайлович, говоришь...

— Скажи ты,— добродушно разрешил Павлицев.— Я послушаю, поучусь...

— Ну, сказал бы, например, что нам надо выяснить... Выяснить, черт побери, можем мы что-нибудь в этой сфере или никогда и никак?! Выяснить, испытать! Проверить две-три идеи! Ради этого, может быть...

— Прекрасно! — подтвердил Павлицев.— И я с тем же, у каждого своя лексика...

Ефимов отодвинул от себя тарелку, негромко спросил:

— Слушай, а ты сам-то мою статью хорошо прочел или нет? Тебе самому не страшно? Там ведь такое есть... Все места уяснил?

— Ты про что? — спросил Павлицев.

— Про что? Про банкротство. Если прогоришь, то слетишь. В дворники пойдешь, в кокегары. Раньше полагалось пулю в висок, а теперь, видишь, мягче...

— Где это там? — нахмурился Павлицев.

— Где? — Ефимов достал с полки журнал, полистал: — Вот. «Более широкая свобода инициативы требует и более суровой ответственности, ответственности реальной, неотвратимой. Полезно в какой-то форме возродить жесткий термин «банкрот» — хотя бы в служебном и психологическом плане»... Ну, так как — не боисься?

Павлицев разозлился, побагровел, глаза его сузились и приобрели острое выражение. Он наклонился к Ефимову и сунул ему под нос тяжелый кулак:

— Я? Прогорю? Вот!.. Я за такие шутки... Я работать умею, двадцать лет опыта! У меня все продумано, сотня идей вот здесь. Только руки мне развяжи, завалю страну отличной обувью, перестанете гоняться за импортом!

Летит самолет. В салоне зажглось табло: «Внимание! Пристегните ремни!». Зажурчал голос стюардессы: «Товарищи пассажиры, наш самолет пошел на снижение...»

Хмурое осеннее утро, дождь. По тротуару, усыпанному желтыми листьями, озабоченно, подняв воротник плаща, шагает Ефимов. Подошел к дверям банка, стряхнул воду со шляпы, вошел.

Дежурный милиционер почтительно кзырнул.

Миновал кассовые и счетные залы, Ефимов прошел к себе в кабинет, повесил на вешалку мокрый плащ, сел к столу. Подумал с минуту и, невесело вздохнув, нажал кнопку селектора.

— Здравствуйте, Зоя Сергеевна, это Ефимов. Посмотрели перечисления? Обувной фабрике что-нибудь привалило?

— Здравствуйте, Владимир Иванович. Смотрела. Есть кое-что, но мало. Из Иркутска семь тысяч, из Челябинска две. Тут по мелочи три тысячи наскребли — за аренду дома культуры, с вторсырья...

— Двенадцать? Мало. Но все-таки... Скажите, чтобы продолжали искать. Пусть заново просмотрят счета, перевернут картушку... И вот что, через час зайдите ко мне. И юриста нашего захватите. Всю группу эксперимента.

Большой светлый цех, в котором еще повсюду видны следы неоконченного строительства: на полу обрезки электропровода и ящики с крепежом, множество стремянок вдоль стен. Но видно, что оборудование уже установлено: с одной стороны станки выстроились в строгую линию, с другой — в шахматном порядке попарно. И всюду, на всех участках, работали люди. Бегали с щетками, с ведрами, тянули вдоль карнизов проводку, счищали со станков защитную смазку.

Баженов и Юрченко сопровождали комиссию и по очереди, то один, то другой, непрерывно что-нибудь объясняли.

— Главная идея такая,— сказал Баженов,— несколько совершенно независимых линий. И резервные участки к тому же. Цель простая: чтобы по сигналу торговли можно было быстро сменить модель. Весь цикл замены — не больше четырех дней!

Гращенков спросил:

— А раньше, до эксперимента, сколько уходило на это дней?

— Ну,— махнул рукой Юрченко,— раньше мы не считали...

— В среднем уходило полтора месяца, это — без разного рода согласований,— ответил Баженов.

— Хорошо,— одобрил Гращенков.— Впечатляет.

...Другой цех — модельный — отличается особым порядком. Над каждым верстаком отдельная лампа на гибкой ножке, разные лекала. На полках множество деревянных колодок, каждая обернута в целлофан.

— Этого цеха у нас вообще не было,— объясняет Баженов.— Добывали колодки по всей стране, по крохам выпрашивали, сплошное мучение.

— А без хороших колодок,— поспешил вставить Юрченко,— сами понимаете, настоящей обуви быть не может!

— Зато теперь,— продолжал Баженов,— у нас свои виртуозы... Разрешите представить Витас Янович, мастер. Согласился к нам переехать из Каунаса.

— Не жалеете, что переехали? — пожимая руку, спросил Гращенков.

Тот ответил неторопливо, серьезно:

— Нет, не жалею. Хорошие условия, многообещающие возможности эксперимента...

...Когда вышли из цеха, Цирин спросил: — Сколько он у вас зарабатывает?

— Хорошо зарабатывает,— осторожно ответил Юрченко.— У нас все мастера довольны...

— Витас Янович получает персональный оклад,— сухо сообщил Баженов.— Четыреста рублей с лишним. И премии. Зато

мы теперь промышляем своими колодками на стороне — меняем их на лучшую фурнитуру.

— Хорошо,— сказал Гращенков.— Эффективно.

Цирин сорвался:

— И кто это вам все разрешает?

— Банк,— ответил Баженов.— Согласно правилам эксперимента...

...Потом шли через двор, изрытый ямами и траншеями. Баженов показывал:

— Здесь у нас учебный участок. Учим бригады работать на кроссовочном автомате. Есть у нас один старый-престарый. Ожидаем новые из Венгрии.

— А это что? — спросил Цирин, указывая на массивную кирпичную новостройку без окон и без крыши.

— Это тоже производственный корпус. Вторая очередь. Временно остановили, законсервировали.

— Почему? — спросил Гращенков.

Юрченко робко развел руками:

— Не могу вам точно ответить. Это все в компетенции Павлищева.

— Вот,— усмехнулся Цирин.— Вот сюда бы нас сразу и привели! Здесь они, ваши денежки!

В кабинете Ефимова были люди. Сидели свободно вокруг низкого, круглого стола.

— Прошу вас, Татьяна Павловна,— кивнул Ефимов.

Молодая женщина, в толстом свитере, с гладкой строгой прической, несколько смутившись, сказала:

— Боюсь, Владимир Иванович, что мы вас разочаруем.

— А все-таки...

— Вы предупреждали, чтобы все было стопроцентно законно.

— Да.

— Ничего безупречного и кристального мы изобрести не смогли. Что-нибудь приходится нарушать. Но достаточно безопасно, так сказать, в пределах обычного...

— Нет, на это мы не пойдем.

— Разрешите тогда вопрос,— кашлянул в кулак аккуратный молодой человек, рано польсевший.— Почему, собственно, не пойдем? Меня это очень интересует.

— Мне не до шуток, Борис Витальевич.

— А я не шучу, мне действительно очень важно понять: из щепетильности или из высших соображений? Я по вашему заданию пыхтел с документами двое суток, нашел несколько неплохих комбинаций, которые могут разубить узел и принести пользу людям. Живым и реальным людям, Владимир Иванович... Конечно, есть некий

риск — вы этого опасаетесь? Я готов взять на себя...

— Я вас прошу еще раз — будьте серьезнее.

— Я серьезно! — не мог остановиться Борис Витальевич. — Вот, например, тысячу восемьдесят можно переписать со стройтреста — переплату по второму кварталу. Там есть зацепка — не хватает одного документа. Они спохватятся в конце года и, конечно, поднимут шум — и тогда мы вернем. А два месяца деньги у Павлищева! Жизнь — не инструкция, Владимир Иванович!

— Жизнь — не инструкция, это верно! — вспыхнул Ефимов. — А эксперимент — не игрушка! Я уехал из Москвы и взвалил этот груз, чтобы честно, точно проверить... Кроме инструкций, Борис Витальевич, есть научные принципы! Возможно, это последнее в этом мире, на что еще можно как-нибудь опереться. В эксперименте нельзя фальшивить, понимаете или нет?

— Ну а я не ученый! — вспыхнул молодой человек с лысиной. — Я из жизни, я практик... Разрешите идти, у меня много работы! — Он пошел к двери и с порога сказал: — У меня мать на обувной фабрике заготовщицей.

У открытой балконной двери молча курил высокий сухопарый старик с узкой седой бородкой — юрист банка Ольминский. Из парка доносились голоса детей. Ефимов попросил закрыть дверь на балкон.

— Вы меня пригласили, — сказал Ольминский, — стало быть, хотели что-то услышать?

— Да. Но вы промолчали.

— У меня есть что сказать. Но мне кажется... Я могу откровенно?

— Боже мой, что за пафос, — устало вздохнул Ефимов. — Я вас слушаю.

— Это не пафос, а осторожность. Мне показалось, что есть советы, которых вы не хотели бы слышать...

— Вот как? — слегка смутился Ефимов. — Почему вам так показалось?

— Я говорю о двадцать втором пункте. Вот текст Положения...

— Не надо, я помню, — досадливо перебил Ефимов. — Вы хотите, чтобы я поставил вопрос...

— Да. О снятии Павлищева. Тогда, в соответствии с Положением, новому руководству можно будет открыть новый кредит...

— Как вы легко...

— Это не моя идея, а ваша. Еще в вашей первой статье...

— Я помню, помню... Ввести термин «банкротство», — он усмехнулся. — И выдать каждому директору револьвер...

— Дело не в револьвере, Владимир Иванович. А идея эта серьезная! Идея объективной вины, независимой от наших симпатий... В прошлом купец Абдулин, у которого всего капитала было триста рублей, твердо знал, что ошибиться в расчетах у него права нет. Ошибся, значит, все — вылетай! Поэтому днем и ночью считал, десять раз обдумывал каждый шаг... А у нас? Просчитался на два миллиона — ничего, банк добавит. На карьере это не скажется. Для нее важно совсем другое — умение хорошо выступать, готовность подхватывать и поддерживать...

— Слушайте, — возмущился Ефимов, — что вы мне мое пересказываете? Да, писал, бумага все терпит. Если бы я знал и предчувствовал!

Ольминский вежливо поклонился:

— Вы меня пригласили, я высказал... Можно еще два слова?

— Пожалуйста, Евгений Андреевич, я же вас не гоню.

— По моему разумению, Владимир Иванович, вопрос стоит так: или прекращение эксперимента, или то, что я предложил. От всяких махинаций вы отказались и правильно поступили. Ваши противники и оппоненты в Москве это сразу обнаружат. Так что выбора, мне кажется, нет.

— Я знаю, — сказал Ефимов. — Не во мне вовсе дело. Идею жалко... Говорят, за всю жизнь к человеку приходит всего несколько дельных мыслей, по-настоящему свежих и собственных.

Ольминский подошел ближе.

— Я хочу вам сказать, Владимир Иванович, может быть, это вас укрепит: у вас масса сторонников. Мы получаем письма со всей страны...

— Я сам получаю. — Ефимов перебрал несколько писем: — Вот, пожалуйста: Караганда, Новгород, Омск... Ну и что, Евгений Андреевич, ну и что? По-разному люди думают, ой по-разному!..

Шел нудный осенний дождь. Андрианов прошел под навес перрона, закрыл зонтик. Поезд прибыл, первые пассажиры шли по перрону. Вскоре показался и Павлищев.

— Николай Михайлович! — помаhal Андрианов.

Они поздоровались за руку, Андрианов взял у директора один из двух чемоданов. Павлищев спросил:

— Ты с машиной?

— Нет, — сказал Андрианов. — Я хотел, чтобы мы без всех... Чтобы вас, так сказать, сразу в курс дела...

— Ну, пойдем потолкуем,— сказал Павлищев и кивнул в сторону вокзала.

Они стояли у высокого столика, пили пиво.

— А какая цель у этой комиссии? — продолжал начатый разговор Павлищев.— Кто-нибудь объяснил?

Андрианов сделал значительное лицо, указал куда-то вверх:

— Дал им одну неделю. Сказал, чтобы перебои с зарплатой были в последний раз. В противном случае, всех снимать или...

— Что или?

— Я не знаю, что «или»... Ничего для нас с вами хорошего... Знаете ведь, сигналы вверх идут. Есть такой сорт людей — чуть где прижмет, сразу шлют сигналы.

Павлищев стоял насупившись.

— Ну и что? Мы с тобой в чем-нибудь виноваты? Ты честно скажи, возможно, я чего-то не знаю. А? Какой-то «химии» за тобой. Может быть, к рукам прилипало?

— За нами ничего нет, никакой «химии», в этом, Николай Михайлович, можете быть уверены. Вы знаете, у меня уже был урок, я запомнил...

— Чего же тогда боишься?

— Всякое может быть — в одиночку беда не ходит...

Павлищев подвинулся к нему ближе. Спросил насмешливо, неприязненно:

— Ну так что, мой министр финансов, какой ваш будет совет?

— По-моему, надежда у нас одна — на Ефимова. Если он захочет помочь...

Павлищев допил пиво.

— Ладно, не вешай нос, Ефимова я беру на себя...

Перед членами комиссии — флегматичный, грузный мужчина с нездоровым, бледным лицом.

— Товарищ Кныш, вы работали на фабрике главным инженером? — спрашивает Гращенков.

— Да, одиннадцать лет.

— А почему ушли?

— Ну, как сказать... Честно говоря, стало трудно.

— В каком смысле? Повысились требования?

— Да, пожалуй... Или, точнее сказать, изменились. Все стало в спешке: быстрее, быстрее. То высчитывали копейки, старались ничего лишнего, а то... В общем, как-то стало иначе.

— Вы могли бы конкретнее?

— Ну пожалуйста... Заказали в Харькове нестандартное оборудование, все измерили,

рассчитали. Уже начали получать. Вдруг телеграмма из Ленинграда: есть готовый комплект. Директор где-то увидел. Более богатый набор и, конечно, дороже. Мы считали, надежнее харьковский, потому что он был подогнан к проекту, но, оказалось, ошиблись.

— Что значит ошиблись? — подключился Цирин.

— Так нам было объявлено. Взяли большой, дорогой, потом приспособивали.

— А тот — харьковский?

— Его получили тоже. Лежит на территории в ящиках.

— Из-за этого вы ушли? — спросил Гращенков.

— Да,— ответил Кныш.— После второго такого случая, когда понял, что все это становится правилом.

— Скажите,— спросил Цирин,— можно ли сделать вывод, что договор с банком и вступление в эксперимент — все это как раз вызвало...

— Не знаю. Выводов я не делаю.

— Почему? — поинтересовался Гращенков.

— Такая у меня установка... Здоровье дороже.

Тот же кабинет. Перед комиссией — миловидная женщина лет тридцати пяти. Это Лукьянова, инженер, исполняющая обязанности начальника планового отдела.

— Что вы, он очень хороший, добрый и веселый человек!

— Веселый?... — удивился такой характеристике директора Гращенков.— Но это же не кино!

— Я хочу сказать, что с ним работать легко. Как-то все решается быстро и без проблем. Он придет или вызовет и тут же даст точные, конкретные указания. Если что-то не согласуется — знаете, есть сотни всяких ограничений и циркуляров,— он спокойно прикажет: всё равно делайте. Все берет на себя. А на праздники, вернее, накануне, всем женщинам на стол ставят цветы. Специально отправляет машину.

— Скажите, пожалуйста,— перебил Гращенков.— Вот два года назад, когда вступали в эксперимент, у вас были собрания по цехам?

— Да, были. Очень хорошо говорили...

— По предложениям выступавших был составлен перспективный план. Так или нет?

— Да, конечно. Вот такая тетрадь...

— Ну и как вы ее используете?

— Как используем? То есть как... Я вас не понимаю... Она есть, у кого-то лежит. Помому, у замдиректора Юрченко.

— А я думал, в плановом отделе, у вас.

— Может быть, и у нас. Пожалуйста, я завтра проверю.

Павлищев шел вдоль конвейера по длинному цеху. Он успел переодеться, побриться. Энергичный, крупный, подтянутый, шел он в легком кожаном пиджаке, в тонкой белой рубашке. Он был оживлен, даже весел, многим пожимал дружески руки, велел мимоходом убрать какие-то ящики, галантно поклонился красивой молодой женщине, хлопотавшей у стола ОТК. За ним бодро спешила свита: начальник цеха, два мастера, еще какие-то люди. У одного рабочего места он задержался:

— Здравствуй, Гульченкова Наташа. Я не ошибся, тебя Наташа зовут?

Девушка покраснела, кивнула. Павлищев не отходил.

— Ты, кажется, плаванием занимаешься? Молодец! Прекрасный, полезный спорт. Будем развивать и поддерживать, свой бассейн построим! Давай расти дальше. Если что-нибудь надо — прямо ко мне!

И пошел по цеху, загорелый, доброжелательный, бодрый, распространяя вокруг себя свежесть и оптимизм.

В кабинете Павлищева красовались на полках десятки образцов мужской обуви. На широком полированном столе стоял сифон. Павлищев выпил залпом стакан и подошел к окну. Теперь это был совсем другой человек, вокруг век лежали синие тени, мрачная складка делила лоб, в глазах застыли усталость и озабоченность.

— Ну так,— сказал Павлищев сухо,— взбодрили народ. Запустили вы это дело... Что еще мы могли бы?..

— Банк,— осторожно подсказал Юрченко.— Связаться с Ефимовым.

— Банк не уйдет,— возразил Павлищев.— Вот что... Позвоните на коммутатор, пусть включают трансляцию.

...Он стоит у окна с микрофоном в руке. Говорит просто, негромко, импровизирует на ходу:

— Дорогие друзья, говорит директор фабрики Павлищев. Я приехал из Венгрии и хочу передать вам привет от таких же обувщиков, как и мы. Обувщик, или вернее, сапожник, по-венгерски будет — варгак. Слово это у них почетное, даже футбольная команда такая есть — вроде нашего «Нефтяника» или «Химика». Но дело не в этом... Работают они, наши друзья варгаки, на мой взгляд, пока лучше нас, выбор обуви больше, поэтому таких неприятностей,

как с зарплатой на нашей фабрике, я у них не встречал. Вот об этом, товарищи, я и хочу вам откровенно сказать...

...Павлищева слушают в цехах фабрики.

...Оторвался от швейных машин женщины-заготовщицы.

...Замерли на высоких стремянках электрики, тянувшие в новом корпусе провода.

...Притихла вахтерша на проходной.

...Слушает кладовщик у стеллажей с кожей.

— Мы, руководители фабрики, чувствуем свою вину и ответственность. Я благодарю всех работников, которые, несмотря ни на что, продолжают честно трудиться. Со своей стороны, обещаю и прошу мне поверить, что в ближайшие два-три дня деньги будут полностью выплачены. Частично начинаем платить сегодня — по больничным, отпусникам...

...Одни слушают серьезно, сочувственно, кто-то мрачно нахмурясь, кто-то с ироничной усмешкой.

Павлищев помолчал, кашлянул и, подумав, добавил:

— У кого неотложная, крайне срочная необходимость — прошу сегодня ко мне, на личный прием.

Он отошел от окна, сел за стол.

— Как звонить Гращенкову?

Баженов продиктовал:

— Двадцать один-двадцать восемь-шестнадцать. Прямой. Зовут его Павел Егорович. Павлищев снял трубку и набрал номер.

— Здравствуйте, Павел Егорович. Это говорит Павлищев. Разрешите вам заочно представиться и сообщить, что я прибыл.

— Здравствуйте, Николай Михайлович,— послышался в трубке голос Гращенкова.— Рад слышать ваш голос. Лучше поздно, чем никогда.

— Павел Егорович, мне доложили, я в курсе вашей работы и всячески готов помогать. Как говорится, к вашим услугам в любой час, когда скажете...

Гращенков секунду подумал.

— Хорошо, Николай Михайлович... Только вот что, я бы не хотел вам мешать. Я вполне понимаю, насколько у вас дел по приезде. Я вас со встечей не тороплю. Когда вам будет удобно.

Павлищев слегка нахмурился, мысленно оценил ситуацию.

— Спасибо, Павел Егорович, конечно, вы правы, забот немало. Скажу откровенно: было бы приятнее к вам явиться, когда я решу главный вопрос — выдам людям зарплату. Разрешите заверить, через день или два ситуация у нас разрядится.

— Тем лучше. Тогда увидимся прямо у вас на фабрике. Мы намечаем собрать актив. Желаю успеха...

Павлищев положил трубку, тяжело вздохнул:

— Оттягивает. Хочет нагрузить воз покруче. Воображаю, сколько там всякого уже есть...

Несколько человек — здесь были и мужчины и женщины — ожидали его в приемной. У некоторых белели у руках листки заявлений. Павлищев помрачнел.

— Заходите, — сказал он сухо молодому человеку, который сидел ближе к двери.

Молодой человек был высокий, широкоплечий, в хорошо сшитом костюме. Он вошел и положил перед директором заявление. На предложение сесть демонстративно остался стоять.

— От тебя, Фазанов, я этого не ожидал, — сказал Павлищев. — Что, денег нет? Не на что два дня перебиться?

— Надоело, — непримиримо сказал Фазанов. — Что я — нищий, у вашей кассы простаивать? Я наладчик, меня две фабрики приглашают.

— Вашей кассы... — с обидой повторил Павлищев. — Я тоже не получил, как и все.

— Это ваше личное дело.

Павлищев закрыл глаза, помолчал.

— Обидно, Фазанов, обидно по-человечески... Ты ведь грамотный, понимаешь, для чего все делается. Вон у тебя какие ботинки хиповые! Чьи они — нашей фабрики?

— Австрийские.

— Австрийские... — вздохнул Павлищев. — А я что хочу? Вот только пережить трудные месяцы, а потом... — Он подошел к окну, показал рукой: — Откроем в центре города фирменный магазин! С утра у входа толпа, не пройдешь, а у работников фабрики — не у всех, а у лучших — наш специальный значок. И все знакомые девушки будут тебя, Фазанов, просить: Гена, ты там свой человек, сделай, пожалуйста, одолжение... — Фазанов ухмыльнулся. Павлищев продолжал: — А внутри магазина — портретная галерея: звезды нашего производства. И твой портрет, Фазанов, напротив входа... Так мне, дорогой товарищ, мечтается. А ты из-за случайной задержки денег... Хочешь, я тебе одолжу?

— Не в деньгах суть, — упрямо сказал Фазанов.

— А в чем? — удивился Павлищев.

— Когда эксперимент начинали, говорили: все, мол, будет теперь по-новому, общее дело и каждый на своем месте хозяин. Так или нет? И что? Я вон три предложения подал: про зубчатку на транспортере, по вентиляторам, по реле. Инженеру надо едал, механику. Оба твердят: вот директор издаст

приказ, будет у нас бюро. Ни приказа, ни бюро.

— Это справедливо, Фазанов, — искренне сказал Павлищев, возвращаясь к столу. — Критику принимаю. С бюро мы затынули. Не получается все сразу, хоть разорвись. Главный инженер новый, механик в командировке.

— А если не получается, — сказал Фазанов непримиримо, — тогда...

— Что тогда? — спокойно переспросил Павлищев.

— Мне вон предлагали взять участок на «Строймашине», инженерская должность... А я сказал: нет, ребята, не потяну.

Он пошел к двери. Павлищев насмешливо свистнул:

— Э, да ты смелый парень, режешь правду прямо в глаза! Жаль только, что напоследок — вроде как в шелку двери. Это сильно снижает... погоди! — Он встал, подошел к Фазанову: — Вот что я, Фазанов, придумал: возьми-ка ты бюро на себя. Собери людей — действуй на всю катушку, полный тебе карт-бланш.

Фазанов нахмурился:

— А зачем это мне? Пусть те, которым по штату...

— Вот видишь, — сказал Павлищев, — как дело — сразу в кусты.

...Перед директором стоит потупясь женщина в шерстяном платке, крест-накрест перевязанном на груди, с хозяйственной сумкой в руке.

— Садись, садись, Хомякова. Ну, чем недовольна? Ты у нас на хорошем участке, зарабатываешь не меньше двухсот. Я правильно говорю?

— Правильно.

— Ну так в чем дело?

— Муж пьет, — сказала женщина, глядя в пол. — Деньги в шифоньере нашел, унес прямо с чулком.

— Что же ты! — возмутился Павлищев. — Взять такого и выгнать!

Женщина оторвала глаза от пола:

— Кого?

— Или надо лечить, — поправился Павлищев. — Некоторых вылечивают, я сам встречал...

— Лечат, — сказала женщина. — Каким-то новым способом, плавным. Надо, говорят, иногда разрешать. Эксперимент у них, пробуют...

Павлищев нахмурился, снял трубку, набрал номер.

— Андрианов? К тебе сейчас наша работница подойдет, Хомякова. Выдать ей зарплату. Откуда хочешь. Ты не дури — что, резерва у тебя нет? Вот именно, оттуда и дай! Все, точка.

Женщина вышла, пропустив в дверях Юрченко.

— Пламенный привет из Брянска, — сказал Юрченко и положил на стол телеграмму. — Перестали брать нашу обувь. Им румынские сандалеты заслали, всего на два рубля дороже, а сделаны...

Кабинет Гращенкова. К столу подошел и тяжело опустился на стул пожилой грузный мужчина в потертом морском кителе.

— Простите, ваша фамилия? — спросил Гращенков.

— Якимко. Я вам звонил, просил выслушать... Я работал на фабрике, начальником был, охраны. А теперь, как я слышал, Павлищева решили судить...

— Судить? — с интересом спросил Гращенков.

— Ну как же — собираете материал! Ну так вот: правильно, судить надо. Потому что нечего будоражить людей. Кому нужен этот эксперимент? Задурили молодежь голову, то такая обувь, то этакая, вовсе походили с ума: в каких-то мешках с воздухом ходят! А на все это государственные деньги идут! По-нашему надо так: два фасона для мужиков, три фасона для женщин, и всё! А не хочешь, так можно и разъяснить.

...Перед комиссией узколицая женщина лет сорока пяти, с янтарным ожерельем и в таких же серьгах. То и дело она переходит на шепот:

— В прошлом году ездил в командировки одиннадцать раз, а в этом — еще только октябрь! — уже девять... Из них половину — с женщинами. В плановом отделе Нефедова, модельер Куликова... И в Москве, в главке, у него тоже... Сюда приезжала, он на машине возил ее на химбазу.

— Куда? — переспросил Цирин.

— Ну, я не знаю, это так называется. А что? И в Венгрию ее с собой брал.

...Молодой человек, одетый в яркую спортивную куртку, занял свое место перед комиссией и прямо посмотрел на Гращенкова.

— Товарищ Федоров, вы начальник строительного участка?

— Да.

— Кроме объектов фабрики, у вас еще сколько точек?

— Три.

— И всюду такая же высокая выработка?

— Нет, там выработка обычная.

— Почему?

— Почему? Тут мои хлопцы заинтересованы, а там нет.

— А чем они так заинтересованы? — спрашивает Цирин.

— Об этом все знают. Даже очерк в газете был.

— Я не читал, — пытается получить объяснение Цирин.

— Фабрика нам добавила десять бригад, — рассказывает Федоров. — С конвейеров снимали и нам на помощь. Все равно у них продукции пока нет. Кто работает на строительстве, тем квартиры дают в первую очередь. Получают они по-среднему, ну, а нам их выработка идет. Естественно, премии... Вот хлопцы и жмут. По-моему, все сделано грамотно, все в ажуре.

Ефимов отпер дверь ключом и на секунду в тревоге остановился — что-то в квартире было не так. Он включил свет и увидел разбитое окно, на полу лежал завернутый в бумагу кусок кирпича. Ефимов расправил порванную бумагу и прочитал: «Плати людям деньги, Ефимов, или убирайся со своим экспериментом подальше».

Из разбитого окна сильно дуло. Ефимов нашел кусок фанеры, кое-как заделал дыру. Было холодно, неуютно, тоскливо.

Павлищев быстрым шагом поднялся по лестнице и позвонил в дверь. Подождал, позвонил еще раз. Ефимов появился на пороге взъерошенный, сонный, в пальто, накинутом поверх майки.

— Ты что, спал, что ли? — удивился Павлищев. — Так рано?

— Коля! — обрадовался Ефимов. — Ну наконец-то!

Они топтались в прихожей и говорили что-то бессвязное.

— Я хотел к тебе еще днем, — объяснил Павлищев. — но заехал на фабрику, и всё — закрутился и не заметил... Сколько сейчас?

Ефимов обтирал лицо мокрым полотенцем.

— Одиннадцать. Ты проходи, раздевайся...

...Потом они сидели, не зажигая света, на кухне. У Ефимова были испуганные глаза.

— Что ты говоришь, как ты можешь...

— Могу! — запальчиво отвечал Павлищев. — Могу, потому что не ожидал! Мне принесли телеграмму, а я не верю. Ефимов отказал? Как же так? Не понимаю, как это можно — нож в спину?

— Да ты что? — возмутился Ефимов. — Ты же уехал — не позвонил, не зашел! Я неделю не спал...

— Ерунда это всё — не спал! Мог спать! Надо было просто перевести нам еще сто тысяч, и всё! Добавить к нашему долгу, к тому, что нам уже дали. Это не так и много — еще четыре процента. Последние, самые для нас важные, которых нам не хватает! Да, не хватает — в большом новом деле бывает и не такое!

Ефимов вышел из кухни и через минуту вернулся. Он переоделся и на ходу завязывал галстук.

— Очухался? — шелкнув выключателем, спросил он спокойно. Павлищев зажмурился от яркого света. — Какой-то, Николай Михайлович, не тот разговор. Ты меня, пожалуйста, на испуг не бери. Я уже вчера на комиссии объяснял, но там новый человек — Гращенков. А тебе объяснять не надо: два года прошло, ты должен уже отдавать, а не брать — полтора месяца лишних...

— Два года, два года! Какого черта, в конце концов! Мы что — в аптеке? Кто его навязал — этот срок?

— Ну, извини. Просто странно. Может быть, ты забыл? Ты тогда был в упоении от победы — готов был согласиться и на год. Этот срок определили специалисты, знающие свое дело люди. Три отдела высчитывали и спорили!

— Ну и что?..

— А то... Государство должно быть гарантировано от убытка — таково было первое требование. У эксперимента есть влиятельные противники, они доказали, что другие условия не годятся — не дают возможностей для сравнения. И мы согласились: и ты, и я. Иначе бы нам просто не разрешили. Так или нет? Не надо притворяться, что ты не в курсе...

— Я не притворяюсь, я гибну! Не надо мне твоих лекций, я все равно не пойму. Какие-то холодные, бездушные правила! Ученые мудрецы... Сидят полные небоскребы бездельников и ставят, ставят препятствия! У вас теории, а у меня люди! Я обязан получить для них деньги и без этого не уйду! Ты меня плохо знаешь.

— Ах, вот оно что — ультиматум? — Ефимов развел руками: — Но тогда ты должен был прийти с автоматом, натянуть на лицо чулок — банки грабят с оружием. Или у тебя в плаще бомба?

— Плохие шутки, Ефимов.

— Да, не веселые. Ну так вот, мы думаем за тебя днем и ночью. Ищем. Вчера наскребли двенадцать тысяч. Что дальше — пока не знаю.

— Не надо ничего наскребать! Надо все сразу дать — открыто и прямо. Через два месяца пустим конвейер, пойдет продук-

ция. Победителей не судят — всё будет принято и одобрено.

— Вон у тебя какая идея...

— Да! Простая и ясная. Нужны поступки, Ефимов, осторожным ничего в жизни не удастся!

Ефимов покачал головой:

— Герои тоже ломают головы — в среднем в восемь раз чаще. И народу это стоит дороже.

— Ну смотри, — сказал Павлищев с угрозой. — Смотри! Ты меня толкаешь на крайности.

Он вышел из квартиры, с треском хлопнув дверью.

На лестнице Павлищев закурил, сбежал вниз. Нервно потоптался в подъезде, потом, сдерживая раздражение, стал подниматься.

Дверь стояла полуоткрытой, он вошел в квартиру и остановился перед Ефимовым.

— Давай все сначала, — сказал он тихо. — Я психанул, я не прав... Я знаю, ты помогаешь нам, делаешь все, что в твоих силах. Два миллиона — это не шутка, их надо было найти, мы этой заботы не знали...

— Вы многого не знали, — отозвался Ефимов. — А за последние двести тысяч, когда я чуть не перешел за черту, за это меня что — похвалили? Я такое тут выдержал!

— Да, да, я понимаю, мы благодарны. Но ведь, Володя, с другой стороны... Никто в твои идеи не верил, никто не брался за этот эксперимент. А я — пожалуйста: пошел навстречу науке. Разве не так? У тебя впереди диссертация и всякие прочие радости, а у меня? Я для вас что — просто научный факт, подопытный кролик.

Ефимов вскочил:

— Я тебя дважды предупреждал, дважды! Я говорил: осторожней с кредитами, они имеют пределы! Нет, куда там! Пусть какие-нибудь немцы высчитывают по пфенигу. А тебе и склад давай, и дорогу, и котельную, и два дома... И все, все сразу! Я свои права использовал до предела, и ты свою свободу, которую тебе предоставил эксперимент, тоже выкрутил до конца!

Павлищев покачал головой:

— Ну что ж, остается одно — признать, что эксперимент провалился. Можешь возвращаться в Москву. Вот уж посмеются твои коллеги!

Ефимов побелел:

— Да ты... Ты знаешь, кто ты?! Я в жизни больше тебе руки не подам!

— Я тоже, — ответил Павлищев и вышел.

Глубокая ночь. На полу пепельница, полная окурков, тикает будильник на тумбочке.

Павлищев лежит в темноте с открытыми глазами. Ему не спится...

Весна, молодая листва на деревьях, раскисшая от талой воды строительная площадка. Скользя по лужам, идет Павлищев в резиновых сапогах, рядом Юрченко. С ними еще один человек: мы не сразу узнаем в нем того самого старика, которого водит под руку женщина. Это Званцев, прежний, до Баженова, секретарь фабричного парткома. Сейчас он еще здоров и тоже в резиновых сапогах месит жидкую грязь. По лицу Павлищева нетрудно понять, что он чем-то расстроен: губы сердито стиснуты, лоб жестко нахмурен. У Званцева тоже в глазах злость и упрямство.

Павлищев влез на кучу щебенки. Впереди, на расширенном поле, какие-то парни возились с теодолитами и полосатыми рейками. Павлищев попросил Юрченко:

— Сергей Васильевич, доски до них и скажи — от моего имени, под честное слово, — если за два дня сделают, доплатим наличными по полной расценке. Убедительно объясни...

— Понял, — с готовностью сказал Юрченко.

Павлищев всем корпусом повернулся к Званцеву и, сдерживая себя, сдавленно выговорил:

— Вот теперь, Павел Григорьевич, можете мне все выложить. Здесь, один на один! Я не выношу ваших публичных внушений, всяких прений при посторонних! Используйте свою демократию при раздаче путевок!

— Там не было посторонних, все из нашего коллектива. А двое — члены парткома!

— Все равно! Хозяйственные решения — это творчество. Я не могу любому и каждому объяснять все мотивы! Вы бросили мне два обвинения: жадность и нерасчетливость. Какие вы имеете основания?

— Ко мне обращались люди, — ответил Званцев, — несколько человек. Вот по поводу этого, — он показал на поле, где суетились парни с теодолитами. — Они считают, что строить сразу два корпуса и плюс еще два жилых дома нам не по силам. Были предложения вводить новые производства по очереди: сначала одно, а в перспективе другое... Была идея не прекращать работу в старых цехах, но только заменить две модели...

— Вот-вот! — взвился Павлищев. — Постепенно, по очереди! Обычная трусливая тактика! Остороженько, по привычке... Зачем же мы вступили в эксперимент? У нас впереди два года уникальных условий, таких ни у кого не было! Кредит,

наряды, снабжение — всё на льготных условиях! Нам щедро идут навстречу, а мы боимся взять?..

— Два года — не много. Можем не уложиться.

— А можем и уложиться, если не будем себя жалеть! Это ваша забота — парткома, фабкома — сделать все, чтобы каждый выложился до конца! А вы что делаете? Хватаете меня за руки, пускаете обидные клички. Жадный! Да, я жадный, когда касается фабрики. Ставьте вопрос о моей «жадности» на парткоме официально! И тогда на ваши эпитеты я брошу свои. Вы, Званцев, перестраховщик и трус!

Званцев поскользнулся на щебне и чуть не упал. Он побледнел и, задыхаясь, сказал:

— Николай Михайлович... прошу без оскорблений...

— Нет, я повторю это перед всеми! Я, товарищ Званцев, жалею, что выдвинул вас из планового отдела в партком!

...Тикает, тикает будильник. Павлищев встал, нащупал ногами тапочки.

На кухне он поискал что-то в аптечном шкафчике, положил в рот таблетку снотворного, запил водой и пошлепал обратно в спальню.

Утро. Банк оживает. Милиционеры раздвигают тяжелые решетки у входа, гаснут сигнальные лампочки пульта охраны, служащие разбирают ключи. Лопаются бумажные контрольки на отрываемых дверях, трескаются сургучные печати на сейфах. Клиенты заполняют кассовый зал...

Ефимов прошел в свой кабинет, и сразу же раздался звонок. Секретарша сказала:

— Владимир Иванович, вас Москва!

Ефимов торопливо взял трубку:

— Слушаю вас.

— Здравствуйте, Владимир Иванович. Это Кравчук.

— Здравствуйте, Петр Кириллович.

— Я получил ваше письмо... Или это официальная докладная — как прикажете понимать? Хотите переложить решение на меня?

— Это письмо, Петр Кириллович, письмо. Просто прошу совета...

— Ладно, допустим. Тогда мне легче высказывать в лоб всё, что я о вас думаю. Вы предлагаете добавить Павлищеву два-три месяца и даже приводите какие-то аргументы...

— Объективные факты, Петр Кириллович!

— Ничего в них объективного нет. Затруднения со снабжением испытывают все предприятия — к сожалению, пока это нор-

ма. Мы в несколько раз облегчили Павлищеву жизнь, подарили ему исключительные возможности — для чего это все? Чтобы он банально ругал снабжение? Ищите причину в чем-то другом. Вы меня понимаете?

— Жмут на меня, Петр Кириллович. Сильно жмут...

— А вы как думали? Это же серьезная перестройка, приходится сознание ломать, психологию. Притерпелись, что Петр Петрович прощает полгода Иван Иванычу, Иван Иваныч добавляет три миллиона Степан Степанычу. Что такое полгода? Пустяк! Что такое три миллиона? Мелочи! Не экономника, а семейная лавочка. Вы меня слушаете?

— Слушаю...

— Мы с вами строим такой хозяйственный механизм, который напрочь исключит подобное... Механизм — не забывайте! Эксперимент — это первый этап. И наш эксперимент, и другие. А дальше — на всю страну! И это не когда-нибудь, это скоро, очень скоро, Владимир Иванович! Так что ваши сомнения оставьте, пожалуйста, при себе. Никаких уступок нажимаю! Что вы там все сопите? Не нравится? Причесал против шерсти?

— Наоборот, Петр Кириллович... Очень нравится...

— То есть?

— Мне, Петр Кириллович, захотелось себя проверить. Может быть, я закис здесь, в провинции, перестал трезво мыслить...

Павлищев зашел в тесную каморку, где сидел Андрианов, и оперся на стол.

— Такое дело, Юрий Дмитриевич, кавалерийская атака отбита, Ефимов мне отказал... Давай думать дальше...

— Что ж думать, — мрачно проговорил Андрианов. — Теперь задача простая — спасайся кто может.

— Что? — переспросил Павлищев.

Андрианов помолчал, потом сказал, глядя в пол:

— Я думаю, Николай Михайлович, вы уже все решили. Вы пойдете в обком, там вас знают немало лет, ценят вашу надежность...

— Ценят, говоришь? Считаешь, что ценят?

— Ну, Николай Михайлович, даже смешно... Хороших работников всегда ценят. — А дальше?

— Дальше? Вы покаетесь, повинитесь, признаете отдельные недостатки... Эксперимент не оправдал себя, это факт. Ошибки были в подсчетах. Бухгалтером придется пожертвовать.

Павлищев посмотрел на него пытливо, потом сел, закурил.

— Не пойму, Андрианов, шутишь или серьезно...

— Какие шутки, Николай Михайлович! Я прямо говорю — я боюсь. Я человек битый, у меня в прошлом пятно, для меня эти игры...

— Какие игры?! — вспыхнул Павлищев. — Ты о чем?

— Я знаю о чем, — упрямо продолжал Андрианов. — Если эксперимент прекратится, нас с вами могут крепко прижать. Притянут задним числом... Начнут доказывать, что многие наши выплаты незаконны, нарушают какие-то правила и параграфы. Пока эксперимент продолжается, мы под его защитой, а если нет... Под вопрос, Николай Михайлович, поставят сотни тысяч рублей! Вы понимаете, какая статья? Для вас — не знаю, а для меня... Для меня, Николай Михайлович, это может кончиться грустно...

Павлищев прошелся по кабинету.

— Вот что, Андрианов, все это ерунда, я даже не хочу всерьез обсуждать. Но вот что серьезно: мне перепуганный бухгалтер не нужен. Согласись сам — ни к чему... Время для фабрики сейчас трудное, нужно шевелиться, искать, думать только о деле. Чересчур осторожничать не приходится. Так что, пожалуйста, сделай вывод — давай расстанемся по-хорошему. И обижаться не надо. Экономика дело жесткое, в наше время особенно. Похоже на каратэ или бокс — все чаще чувствую на себе...

Ефимов заглянул в комнату, где трудился Ольминский, поманил его в коридор.

— Евгений Андреевич, я бы хотел еще раз прокрутить вариант с домом. Вы проверили, что я просил?

— Проверил, Владимир Иванович. Ничего незаконного юристы тут не усматривают. Дом целиком построен на деньги банка. Мы имеем полное право перераспределить наш кредит. Особенно в сложившейся ситуации.

— Имеем... — вздохнул Ефимов.

— Дом не сдан, ордера на жилье не выписаны. Там еще недоделок на месяц. Исполком тоже не возражает, так что, с юридической стороны...

— Юридическая сторона не единственная. В данном случае, возможно, даже не главная. Чертовски не хочется это делать...

Он вернулся к себе и сказал секретарше:

— Соедините меня с Орликом, председателем облпотребсоюза.

Отдел сбыта фабрики тесно заставлен разнокалиберной мебелью. Кроме работни-

ков отдела, здесь сейчас Павлищев и Юрченко. Перед ними, на столе, образцы обуви.

Юрченко набрал номер и передал трубку Павлищеву:

— Казань,— и посмотрел по бумажке: — Астамов Латиф Каримович.

Павлищев потер рукой лоб, на секунду сосредоточился и стал говорить каким-то не своим, преувеличенно бодрим голосом:

— Товарищ Астамов? Латиф Каримович? Здравствуйте! Это говорит Павлищев, директор клузинской фабрики. Помните меня — мы в Риге в одном номере жили? Да, да, верно — жареные угри и окрошка... Как здоровье, как поясница? Искренне вам сочувствую. Латиф Каримович, какое-то получилось у нас с вами недоразумение. Как же так? Целый вагон нашей обуви грозите вернуть назад! Нет, это не тот артикул, другой. Мы же стараемся сделать все возможное в пределах ГОСТа.— Он взял в руку ботинок.— И носок другой, и без ранта. Не берут? Как это не берут, зимой с руками у нас отрывали... Да? А как же быть? Мы в крайнем положении, Латиф Каримович, прошу вас, выслушайте меня. Мы через пару месяцев начнем выпускать кроссовки. Нет, серьезно, настоящие, на уровне мировых... Вот передо мной образец — сам бы надел и побежал, побежал бы черт знает куда! Я что предлагаю: вы нас выручаете, а мы вас. Из первых же партий — десять, двенадцать тысяч. Не можете? Почему? Ах, ревизия! Да, да, понимаю... До свидания. Поясницу надо греть синим светом...

Он бросил трубку и хрустнул пальцами.

— Что? — спросил Юрченко.

Павлищев махнул рукой.

— Кто еще есть?

— Брянск.

— Набирай...

Дом как дом — пять этажей, три подъезда. Окна уже со стеклами, но еще в пятнах известки. За дощатым забором сидит пыхтит бульдозер, сгребая строительный мусор.

Ефимов пропустил Орлика вверх по лестнице и шел за ним, держа шляпу в руке. Орлик был толстый, коротконогий, поднимать ему было трудно. Ольминский и прораб поднимались за ними следом. На третьем этаже остановились.

— Вот тут однокомнатная,— объяснил прораб.— Можно зайти, посмотреть отделку.

Орлик брезгливо поморщился:

— Отвратительные обои... Паршивый линолеум...

Ефимов терпеливо молчал.

— Все ясно, выше идти не стоит... Потолкуем внизу,— осмотрев квартиру, сказал Орлик.

Ефимов усмехнулся:

— Что ж нам толковать, я вижу, вам товар не понравился.

— Покупатель должен ворчать, это его законное право,— сказал Орлик и улыбнулся.— Иначе покупка будет непрочной.

Они вышли из подъезда.

— Повторите условия,— сказал Орлик.

— Предупреждаю, условия предварительные,— торопливо сказал Ефимов.— Мы оставляем за собой право...

— Да, да,— усмехнулся Орлик,— сможете еще отказать. Если случится чудо и Павлищев найдет миллион рублей в старом бабьинем сундуке...

— Условия простые,— сказал Ефимов.— Банк предлагает вам десять квартир.

— Двенадцать,— поправил Орлик.

— Ладно, двенадцать,— согласился Ефимов со вздохом.— Вы перечисляете деньги. Кроме того, возьмете у них обувь со склада — на шестьдесят пять тысяч рублей.

— На шестьдесят,— поморщился Орлик.— На шестьдесят тысяч хлама...

— На шестьдесят пять,— вставил реплику Ольминский.— Им иначе не хватит.

— Ну что ж, — Орлик развел руками,— из уважения к вам.

Когда подошли к машине, Орлик сказал:

— Вы сделали доброе дело, Владимир Иванович. Фабрика с этим экспериментом построит себе еще много, а нам, торговым работникам, так редко что-нибудь выделяют...

— Они на этой стройке работали,— сказал угрюмо Ефимов,— люди с фабрики. Работали целый год. Это вас не смущает?

— Кто работал, тот получит,— серьезно ответил Орлик.— Я третий администратор, я знаю. На шестьдесят квартир непременно человек десять примажется со стороны, без этого не бывает. Вот их как раз и отсеите.

— Будет распределять коллектив,— сказал Ефимов.

— Хорошо,— согласился Орлик,— пускай коллектив... Насколько я понимаю, суть вашего эксперимента — ответственность. Общие выгоды и общий убыток. Просчитался — неси урон! Или я понимаю не так?

— Так,— подтвердил Ефимов.— Очень правильно формулируете!

Андрианов освобождал стол, рвал, выбрасывал в корзину бумаги. Потом открыл сейф, вытащил из-под папок большой белый конверт. Подумал, набрал телефонный номер.

— Партком? Александр Ильич на месте? Спасибо.

...Конверт и несколько исписанных листов бумаги лежали перед Баженовым на столе. Баженов спросил:

— Почему это оказалось у вас?

— Жена Званцева приходила за деньгами и принесла,— объяснил Андрианов,— просила передать кому следует.— Он усмехнулся: — А кому следует — неизвестно, автор не успел написать... как раз в этот момент его и стукнуло. Может быть, поэтому-то и стукнуло — слишком к сердцу все брал...

— Вы читали? — спросил Баженов.

Андрианов пожал плечами:

— Конверт не заклеен. Какие-то все наброски, отрывки... То ли заявление куда-то готовил, то ли выступать собирался. Почитайте, много есть справедливого.

...Баженов сидит, разбирает записи Званцева. Листки беспорядочно исписаны нервным почерком, строчки разбегаются вкривь и вкось — приходилось долго вчитываться. И звучит в ушах у Баженова сипловато-надтреснутый голос:

— Эксперимент может принести много хорошего и нашему коллективу, и десяткам других... Но мы уже теряем и будем терять еще больше, потому что член нашей партийной организации Павлищев понимает его слишком узко — лишь как новые возможности для дирекции...

...Подняв воротник плаща, Баженов идет по улице. Темнеет, зажигаются фонари. Навстречу, пригибаясь от холодного ветра, торопливо идут люди. Голос Званцева продолжает звучать:

— Один человек не может решать и думать за всех, пускай он даже не спит ни днем, ни ночью...

Вечер. Холодный дождь бьет по стеклам. Сидит в своем кабинете Гращенков, перед ним лежат папки — красная и зеленая. Читает. Думает...

...Дома, на диване, лежит Павлищев, смотрит по телевизору хоккейный матч. Голова обвязана полотенцем, на стуле — стакан воды и таблетки. Хоккейный комментатор вещает:

— Тянет, тянет «Динамо», старается перехитрить время... Потеряли темп, сникли, вряд ли теперь удастся им отыгаться... Настроение — великое дело!

Павлищев протянул руку и выключил телевизор. Повернулся к стене, накрыл ухо подушкой...

...Ефимов у стола гладит брюки. Намочил тряпку, выжал ее над раковиной, расправил и старательно прижал утюгом. Утюг зашипел, пыхнул паром. Ефимов задумался,

запахло паленым. Он спохватился, поставил утюг на подставку, сдернул тряпку и открыл форточку. На улице хлестал дождь пополам со снегом.

И снова утро. Через проходную густым потоком идут работники фабрики. У окошка кассы — толпа. Все то же объявление висит на стене. Люди молча расходятся по местам, настроение мрачное, напряженное.

Павлищев у себя в кабинете. Нервно листает телефонный справочник. Набирает номер.

— Приемная Тураева? Это беспокоит директор обувной фабрики Павлищев. Извините, мне нужно срочно поговорить с Анатолием Карповичем. Спасибо, я подожду... Ждет с трубкой у уха, закуривает.

Из окна во двор смотрит Юрченко. Вот увидел Баженова, вышел его встретить на лестницу.

— Александр Ильич, когда к нам придет комиссия?

— В одиннадцать. Собираем актив.

— Кому же, как не вам, Анатолий Карпович? — говорит Павлищев по телефону.— Вы всегда нас поддерживали и так много делали... У нас все помнят и даже гордятся, что вы когда-то у нас работали, у нас, так сказать, росли...

— Николай Михайлович,— слышится в трубке голос Тураева.— Мне же не совсем ловко — это не моя сфера. Моя сфера — кино, школы, вузы...

— Анатолий Карпович, вы член бюро, человек коренной, местный. Вы хорошо понимаете, какое значение для города, для всех земляков имеет этот вопрос. О нас столько писали, говорили по радио — и вдруг конфуз... А они плохи — и Ефимов, и Гращенков — люди неплохие, но ведь не местные, у них не болит...

— Ну хорошо, Николай Михайлович, я поговорю, я попробую.

— Спасибо, Анатолий Карпович... Я ведь не о себе...

Юрченко проводил Баженова до парткома, выражая на лице озабоченность и решимость.

— Александр Ильич, я думаю, нам есть о чем посоветоваться.

— О чем?

— Как о чем... Что мы будем с вами там говорить. Должна быть какая-то общая линия.

Баженов посмотрел на Юрченко с интересом:

— А что бы вы хотели сказать?

— Ну, уже три дня, как директор приехал, а денег все еще нет. Мне кажется, его судьба решена...

— Ну и что?

— Мы обязаны с вами думать о будущем. Кто дальше мог бы возглавить. Я прикинул, поверьте, у меня интуиция... Я думаю, кроме вас, больше некому. У вас опыт, авторитет.

— Послушайте, Сергей Васильевич, вот уже две недели вы ни о чем больше не думаете.

— А вы о чем думаете?

— Я? — усмехнулся Баженов. — У меня много забот. Нужно передачу нести теще в больницу, холодильник везти в ремонт.

Юрченко огорчился:

— Вы напрасно не хотите со мной... Напрасно... С вами вместе я был бы готов...

Дверь отворилась, на пороге стоял Павлищев.

— Здравствуйте, — спокойно сказал он и сел у окна на стул. — Сергей Васильевич, вы смотрели перечисления?

— Смотрел, — сказал Юрченко. — Ничего существенного — девять тысяч из Костромы.

— Ясно, — кивнул Павлищев. — А вы, я вижу, тут думаете, ищете... Что-нибудь полезное накумекали?

Юрченко слегка смутился, но ненадолго. Он пожал плечами, потом твердо сказал:

— Я, Николай Михайлович, зашел сюда посоветоваться, как вести себя на активе, какой выход отстаивать.

— Ну правильно...

— И я, Николай Михайлович, считаю, что вас подвели смежники, обстоятельства... Подготовил тут справку. По поставкам кожи: не получено около тридцати процентов. По оборудованию: пошивочные из Тулы пришли некомплектные. По прессам, по фурнитуре... Еще — четыреста пятнадцать больничных. Так что пускай послушают и узнают. Ни вы, ни мы не при чем...

— Да, — сказал серьезно Павлищев, — с такими аргументами нас не ругать должны, а еще, пожалуй, и наградить.

— Ну, знаете, — Юрченко убрал в карман записную книжку. — С вами последнее время вообще невозможно... Пожалуйста, дайте другую директиву, мы выполним.

— А вы, Александр Ильич, — Павлищев обернулся к Баженову, — вы какую директиву бы выбрали?

Баженов сказал тихо, но строго:

— Я бы такую дал директиву: пусть каж-

дый говорит все, что хочет. Всю правду и все, что думает. И вы, Николай Михайлович, в том числе. Других средств вырваться из петли человечество пока не придумало...

В комнате парткома собралось человек тридцать: руководители фабрики, бригады, актив, здесь же был и Ефимов. Говорил Юрченко:

—...Почему какая-то периферийная фабрика должна бросаться в разведку? Я имею в виду наш трудный эксперимент. Это нескромно, в конце концов! Есть Москва, Ленинград и другие крупные центры. Наши соседи живут, как жили, и ничего. А мы год с лишним — как на вулкане! Есть, знаете, анекдот. В Англии, в одном городе, решили в порядке эксперимента ввести на одной улице правостороннее движение... Что из этого получилось?

Многие засмеялись. Гращенков спросил:

— Я так понимаю: вы вносите предложение?

— Какое предложение?

— Перевести на условия эксперимента всех смежников вашего предприятия? Так сказать, все улицы города...

— Никакого предложения я не вносил, — нервно ответил Юрченко. — Я хочу напомнить другое: у нас работал один умный, знающий человек — бывший парторг фабрики Званцев. Он не был согласен с экспериментом и он ушел...

— Неправда! — перебила с места Лукьянова.

— Как неправда? — удивился Юрченко. — Ведь он ушел?

— Он не был против эксперимента. Просто он не сработался...

— С кем не сработался? — спросил Гращенков.

— С руководством фабрики, — нехотя сказала Лукьянова.

Гращенков обратился к Павлищеву:

— Николай Михайлович, вы не хотите сказать?

— Нет, — хмуро сказал Павлищев. — Я послушаю.

От стены отделился и поднял руку пожилой рабочий в спецовке:

— Я хочу сказать...

— Это Грубин, заготовщик, — объяснил Гращенкову Баженов.

— Я хочу спросить, справедливо это или нет... У нас на участке шесть человек, и раньше все получали приблизительно одинаково. А теперь Петраков уносит вдвое против меня. Петька Петраков! Он у меня два года в учениках ходил!

— У Петракова выработка высокая и без

брака. Радоваться должны, что у вас такой ученик, — сказал Баженов.

— Радоваться мне нечему. Меня двадцать лет в цеху уважали, а теперь что?

— Иван Степаных, ты что же — за уравниловку?

— Я знаю, за что я, — за справедливость! С вашим экспериментом полфабрики сбежит!

— Он такой же мой, как и твой! — рассердился Баженов. — Ты на фабрике двадцать лет, так ты сказал? Что же ты молчал? Соглашался? Кому же, как не тебе...

— Я молчал?! — вскричал Грубин. — Я не молчал! Меня вызвали в фабком, дали в руки бумажку: вот, Иван Степанович, надо выступить, поддержать. Твой голос авторитетный, без демократии нам нельзя...

— Ну, а ты?

— Я? Первый раз, что ли? Я, может быть, только сейчас начинаю все понимать, когда по карману ударило! Так не пойдет. Меня в сапожный артели с руками оторвут, и буду я получать, как все...

— А я не согласна, как все! — вскопчила с места бригадир Плисова. — Я согласна работать больше и получать больше!

— Это Плисова, бригадир из третьего цеха, — опять пояснил Баженов. — Давай, Ольга, пожалуйста, не стесняйся...

— Да чего, я уже все сказала. — Но продолжила, обернувшись к Юрченко: — Вот что, Сергей Васильевич, плохо или хорошо эксперимент наш идет, только по-старому уже быть не может. И не только потому, что заработок повысился. Раньше, бывало, идешь на работу, и ничто не колышет, лишь бы день быстрее пробежал. А теперь веселее всё закрутилось! Люди стали говорить, предлагать, стали чего-то ждать...

— Ждать! — рассмеялся Цирин. — Вот именно — ждать! Например, денег в поллучку...

— А хотя бы и это! — ответила Плисова. — Это тоже играет роль. Это урок. Девки мои в цеху говорят: это что же, елки-моталки, от нас самих теперь зарплата зависит? Не берут нашу обувь — значит, сиди свисти? Если до кармана дошло, мы и мастеру, и директору, и всем другим нашим умникам объясним, что и как лучше делать!

В комнате опять рассмеялись, Плисова спохватилась:

— Извините, конечно, это я приблизительно, лично ни к кому не относится...

Гращенков спросил:

— Кто еще хочет высказаться?

Он еще раз посмотрел в сторону Павлищева, но директор молчал.

— Разрешите мне, — сказала Лукьяно-

ва. — Все-таки хотелось бы объективно... Момент у нас сейчас трудный, но сделано немало. О реконструкции я уже не говорю. У нас, кроме того, несколько бригад перешли на единый наряд, кроссовочная линия должна вступить в строй...

— Товарищ Лукьянова, — перебил ее Гращенков, — давайте сосредоточимся на ошибках. Мы этого собрались. Николай Михайлович, вы не готовы нам разъяснить?

— Нет, я хочу послушать, — упрямо сказал Павлищев.

— А чего вы, собственно, ждете? — с ноткой раздражения спросил Гращенков.

— Чего жду? Интересно. Все такие мудрые, опытные, знают, как вести дело. Сижу и умнею.

— Все-таки я бы вас попросил.

Павлищев подумал.

— Павел Егорович, самый жгучий у нас сегодня вопрос — это деньги, зарплата. В то же время тут с нами вместе, за одним столом, сидят люди, — он недобро посмотрел на Ефимова, — одно слово которых может все разрешить. Десятки предприятий, попав в трудное положение, получают у них кредиты. А тут ставят на принцип. За что? За то, что мы напрягались сверх всяких сил. Чего от нас, собственно, хочет банк? Унизить нас? Показать свою власть? Или вовсе нас прикрыть, ликвидировать? Давайте закроем фабрику, станем бегать по улице босиком... Я жду слова банка...

Ефимов рассмеялся. Гращенков посмотрел на него без улыбки.

— Извините, — сказал Ефимов, — это я вдруг представил, как мы бежим босиком... Вообще-то нам это не грозит — на складах у Николая Михайловича запасено обуви до конца века.

— Вы можете ответить на поставленные вопросы? — спросил Гращенков сухо.

Ефимов встал.

— Какие это вопросы? Это не вопросы, это игра словами. Да, мы даем предприятиям деньги в долг. Это деньги, заработанные для государства хорошими, умелыми коллективами. Два миллиона из этих фактически чужих денег взяла у нас ваша фабрика. Взяла, а отдать не способна. Просит еще и еще... Так или нет, Николай Михайлович? Банку нужна какая-то уверенность, что и новый кредит не пропадет в бездонном кармане. Нужно понять, в чем корень беды, какие ошибки были допущены, кто виноват и что сделано. Фабрика ждет слова банка, а банк — слова фабрики. Кто просит, извините, тот начинает. — Он сел.

Гращенков оглядел собравшихся, потер лоб и сказал:

— Давайте отдохнем десятку минут. Соберемся мыслями, духом... После перерыва

вам, Николай Михайлович, слово для выступления. Откройте форточку...

Во дворе, под навесом, у щита с пожарным инвентарем, курил Павлищев. Подошел Юрченко, развел руками, сделал вдох-выдох, поразгibal поясницу. Потом сказал:

— Хорошо вы, Николай Михайлович, выразились: «сверх всяких сил»... Это верно...

Павлищев не поддержал.

— Господи,— вздохнул Юрченко,— а где-то сейчас тепло, даже жарко. Люди купаются, загорают...

— Что? — не понял Павлищев.

— Я говорю: тысячи людей сейчас отдыхают. Голубое небо, песок... А нам — эта мука. Толчем воду в ступе.

— А кто-то, Сергей Васильевич, в реанимации сейчас... — сказал Павлищев.— Последние глотки воздуха ловит. Я, Сергей Васильевич, всегда думаю о тех, кому хуже.

— Типун вам на язык.

Гращенков в буфете пил чай. К нему подошла секретарша директора:

— Павел Егорович, вас к телефону Тураев, из обкома.

...Гращенков в кабинете Павлищева. Прижал трубку, слушает:

—...Уже спрашивал о тебе два раза. Велел напомнить, что больше тянуть нельзя...

— Мы работаем, не гуляем. Вопрос не простой...

— Вот тебе наше мнение: кончай канитель. Надо отбросить тонкости и заставить банк выдать фабрике деньги. Сегодня же, без всяких отсрочек... Павлищев наш старый кадр, мы его знаем, имей это в виду...

— Это что — приказание? Решение бюро?

— Павел Егорович, я вам сказал — это мнение. Рабочий совет. Поймите его, пожалуйста, правильно.

— Анатолий Карпович, я человек в области новый и хотел бы с первых шагов иметь серьезную репутацию. Мне это дело поручено, и руководствоваться я буду законом и совестью. Я тоже прошу понять меня правильно.

Партком. Выступает Павлищев:

— Я много говорить не хочу. Павел Егорович призвал нас сосредоточиться на ошибках. Это правильно. Мне вначале показалось, что самое главное в эксперименте — это получить свободу маневра, избавиться от вмешательства главка. Оказалось, что этого мало. Может быть, труднее всего — это переделаться внутренне: избавиться от

хватательного инстинкта, научиться считать и взвешивать, больше требовать от людей. Всего этого мне не хватило, в этом мои ошибки, я готов отвечать...

— Николай Михайлович,— влез в паузу Цирин,— вот вы говорите: ошибки, ошибки. А почему у вас раньше их не было? До эксперимента?

— Ошибки у нас всегда были,— сказал Павлищев.— Даже больше. Но раньше государство за них расплачивалось, а теперь платим сами. И приходится замечать.

— Вот именно,— оживился Ефимов.

— Владимир Иванович,— обратился к нему Павлищев,— я знаю за собой еще десяток просчетов и недостатков и, если вам мало, готов терзать здесь душу до истощения... Вот на этот листок я выписал меры, которые мы предпримем. Здесь наметки по кадрам, по экономии, по контролю.— Он передал листок Гращенкову.— Прошу судить объективно, способны мы делать выводы или нет.

Гращенков передал бумагу Ефимову и спросил у Павлищева:

— У вас всё?

— Что же еще? По-моему, все.

— Нет, не всё,— раздраженно сказал Баженов и вышел на два шага вперед.— Николай Михайлович говорил об ошибках. Одна ошибка, другая... Как будто мы на контрольной по арифметике. А дело не в отдельных ошибках. Условия изменились, а навыки и стиль руководства остались на нашей фабрике прежними. У нас люди ничего не решают и вообще мало значат. Совет бригадиров у нас бездействует, предложения рабочих не изучаются, возражения и мнения специалистов часто не принимаются в расчет. Мы как привыкли: один за всех, все за одного. В новых условиях этого уже недостаточно. Каждый должен прежде всего отвечать за себя. Нужно задуматься и понять: если не изменим стиль отношений, провалы неизбежны и в будущем!

— Правильно,— сказал с места Ефимов.— Вот это правильно!

— Владимир Иванович, вы ознакомились с предложениями? — спросил Гращенков.— Можете нам что-то сообщить?

Ефимов помолчал и сказал:

— Учитывая все, что мы выслушали, банк считает возможным выдать фабрике деньги. Мы нашли необходимую сумму, не нарушив условий эксперимента.

Все задвигались, облегченно заулыбались. Павлищев насторожился:

— Простите, не совсем ясно... Какая-то странная формулировка. Что значит нашли?

Ефимов ответил:

— Вы построили за счет банковского кредита два жилых дома. Мы берем из

последнего дома двенадцать квартир, а их стоимость передаем вам наличными.

Павлищев возмущенно вскочил:

— Да вы что?! Нашли! Вы топор под лавкой нашли! По какому праву? Это наш дом, наши квартиры!

— Какая-то ерунда! — поддержала его Лукьянова. — Как это свое отдавать?

— Вот это да! — хмыкнул Грубин.

— Нет, я жилье не отдам, — решительно заявил Павлищев. — Для меня это слишком... Люди этого не простят...

— Николай Михайлович, — сказал Цирин, — вы все-таки забываете, в какой вы ситуации... Может, вы хотите закрыть эксперимент?

Ефимов напряженно смотрел на Павлищева.

— Нет, — сказал Павлищев после паузы. — Я тоже автор эксперимента и не согласен его закрыть...

— Но выхода же нет! — взвился Цирин.

— Есть выход, — сказал устало Павлищев. — В Положении есть двадцать второй параграф, можете пустить его в ход.

— Какой параграф? Что за параграф? — послышались голоса.

Ефимов молчал. Павлищев стал говорить:

— В случае неплатежеспособности фабрики и в целях повышения личной ответственности... Так, товарищ Ефимов? Банк имеет право поставить вопрос о смене руководства... Так? Правильно?

— Правильно, — подтвердил Ефимов.

— Тогда применяйте, — сказал Павлищев. — Считайте меня банкротом, попробуйте без меня...

Он расстегнул под галстуком воротник и вышел из комнаты.

Стало тихо, все смотрели на Гращенкова.

Он встал и сказал:

— Ну что же, позиции прояснились... Давайте вместе решать...

МАТИ УНТ (родился в 1944 году) окончил филологический факультет Тартусского университета, работал завлитом в театре «Ванемуйне». С 1980 г. М. Унт выступает в качестве режиссера, им поставлено более 25 спектаклей в Государственном Молодежном театре в Таллине. Член Союза писателей СССР. М. Унт автор повестей и романов, в том числе «Прощай, желтый кот», «Маттиас и Кристина», «Осенний бал» и ряда пьес. Его произведения неоднократно удостаивались литературных премий. По сценарию М. Унта поставлен художественный фильм «Цену смерти спроси у мертвых».

Фильм по литературному сценарию Мати Унта «Через сто лет в мае» ставит на киностудии «Таллифильм» режисер Кальё Кийск.

МАТИ УНТ

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ В МАЕ

Пустое помещение казармы. Аккуратно заправленные койки. Неожиданно в казарму влетает пачка листовок. На мгновение через открытое окно мы видим Вильгельмине Клементи и девушку-блондинку. Девушки молча переглянулись и бросились бежать. Слышен тихий наигрыш гармошки — он доносится из глубины казармы. Сквозняк вынес листовку в коридор, где стройными рядами стоят винтовки.

Окна казармы ярко освещены. К звукам гармошки присоединяется приглушенный девичий смех. Девушки добежали до парка и уже смеются без удержу.

29 апреля 1922 года, 15 час. 00 мин.
Сверху хорошо видно, как полем идет

поезд. Вдали показался пограничный пункт, он приближается.

— Так это и есть Эстония? — слышится голос.

И другой голос отвечает:

— Да, это и есть Эстония.

Из окна купе смотрят два поэта. Один из них худой и длинный, с романтической шевелюрой, с красной гвоздикой в петлице, другой — кудрявый и русоволосый.

Поезд замедляет ход. Чиновники в роскошных мундирах направляются к поезду.

— Кто это? — спрашивает кудрявый.

— Не знаю, — худой удивленно пожимает плечами. — Две недели назад, когда я ехал в Москву, их еще не было.

Чиновники входят в вагон.

— Таможня Эстонской республики, — важно произносит один из них.

— А я решил, высшее военное командование.

— Позавчера получили новые мундиры. Таких мундиров нет ни в одной другой стране,— тем же важным тоном объясняет чиновник.— Что провозите?

— Мы поэты, можем представить вам только свои мозги,— отвечает кудрявый поэт.

— У нас в Эстонии мозгов хватает.

— Мой друг, один из известных русских имажинистов,— вмешивается в разговор худой и длинный.— Господин перевел большую подборку эстонской поэзии, а я, в свою очередь, — его избранные стихи.

Видно, что таможенник не слишком-то разбирается в поэзии, еще меньше он знает имажинистов.

— Все-таки вернулись,— обращается он к эстонскому поэту.— Не понравился красивый рай.

— Хочу сначала показать своему советскому другу буржуазный рай.

— Замечательная мысль,— сказал чиновник, поднося руку к фуражке.— Желая хорошо провести время.— И вместе со своим спутником вышел из вагона.

Поезд медленно двинулся дальше. Глядя в окно, русский поэт меланхолически что-то напевает. Эстонский поэт вывалил на полку все содержимое дорожной сумки и аккуратно складывает обратно. Несколько икон, книги, золотые рубли...

Он уложил свои покупки, затем не спеша снял туфли, носок. Достал из носка письмо, разгладил на коленке и сунул за пазуху.

— Надо передать одному человеку,— ответил он на молчаливый удивленный взгляд своего товарища.— Правда, я не знаю, где он живет.

— А кто знает?

— Не знаю, кто знает.

— Имя-то знаешь?

— Ох, кто не знает его имени...

15 час. 30 мин.

Сначала послышался шум. Видны взволнованные лица. Потом мы услышали отдельные выкрики:

— Кингисепп!

— Конечно, Кингисепп!

— Кто же еще, как не Кингисепп!

На трибуне стоит человек. Это Кягу. Идет заседание Государственного собрания. Он все время порывается что-то сказать, но из-за шума не может. Наконец, уловив момент, говорит:

— При чем здесь Кингисепп?

— Кто вам пишет речи? Да, кто? Говорит,— снова слышатся голоса из зала.

— Господа, я протестую! — Кягу повышает голос:— Мои слова о разделе имений...

Но ему снова не дают говорить.

— Имения делят затем, чтобы крестьяне получили землю! А Кингисепп хотел сохранить имения! Вместо баронских имений красные имения!

Поднимается глава государства.

— Кингисепп... — обращается он к Кягу. — Я не Кингисепп!

— Мне это неважно. За вами все равно стоит Кингисепп. Ваш Кингисепп не понимает наших крестьян. Кто были хозяева эстонского крестьянина? Немцы, датчане, русский царь, шведы, поляки! И теперь, когда он после семи веков впервые получает землю, Кингисепп против. Что же вам еще нужно?

— Прочный мир с Советской Россией.

— Мир установлен уже два года назад — мы подписали его в Тарту.

— Даже ваш Ленин сказал,— кричит с места Тыниссон,— что этот мир прорвал блокаду, что это окно в Европу и неслыханная победа над мировым империализмом!

— Но какой ценой для Советской России! — парировал его Кягу. — Вы же не хотели мира! Вы мечтали взять Петроград! А наша цель — создание трудовой Советской Эстонии, которая установит с Советской Россией новый, справедливый мир!

И снова раздались выкрики:

— Чистый Кингисепп! Не Кингисепп, а Ленин! Кингисепп!

Председатель зазвонил в колокольчик.

— Лишаю вас слова!

Кягу покидает трибуну.

— Господа! — обращается к присутствующим наиболее активный депутат.— Все ведь могло быть здесь в полном порядке и благополучии, здесь, на высоком плитняковом берегу Балтийского моря. Но не может быть в нашем народе единодушия, пока действует Кингисепп! Наше терпение исчерпано!

В ответ раздаются овации, свист.

Глава государства и министр внутренних дел выходят в коридор.

— Через два дня будет майская демонстрация,— наклоняется к главе министр.

— Ну и пусть.

— Но...

— Мне нет до этого дела. Вы отвечаете за порядок в республике.

16 час. 00 мин.

Худое, изможденное лицо Кингисеппа, глаза горят. Он диктует речь для митинга

на первомайской демонстрации, и в конце голос его звенит на высоких нотах:

— Я повторяю: трудовому народу — свободу слова и печати! Покончить с политическими обвинениями! Свободу политзаключенным! Так. Это наши прописные истины, их не так уж много. Но за них надо держаться! Каждую минуту! Чтобы я последний раз слышал о каких бы то ни было компромиссах! Оставьте это удовольствие социалистам! Ойнасам и прочим! Мы будем работать только при таких условиях и только, только, только!

Теперь мы видим, что он стоит в крошечной комнатенке: стол и кровать.

— Все,— говорит он темноволосой девушке.— Сегодня Кягу должен ее получить, а послезавтра... — И после паузы: — Ты проголодалась?

Девушка молча качает головой. Кингисепп садится на кровать. Смотрит на девушку, улыбается. Девушка порывается что-то сказать, но он опережает ее:

— Не говори. Я знаю. Помолчим.

16 час. 30 мин.

На площади Свободы идут последние приготовления к снятию статуи Петра Первого. Статуя окружена лесами. Устанавливают блоки. За происходящим наблюдает группа зевак. Чуть поодаль, на углу Яановской церкви, какой-то человек суетится у странного предмета, накрытого тряпичей. Никто не обращает на него внимания. Он стягивает тряпицу — это весы. Человек возится с весами, потом приколачивает к растущему рядом дереву табличку: «Взвешивание людей». Внизу, помельче, написана цена. Человек выжидательно разглядывает прохожих.

Подходит полицейский.

— Ты что, первый день? Вроде бы раньше я тебя не видел.

— Конечно, первый.

— Разрешение есть?

Человек протягивает полицейскому бумажку и при этом подсказывает:

—... настоящим... что дозволено взвешивать людей... у церкви святого Яана...

Полицейский молча кивает и возвращает бумагу.

— Может быть, господин полицейский согласится быть первым клиентом? — Полицейский не проявляет особого энтузиазма. — Разумеется, первый клиент взвешивается бесплатно.

Полицейский встает на весы. Человек старательно взвешивает его.

— Восемьдесят пять кило.

Статую обвязывают веревками и тросами.

30 апреля, 12 час. 30 мин.

В помещении охраны собрались полицейские и шпики. Перед ними выступает начальник охраны:

— Господа! Только что я имел беседу с главой государства, который сказал, что завтра, первого мая, не исключена попытка государственного переворота. Это означает, что мы должны быть наготове. Я не буду распространяться, повторять то, что известно каждому. Все знают свои задания?

Он окидывает взглядом собравшихся. Все по очереди кивают, произнося при этом «да», «конечно». Один молодой человек не отвечает.

— А вы? — обращается к нему начальник.

— Я не знаю...

— Вообще, кто вы такой? Новенький?

— Это точно.

— Тогда держитесь господина Варфоломеева.

Варфоломеев встает и кланяется. Молодой человек кланяется в ответ:

— Хаусман.

— Господин Хаусман, господин Варфоломеев — человек опытный. Никто из нас не может похвалиться тем, что работал председателем центрального совета профсоюзов. А господин Варфоломеев может смело это сказать. Он пользовался доверием самого товарища Кингисеппа. Теперь он может сказать, что заслужил особую ненависть товарища Кингисеппа. Учитесь у него, молодой человек, набирайтесь опыта. — И обращается ко всем: — Если бы теперь, господа, вы наконец привели бы сюда товарища Кингисеппа, было бы замечательно. Приступим к детальному плану.

21 час. 00 мин.

Комната Кингисеппа на улице Кару, 14, в задней части домика Тельманов. На столе горит лампешка. Кингисепп пишет. Потом ставит точку, подводит черту. Вынимает из кармана часы, смотрит время, захлопывает крышку. Встает, надевает пальто, шляпу. Достает из ящика револьвер, проверяет, заряжен ли, шелкает предохранителем. Кладет револьвер в нагрудный карман. Задувает огонь.

Кингисепп мгновение стоит неподвижно, глядя в окно на красный закат, потом внезапно выходит.

В хозяйской комнате мамаша Тельман, ей около шестидесяти, гладит белье.

— Так поздно на улицу? — спрашивает она.

— Надо же подышать свежим воздухом. — Кингисепп закрывает за собой дверь.

22 час. 00 мин.

Уже темно. Посреди площади Свободы все еще возвышается статуя Петра Первого. Площадь заполнили несколько грузовиков, около полдюжины десятка подвод. Толпа зевак. Рабочие приготовились снимать статую. Они прикрепили ее бревнами к треугольнику и тянут с основания вверх. Помогают себе криками: «Раз-два — взяли!» Пожилая дама, по виду белоэмигрантка, спешит к статуе с венком, но полицейский отводит ее в сторону. Статую сдвинули с постамента и, тихонько раскачиваясь, она зависла в воздухе.

В толпе стоят знакомые нам поэты.

— Петр был великий человек! — восклицает русский поэт. — Потом пожалеете. С гениями не стоит поступать по моде сегодняшнего дня.

— Ерунда! — возражает ему эстонец. — У нас есть свои герои, которые будут стоять на этом месте.

— Кто же, позвольте спросить?

— Да хотя бы Калевипоэт.

— Ах, тот мифический герой!

— Наш эпос кончается словами, что настанет такое время, когда Калевипоэт проснется и вернется к своему народу. Принесет нам счастье. Новую жизнь.

— Так, значит, он прибыл?

— Ну... фигурально... да.

— Это всемирно известный мотив об умирающем и воскресающем герое. Дионис, Таммуз, Христос, Озирис. Мы вот намерены сохранить статуи былых героев. Нельзя переделывать историю каждый день.

— Что-то я нигде не видел памятников царям.

— Царь царю — рознь. Петра мы оставим.

Не очень-то обращая внимания на происходящее, по площади прогуливались два неприметных на вид человека. Они лишь изредка поглядывали на памятник.

— Осторожно, господин министр внутренних дел, — обратился к одному из них полицейский.

Министр поднял голову и посмотрел на статую Петра, покачивающуюся почти над самой его головой. Усмехнулся и взял своего собеседника за рукав:

— Господин государственный контролер, поберегитесь.

Они отходят от места работ и смотрят на парящего в воздухе массивного Петра уже издали.

— Ну, значит, завтра мятеж, — как бы подводит итог беседе министр.

— Можно полагать, — не совсем соглашается с ним государственный контролер и после короткой паузы добавляет: —

Народ, который прожил без войны два года, так запросто не взбаламутить.

— Кингисепп мыслит иначе. Впрочем, и у нас свои мысли на этот счет.

— Так завтра в одиннадцать? — переводит разговор государственный контролер.

— Да, утро вечера мудренее.

Они обмениваются рукопожатием и направляются к автомобилям.

Ярко подсвеченная снизу статуя Петра нависает над толпой.

22 час. 30 мин.

Государственный контролер Ойнас оставил авто на углу, вышел, отпустил машину и, вдохнув полной грудью бодрящий воздух, пошел по бульвару. Он шел, пристально глядя себе под ноги, потом остановился, вглядываясь в темноту. Ему что-то почудилось, и верно: за голыми деревьями угадывалась чья-то фигура. Ойнас и не думал пугаться, он шагнул вперед, пока не оказался нос к носу с Кингисеппом.

— Здорово, господин государственный контролер, — тихо поприветствовал его Кингисепп.

— Здорово, господин ниспровергатель государства. Зайдешь?

— Раз уж приглашаешь, отказываться невежливо.

— Одноклассник, куда мне деваться, — сказал Ойнас и прошел вперед.

Он открыл калитку дома и пропустил Кингисеппа вперед. Запер калитку, на всякий случай посмотрел по сторонам и пошел по садовой дорожке вслед за Кингисеппом.

Светила луна. Кингисепп шел впереди и мурлыкал «Варшавянку». Ойнас сделал вид, что не слышит, отпер дверь. Прежде чем запереть ее, еще раз оглянулся.

Когда они вошли, не сказать чтобы в шикарную, но все же солидную гостиную, и когда Ойнас старательно задернул занавески, Кингисепп опустился в глубокое кожаное кресло и почти утонул в нем.

— Альма, у нас гость, — негромко говорит Ойнас.

— Пусть спит.

— А-а, какой там спит.

В дверях появляется Альма Ойнас. Кингисепп встает со словами:

— Обратите внимание, встаю перед соци-ми.

Но тут его качнуло, и он опускается обратно в кресло.

— Что с тобой? — испуганно бросается к нему Альма.

— Аспириин!

Ойнас спешит в кухню. Кингисепп закрывает глаза.

— Свежий воздух ударил мне в голову. Возвращается Ойнас с водой и аспирином. Кингисепп глотает порошок и запивает. Быстро открывает глаза.

— Яд?

— Виктор! — восклицает Альма.

— А почему бы и нет?

— Виктор, мы хотим тебя спасти. Да, спасти.

Кингисепп наклоняется вперед и пристально смотрит на супругов.

— Через пару дней начнется! — начинает горячо Ойнас. — Кстати, ты сам все это заварил! Демонстрация! Небывалые массы. Хорошо... Но и нашему терпению есть предел. Ладно, это первое мая станет твоим звездным часом. Но потом все. Мы не такое сильное государство, чтобы держать тебе подобного.

— Звони в полицию! Сейчас же! — Кингисеппа явно разозлила тирада Ойнаса.

Ойнас идет к столу, отпирает ящик и достает оттуда папку. Подходит с ней к Кингисеппу и говорит очень тихо:

— Дело в том, что тебе не надо ехать через Финляндию. И вообще на восток.

Кингисепп молчит.

— Есть возможность уехать в Швецию. Паспорт у меня. Пожалуйста, — Ойнас достает из папки паспорт, протягивает его Кингисеппу.

Тот долго смотрит на него. Шведский паспорт красив и солиден.

— И так простенько вы хотите от меня отделиться? — наконец произносит он.

Поднимается с кресла и, держа паспорт в руке, подходит к Ойнасу, так близко, как будто собирается его ударить. Альма торопливо встает и опрокидывает чашку. Кингисепп кладет паспорт в лужицу чая и вдруг улыбается:

— Так просто!..

— Ты такой жестокий, — говорит раздраженно Ойнас. — Уже не можешь выйти из роли героя.

— А знаешь, какую роль ты мне предложил?

— Господи! — в сердцах восклицает Альма. — Ты же не знаешь, что творится! Ты живешь в своем замкнутом мире, ты нарочно себя изолировал!

— Я все знаю, — с сарказмом произносит Кингисепп. — Поэт говорит: «Меня опять так манят рестораны и женщины пьянящие в канкане, вино искристое и тонких блюд парад, и кабинетов дразнящий аромат...» — И уже другим тоном добавляет: — Боже мой, видел бы меня сейчас мой верный Мальм*.

— Мальм? — удивляется Альма.

— Это кличка.

— Ну, конечно. А как твоя кличка?

— У меня нет подпольной клички, у меня есть только прозвища. Например, «подпольный диктатор». Такие-то дела! Кстати, в тысяча девятьсот десятом году в эстонском клубе в Курессааре я играл роль пастора, и мне удалось добиться такой психологической убедительности, что публика рыдала! — Кингисепп подходит к двери, оборачивается: — Спасибо за аспирин. Любопытно, весна действует на меня, как на юнца. Я подозрительно возбужден. Запахи, почки. Даже на меня, старого разрушителя. По индусским поверьям я, наверное, возродился бы именно весной. Через сто лет в мае... Красиво звучит. Конечно, я пришел в приступе слабости. Больше я не приду. Всего хорошего!

23 час. 00 мин.

Дверь настежь — врывается полиция.

В Рабочем подвале в это время довольно много народа. Среди них мы видим знакомых: Вильгельмине Клементи, девушек — блондинку и брюнетку, депутата Государственного собрания Эдуарда Кягу.

— Вот разрешение на обыск, — полицейский протягивает последнему документ.

Кягу берег его, рассматривает и, пожав плечами, отдает обратно.

— Что же вас интересует?

— Мы хотели бы посмотреть на ваши лозунги.

— Разве мы не можем по случаю праздника трудового народа выступить с лозунгами, выражающими наши взгляды?

— Свои взгляды, господин Кягу, можете выражать сколько влезет, но не надо замахиваться на государство. Ребята, посмотрите лозунги и флаги.

Полицейские копаются во флагах и лозунгах, показывают их своему начальнику. Тот распоряжается отложить одни направо, другие налево. Собравшиеся в Рабочем подвале молча следят за его действиями.

— Это мы забираем, — говорит наконец начальник.

Полицейские сворачивают отобранные лозунги.

— Я скажу вам... — начинает Вильгельмине Клементи.

— Слушаю вас, сударыня, — вежливо оборачивается к ней полицейский начальник.

— Вы можете отобрать сколько угодно лозунгов и флагов, но рано или поздно мы все равно одолеем вашу республику! Слушите?

— Продолжайте, сударыня Клементи, если не ошибаюсь.

* В переводе с эстонского — Чугун.

— Я говорю, что...

— Я слышал,— перебивает он ее.— У нас свободная страна, и всякий волен делать, что ему хочется.

Возле начальника все время трется человек в штатском, который внимательно рассматривает всех, слушает и время от времени что-то записывает в блокнот.

Неожиданно для всех Вильгельмине Клементи выступает немного вперед:

— «Если же под обломками суждено погибнуть и мне, пусть мое сердце исчезнет в синей глубине, чтобы воскреснуть в морской волне и у родного берега, холодного и песчаного, петь о великой печали моей души, о печали холодной и жестокой, как решетки этой тюрьмы, темной и безысходной, как могильные эти холмы, о печали глубокой, как море за этим кладбищем!»

Это стихотворение в прозе, написанное Фридебертом Тугласом в 1905 году, Вильгельмине Клементи прочла с такой силой, что полицейские приходят в замешательство и на минуту прекращают свое дело. По знаку начальника они собирают конфискованные лозунги и в молчании исчезают.

В подвале наступает тишина. Клементи приходит в себя. Все негромко аплодируют.

30 апреля. Полночь.

Стараясь не попадать на освещенные тротуары, по улицам идет Кингисепп. Идет он довольно долго, пока почти не сталкивается с женщиной. Это происходит до того неожиданно, что мы тоже вздрагиваем, мы не понимаем, кто эта женщина и как она появилась в свете фонаря. Кингисепп застывает на месте и смотрит женщине в глаза. Рука нащупывает в кармане оружие.

Женщина улыбается, Кингисепп улыбается ей в ответ.

— Я живу тут рядом,— говорит она.

— Ну и живи себе дальше на радость людям,— Кингисепп пожимает плечами, обходит ее и продолжает свой путь.

— Я и чаем могу напоить... — Женщина идет за ним.

— С чаем или без чая, все равно ты продажная женщина,— говорит он ей через плечо.

Поодаль под деревьями угадывается темная фигура, но Кингисепп пока не замечает ее. Он останавливается на неосвещенном месте, поворачивается к женщине, улыбается и тихо произносит:

— Шлюхи — продукт буржуазного строя. В обществе будущего их не станет. Почему так? — Некоторое время молчит.— Я скажу.— Проходит дальше под деревьями,

женщина не отстает.— Понимаешь, все начинается с любви. Что такое любовь? Это отношения. Прежде всего, между двумя людьми. От человека к человеку ведет мостик, скажем, по-немецки: brücke. Преодоление этого brücke требует усилий. Нужно смотреть, чтоб не брякнуться в воду. Преодоление brücke — это подвиг. Подвиг доставляет радость. А ты? С тобой все иначе. Ты сама предлагаешь себя. До тебя доходят все без brücke, за деньги. Ни подвига, ни радости. Мне не надо тебя завоевывать. Ты все равно будешь моя, и поэтому ты меня не интересуешь. А жаль. Потому что... — он улыбается и продолжает с легкой иронией: — Ничто человеческое мне не чуждо. Слушай, а жить стоит?

— По-моему, да,— кивает женщина.

Кингисепп оглядывается и умехается: — Спасибо. Это-то мне и нужно было. До свидания.— И он уходит от нее в тень деревьев.

— У тебя такой красивый голос,— слышит он уже издали.

Кингисепп оглядывается, откашливается и шагает дальше. Мурлычет Шуберта: «Leise flehen meine Lieder durch die Nacht zu dir...»

Тьма поглощает его.

00 час. 30 мин.

И снова мы видим, как он бредет по тенистому бульвару.

Пахнет весной. Из окон большого дома доносится музыка. Окна распахнуты. Кто-то играет на фортепиано «Элизе» Бетховена. Видны силуэты людей за шторами. Кингисепп стоит и наблюдает жизнь, которая давно стала для него чужой.

Он наконец дошел до окраины. Остановился у канавы и смотрит на быстро текущую воду. Вдали едва-едва слышатся звуки фортепиано. Так он и стоит один в весенней ночи.

00 час. 45 мин.

Работает типографский станок.

Тыниссон быстро входит в типографию, где печатается его газета, и подходит к машине. Тыниссон высок, седобород, неожиданно энергичный для своего возраста человек. Проглядевает оттиск, приходит в ярость. К нему подбегает мастер.

— Чушь! — кричит Тыниссон.— «...сохраним в чистоте свой очаг... сохраним чистоту души и национальное чувство нации» — чушь! И при чем тут Россия?! Вместо того, чтобы уладить свои собственные дела, которые у нас так запутаны, глава госу-

дарства начинает ссориться с Россией. Эта чушь моей газете не нужна! В наше время государством должен управлять человек с твердой рукой, а сей глава даже Кингисеппа поймать не может! А я абсолютно уверен, что Кингисепп бродит в каком-нибудь километре от его собственного дома. Будь мужиком и лови! Так ведь нет мужика! Зато России злить смелость есть! Россия не виновата, что мы своего ниспровергателя государства поймать не можем! Так что весь этот туман вон и запустать машины!

1 час 00 мин.

По тротуару движется темная фигура. Кингисепп приглядывается и выходит из-за дерева:

— Руки вверх!

Темная фигура тут же поднимает руки:

— Это я.

— Знаю, что ты. Теперь быстро опусти руки и давай сюда.

Фигура опускает руки и подходит к Кингисеппу. Это Линкхорст, подпольная кличка Мальм, правая рука Кингисеппа.

— Ты зачем преследуешь меня, Мальм?

— Нельзя же позволить тебе бродить одному.

— У меня что, не может быть личной жизни?

— Не может, дорогой Виктор,— лукаво говорит Линкхорст.

— А может быть, в моей жизни есть интимные стороны, которые мне совсем бы не хотелось рекламировать?

— Нет, товарищ Кингисепп, вся твоя жизнь должна быть известна товарищам,— с нарочитой суровостью произносит Линкхорст.

— Ты всегда будешь ходить за мной по пятам?

— Всегда,— сочувствует ему Линкхорст.

— И стоять у моей кровати?

— Да, если это кровать не на улице Кару.

— Разве это жизнь?

— Ты сам так учил.

— Гм. А теперь иди домой.

— Пошли вместе.

— Чтоб тебя черти взяли.

— Не возьмут меня черти.

— Это я, к сожалению, знаю.

Некоторое время они идут молча.

— В Рабочем подвале был обыск,— сообщает Линкхорст.— Забрали часть лозунгов.

— Ну и...

— Делают новые.

— Лозунги, лозунги. Отлично. А что дальше?

Линкхорст молчит, потом говорит:

2 Альманах «Киносценарии» № 1

— Да, соцы возьмут власть. Сейчас мы ходим здесь вдвоем, но все больше людей аплодируют реформам.

— Может, и ты?

— Ну, черт подери!

— Спасибо, Мальм!

Они опять идут молча. Линкхорст ступает в лужу и тихонько ругается.

— Не ругайся, Мальм. Вдыхай весну.

— Тс-с...

Они замирают. Невдалеке дорогу переходят двое мужчин. Они громко разговаривают и жестикулируют. Их голоса стихают, и над городом слышатся клики журавлей. Ночь наполняется их кликами. Кингисепп снимает шляпу и, задрав голову, смотрит в ночное небо.

— Через год нам уже не надо будет так красться,— голос Линкхорста.

— А что тогда будет? — голос Кингисеппа.

— Тогда будет республика трудящихся, товарищ Кингисепп.

— Верно, товарищ Мальм.

Над городом летит длинная стая журавлей.

1 час 30 мин.

Кингисепп тихонько проскальзывает в дом. На минуту останавливается в комнате девушек. Трясет за плечо Соломонию.

— Отстань,— говорит она сквозь сон и открывает глаза: — Что случилось?

— Встань, а? Я хочу диктовать. Завтрашнюю речь.

— Сейчас?

— А когда же еще? Поднимайся.

Соломония зажгла свечу, надела юбку и направилась в комнату Кингисеппа. Она еще не отошла от сна и, позевывая, начинает печатать.

— Пролетарии! Товарищи и братья! Продемонстрируйте эксплуататорам в день Первого мая, что эстонский трудовой народ не хочет быть вечно притесняемым. Он поднимается на борьбу с твердым намерением — разорвать цепи наемного рабства. Смело и решительно бросьте в лицо спесивым прожигателям жизни: долой капиталистический строй! Да здравствует коммунизм! Да здравствует Коммунистический Интернационал! — И тут только Кингисепп посмотрел на Соломонию.— Слушай, ты же спишь! Проснись! Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Соломония трет глаза и вдруг замечает на стене портрет.

— Кто этот дядечка?

— Этот дядечка француз... Однажды он сказал в парламенте: для того, чтобы

пролетариат не смог установить мир на земле, капиталистические государства и фабриканты время от времени должны развязывать войны. Этого дядечку застрелили в кафе за день до начала мировой войны. Звали дядечку Жан Жорес.

Соломония молча смотрит на портрет. Лицо Жореса в колеблющемся пламени свечи.

1 мая, 5 час. 00 мин.

В Рабочем подвале, устроившись кто где, спят люди. Они всю ночь делали новые лозунги.

Девушка-блондинка бросает кисть на стол, распрямляется.

— Ну вот и последний. Хватит.

Кладет голову на руки и засыпает. Пять раз где-то бьют часы.

8 час. 00 мин.

Кингисепп в свете утреннего солнца выглядывает из окошечка своего убогого жилища.

Несмотря на ранний час, мамаша Тельман развешивает во дворе белье для просушки. Раскисшая земля на огороде, стена сарая, крыши.

Поют скворцы.

Вдруг Кингисепп оборачивается и толкает дверь в комнату девушек.

— Флаг! Флаг! Я вижу, как развевается красный флаг!

Девушки вскакивают с постели.

— Пошли посмотрим! — зовет Соломонию Юлиана.

Соломония не так воодушевлена, и все же они, полусонные, направляются в каморку Кингисеппа.

— Где же флаг? — слышится оттуда голос Юлианы.

— В окно посмотрите! — Он сидит на кровати девушек.

В каморке молчанье.

Голый флагшток на крыше соседнего дома. Он такой голый, каким может быть голый флагшток.

— Да где же? Где? — снова голос Соломонии.

— Ты шутишь! — кричит Юлиана.

— У вас нет фантазии. — Кингисепп появляется в дверях своей каморки. — Комната полна девиц. Почему мне не дают спать? Почему я не могу отдохнуть от борьбы?

Девушки убегают в свою комнату. Кингисепп затворяет дверь, ложится на кровать и закрывает глаза.

8 час. 30 мин.

У Рабочего подвала начинают собираться

люди. Оркестранты прислонили инструменты к стене дома. Возле двери — развернутый лозунг: «Да здравствует оплот революции — Советская Россия!»

В сторонке покуривали два шпика, наблюдая за происходящим. Девушки развернули еще один лозунг: «Шпиков — на торфяники!» Один из шпиков, приятный молодой парень, гасит окурочок о подошву и подходит к девушкам.

— Это запрещено, — говорит он спокойным голосом.

— Мы знаем, — отвечают девушки.

— Зачем же делали?

— Чтобы подразнить.

— Подразнили?

— Еще нет.

— Тогда я его конфискую.

— Чего-о? — одна из девушек звонко рассмеялась.

— Конфискую. — Резким движением парень вырывает лозунг из рук девушки, оставаясь все в том же благожелательном настроении. И говорит, улыбаясь: — Посылайте на торфяники своего Кингисеппа. И не ходите дразнить мужчин.

Лица у обоих — и у молодого человека, и у девушки — стали серьезными.

9 час. 00 мин.

В комнату падает солнечный луч.

Кингисепп ходит по своей комнатенке взад-вперед. Два шага туда, два обратно. В дверь стучат.

— Я сдаюсь! — Он останавливается.

— Чего? — слышится за дверью голос мамыши Тельман.

— Я не окажу никакого сопротивления. Я иду пить ваш буржуйский кофе за вашим буржуазным столом.

Он глядит в окно. Видит, как какая-то старуха копошится в соседнем саду. Там же стоит старик, засунув руки в карманы брюк, и смотрит в сторону дома № 14 по улице Кару.

Кингисепп отодвигается в глубину комнаты, надевает жилет. Смотрится в маленькое зеркало, разглядывает передние зубы. Задумывается на мгновение. Потом выходит в соседнюю комнату, где девушки уже сидят за столом.

— К какому зубному врачу вы ходите? — обращается он сразу к обеим.

— У нас здоровые зубы, — отвечает Юлиана.

— Ну, конечно, конечно, — разводит он руками и подсаживается к столу. — Где точила для ножей? Я не вижу точил! — говорит он внезапно очень зло. — Почему мне не дают точила для ножей?!

Из кухни в дверь заглядывает мамаша Тельман.

— У вас здоровые зубы, а я не могу получить даже точила для ножей! Когда мы возьмем власть, этих точил будет сколько угодно. На каждого по две пары.

Женщины молчат, не зная, как воспринять его слова — как шутку или серьезно.

— Почему именно две? — спрашивает Соломония.

— Чтобы никто не мог сказать, что чего-то не хватает, — говорит Кингисепп, принимаясь за еду. — К тому же есть и практическая необходимость. На одной паре эстонец будет точить столовый нож, на другой... финку. Чтобы удобнее было закалывать соседа, — продолжает есть. — Ох, сколько вещей нужно этому народу! Он получит их все.

Мамаша сидит у стола на краю скамейки и смотрит на Кингисеппа, улыбается.

— Когда? — серьезно задает вопрос Юлиана.

— Когда Калев придет домой и проведет нам электричество? — не отвечая ей, спрашивает, в свою очередь, Кингисепп. — Раз нет электричества, не буду больше платить за квартиру. Нет, это какая-то чепуха. Красный диктатор желает почитать газету «Strategie und Taktik» и не может. Свеча тоже сгорела.

Никто не отвечает на его тираду.

— Ну, мы пошли, — Соломония встает из-за стола. — Принесем белье.

— Да, пойдём! — Кингисепп вытирает рот платком, сморкается и тоже встает из-за стола.

9 час. 20 мин.

Поодиночке и небольшими группами люди торопятся к местам сбора. На многих надето что-нибудь красное: чулки, рубашка, галстук, берет.

9 час. 25 мин.

Возле памятника «Русалке». Только два человека идут от обелиска к морю. Это наши знакомые поэты.

9 час. 27 мин.

У Рабочего подвала собираются люди. Играет оркестр. Разбирают новые лозунги и флаги. Появляются трое-четверо конных полицейских. На другой стороне улицы останавливается грузовик, в кузове которого двое в штатском.

9 час. 30 мин.

Девушки Тельман с бельем в руках идут по двору. Они возбуждены в предвкуше-

нии предстоящего майского праздника. Входят в дом и застывают на месте.

Кингисепп в пестром женском платье сидит за кухонным столом и красит губы помадой. Он занимается этим делом очень серьезно и даже не оборачивается. Девушки молча наблюдают за ним, и лица их становятся тоже очень серьезными.

— Кто отец конспирации в Эстонии? — словно бы про себя говорит Кингисепп и смотрит на девушек. — Я, Виктор Кингисепп. Вы же меня не узнаете, верно? Я изменился до неузнаваемости. Для шпиков я простая девчонка с окраины. — Он продолжает красить губы.

Только теперь девушки приходят в себя и смеются от всей души. Они просто заливаются, хохочут даже больше, чем дело того стоит. В дверях появляется и мамаша Тельман.

— Я даже не знаю... Платье на нем уже было, потом помаду потребовал...

— Итак, девушки, пошли на майский праздник!

Кингисепп обнимает обеих девушек и поет, кружит девушек, пока не закашливается. Он кашляет и кашляет, наконец в промежутках ему удается сказать несколько слов:

— Хорошо, хорошо! Идите, милые. Это была шутка. — Снимает платье, остается в блузе и брюках. — Теперь шутка кончилась. До свидания. Держите хвост пистолетом.

Уходит к себе, тихо прикрывает дверь.

— Пошли, — говорит Юлиана сестре шепотом.

Девушки выходят.

— Ну, я тоже пойду... — тихо произносит под дверь мамаша Тельман.

Кингисепп открывает дверь.

— Ты тоже? — И добавляет с притворным упреком: — И ты, мамочка...

Оба молчат.

— Дверь запрешь на замок? — спрашивает Кингисепп.

— Ключ-то у тебя есть.

— Да, ключ у меня есть.

— Так я пошла.

Она уходит. Кингисепп слушает, как ключ поворачивается в замочной скважине.

Со двора какого-то дома, из-за сарая, выходит хорошо одетый крепкий мужчина среднего роста. Дойдя до калитки, он быстро отступает назад. По улице спешит на демонстрацию группа взрослых с детьми. Они миновали калитку, и мужчина выходит на улицу.

9 час. 45 мин.

Линкхорст жарит яичницу и насвистывает.

Раздается стук в дверь. На лице Линкхорста не дрогнул ни один мускул. Он аккуратно снял с плиты сковородку, подошел к двери и прислушался.

Снова стучат. Это пароль. Линкхорст открывает дверь. Входит Креукс, человек, которого мы только что видели.

— Ты еще не при параде?

— Главное — парад в душе, товарищ Креукс.

— Мало, мало, товарищ Мальм.

— А чего же еще?

— Давай, двинули.

— Сумасшедший, — говорит Линкхорст, оглядывая его с головы до ног.

— Надо же посмотреть это дело.

— Это дело может плохо кончиться.

— Демонстрация?

— Нет, наше дело.

— Боишься?

— Ничего я не боюсь. Ты что, не знаешь приказа Виктора?

— Почему не знаю? Знаю. Да он сам потом «спасибо» скажет.

— За что?

— Что были на месте.

— Нет, я правил конспирации нарушать не стану.

— Надо же взглянуть на свою работу. Выводы будут нужны самому же Виктору. Сколько работы проделали, чтобы народ вышел на улицы. А ведь в основном это моя работа. Таллин мой город. Такое зрелище, старик! Когда власть будет наша, ты уже не увидишь такой демонстрации!.. Мальм!

Линкхорст продолжает молча жарить на плите яичницу.

— Ну, Мальм!

Линкхорст с гримасой страдания смотрит на Креукса.

— Ты можешь меня в чем-нибудь упрекнуть?

— Нет. Но быть там — прямая обязанность организаторов.

Линкхорст вздыхает и снимает сковороду с плиты.

10 час. 00 мин.

Бульвар Мере, дом пожарников, Вирусские ворота. Шествие тронулось. Флаги, лозунги, транспаранты. Красные платья, платки, чулки. Много детей.

Впереди ждет полиция, и, когда шествие доходит до полицейских, они возглавляют его.

Линкхорст, Креукс и девушки Тельман стоят в парке за кустами. Вдоль дороги много народа, наблюдающего за шествием.

Среди них есть и богато одетая публика. А по дороге уже движется колонна демонстрантов.

— Я хочу мороженого, — неожиданно говорит Юлиана.

— И я, — присоединяется к сестре Соломония.

— Зачем есть холодное? Да еще весной! Давай лучше я тебя обниму. — Линкхорст обнимает Юлиану. Та тихонько хихикает и пытается высвободиться.

— Минуточку. — Креукс выходит из-за кустов и направляется к продавщице мороженого.

— Назад, дьявол! — разъяренным шепотом пытается остановить его Линкхорст.

— Такая смелость сейчас — это уже лишнее, — обеспокоенно говорит Соломония.

— Смелость никогда не бывает лишней, — возражает ей Линкхорст.

— Он и самого черта не побоятся, — с гордостью говорит Юлиана.

Возвращается Креукс с мороженым. Сквозь толпу наблюдателей мы видим, как Юлиана целует его в щеку, а Линкхорст что-то сердито ему выговаривает.

— Ну, красиво? — спрашивает соседка один из богато одетых зрителей.

— Красный цвет красив, когда он на флагах, — отвечает тот.

— Кингисепп сегодня тоже должен был выйти... — наклоняется к ним третий.

Мы видим, как Юлиана и Соломония с мороженым в руках идут в одну сторону, а Креукс и Линкхорст — в другую.

12 час. 00 мин.

У моря, возле памятника «Русалке», тысячи людей. В них, словно большая река, вливается колонна демонстрантов. Вокруг памятника развеваются полотнища красных флагов. На нижних ступеньках — оркестр, на верхних расположился хор. Хор исполняет «Смело, товарищи, в ногу...» Многие в толпе им подпевают.

— Я предлагаю обнажить головы и почтить память павших товарищей. Слава павшим, проклятье палачам! — открывает митинг член коммунистической группы Государственного собрания Иоханнес Ванья.

Оркестр исполняет траурный марш. Обнажаются головы.

Варфоломеев снимает фуражку и медленно движется в толпе. Его сопровождают двое.

Кингисепп открывает окошечко своей комнаты и внимательно прислушивается. Ему кажется, что он слышит музыку,

доносящуюся из Кадриорга. Она доходит волнами. Кингисеппу приходится напрягать слух, потому что ему мешает пение скворцов в саду.

12 час. 50 мин.

Выступает член коммунистической группы Государственного собрания Александр Янсон.

— Приветствую вас от имени Центрального Комитета самостоятельной социалистической рабочей партии! Товарищи! Помните, что сказал Маркс: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Этот клич с каждым днем все больше становится реальностью, все более крепнет фронт общей борьбы. Осыпается шелуха с иуд социалистов, остаются только королевские министры, вернее, подручные буржуазии. Второй Интернационал тонет в словесном потоке. Желтые соцы боятся дела, они считают, что революция — это цветочный бал, и смотрят на революционное движение рабочего класса, как на семейную ссору. Да здравствует оплот революции Советская Россия!

Толпа возбужденно гудит. Слышны отдельные возгласы одобрения. Оркестр играет революционный марш. Народ теснится к памятнику, здесь же оба поэта. Возгласы одобрения все громче.

— Мне нравится,— говорит русский поэт.— Это поэзия масс. Я знаю спонтанную силу народа. Только одного не понимаю: как это разрешили?

— Это демократия,— гордо замечает эстонский поэт.

Из толпы к памятнику выходит член коммунистической группы Государственного собрания Кягу. Снимает шляпу, машет ею. Оркестр замолкает.

— Мы повторяем: свободу слова и печати трудовому народу! Покончить с политическими обвинениями! Свободу политзаключенным! Это наши азбучные истины! Их немного, и за них нужно держаться! Каждую минуту!..

Раздаются два выстрела.

В толпе начинается паника. Какой-то молодой человек бросает в толпу ракету-шутиху. Она шипит, подпрыгивает, бабахает. Люди разбегаются. Кричат дети. Какой-то старик падает навзничь. Отец, стоя на четвереньках, закрывает ребенка. Опустевшая площадь полна шапок, шляп, калош, зонтиков, сумок. Навстречу бегущей толпе мчится галопом конная полиция. Свистят пешие полицейские.

— Ракетницы! Провокация! Провокация шпиков! Назад, товарищи! Мы не дадим себя спровоцировать! — что есть силы кричит Кягу.

Шпики вырывают у людей лозунги.

— В нас стреляли,— говорит Ванья, который оказывается рядом с Кягу.

— Да, я почувствовал, как пуля провистела над самой головой. — И кричит, обращаясь к народу: — Мы продолжаем! Назад, товарищи!

Толпа подается к «Русалке». На ступени поднимается Вильгельмине Клементи. Прежде чем она успевает что-то сказать, начинается новая суматоха. Поодаль группа рабочих заметила провокатора, который бросил в толпу шутиху. Рабочие хватают его.

— Полиция! Обыщите этого человека! — кричит кто-то из них.

Полицейский, немного поколебавшись, роется в его карманах. В кармане брюк обрисовывается контур револьвера.

— У него револьвер! Хватайте его! — кричат из толпы.

Человек вырывается из рук полицейских и бежит в направлении Пириты. Народ бросается за ним. Хватает его. Человека сбивают с ног. Свистки полицейских. Галопом приближается конная полиция. С трудом полицейским удастся вызволить провокатора из толпы и увести его.

Народ постепенно успокаивается. По берегу моря к «Русалке» возвращаются два поэта. Эстонский поэт очищает от грязи брюки. Русский потерял одну калошу.

— Это революция, а не демократия. Мне здесь нравится. Мы в центре событий. Это как раз для поэтов! — возбужденно говорит русский поэт.

Варфоломеев стоит у памятника, внимательно вглядываясь в лица людей. Клементи идет к памятнику, снова забирается на ступени.

— Молодежь! Скажите мне, есть в нашей республике какая-нибудь свобода? Я вам отвечаю: вон наша свобода! — и она показывает на виднеющуюся по ту сторону бухты тюрьму на Батарейной.

В толпе — Яан Креукс слушает речь Клементи.

13 час. 00 мин.

Кингисепп притворил окно и закурил. Прошелся по комнате из угла в угол. Еще раз осторожно открыл окно. Прислушался. До него доносится пение «Интернационала». Он садится на край кровати и прячет лицо в ладонях. Звучит «Интернационал».

13 час. 05 мин.

Около «Русалки» все поют «Интернационал». Мы видим мамашу Тельман, Соломо-

нию и Юлиану, Иоханнеса Линкхорста, Яана Креукса, поэтов, эстонского и русского.

Тут же в толпе Варфоломеев со спутниками.

13 час. 10 мин.

Кингисепп провел рукой по лицу — на руке осталось красное пятно. Он в недоумении провел рукой по губам. На пальцах тоже осталась красная помада. Он догадывается, в чем дело, усмехается, качает головой.

13 час. 20 мин.

Участники демонстрации возвращаются от «Русалки» по Нарвскому шоссе к центру города. Подбирают по пути брошенные лозунги, флаги. Кто-то запекает революционную песню, многие подхватывают.

Два поэта стоят на тротуаре и смотрят на проходящих мимо демонстрантов.

— Странно,— говорит эстонский поэт.— Я знаю, что здесь, в городе, живет человек, которого я ищу. Он есть! Но его не видно.

— Смотри внимательней,— советует ему русский поэт.

— Я смотрю, но не вижу.

А люди идут и идут. Колонна очень длинная. Мерный, уверенный шаг. Картина настолько сильная, что возникает ощущение, будто вот-вот произойдет что-то очень серьезное.

13 час. 25 мин.

Линкхорст и Креукс идут по тихой улочке. Идут быстрым шагом, потом останавливаются и оглядываются. Идут дальше, сворачивают за угол. Затем они сворачивают еще раз и попадают на улицу, которая выходит на Нарвское шоссе.

— Смотри, Варфоломеев! — останавливает Линкхорст Креукса.

Варфоломеев о чем-то переговаривается с двумя мужчинами. В то же мгновение он поднимает глаза и выхватывает револьвер. Линкхорст тоже достает револьвер из кармана.

— Назад! Назад! Быстро исчезаем! — кричит Креукс и хватается Линкхорста за рукав.

Но поздно — уже гремят выстрелы. Креукс бежит на Нарвское шоссе, а оттуда на улицу Яама. Оглядываясь, несколько раз стреляет.

— Помогите, стреляют! — кричит он на бегу.

Несколько встречных, ничего не понимая, бегут вместе с ним. К ним присоединяются и другие.

...Линкхорст забегает во двор. Все. Тупик. Со всех сторон его окружает высокий забор. Линкхорст прячется за контейнером для мусора и отстреливается. Полицейский, преследующий Линкхорста, падает, раненный в живот. Линкхорст продолжает стрелять. Ранит в руку какую-то женщину. И тут у него кончились патроны. А двор уже заполнен полицейскими. Линкхорст стоит, прислонившись к забору. Круг полицейских сомкнулся, и они приближаются к Линкхорсту. В последний момент он с криком бросается на полицейских и в ту же секунду тонет в их массе.

Во двор вбегают поэты, но полицейские грубо выталкивают их.

...Креукс бежит изо всех сил. За ним по пятам — полицейские, которые время от времени стреляют. И тут происходит нечто маловероятное: улицу Яама пересекает поезд. Креукс на ходу вскакивает в товарняк...

...Линкхорста заталкивают в полицейскую машину. Шествие снова в замешательстве. Ванья и Ягу бегут вдоль колонны.

— Товарищи! Это была провокация! Мы продолжаем демонстрацию! — обращается к демонстрантам Ванья.— Сохраняем полное спокойствие!

Оркестр опять заиграл марш. Рядом с оркестром бегут поэты.

— Это террор! — кричит русский поэт.

— Бежим отсюда! — хватается его за рукав эстонский поэт.

— Нет! — упирается русский поэт.— Мы будем протестовать! Мы скажем им в лицо, что мы думаем о насилии над народом! Пошли!

— Брось, не впутывайся в чужие дела.

— Не может быть чужих дел, когда убивают людей! — Русский поэт останавливается и берет товарища за лацканы его куртки.— Ты сам писал: не убивайте человека! — с искренней горячностью говорит он.— Мне больно и стыдно! Это мой перевод! Мы должны вмешаться!

Он отталкивает от себя эстонца и противится через толпу к полицейским.

— Господа! Я протестую.

Полицейские, будто ужаленные, быстро оборачиваются к человеку, говорящему по-русски.

— Чего надо этому чертовому русскому? — спрашивает один из полицейских.

— Ничего! — возникает эстонский поэт, пытаясь уладить назревающий скандал.— Он слегка выпил по случаю праздника.

— Чего он тут разорался!

— Я еще скажу... — начинает русский поэт.

— Я уже передал им твой протест, — перебивает его эстонский поэт.

— Уходите прочь! Разойтись! Не скучиваться! — орет полицейский.

Эстонский поэт почти силком уводит друга, который все еще упирается.

— Трус!

Оба они останавливаются и несколько мгновений смотрят друг на друга в молчании.

— В кого это стреляли? — спрашивает русский поэт.

— Я не знаю... Может быть... Нет. Не знаю.

14 час. 10 мин.

Креукс стоит на площадке товарного вагона. Поезд замедляет ход. Креукс внимательно оглядывает местность. Безлюдный район порта залит ярким солнцем.

Креукс спрыгивает с поезда. Пропускает состав и идет к пустым сараям. Приваливается с теневой стороны к стене сарая и закрывает глаза.

15 час. 00 мин.

Спокойно, не спеша, по улице идет девушка-брюнетка. Вдоль тротуаров стоят полицейские.

После демонстрации многие вернулись к Рабочему подвалу. Никому еще не хочется расходиться, словно ждут какого-то продолжения. Народу так много, что на узенькой улочке возникает пробка. Полиция пытается криками разогнать толпу.

В толпе мы видим Юлиану и Соломонию Тельман. Изредка переговариваясь, они осторожно осматриваются, приподнимаются на цыпочки, ищут кого-то.

Девушка-брюнетка останавливается недалеко от них. Взгляды девушек встречаются, и сестры Тельман едва заметно кивают ей. Брюнетка слегка кивает им в ответ. Она переходит дорогу и останавливается. Сестры снова ищут кого-то в толпе. Их взгляды встречаются еще на мгновение.

15 час. 30 мин.

В одной из комнат охраны за столом сидит следователь. Вводят Линкхорста.

Следователь. Садись.

Линкхорст, помедлив, садится.

Следователь. Фамилия?

Линкхорст молчит.

Следователь. По паспорту — Пыльде. А в действительности? Кингисепп? Анвельт? Кто ты такой?

Линкхорст молчит. Следователь смотрит на него, склонив голову набок, и колукает ноготь большого пальца.

16 час. 00 мин.

Кингисепп сдвигает на край плиты кипящий чайник. Вода выплескивается на раскаленную плиту — огромное облако пара заставляя его отпрыгнуть. Кингисепп дует на обожженную руку и напевает мотив песни «Человек — добыча смерти». Берет со стола нож и начинает помогать мамаше Тельман чистить картошку.

— Сейчас надо бы побольше общественных деятелей. Вот в чем дело! — Кингисепп высказывает вслух свои мысли. Мамаша Тельман внимательно его слушает. — Но взять их неоткуда. Есть или соцы, или же люди совсем без принципов, просто дураки. А точнее сказать, мещане. Как бы там ни было — деятели общественной жизни! Теперь от таких, как я, польза невелика. Для таких, как я, время еще не настало. А сейчас этому народу, который так долго был задавлен, нужно пережить время своей самостоятельности.

— А что, семьсот лет в рабах были.

— Верно! И теперь у них — самостоятельность! Я-то всегда думал, что эстонский народ спасла бы не самостоятельность, а революция. Эстонский вопрос вообще нельзя обсуждать отдельно от вопроса об империализме! А мы об этом и не думаем. Нам главное — самостоятельность! Мы как те туземцы, которым только и подавай свое государство!

Мамаша Тельман молча слушает, изредка покачивая головой в знак согласия.

— А от такого долгого сиденья в подполье становишься каким-то раскольником. Начинаешь хвастать: я, дескать, вот уж пятый год скрываюсь в подполье, а ты сколько? Нет, надо переходить к борьбе на полу. — Он замолкает, как бы что-то обдумывая, и заключает: — А для этого я не гожусь.

Кингисепп говорит совсем просто, и ему сейчас не важно, понимает его мамаша Тельман или нет. Он говорит для себя.

Мамаша Тельман встает из-за стола и идет к плите ставить картошку.

— Интересно, демонстрация уже кончилась?

Кингисепп смотрит на часы.

— Сколько же может длиться демонстрация! — нервно говорит он и захлопывает крышку часов.

18 час. 00 мин.

На стуле сидит Линкхорст. Входит Варфоломеев.

Следователь. Кто это?

Линкхорст. Свинья.

Следователь. А это кто?

Варфоломеев. Линкхорст.

Следователь. Кто ты такой?

Линкхорст. Пыльде.

Следователь. А кто такой Линкхорст?

Линкхорст. Не знаю.

Следователь. Террорист?

Линкхорст. Да.

Следователь. Он?

Варфоломеев. Он.

18 час. 30 мин.

Вбегают возбужденные девушки, но при виде Кингисеппа пытаются прикинуться спокойными. Тихонько подходят к столу и чинно садятся. Он внимательно смотрит на девушек, ожидая от них рассказов, но они молчат.

— Ну что, весело было? Много лозунгов и кавалеров? — не выдерживает наконец Кингисепп.

— Ой, там было целое море народу! Флаги, лозунги, плакаты! В жизни не видела столько людей сразу! — возбужденно говорит Соломония.

— И Вильгельмине Клементи так красиво говорила! — с таким же воодушевлением добавляет Юлиана, и они снова замолкают.

— Что там случилось? — Лицо Кингисеппа становится суровым, будто из металла. И такой же суровый металлический голос. — Ну?

— Одного подпольщика... будто бы взяли, — не поднимая глаз, говорит Юлиана.

— Кого?

— Мы не знаем, мы не видели, — отвечают девушки.

За столом воцаряется напряженное молчание.

— Берите суп, — говорит мамаша Тельман.

— Кого? — повторяет вопрос Кингисепп.

— Пусть обе берут, — снова предлагает мамаша.

— Я спрашиваю, кто схвачен?

Девушки молчат.

— Но вышли-то вы вместе, да? Вышли вместе? — Кингисепп уже в ярости.

— Мы сразу же разошлись, — объясняет Юлиана.

— Потом мы их больше не видели, — тихо добавляет Соломония.

— Таким, как вы, плевать на конспирацию! Вам нельзя доверять. Никому. Будто один работаешь в ночном лесу.

Все молча неподвижно сидят за столом, не притрагиваясь к еде.

— Да ешьте же суп, — шепотом произносит мамаша Тельман.

Девушки робко начинают прихлебывать, стараясь избежать малейшего шума. Они исподлобья испуганно смотрят на Кингисеппа, словно в надежде, что он, в конце концов, пожалеет их. Не тут-то было — Кингисепп встает из-за стола и уходит к себе в комнату.

19 час. 00 мин.

Идет общегородская эстафета. Пятеро мужчин в спортивных трусах ниже колен изо всех сил рвутся к финишу.

Креукс прячется за деревьями: пока идет это мероприятие, он не может перейти улицу.

19 час. 30 мин.

Следователь рисует на листе бумаги кариатуру на Линкхорста.

Следователь. Фамилия?

Линкхорст. Пыльде.

Следователь. Неправда!

Линкхорст. А правда?

Следователь. Линкхорст. — Помолчал: — Профессия?

Линкхорст. Подпольщик.

Следователь. Кличка?

Линкхорст. Не скажу.

Следователь. Не суть важно. Достаточно и настоящего имени. Анвельта знаешь?

Линкхорст. Не знаю.

Следователь. Где он сейчас?

Линкхорст. Не скажу.

Следователь. Рястаса знаешь?

Линкхорст. Не знаю.

Следователь. Где он сейчас находится?

Линкхорст. Не скажу.

Следователь берет чистый лист бумаги.

20 час. 00 мин.

Креукс стучит в дверь. Открывает опрятно одетая старуха.

— Здравствуйте. Алиса дома? — веселым голосом спрашивает Креукс.

Старуха улыбается, но цепким взглядом внимательно вглядывается в лицо Креукса. В глубине квартиры, прижавшись ухом к двери, напряженно прислушивается девушка-брюнетка.

— Как же, будет она сидеть дома. Сегодня большой праздник, — так же весело отвечает старуха.

— Ну, конечно, — смеется Креукс.

— И не знаю, когда придет.

— Конечно, конечно. Ну, я пошел. Извините, — все тем же веселым голосом говорит Креукс, уже спускаясь по лестнице.

— Говорят, сегодня на Нарвском шоссе взяли одного подпольщика,— не меня тона, кричит ему вслед старуха.

— Ах так! Ты смотри,— отвечает Креукс уже внизу и на мгновение прислоняется к стене.

Девушка-брюнетка выходит в первую комнату.

Следователь. Где Кингисепп? Все там же?

Линкхорст. Где?

Следователь. Там, где Анвельт?

Линкхорст. Нет.

Следователь. Где-нибудь в другом месте?

Линкхорст. Не знаю.

Следователь. Не знаю или не скажу?

Линкхорст. Не скажу.

Следователь. Значит, знаешь?

Линкхорст. Что?

Следователь. Где он?

Линкхорст. Кто?

Следователь. Кингисепп.

Линкхорст. Не знаю.

Следователь. Курить хочешь?

Линкхорст. Не хочу.

Следователь. Или не знаю?

Линкхорст. Чего?

Следователь. Хочешь ты курить или не хочешь.

Линкхорст. Я сказал, что не хочу.

Следователь. Жить хочешь?

Линкхорст. Не скажу.

Следователь. Или не знаю?

Линкхорст. Я сказал, что не скажу.

Следователь. А где находится Кингисепп, знаешь?

Линкхорст. Не знаю. Который час?

Следователь. Четверть девятого. Фамилия?

Линкхорст. Чья?

Следователь. Твоя.— После паузы: —
Линкхорст.

Бросает бумаги на пол к другим рисункам. Берет новый чистый лист.

20 час. 30 мин.

Окраина. Креукс бежит задними дворами. Он тяжело дышит, падает, встает, опять бежит. Почти темно.

— Молодой человек! — окликает его кто-то.

Креукс останавливается и вытаскивает револьвер. На лице у него саркастическая улыбка. Подходит пожилой мужчина.

— Не дадите ли огоньку?

Креукс убирает револьвер в карман.

— У меня нету.

— Тогда извините, пожалуйста.

— Пожалуйста.

В сумерках человек даже не обратил внимания на револьвер. Тут Креукса впервые отпускает страшное напряжение. Он идет уже медленно, ноги чуть не заплетаются. Он ничего не видит вокруг. Потом вздрагивает — на заборе у дороги висит на вешалке длинный вязаный жилет.

21 час. 00 мин.

На полу изрисованные листы бумаги.

Следователь. Тухерм умер.

Линкхорст. Кто?

Следователь. Которому ты пустил пулю в живот.— Он берет новый лист.— Теперь трибунал.

Линкхорст. Когда?

Следователь. Завтра.

Линкхорст. Который час?

Следователь. Девять. Хочешь курить?

Линкхорст. Хочу.

Следователь. Водки хочешь?

Линкхорст. Хочу.

Следователь и Линкхорст наливают каждый себе.

Следователь. Где Кингисепп?

Линкхорст. Не знаю. Не скажу.

Следователь. Хочешь еще водки?

Линкхорст. Не хочу.

Следователь. Хочешь или не хочешь?

Линкхорст. Нет.

Следователь. Не хочешь жить?!

Еще один лист бумаги ложится рядом с остальными.

21 час. 15 мин.

У советского посла прием по случаю майского праздника. Кто-то играет на пианино, кто-то поет.

Эстонский поэт, присутствующий на приеме, благодарит посла:

— Еще раз благодарю за приглашение, господин Старк.

— Не во мне дело. Благодарна ваша работа — переводы на эстонский язык новой русской поэзии. Мы приветствуем любой культурный контакт, потому что каждая переведенная стихотворная строка — это вклад в нормальные отношения двух государств.

— Я счастлив услышать столь высокую оценку.

— Это естественно.

— При царе это не было так естественно.

— Но теперь у нас не царские времена. И у нас, и у вас.

Русский поэт стоит в конце зала у стола и стучит ножом о пустой бокал. Гости собираются в зал. Поэт обращается ко всем:

— Сегодня я написал стихотворение, в котором поэт протестует против террора

и призывает народы объединиться. Сейчас я вам его прочту.

Раздаются скромные аплодисменты. На их фоне эстонский поэт аплодирует с заметным энтузиазмом. Старк хмурит брови и уходит в другую комнату.

21 час. 30 мин.

Входит Креукс. Кингисепп стоит у стола и пристально смотрит на пришедшего:

— Где Мальм?

— А где ему быть?

— Я застрелю тебя, если ты не скажешь, где Мальм... Считаю до трех. Раз...— он сует руку за пазуху.— Два...— достает револьвер.

— Он забежал во двор на Нарвском шоссе. Я думаю, он удрал.

— Кого же тогда взяли?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Там завязалась перестрелка. Народ побежал...

— Народ побежал... Неплохо звучит. Крепкий народ. Все разом бегут в одном направлении. Кто вам позволил идти на демонстрацию?

— Это ведь не преступление...

— Я спрашиваю, кто позволил? — не обращая внимания на слова Креукса, повторяет свой вопрос Кингисепп.

— Никто.

— Значит, пошли без разрешения!

— Я же не мальчишка.

— Мальчишка. Подпольщики не имеют права участвовать в демонстрациях — это первое правило конспирации.

— В чем же я вообще имею право участвовать?

— Ты имеешь право участвовать в подготовке демонстрации.— Кингисепп вдруг морщится.— От тебя несет.

— Я здесь в подъезде выпил. Нервы...

Креукс вытаскивает из-за пазухи бутылку и протягивает ее Кингисеппу.

— Хозяйка! — зовет Кингисепп.

Входит мамаша Тельман.

— Мать, будь добра, накрой стол. Отметим праздник трудящихся.

— Бог ты мой, да ведь мне на стол и поставить-то нечего!

— Белая скатерть у тебя найдется? Вот и постели!

23 час. 00 мин.

Следователь, держа карандаш вертикально, смотрит на Линкхорста, как на неожиданного пришельца.

Следователь. Фамилия?

Линкхорст. Пыльде.

Следователь. Линкхорст.

Линкхорст. Как знаете.

Следователь. Знаем. Где Кингисепп?

Линкхорст. Не знаю.

Следователь. Скоро узнаешь.

Линкхорст. Как знаете.

Следователь. Знаем.— Берет чистый лист. Кивает Линкхорсту: — Знаем. Спасибо!

Линкхорст. За что?

Следователь. Сам знаешь.

23 час. 30 мин.

У советского посла продолжается прием. В углу на мягких диванах и креслах расположились эстонские деятели культуры. Русское хлебосольство сделало свое дело. Слышатся хвалебные слова. Говорят наперебой, не слушая друг друга.

Леонид Старк выходит с русским поэтом из другой комнаты и подходит к маленькому прямоугольному столику.

— Ну как? — спрашивает посла поэт.

Старк приветливо улыбается, протягивает ему чашку чая.

— К сожалению, сейчас не могу сказать вам комплимент, хотя вообще принадлежу к числу поклонников вашего таланта. Вы только что прибыли сюда, и ваше чутье художника, наверное, не успело еще сориентироваться в здешней обстановке. Да и не совсем это легко. Это не просто буржуазная республика. Я бы сделал упор на слове «молодое». Вы же знаете наши проблемы. Разве нам, русским, легко идти нехоженными дорогами? Очень трудно прогнозировать, когда разные слои общества ведут себя, словно лебедь, рак да щука. Но мы, по крайней мере, знаем, куда идти. А здесь во многом дело решает случай. Нужно быть очень осторожным. Вы как представитель советского государства...

— Я поэт!

— Это так, — улыбается Старк, — и все-таки как представитель советского государства вы должны учитывать, что национальное чувство этого малого народа болезненно нежное. У нас с ними проблем хватает.

Оба поворачиваются к обществу в углу, где эстонцы говорят все громче. Особенно громко и раздраженно говорит темноволосая дама.

— Надеюсь, вы меня понимаете? — спрашивает Старк, наблюдая за эстонцами.

— И все же это провинция из провинций.

— Провинция прежде всего в душе человека, — заканчивает Старк дружески.

23 час. 30 мин.

За скудным праздничным столом сидят Тельманы — мать и две дочери — и Креукс.

Мамаша поставила варить кашу. Кингисепп быстро ходит по комнате.

— Знаете, когда я еще был в Москве... в гостинице получше, чем эта... Словом, когда я жил в «Национале»... Кстати, Креукс, я и сейчас достоин куда лучшей гостиницы, чем та, которую ты мне устроил. Сударыня, не в упрек вам будет сказано, что касается вас, то все великолепно, я придираюсь к господину Креуксу. Словом, когда я был следователь ЧК по особо важным делам, случилось так, что я допрашивал работника английского посольства господина Коломтиано...

— Это ты о деле Локкарта?

— Локкарт был большой человек. Не могли мы к нему подступиться, не одолев Коломтиано. Локкарт был такой крепкий орешек, что не было смысла его колоть. Все равно пришлось выдать его Англии.

— Почему? — поинтересовалась мамаша Тельман.

— Больших людей под суд не отдают. Больших людей выдают. Расстреливают мелкую сошку, — объяснил ей Креукс.

— Так вот, — продолжал Кингисепп. — Допрашиваю я этого самого Коломтиано. Третий день. Ничего. И тут... И тут...

— И что? — нетерпеливо перебивает мамаша Тельман.

— Получилось так. Коломтиано сидит на стуле. Примерно как ты, Креукс. Вот, сядь там. В руках у него трость. Возьми это и держи. — Кингисепп сует Креуксу в руку метлу, набрасывает на плечи старое пальто. — Коломтиано сидит там. Мать, сядь сюда, на чурбак. А я стою здесь, — Кингисепп становится напротив Креукса. — Смотрю. В глаза ему смотрю. Вот так. А сам думаю: чушь. Не знаю уже, что и спрашивать. Никак не зацеплю. И вдруг Коломтиано начинает ерзать на стуле, крутит в руках трость. Крути. — Креукс крутит метлу. — И тут меня осенило! Я говорю: «Трость сюда!» Давай. — Креукс отдает. — Коломтиано побелел, как известка. Ты можешь не белеть. Открутил я у трости ручку, она отошла — и выпали шифры.

— Чего? — не понимает мамаша Тельман.

— Тайные письма.

— Этот человек был шпионом, — добавляет Креукс.

— Помощником Локкарта. Так мы вышли на Локкарта.

— И что вы с ним сделали? — спрашивает мамаша Тельман.

— Я же сказал: обменяли в Англию.

— Ты обменял? — мамаша Тельман удивленно и с восхищением смотрит на Кингисеппа.

— Можно и так сказать.

— Тс-с, — Юлиана прислушивается.

Все замирают. Креукс сует руку за пазуху и на цыпочках идет к двери. Прислушивается.

— Нет там никого, — говорит он.

— Мне почудилось, — извиняющимся тоном произносит Юлиана.

— У страха глаза велики, — ворчит Креукс.

— Так и должно быть, — говорит Кингисепп и встает. Поднимается и мамаша. — Вот праздник и прошел... — смотрит на часы, захлопывает крышку. — Так-то...

2 мая, 00 час. 15 мин.

Следователь направляет свет от лампы в лицо Линкхорсту.

Следователь. Устал?

Линкхорст. Нет.

Следователь. Скоро устанешь.

Линкхорст. И тогда?..

Следователь. Тогда и расскажешь.

Линкхорст. Что?

Следователь. Где Кингисепп.

Линкхорст. Я не знаю.

Следователь. Не знаешь, расскажешь или нет?

Линкхорст. Не знаю.

Следователь. Скоро узнаешь.

2 час. 00 мин.

Соломония с матерью лежат в одной постели. Мать опирается на локоть и пытается заглянуть в лицо дочери, повернутое к стене и закрытое волосами.

— Слушай, что же сегодня случилось?

— Мама, не спрашивай. Я и сама еще толком не знаю. Кого-то схватили, а кого — никто не знает.

— Те, кто схватил, знают.

— Ничего они не знают.

— Дочка, ты правительство глупым не считай.

— Давай спать, — раздраженно прерывает разговор Соломония.

Она ложится на спину и лежит с открытыми глазами. Ей не спится.

...В комнате девушек сидят на диване Юлиана и Креукс.

— Может быть, сегодня наша последняя ночь, ты понимаешь? Но ты не думай, что я боюсь, я не помню, чтобы мне вообще когда-нибудь было страшно, — тихо говорит Креукс.

— Расхвастался.

— Ничего подобного. Просто, если мне какое-то чувство незнакомо, не могу же я его выдумать. Страх — вещь мне неизвестная, дорогая Юлиана.

— А я вот боюсь.

— Чего?

— Не знаю... Всего, что далеко, странно... И тебя иногда.

— Женщины должны бояться. И мужчин тоже.

...Кингисепп лежит в своей каморке на кровати и прислушивается к разговору в соседней комнате. В темноте светится огонек его сигареты. К нему в кровать беззвучно прыгает кошка.

3 час. 00 мин.

Следователь, держа карандаш в руке, обходит вокруг стула Линкхорста.

Следователь. Что делает Кингисепп сейчас?

Линкхорст. Спит.

Следователь. Где?

Линкхорст. Я ничего не сказал.

Следователь. Ты сказал, что он спит там.

Линкхорст. Что там?

Следователь. Там, где ты сказал. Кто еще там есть?

Линкхорст. Никого.

Следователь. Он один?

Линкхорст. Возможно.

Следователь. Ты сомневаешься?

Линкхорст. Нет.

Следователь. Отлично. Наше дело продвигается.

Линкхорст. Что продвигается?

Следователь. Наше сотрудничество. К утру все будет ясно.

Садится, берет чистый лист бумаги.

8 час. 00 мин.

Юлиана Тельман стрижет Креукса.

— Ну, скоро будешь, как я,— говорит Кингисепп.

— Это для меня большая честь.

— Волосы — честь мужчины.

— Эстонская поговорка говорит, что шапка — честь мужчины,— вставляет мамаша Тельман.

— Подумай, уже все эстонские поговорки перепутались. Да я эти эстонские дела никогда особо не заучивал.

— Вот-те раз, а еще эстонец,— упрекает мамаша Тельман.

— Я? — Кингисепп говорит мягко, обнимая ее за плечи.— Не сердись, мать. Я, наверное, не эстонец.

— Так ты что, русский или немец?

— Я не отношусь ни к одной национальности.

— Почему же ты здесь?

— Где-то ведь надо было начинать.

— Что?

— Всемирную...— Кингисепп задумывается.— Свою деятельность.— Снова молчит секунду-другую.— Ну, жизнь.

— Я ужасно выгляжу,— Креукс глядит на себя в зеркало.

Юлиана заливается смехом, а Кингисепп убийственно серьезно.

— Самсон и Далила у нас есть... Только свирели не хватает.— Он внимательно смотрит на Креукса.— Надо купить ему шапку.

11 час. 00 мин.

Линкхорст держится двумя руками за сиденье стула, на котором сидит.

Линкхорст. Который час?

Следователь. А если я не скажу?

Линкхорст. Не говорите. Сам догадаюсь. Сейчас немного не хватает до полудня.

Следователь. Одна минута двенадцатого.

Линкхорст (*вдруг стонет*). Так мало!

Следователь. Вы ждете чего-то приятного?

Линкхорст. Не скажу.

Следователь ставит стул перед Линкхорстом, садится. В небритое лицо Линкхорста светит солнце. Он закрывает глаза.

Юлиана на коленях ползает по полу и собирает остриженные волосы Креукса. А тот сидит на скамье спиной ко всем, кто находится в комнате. Мамаша мокрой тряпкой вытирает обеденный стол. Увидев у своих ног дочь, всхлипывает и проводит рукой по глазам. В дверях своей комнаты появляется Кингисепп.

— Сударыня! Дела складываются так, что тебе придется раздобыть бальное платье.

Мамаша Тельман подходит к нему.

— Кому?

— Да тебе, тебе.

— Господи, сердце заколотилось. Что стряслось-то?

— Понимаешь, в тот вечер, когда над Тоомпеа поднимут красный флаг, начнется большой бал. И первый танец под названием полонез я хочу танцевать именно с тобой.

— Я умею только падэспань.

— Мне все равно. Танцуй падэспань. Но назовем его полонез. Победителям все простится.

— Ну, ты удумаешь тоже. Кого помоложе возьми.

Она возвращается к плите и наклоняется за ведром с помоями. Кингисепп выходит в кухню. На скамье сидят Юлиана и Креукс.

— Не хочу я помоложе. Моя вторая молодость еще далеко. Юлиана, ты бы пошла со мной танцевать?

— Конечно.

— Врешь, девушка.

Кингисепп берет из рук мамыши ведро, и они вместе выходят во двор.

12 час. 30 мин.

Линкхорста поднимают со стула, и он тут же падает на пол. От долгого, неподвижного сидения у него отнялись ноги. Его снова поднимают и выталкивают в соседнее помещение без окон и мебели.

Следователь. Ты стоишь на том, что не расскажешь.

Линкхорст. На том стою.

Следователь. Ты знаешь, что мы можем с тобой сделать?

Линкхорст. Знаю.

Следователь. Не знаешь. Ты не представляешь. Сейчас увидишь.

Следователь выходит. Линкхорст остается в одиночестве. Кричит:

— Который час?

Никто не отвечает.

13 час. 00 мин.

Растущие во дворе дома ландыши легонько покачиваются на весеннем майском ветерке. Их очень много.

Кингисепп и мамаша Тельман выходят во двор. Кингисепп оглядывается. Все тихо. Светит солнце. Они сворачивают за угол, к компостной куче. Пахнет землей, шевелится на ветру прошлогодняя трава. Кингисепп выливает помои на компостную кучу. Вокруг покачиваются на ветру ландыши. Кингисепп заглядывается на них. Заливаются скворцы.

— Но сейчас из этого ничего не выйдет, — произносит вслух Кингисепп какую-то свою мысль.

— Сейчас и не надо. А летом раскидаем на грядки, тогда и выйдет. — Мамаша Тельман понимает его слова по-своему.

— Летом? — продолжает он свое. — Мать, даже летом не выйдет. Может, еще лет десять пройдет, а то и все сто. А сейчас — нет. Нет революционной ситуации.

— Чего нет? — озабоченно спрашивает мамаша Тельман.

— Мать, сейчас в Эстонии низы еще хотят жить по-старому, а верхи еще могут жить по-старому.

— А тебе, значит, так нужно эту...

— Мать, это вся моя жизнь! Что мне еще нужно? Другие, может, и проживут без этой ситуации, а я нет.

— А может, еще будет?

— Надо что-то придумать, чтобы она получилась, — говорит Кингисепп после паузы и радостно добавляет: — Я буду думать сегодня ночью. Ладно? А теперь пошли в дом.

Они идут в дом. В одной руке Кингисепп держит помойное ведро, другой обнимает мамашу Тельман. Внезапный приступ уныния так же внезапно миновал, он мурлычет «Полонез» Огинского и в его ритме покачивает ведро.

Они закрывают дверь.

13 час. 30 мин.

В своем кабинете глава государства разговаривает с кем-то по телефону:

— Это правда, что поймали Кингисеппа? Ах, так... А я думал, сам Кингисепп. Ясно. Запомните: нам нужен Кингисепп. Для нашей страны это вопрос жизни и смерти. Понимаете? Чтоб завтра к утру Кингисепп был у вас!

15 час. 00 мин.

Следователь с двумя полицейскими в штатском у стола, заполненного рисунками. В дверь соседней комнаты стучат. Следователь кивает, и один из полицейских отпирает дверь. За дверью стоит Линкхорст.

Следователь. Что такое?

Линкхорст. Мне нужно в уборную.

Следователь. Герои не ходят в уборную.

Линкхорст. Не понимаю.

Следователь. Ты обычный человек, а не герой. Только что доказал.

Линкхорст. Чепуха.

Следователь. До свидания, господин Линкхорст. Возвращаться не надо.

Линкхорст. Куда же... мне идти?

Следователь. Тебе скажут.

Двое выводят Линкхорста. Рисунки... Следователь зевает, закрывает лицо руками и, ослабевший от усталости, валится на стул.

16 час. 00 мин.

Креукс бросает газету на стол.

— Есть.

Кингисепп с газетой в руках стоит у окна, читает.

— Мальм? — спрашивает он, не отрываясь от газеты.

— Угу, — равнодушным тоном отвечает Креукс. — Вроде бы выстрелил в живот районному начальнику Тухерму.

— Нервы, — говорит Кингисепп после паузы.

— Теперь надо быстро уходить.

— Конечно, иди сейчас же, — спокойно говорит Кингисепп.

— А ты?

— Я — последним. — Он все еще читает газету.

— Мальм... это Мальм.

— Да. Мальм это Мальм.

- Тогда я останусь с тобой.
- Не останешься. Ты уйдешь.
- Не уйду.
- Это приказ. Девушки!

В дверях появляются Соломония и Юлиана.

— Немедленно идите и сообщите связным. Все должны покинуть свои квартиры.— И сурово продолжает: — Сейчас же. Запомните: пусть скроются все. Это мой приказ и обсуждению он не подлежит. Все! — Девушки одеваются. Кингисепп обращается к Креуксу: — Ты пойдешь, когда стемнеет.— Переворачивает страницу газеты и, пробрав ее глазами, радостно восклицает: — Смотрите! Наши газеты пишут, что Ленину сделали вторую операцию и вынули пулю. Его здоровье улучшается!

...Кингисепп выходит во двор. Сворачивает за угол дома, проходит мимо компостной кучи и садится на корточки перед ландышами, прислонясь к согретой вечерним солнцем стене дома. Так близко мы еще не видели его глаза. Они спокойные, ясные — красивые глаза.

18 час. 00 мин.

Юлиана спешит по одной улице, Соломония — по другой.

Кингисепп сидит за маленьким столиком в маминой комнатухе. На столе чистый лист бумаги, чернильница и ручка. Руки у него на коленях, взгляд устремлен на лист бумаги.

— Дорогая моя жена, дорогая Эльзи в далекой Москве. Я должен объяснить тебе, как получилось, что я оказался так далеко от тебя. Я виноват, что уехал так далеко. Я виноват, что так давно не писал тебе. И Дзержинскому не ответил. Он спрашивал, почему я не возвращаюсь, и имел полное право задать этот вопрос — ведь я поехал всего на пару недель. Оба мы полагали, что установление Советской власти проще пареной репы. Все обернулось иначе.

На фоне голоса Кингисеппа мы видим, как подпольщики ликвидируют свои конспиративные квартиры. Жгут рукописи, документы. Закапывают пулемет. Кто-то спешит по вечерней улице. Кто-то спускается со второго этажа и исчезает во дворе дома.

— Когда в январе тысяча девятьсот девятнадцатого, три года назад, красные части отступили, это было для меня страшной личной катастрофой. Не мог я не вернуться сюда. Не мог поступить как дезертир. Но была у меня и особенная причина, личная, о которой ты, видимо, не догадалась

при нашей разлуке. Уход на кораблях из Таллина запал мне в душу. Я хотел снять с себя малейшее подозрение в том, что я трус. И если в Москве я часто бывал не в настроении, то причина именно в этом. Отправляясь сюда, я и подумать не мог, что дело примет такой оборот. В январе я стоял перед фактом: мы в руках белого террора! Для меня это были не газетные сообщения или рассказы очевидцев, а факт ежедневной жизни, который касался меня непосредственно.

Солдаты заняты надоевшей профилактикой оружия: разбирают, смазывают, собирают. Мы видим детали винтовок, блеск металла, льющееся масло. Масло льется по оружию, по рукам, по полу... Струйкой течет из посуды.

— И я не могу дезертировать. Я не могу вернуться. Это против моей этики. Звать тебя сюда? О-о, Эльзи, то, что здесь происходит, ломает людей куда более сильных, чем ты. Это не для тебя, столь пылко стремящейся к солнечному свету. Нет больше никого из членов Центрального Комитета восемнадцатого-девятнадцатого годов. Люди здесь малотребовательны и примитивны. Я похоронил все надежды на личное счастье. Я стал суровым и жестким.

По полю идет человек с рюкзаком за спиной. Идет долго, пока его не скрывает тьма.

— Во мне не осталось больше ничего, кроме жажды мести классовому врагу. Я не чувствую ничего, кроме злобы против буржуазии, доходящей до личной вражды. И никакой силой ее не выжечь из моей души. Я живу этой ненавистью, живу, чтобы приблизить момент мщения. И если эта ненависть не может осуществиться так, она должна осуществиться иначе. Свою чашу надо пить до дна. И я это сделаю.

Палец скользит по клейкому краю конверта. Письмо запечатывается. Обе руки Кингисеппа остаются лежать на конверте.

— Если человек и коммунист вынужден ставить точку, он делает это легально. Знай одно, Эльзи! Моя любовь к тебе — первая и последняя любовь, которая у меня есть. Все мои воспоминания о личном счастье — это воспоминания о нашей любви. Их я буду хранить как святыню. Эльзи, милая, живи счастливо. Постарайся забыть меня, нехорошего человека. Не расстраивайся из-за меня, пожалуйста, постарайся меня понять. Виктор.

23 час. 00 мин.

С грохотом открывается дверь камеры. Лежащий на нарах Линкхорст неподвижен.

В камеру входит полковник Раудвере, протягивает руку с какой-то бумагой.

Раудвере. Трибунал приговорил вас к смерти. — Он подсаживается к Линкхорсту и спрашивает уже другим тоном: — Хочешь в Австралию?

Линкхорст (в замешательстве). Что?

Раудвере. В Австралию. Новая жизнь, новый паспорт, широкие возможности. Австралия. Подумай. Все будет забыто. Построй ферму. Овцы. Сотни овец.

Линкхорст. Нет.

Раудвере. Где Кингисепп?

Линкхорст. Не скажу.

Раудвере. Ты не годишься в герои. У тебя это не выйдет.

Линкхорст (заросший и осунувшийся). Ну и что?

Раудвере (вздыхает). Ладно. Делать нечего. Сам виноват. Ребята!

Он встает с нар, выходит на середину камеры. Входят солдаты. Линкхорст поворачивает лицо к вошедшим.

Раудвере. В последний путь, господин Чугун, в большую плавильную печь!

Линкхорста выводят в коридор. Он идет и идет по коридору. Гулко отдаются шаги. Он спускается по лестницам.

23 час. 55 мин.

Креукс сидит в пальто в комнатке Кингисеппа и вертит в руках только что купленную шапку. Кингисепп стоит рядом с ним у окошка. Только теперь мы замечаем, насколько мала комнатка Кингисеппа. Третий человек здесь уже не поместится.

— Ян, теперь иди.

— Понимаешь, я не могу.

— Тоже мне, мужской разговор.

Креукс встает. Они стоят совсем близко и смотрят друг на друга. Видно, как неумело подстрижен Креукс. Кингисепп уже без бородки. Он начисто выбрит.

— Знаешь, я верю в Мальма, — говорит Креукс.

— Мальм всего лишь Мальм, — медленно произносит Кингисепп.

— Это правда. А шляпа пошла бы мне больше.

Кингисепп подталкивает Креукса к двери.

— Шляпа — это мой стиль. Не украшайся чужими перьями.

Креукс прошел через кухню, Юлиана бежит за ним, бросилась ему на шею. Она тихонько плачет.

— Всего хорошего! — торопит Кингисепп.

Креукс выходит.

— Ян!

Креукс оборачивается в дверях.

— Очевидно, есть еще много легальных форм борьбы, которые мы не использовали... Теперь иди!

Креукс уходит. Юлиана тихонько плачет. В лампе дрожит огонек. Кингисепп смотрит на плачущую девушку.

— Ну что же это такое! Хватит уже! Лучше потанцуем! Слышишь? Давай спляшем. Так спляшем, что земля загудит. — Он тащит Юлиану на середину комнаты. Глаза у него горят. — Ну! «Рубил раз дерево старик...»

Поет, подхватывает под руку мамашу Тельман и танцует с обеими женщинами. Они кружатся, подпрыгивают. Качается лампа. Потом он, запыхавшись, останавливается.

— Балетные танцовщики рано уходят на пенсию. Публика ждет новых танцев, новые па...

— Может, хотите еще чаю? — предлагает мамаша Тельман.

— Чаю я не хочу. Вот яблоко съел бы. Но яблок нет.

— До чего у вас всегда странные желания.

— Желания — от бога, мать.

Улыбается мамаше и уходит к себе. Очень тихо притворяет за собой дверь.

...Креукс быстро идет по улицам. Скрывается в каком-то дворе, а потом на минуту появляется далеко, на плохо освещенном перекрестке. И вот его уже нет.

3 мая, 00 час. 15 мин.

Пронизывающий ветер. Во дворе тюрьмы, под фонарем, стоит черный автомобиль. Дверь машины открыта. Из подворотни выводят Линкхорста. Перед Линкхорстом чернеет внутренность машины. Он видит перед собой затылок шагающего впереди солдата.

Раудвере. Можешь выбрать Австралию... Линкхорст качает головой. Перед ним затылок солдата.

Линкхорст. Который час?

Раудвере. Четверть первого.

Линкхорст делает еще несколько шагов. Далеко над стенами что-то сверкнуло. Несколько птиц шумно вспорхнули с крыши. Порыв ветра овеивает лицо Линкхорста. Он поддает ногой какой-то камень — тот откатывается в сторону.

Линкхорст. Который час?

Раудвере. Дьявол, я же сказал: четверть первого!

Линкхорст. Мне сохраняют жизнь, если я скажу, где Кингисепп, где его квартира?

Раудвере. Да.

Линкхорст. Квартира Кингисеппа на улице Кару, четырнадцать.

Длинная струйка воды в свете тусклой лампы отсвечивает светло-желтым.

00 час. 20 мин.

Раудвере стоит у стола, освещенного лампой с зеленым абажуром, и говорит по телефону.

Раудвере. Мы едем к Кингисеппу.— Он смотрит на Линкхорста, который стоит между солдатами со странной усмешкой на лице.— Да. Сейчас.

00 час. 30 мин.

Кингисепп у себя в комнате. Раздевается. Садится на кровать. Потом снова одевается. Ложится. Смотрит в потолок.

Закрывает глаза, начинает считать.

По небу летит длинная, длинная журавлиная стая.

Маленький мальчик стоит на можжевелевом поле и, задрав голову, смотрит на стаю. Птиц бесконечно много...

Голос Кингисеппа все считает, считает.

1 час 00 мин.

По ночной улице едет черный автомобиль. Линкхорст в женской одежде сидит между полицейскими. Фары машины освещают маленькие домики окраины.

— А если он... если он вышел... ушел... я останусь жив? — заикаясь от волнения, спрашивает Линкхорст.

— Возможно. Это мы решим позже,— сухо отвечает Раудвере.

Дальше они едут в молчании.

2 час. 00 мин.

Первым через калитку вошел Линкхорст в светлом платье. Его сопровождает, поддерживая под руку, полицейский в штатском. Они остановились посреди двора. Темно и тихо. Потом послышались громкие удары в дверь. И мы видим, что дом окружен. Полицейский Пальм колотит в дверь. В окне зажегся свет, и тут же открылась дверь. Полицейские ворвались в дом. Линкхорст в светлом платье остался стоять посреди двора.

Из дома доносится приглушенный крик мамы Тельман. Слышны голоса полицейских, грохот падающих и разбрасываемых вещей.

В окне соседнего дома тоже загорается свет. Потом в другом, третьем.

Линкхорст все еще стоит посреди двора, белеет в темноте его платье. Дверь дома распахнулась — во двор выходит полицей-

ский Пальм и быстрым шагом направляется к Линкхорсту. На лице Линкхорста скрытое удовлетворение. Пальм смотрит на него, потом сильно бьет по лицу. Бьет еще раз.

— Я не лгал. Клянусь, он был здесь,— тихо и сдавленным голосом произносит Линкхорст.

— В подвале?

— Я же знаю, что подвал затоплен.

Пальм кивает, и полицейские толкают Линкхорста к машине. Линкхорст делает пару шагов, потом начинает вырываться.

— Он был там! — кричит он.— Я не виноват, что его больше там нет!

Пальм, не обращая внимания на крики, подходит к Линкхорсту и толкает его револьвером в спину. Затем быстро возвращается в дом.

...Весь дом перевернут. Мамаша Тельман стоит у плиты, обеими руками опираясь на нее. Голова и лицо ее в крови. В окружении полицейских одеваются Юлиана и Соломония. Пальм простукивает револьвером одну из стен комнаты. Юлиана и Соломония, не успевшие еще одеться, в ужасе смотрят на стоящую в дверях «женщину». Мамаша при виде Линкхорста падает в обморок. Удары в стену. Еще раз... еще. Пальм пристально смотрит на стену прямо перед собой, потом на шаг отступает.

— Здесь есть еще одно помещение!

Варфоломеев и еще двое изо всех сил налегают на стену — потайная дверь распаивается.

На вломившихся смотрит Кингисепп. У его ног, в открытом люке, блестит черная поверхность воды.

— Черт, это же Кингисепп*! — Варфоломеев изумленно уставился на Кингисеппа.

— Я не сапожник ни по имени, ни по роду занятий,— спокойно отвечает Кингисепп.

Он бросает оружие в люк, выходит в комнату. На него надевают наручники. Пальм толкает его к двери, где Кингисепп и Линкхорст встречаются. Линкхорст потрясен. Он был уверен, что Кингисепп успел уйти.

Выталкивая Кингисеппа за дверь, Пальм похлопал Линкхорста по плечу. Выходят девушки...

В сопровождении полицейских во двор выходит Линкхорст. Делает несколько шагов и падает. Полицейские ждут, когда он поднимется, но он продолжает лежать. Линкхорст без сознания. Полицейские подхватывают его под руки и волокут по двору.

...В комнатке Кингисеппа люди в штатском. Они собирают его вещи. Один из них снимает со стены портрет Жореса, рассматривает его.

* В переводе с эстонского — Сапожник.

9 час. 00 мин.

В одной из комнат охраны — Кингисепп и следователь. Кингисепп курит. Он в белой рубашке без ворота и в жилете, босиком, одну ногу положил на стул и оперся подбородком о колено.

Следователь. Вы были главой своей партии?

Кингисепп. Вы спрашиваете, был ли я Красным диктатором, как у вас принято считать?

Следователь. Нет, не совсем это, но все-таки...

Кингисепп. Для вас диктатура означает диктатуру какой-то личности — монархию, автократию. Какой-то один человек всегда управляет. Наполеоны решают в вашем мире все, а генералы выигрывают войны... Ладно. Я не был главой, но мое влияние было велико и неоспоримо. Да. Это не бахвальство. Точнее, я вносил предложения, и их принимали.

Следователь. Беспрекословно?

Кингисепп. Конечно, если они были правильными. Зачем спорить с правильными предложениями? *(Усмехается)*.

Следователь. Кто давал вам предписания?

Кингисепп. Третий Интернационал.

Следователь. А еще?

Кингисепп. И еще Третий Интернационал.

Следователь. Ваша цель?

Кингисепп. Свержение существующего строя и установление диктатуры пролетариата.

Следователь. Это могло стать реальностью?

Кингисепп *(очень спокойно, глядя следователю в глаза)*. Конечно.

Следователь. Когда?

Кингисепп. В ближайшее время.

Следователь. Я должен этому верить?

Кингисепп. Это ваше дело.

Следователь. У вас есть доказательства?

Кингисепп. Вам мало моего слова?

Следователь смотрит на Кингисеппа, подвигает к себе лист бумаги, кладет рядом карандаш и обеими руками опирается о стол.

Следователь. А теперь я хотел бы знать...

Кингисепп. Вы не будете этого знать.

Следователь. Не буду?

Кингисепп. Нет. Посмотрите на меня.

Кингисепп и следователь пристально смотря друг на друга.

Кингисепп. Вы понимаете, что я за человек?

Следователь придвигает стул поближе к столу, начинает колупать ноготь. Кингисепп смотрит на него и усмехается, выпускает дым к потолку.

Следователь. Сделаем перерыв. Есть пожелания?

Кингисепп. Свежие газеты, если можно.

Следователь. Сейчас устроим.

Кингисепп *(откидываясь на спинку стула)*. До чего приятное чувство — впервые за много лет можно расслабиться.

Следователь в дверях оборачивается и смотрит на Кингисеппа.

11 час. 00 мин.

Советский посол в Эстонии Старк в своем рабочем кабинете. Кладет руку на телефонную трубку. Думает. Потом поднимает трубку.

— Соедините меня с Ганецким.

Входит посольский сотрудник. Старк кладет трубку на рычаг.

— Испачкали дверь вашей кухни, — сообщает сотрудник.

— Закрасьте.

— А-а?..

— Это работа мальчишек.

— Мы могли бы обратить внимание.

— Не будем обращаться. Что еще?

— Вас приглашают на премьеру «Царской невесты». В оперу.

— А-а, «Царской невесты». Конечно, пойдём.

Звонит телефон. Старк делает знак сотруднику удалиться. Тот осторожно исчезает за дверью. Старк берет трубку.

— Здравствуйте. Да, конечно. Очень хорошая. Вчера дождило. — Слушает. — Арест Кингисеппа — достаточно серьезная причина, чтобы уполномочить меня встретиться с Пийпом? Уверен. Иначе и быть не может. Инициатива должна была исходить от вас. — Снова молчит. — Теперь поздно об этом говорить, товарищ Ганецкий. Ясно. Конечно. До свидания.

Кладёт трубку и тут же снимает ее снова.

— Соедините меня с министром иностранных дел Пийпом.

Он ждет и смотрит в окно. Сотрудник просовывает голову в дверь, но Старк делает запрещающий жест рукой. Сотрудник не уходит — показывает в двери стакан с чаем. Старк делает призывное движение. Сотрудник со стаканом подходит к столу. Звонит телефон.

— Да... Сейчас, минуточку! — Старк протягивает руку за стаканом, ставит на стол, делает сотруднику нетерпеливый знак удалиться. — Господин Пийп? Это Леонид Старк. Позвольте поздравить вас с прибытием из Хельсинки на родину. Благодарю. Господин Пийп, в связи с непредвиденными и не терпящими отлагательства обстоятельствами я прошу аудиенции, и сегодня же. Откровенно говоря, чем раньше, тем лучше. Да. Благодарю.

Кладет трубку. Смотрит на часы. 11 часов 20 минут.

13 час. 30 мин.

Глава государства на примерке костюма в мастерской портного.

— Стойте свободно, господин президент,— говорит портной.

— Я стою свободно.

Занавеска кабины вдруг отодвигается — из-за нее выглядывает министр внутренних дел.

— Прошу прощения, срочное дело,— говорит он.

— Пожалуйста.— Глава государства оборачивается к портному: — Рукав морщит.

— Один момент, господин президент.

— Что такое? — спрашивает глава государства у министра.

— Мы идем на обмен?

— Что русские?

— Пока тихо.

— Тогда и у нас тихо.

— Ну как? — спрашивает портной.

— Что «ну как»? Ах, да... Все равно тянет.— Глава государства нервно двигает рукой и снова обращается к министру: — Не обменяем, и все.

— Значит, все?

— Протокол!

Министр внутренних дел достает из папки протокол и протягивает его главе государства. Тот вырывается у портного из-под руки и переходит в другую комнату. На нем пиджак с одним рукавом.

Возле длинного портновского стола стоит начальник охраны. Начальник охраны щелкает каблуками. Глава государства кладет протокол на стол и внимательно читает.

— Три пишущих машинки! Зачем три? Даже у меня две. Одиннадцать обыкновенных карандашей, пять химических! Два телефонных микрофона. Ясно. Собирались куда-то подтянуть провод. Не надо быть главой государства, чтобы понять это.— Он прищелкивает языком, становится серьезным, продолжает изучать протокол.— Двести книг. М-да-а. Нет, мне нравится этот человек. Вы посмотрите, какой шифр! Ключ — «Антология эстонских народных песен» Петерсона, и главное — стихотворение «Материнская забота». Господа министры, вы знаете это стихотворение? — Министры качают головой.— Я тоже... к сожалению... Но звучит хорошо. У него здоровый юмор. Хотел бы я с ним встретиться. Скажите, я как глава государства, то есть отец государства, и он... мать... вместе со своей заботой.— Смеется, но вдруг лицо его

становится серьезным.— Что такое? — Читает: — «Клочок бумаги, на котором карандашом помечено расположение комнат и обстановка в квартире главы государства»? Дайте мне этот клочок! Он у вас с собой?

Министры переглядываются. Потом начальник охраны достает из папки небольшой листок бумаги и протягивает главе государства. Тот сосредоточенно его изучает.

В дверях появляется портной.

— Кофе? — предлагает он.

— Что? — испуганно спрашивает глава государства, оторвавшись от бумаг.

— Кофе? — повторяет портной.

— Нет... Да.

— Покушение? — спрашивает министр внутренних дел.

— Чушь. Но это не при чем. Конец!

— Кофе! — почти кричит уже портной.

— Что? Кофе? — Глава государства видит у портного в руке чашку.— Да. Никакого обмена. Под суд! — берет чашку из рук портного, отпивает глоток кофе.

— А русские? — спрашивает министр внутренних дел.

— Не торгуйся,— морщится глава государства.— Суд есть суд. Надо защищаться перед судом.

Отпивает большой глоток кофе. Кофе горячий да еще попадает не в то горло. Он закашливается.

— Снимите с меня эти тряпки! — откашлявшись, раздраженно кричит глава государства. Со звоном ставит чашку на стол и идет с портным в кабину. Кричит уже оттуда: — Эстонская республика не обделяет свои делишки за углом, без суда!

13 час. 30 мин.

Посол Леонид Старк на приеме у министра иностранных дел Эстонии Пийпа.

— Я прошу вас поспешить,— говорит Старк.

— Дело Кингисеппа пустячное и будет решено положительно в течение нескольких дней, господин Старк.

— А проблема Линкхорста?

— Линкхорст обвиняется в вооруженном нападении, он приговорен к смерти военным судом, и эстонское правительство уже не может изменить свою точку зрения.

— Мы одинаково заинтересованы и в Кингисеппе, и в Линкхорсте.

— Вам придется удовлетвориться Кингисеппом.

Старк встает. Пийп обходит стол, берет Старка за рукав.

— Маленькая тайна. Этот Кингисепп мой

старый, добрый знакомый. Мы вместе учились в Петербургском университете.

— Тогда будем надеяться, что вы не отправите своего старого знакомого в трибунал.— Старк кланяется и уходит.

Пийп снимает телефонную трубку.

— Прощу главу государства. Здравствуй, это я. Здесь был Старк, значит, обмен... Что? Дьявол, по твоей милости, я выгляжу в глазах Старка идиотом!

15 час. 15 мин.

В кабинете главы государства находятся сам глава, министр внутренних дел и государственный контролер Ойнас. Глава государства бросает телефонную трубку.

— Что я могу сделать? Решает суд, а не я! Суд! Четыре года мы гонялись за Кингисеппом, и теперь дать ему просто так уйти! Ни в коем случае. У нашего государства должна быть своя позиция!

— Тыниссон приехал из Тарту,— сообщает министр.

— Конечно, конечно... В мировой войне были убиты тысячи невинных людей, но никто и не кашлянул. А теперь в кои-то веки должен умереть один виноватый, так подняли такой шум!

Ойнас, потирая руки, подходит к столу главы государства, явно намереваясь что-то сказать. Глава государства машет рукой. Ойнас кланяется и выходит вместе с министром внутренних дел.

18 час. 00 мин.

Заседание полевого суда. За столом трое офицеров и трое в штатском. У дверей стоит молоденький солдат. Метрах в пяти от стола — стул. Председатель суда перелистывает какие-то бумажки, заседатели выжидающе смотрят на дверь.

Дверь открывается, и в сопровождении двух солдат в комнату входит Кингисепп. Остается стоять у стула. Улыбаясь, смотрит на всех. Члены суда с явным интересом рассматривают стоящего перед ними человека.

Председатель. Фамилия?

Кингисепп. Кингисепп.

Председатель. Имя?

Кингисепп. Виктор.

Председатель. Отчество?

Кингисепп. Эдуардович.

Председатель. Год и место рождения?

Кингисепп. Двенадцатое марта тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года, в Карма-Сууреской волости Сааремааского уезда.

Председатель. Верующий?

Кингисепп. Нет.

Председатель. Профессия?

Кингисепп. Ниспровергатель Эстонской республики.

Молодой солдат у двери фыркает. Председатель поднимает голову. Кингисепп легонько кивает солдату. Председатель повышает голос.

Председатель. Постоянное место жительства?

Кингисепп. Не имею.

Председатель. Судимости?

Кингисепп. Не имею.

Председатель. Служили в армии?

Кингисепп. Нет.

Председатель откладывает листок с вопросами в сторону, берет другой и встает. Встают и заседатели. Солдаты по обе стороны Кингисеппа неуклюже становятся по стойке «смирно».

Председатель. На основании постановления Временного правительства от двадцать пятого марта тысяча девятьсот девятнадцатого года, параграфы первый, второй и восьмой, вы обвиняетесь в том, что, первое: начиная с тысяча девятьсот восемнадцатого года, во время войны с Россней, организовывали сбор военных сведений и шпионаж в пользу врага на территории Эстонской республики. Второе: что вы с тысяча девятьсот восемнадцатого года по сей день на территории Эстонской республики подстрекали народ к мятежу с целью свержения государственного и общественного строя, существующего в Эстонии, создавали для этого подпольные группы и организовывали распространение соответствующей литературы. И последнее: что вы в ночь на третье мая тысяча девятьсот двадцать второго года с целью убить чиновника государственной полиции Эстонии Юлиуса Пальма, который находился при исполнении служебных обязанностей, оказали ему сопротивление с помощью револьвера, но не могли стрелять по не зависящим от вас причинам, потому что револьвер отобрали, а вас самого арестовали.

18 час. 30 мин.

В кабинете главы государства — хозяин кабинета и Тыниссон. Тыниссон взволнован, говорит громко, жестикулирует, наконец, встает со стула, ходит по комнате.

— Помнишь, что сказал король про Вольтера? — спрашивает Тыниссон.

— Какой Вольтер? Ты о чем?

— Он сказал: Вольтера не арестовывают.

— И все-таки я не понимаю. Что ты хочешь сказать?

Глава государства тоже взволнован, хотя всячески пытается это скрыть. Но горло у него, по-видимому, пересыхает, и каждую

фразу он сопровождает сухим покашливанием.

— Вольтеров не арестовывают! — Тыниссон наконец останавливается напротив главы государства.— Ты хочешь расстрелять Кингисеппа?

— Он собирался застрелить меня.

— Значит, месть?

— Мы живем в холодной стране, мы живем на севере. Вокруг нас воют волки. Мы одинокий народ, никто не позаботится о нас. Мы сами должны постоять за себя. Я должен защищать самого себя. Подумай сам: что скажет обо мне мой народ, если я не сумею постоять за себя?

— А не слишком ли много ты думаешь о себе?

— Как ты со мной разговариваешь? Да и что ты можешь сказать? Я знаю, он спас тебе жизнь, спас тебя от красных, когда переправил тебя за границу, поскольку ты, очевидно, не представлял для красных такой опасности, как некоторые другие. Конечно, ты благодарен. Как всякий был бы на твоём месте. Но я не могу допустить, чтобы в моем государстве спокойно разгуливал мой враг номер один. Враг моего народа.

— Я все понимаю, но не думаешь же ты в самом деле его казнить! Это вызовет скандал!

— И пусть. Нашему молодому государству нужно внимание общественности.

— Ты представляешь все последствия?

— Разумеется. Если раньше я еще колебался, то теперь никаких колебаний. Ты меня переубедил. Ты, старый либерал, прояснил мне картину. Этот человек должен исчезнуть. Все.

— Ты меня выгоняешь?

— Что ты кокетничаешь! Кто тебя выгоняет? Не впадай в сентиментальность!

— Ты представляешь, что теперь будет? Неужели ты не понимаешь, что Россия никогда не простит тебе убийства члена Всероссийского исполкома, помощника самого Дзержинского, вождя эстонских красных? Понимаешь ли ты, что ты делаешь со своим народом?

— Я знаю свой народ. Кингисепп должен умереть. И он умрет.

— А тебе не хотелось бы оставить по себе добрую память?

— Еще успею. Думай о своих делах, старый шут.

— Я тебе скажу, как говорят эстонцы, поди ты в задницу.— Тыниссон демонстративно медленно надевает пальто.— Прощай.— Приподнимает шляпу и выходит из кабинета.

Продолжается заседание полевого суда. Кингисепп произносит свое последнее слово.

— Я хотел было произнести речь длиной в три,— усмехается,— или в три с половиной часа, в которой попытался бы основательно изложить свои мнения, точку зрения, подвести итоги прожитой жизни, если выразаться возвышенно. Это имело бы смысл на открытом процессе. Говорить вам — не имеет смысла. Пара солдат — слишком мало публики! Зачем пленнику говорить для пленных! О заключении обвинения я вообще говорить не хочу. Это полная чушь. Вы прекрасно знаете, что я не шпион. Вам должно быть стыдно называть меня шпином. Пистолет у меня в руках был, но я ни в кого не стрелял и стрелять не собирался. И это объяснять вам нет никакого смысла. Я никогда не скрывал, что ненавижу систему. Мне не нравится Эстонская независимая республика по той простой причине, что я не вижу в ней никакого объективного смысла. Это ваша иллюзия, что вы независимы и самостоятельны. Я говорю: любой повешенный конокрад независимей, чем независимая и самостоятельная буржуазная Эстония.

Председатель хочет встать, но в этот момент Кингисепп повышает голос, указывая пальцем на сидящих членов суда:

— Вы сами не понимаете, что собственно означает вообще ваша самостоятельность. Подумайте, сколько времени понадобилось серым баронам, чтобы понять необходимость искусственного навоза, еще больше времени понадобится им, чтобы понять, что означает самостоятельность, да к тому же это будет сложнее искусственного навоза.

Председатель вскакивает.

— Я лишаю вас слова.

— Разумеется,— вежливо говорит Кингисепп.

— Что?

— Это и требовалось доказать.

— Трибунал удаляется на совещание.

21 час. 10 мин.

Обессиленный Линкхорст лежал на нарах. Глаза закрыты. Он почувствовал какое-то движение и открыл глаза. Перед ним сидит полковник Раудвере. Линкхорст закрывает глаза. Снова открывает. Опять видит Раудвере.

— Чего вам еще надо? Теперь-то все? — безжизненным голосом спрашивает Линкхорст.

— Нет, это только начало. Вам ведь больше терять нечего, верно?

Деловой тон Раудвере быстро отрезвляет Линкхорста. Некоторое время он пристально смотрит на полковника. Тот не отводит взгляда.

— Продолжим? — говорит он.
Дверь открывается, входят двое в штатском.

— Типография находится в Сауэ, на хуторе Уку. — говорит Линкхорст бесцветным голосом.

Двое раскрывают папки, достают карандаши. Один из них снимает пиджак.

21 час. 55 мин.

В комнате охраны собрались все члены военного трибунала. Некоторые курят. Видно, как все взвинчены.

Председатель. Суд суверенен.

Первый член суда. Так, значит...

Второй. Ну да.

Четвертый. Дьявол!

Шестой. Открой окно! Что ты на меня уставился?

Пятый. Если подойти с юридической стороны...

Второй. Что ты говоришь о юридической стороне?

Пятый. А что нам говорить?

Второй. Не понимаю, зачем я здесь!

Шестой. А как ты думаешь?

Второй. Кого интересует, что я думаю!

Четвертый. Не понимаю. Мы же не при служники главы государства.

Председатель. Суд суверенен.

Второй. У меня предложение. Давайте устроим тайное голосование.

Шестой. Верно! Верно!

Председатель раздает бумагу и приготавливает шляпу, куда нужно будет положить записки. Члены суда расходятся по комнате. Прячут свои бумажки, разыгрывают при этом полное безразличие, наблюдая, однако же, друг за другом. Собирают записки и опускают в шляпу. Председатель вынимает по одной записке.

Председатель. Смерть. Смерть. Смерть... Смерть. Смерть. Смерть.

Четвертый. Единоголосно?

Все члены суда молча переглядываются и подходят к столу. Они очень взволнованы. Теперь все записки лежат на столе.

Второй. Я не понимаю... — протягивает руку к запискам.

Председатель (сгребает их в кучку). Все верно.

Третий. Но...

Председатель. Что такое?

Третий. Ничего.

Председатель. И подписи тоже.

Все стоят молча. Председатель смотрит на них.

Председатель. Что-то не так?

Шестой. Что тут теперь...

Они подписываются.

Третий. Обратите внимание. Вы еще увидите!

Пятый. Что?

Третий. Сами увидите.

22 час. 00 мин.

Глава государства в кабинете разговаривает по телефону.

— Что? К смерти? — Встает. Снова садится. — Что делать? Суд есть суд. Ничего не могу поделать...

Кладет трубку, быстро оглядывается, но в кабинете, кроме него, никого нет.

Высокие кабинетные часы бьют десять.

22 час. 15 мин.

Уютный свет, стол накрыт к чаю, тихая музыка.

Альма и Ойнас сидят друг против друга за столом. Альма беззвучно плачет. Взгляд ее устремлен в никуда. Она машинально пьет чай. Слезы текут по ее щекам.

Ойнас мрачен, суров, сидит, уставившись в стол. Потом он поднимает голову и мягко говорит:

— Психологи утверждают, что человек может свести себя с ума, если будет неправильно думать о дурных сторонах какого-то явления. Нельзя самому делать событие хуже, чем оно есть. Забудем отвратительные стороны этого дела. Не будем думать о них. Будем думать, что...

— Да позвони же ты, скажи...

— Это не поможет. И... подумай о том, что раньше или позже... все кончается. Не могло же это длиться вечно.

— Твоя жизнь тоже не будет длиться вечно, — сквозь слезы произносит Альма.

Она ставит на поднос посуду и идет в кухню. Ойнас кричит ей вслед. Так как жены уже нет в комнате, его голос становится сильнее, смелее, решительнее:

— *Amicus plato, sed amica veritas!* Кингисепп мне дорог, но истина дороже. Это вопрос принципиальный. Государство должно было пойти на эту жертву, если оно вообще хотело быть государством. А я государственный контролер. Все, все!

На кухне с грохотом разбивается посуда.

22 час. 20 мин.

Кингисепп сидит в машине между двумя солдатами. Их освещают фары автомобиля, едущего сзади. Он упорно преследует машину, где находится Кингисепп.

Ночь, дорога в рытвинах, грязь. Кингисепп рассматривает солдата, сидящего рядом. Это тот самый молоденький солдат, который стоял у двери на суде.

— Так ты и есть мой ангел смерти? Честно говоря, во сне мне виделось совсем другое лицо.

— Какое?

— Не помню. Лица, которые видишь во сне, не запоминаются. Если снова видишь их во сне, то узнаешь. А днем не помнишь.

— Да, паршивое это дело,— как-то виновато говорит солдат.

— Какое дело?

— Ну, человека успокоить.

— Успокоить?

— Ну да...— Парень явно в замешательстве.

— У-спо-ко-ить! У эстонского народа на все слово отыщется! Какие прекрасные выражения! Волка назвали виллем, медведя — отт, а убить — значит, успокоить. Совесть-то есть?

Солдат кивает.

— И чего ты совестишься?

— Ну, что вот так делаем...— не понимая, к чему клонит Кингисепп, говорит солдат.

— Нет, не того стыдиться надо. Это нормально. Стыдись своих выражений. Я могу тебе перечислить сто слов, которые вы говорите вместо «убить»,— успокоить, кокнуть, щелкнуть, уложить. Кишки выпустить... Бог ты мой, сколько их. Боишься сказать, что ты меня убьешь.

— Я не убиваю.

— Убиваешь!

За закрытой машиной все так же следует автомобиль. Через заднее стекло виден свет его фар. Он блуждает по лицам Кингисеппа и солдата.

— Могу я что-нибудь сделать... ну, передать кому-нибудь...

— Не можешь.

— Я не со зла.

— С добра.

— Я не виноват! — восклицает солдат в отчаянии.

— Нет,— резко говорит Кингисепп.

— А что мне делать?

— Скажи своим детям, чтобы поставили памятник на моей могиле. И пусть принесут туда цветы. Запомнил?

— Запомнил.

— Врешь.

Машина подъезжает к озеру Юлемисте.

— Стреляй в меня,— Кингисепп вдруг меняет интонацию, говорит тихо и спокойно.

— Что?

— Стреляй в меня. Не в воздух. Ты непременно пальнешь в воздух. Ты трус. Стреляй в меня. Только в меня. Ради меня. Я прошу. Не бойся. Я ведь тебя уже не выдам.

— Кому?

— Тем, кто придет.

Нервы у солдата сдают, и он уже кричит: — Откуда? Кто?!

Другой солдат прыгает на него, пытается успокоить. Машина резко тормозит и останавливается.

22 час. 30 мин.

Машина стоит. Останавливается и та, что шла сзади. Кингисепп в сопровождении солдат выходит из машины. Из легкового автомобиля до сих пор еще никто не вышел. Но фары погасли.

— Могила готова? — рычит Кингисепп.

Никто не отвечает. Солдаты в растерянности смотрят на темный автомобиль.

— Вот там как будто есть яма,— Кингисепп направляется к темному провалу.

Никто из солдат не рискует пойти за ним следом.

Вся сцена — в свете фар грузовика. Кингисепп обходит яму.

— Что, стрелков так и не найдется?

Из легкового автомобиля выходит человек. Кингисепп оборачивается. Свет фар бьет ему в лицо, и он стоит один, ярко освещенный этим светом.

В темноте происходит движение. Кто-то размещает солдат в цепочку. Человек, вышедший из автомобиля, направляется к Кингисеппу. Его лицо постепенно мертвеет, постепенно утрачивает свое резкое выражение.

— Ты президента знаешь? — произносит Кингисепп каким-то не своим, странным голосом.

— Не знаю, так узнаю,— говорит человек, стоящий к нам спиной.

— Скажи ему: «До скорого свидания!»

— Что?

— Это все.

— Больше ничего не скажешь?

— Скажу.

— Говори скорей.

— Да здравствует Советская власть! — говорит Кингисепп тихо.

Выстрел — Кингисепп падает.

Вдруг на дюнах... кошка! Ее глаза горят. Она шмыгает в темноту.

Ни с того ни с сего просыпается девушка-брюнетка. Зажигает свет. Ходит взад-вперед. Смотрит в окно.

Такое чувство, как будто в ночи кто-то крадется.

Девушка задергивает шторы, осторожно идет в кухню. Пьет воду. Успокаивается. Идет в комнату. Ложится. Закрывает глаза. Открывает. Снова закрывает. Уличный фонарь льет в комнату тусклый свет.

...В полуночном городе в окнах вспыхивает свет. В одном, другом, третьем... десятом, пятнадцатом... Убийственно тихий город с освещенными окнами. Тишина невыносима и длинна.

4 мая, 10 час. 00 мин.

На перроне Балтийского вокзала у поезда стоят поэты с газетой в руках.

— Ну, теперь вы гордитесь? Большое облегчение, да? — говорит русский поэт, потрясая газетой.

— Не думай о нас плохо.

— Это мое дело, что я буду думать.— Читает по слогам: — «Вик-тор Кин-ги-сепп ласти... ма-ха йей-ле». Виктор Кингисепп вчера расстрелян.

— Эй-ле,— поправляет его эстонский поэт.

— Именно эй-ле. Красивый язык. Сыйда юле силла. «Езжай тихо по мосту». Эй ле ласти маха. Да, красивый. Это стихотворение мы переведем на русский.

Русский поэт поднимается в вагон. Скрывается, снова подходит к двери. Поезд свистит. Русский поэт что-то говорит, но из-за свиста его не слышно. Эстонский поэт показывает, что не слышит. Поезд трогается.

— Теперь он будет с вами вечно! — кричит русский поэт.— Он останется с вами!

Поезд уходит. Эстонский поэт достает из кармана письмо, бросает в урну. Идет по перрону, останавливается. Возвращается и достает письмо из урны. Поджигает его. На наших глазах бумага превращается в пепел.

Начало мая.

Погода ухудшилась. Ветер несет песок. Смеркается. По дюнам идут три девушки.

Это Вильгельмине Клементи, блондинка и брюнетка. Останавливаются на гребне дюны, осматриваются. Спускаются, поднимаются на другую дюну.

— Посмотри туда,— говорит Вильгельмине.

— Куда? — спрашивает блондинка.

— Видишь, там на песке какие-то линии.

— Пошли.

Они всматриваются в линии на песке.

— Ну? — Блондинка ведет пальцем по линии.

— Они параллельны.

— Ну так что же?

— Ты что, не понимаешь? Это могут быть следы пуль. Они же темные, как будто это копоть. Ну, пороховая сажа.

Девушки набирают в горсть песок. Он струится между пальцами. Девушка-брюнетка наблюдает за ними.

— Теперь пойдем по низу,— предлагает блондинка.

— Почему бы и нет.

Все трое идут дальше.

— Эй! — раздается голос откуда-то сверху.

Девушки поднимают головы — на гребне дюны стоит темная фигура.

— Здесь находится запрещено,— произносит фигура.

— Что, уже и гулять нельзя? — с вызовом спрашивает Вильгельмине Клементи.

— Немедленно уходите, иначе буду стрелять.

Девушки неохотно удаляются. Брюнетка, которая за все время не произнесла ни одного слова, так же молча набирает полную пригоршню песка и идет вслед за подругами.

Они идут, идут, в белых платьях среди сумерек, ветра и летучего песка.

Слышны клики журавлей. Над морем пролетает длинная, длинная журавлиная стая.

*Перевод с эстонского
Ирины и Виталия Белобровцевых.*

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ПРОЦЕНКО (родился в 1935 году) окончил сценарный факультет ВГИКа. По сценариям А. Проценко поставлены художественные фильмы «Шаги по земле», «Прошлогонья кадиль», «Брелок с секретом», а также ряд научно-популярных фильмов — «Зимний Ленинград», «Азовское море», «Всего один рейс» и др.

Фильм по сценарию «След красной молнии» («В стреляющей глуши») ставит на Свердловской киностудии режиссер В. Хотинский.

АНАТОЛИЙ ПРОЦЕНКО

СЛЕД КРАСНОЙ МОЛНИИ

Из затемнения в голубом свечении возникает ослепительная шаровая молния. Она плывет над лугом на фоне леса. За молнией верхом на прутике бежит сельский мальчуган. Он как будто подгоняет молнию, почти касаясь ее веревочным бичиком. Короткий и резкий порыв ветра пригибает к земле малиновый цвет иван-чая. И молния, тронутая ветром, быстро уходит от мальчугана к лесу. Мгновение — и она среди словно политых глазурью золотистых сосен... В следующее мгновение молния сталкивается с деревом. Ослепительная вспышка и взрыв.

Полыхает лес. Треск пламени. Замер перед морем огня ошеломленный мальчишка...

Залепанные грязью сапоги скользили по разбитой телегами, набухшей от осенних дождей дороге. Перетянутый ремнем пиджак давил на плечи. После многих верст пешего пути невыносимо тяжелыми казались карабин на ремне и тощий вещмешок.

Федор сошел на обочину, где посуше. Прибавил шаг. Дорога извивалась по хвойному темнолесью, в котором светились ред-

кие березы. Над дальними елями под тяжелым серым небом хороводилось крикливое воронье...

...Скоро лес впереди расступился. Дорога вывела к ржаному полю. За полем раскинулась бурая луговина с темными стожками сена, а за ней показались крыши и колоколенка Шibaевки, взбежавшей на невысокий пригорок и прижавшейся задними дворами к синей кромке бескрайнего леса.

Перед деревней Федор остановился считывая с сапог грязь, осмотреться. От деревни доносился лай собак. Тянуло дымком...

...В деревню Федор входил с напряженным взглядом жестких глаз на обветренном скуластом лице. Навстречу выскочили и остановились с любопытством мальчишки. Сопровождавшие их дворняги лениво тявкнули на чужака.

У одной из калиток покуривали на скамейке старики с посошками между колен. Федор подошел, поздоровался, спросил дорогу. Один из стариков показал куда-то дальше по улице.

Федор вышел к неогороженной избе, все окна и крыльцо которой глядели на малень-

кую площадь. Перед избой стояла длинная коновязь, сбоку — ветхий амбар и куча бревен. Взойдя на захлапленное сеном и сухими ветками крыльцо, Федор увидел прибитую рядом с дверью серую фанерку с обломанными краями и едва различимыми неровными буквами: «Совет». Тут же, на фанерке, красовалась нарисованная углем рожица — кто-то из ребятишек постарался.

Смахнув ногами с крыльца мусор, Федор вошел в избу.

В углу просторной комнаты громоздились обшарпанные школьные парты, на стене висела выдавшая виды карта полушарий, вдоль стен — неровный ряд лавок. На столе посреди комнаты лежал человек.

Федор осторожно снял с его лица мятый картуз. Здоровенный парень тяжело вздохнул, пошевелил пухлыми губами.

— Эй! — потрянул его Федор.

Парень недовольно замычал.

— Подъем! — Федор сильной рукой сначала посадил, потом стащил парня со стола.

— Ну-у! — приходя в себя, возмутился парень. — А то сейчас!..

Федор усадил его на лавку. Увидел прямо над головой парня висящий на стене портрет царя в рамке. Сорвал его, повертел и бросил под кучу парт. Уставился на парня.

— Кто такой?

— А ты кто? — спросонья прогундосил парень. — Вот дам сейчас по р-роже!

Федор рывком поднял парня с лавки.

— А ну, катись отсюда! — И вытолкнул на крыльцо.

Перед избой Совета толпились уже знакомые нам старики с клюками, мальчишки, какой-то хилый мужик с малышом на руках.

— Не трожь! — орал парень. — А то сейчас! Отпусти!

Федор заломил ему руку, свел с крыльца.

— В другом месте отоспишься, шагай!

— Ну ладно! — уходя, погрозил парень. — Ну посмотрим!..

Федор глянул на стариков, на оробевшего мужика с малышом:

— Где найти председателя Совдепа Митрия Хромова?

Переглядываясь в смущении, сельчане молчали.

— Может, вас по-турецки надо спрашивать?

— Так ведь... Ты его только что турнул...

Федор лишь мгновение был в растерянности, потом быстро пошагал за парнем, догнал его, вернул, подталкивая, к Совету.

В раскрытой калитке добротного подворья с крепкой избой и глухим высоким забором покуривал хозяин — местный богатей Жлобин. Издали наблюдал за Федором.

Втолкнув Митрия в избу, Федор обернулся к мужикам:

— Живо собирайте народ на митинг! Через полчаса не соберете — отдам под трибунал!

Мужики озадаченно чесали в затылках. Который был с малышом сразу заторопился, уводя с собой выводок детворы.

В полутемном коридоре Федор окунул фыркающего Митрия головой в бадью с водой:

— А ну давай! Ты нужен трезвый, язви тебя!

Полузадохнувшийся, трезвеющий председатель Совдепа вырвался наконец из его рук, плюхнулся на хромоногую скамейку, чуть не упал, рассмеялся:

— Ух-х, зараза!

Федор зло дернул его за рукав, толкнул в классную комнату.

Жлобин все стоял в калитке, ждал, когда поровняются с ним старики, бредущие от Совета. Старики приблизились, почтительно коснулись пальцами своих картузов.

— Кого это к нам бог послал? — спросил Жлобин.

— Наверде — красное начальство...

— Чего ему?

— А шут знает... Только Митрия он сильно в чувство приводил...

— Боево-ой, — поддакнул другой старик. — Сход велел собрать, трибуналом грозился.

Из-за спины Жлобина появился его сын Фомка, сильно навеселе, с гармонью. Задержался послушать. Но молчал Жлобин, и старики молчали.

Жлобин кивком отпустил их, сказал сыну негромко, внушительно:

— Мужиков, знаешь кого, позови ко мне. По-тихому...

Федор между тем мерил шагами классную комнату перед хлопающим глазами Митрием и строго выговаривал:

— Ты ж Советская власть! Как ты можешь пьяной свиньей валяться, когда революция в опасности, а?

— Да ладно, — мялся парень. — Ну, угостили мужики...

— А тебя в укоме считают надежным боевым парнем. Дескать, можно положиться на него. Немедля собирай Совет и комитет бедноты!

— Собирай, — криво усмехнулся Митрий. — Никакого Совета нету, да и комбед... — Он махнул рукой. — Неделю назад, когда белые подошли к уезду, сход постановил без властей жить. Мол, ждать надо, какие верх возьмут — красные или белые...

— Чего ты хреновину порешь!
— Верно говорю...
— За это, знаешь, трибунал. Это же предательство!

— Не ори,— обозлился Митрий.— Герой выискался! Посмотрим, как тут будешь... Вона в соседней Шельбутовке, да и в Пыхтино совдеповцев ночью-то... Кругом в лесу с обрезамы шастают разные. Да и в деревне у каждого в чулане наган или винторез. Трибуна-ал!

Федор смерил Митрия жестким взглядом:
— Ясно... Кто еще был в Совдепе?
— Ну, братан мой Гришка. Еще Серега Ломов.

— Немедля зови их сюда!
Митрий пожал плечом.
— Топай! — приказал Федор, подталкивая его к двери.— И скажи: нам придут сами, приведу яод конвоем, а потом как предателей трудового народа...

Тяжело вздохнув, Митрий поплелся из комнаты.

Нехотя собирался народ на площади перед Советом. В основном молодежь, бабы, старики и детвора с дворнягами.

Тихо беседевая, прошли на подворье Жлобина моложавый зажиточный мужик Васюгин и один из богатеев — дряхлый старик Шаповалов. Среди девок в окружении парней гоголем держался Фомка Жлобин, сбивчиво наигрывая на гармони частушечный перебор.

На крыльцо сельсоветовской избы вышел Федор с небольшим красным флагом на кривой необструганной палке. Ухватившись за балясину крыльца, легко вскочил на перильце, стал укреплять флаг над крыльцом.

Сельчане на площади наблюдали за ним, тихо переговаривались.

Расправив флаг, чтобы полоскал его ветерок, Федор спрыгнул на ступеньку крыльца, полюбовался флагом и стал закуривать, поглядывая краем глаза на собирающихся сельчан.

В избе у Жлобина, в просторной горнице, сидели на лавках по углам местные богатеи. Взгляды мрачные, исподлобья. Жлобин сумрачно сидел за столом, ковырял в зубах. Сказал в раздумье:

— Одно из двух: или за нашими парнями в свою Красную Армию, или за хлебом. Голодуха у них.

— А может, и за тем, и за другим,— сказал Васюгин. Помолчал и добавил: — Я б его стрельнул.

Помолчали все. Жлобин сдунул с бороды крошку, сказал веско:

— В деревне не надо. В лесу перехватим...

Народу на площади собиралось все больше. Люди провожали настороженно-любопытными взглядами шагающих к крыльцу членов Совдепа: сосредоточенного, с умными глазами Григория Хромова и небольшого роста, бедно одетого, пожилого мужика Серегу Ломова. Следом за ними шел Митрий, пытаясь на ходу ущипнуть кое-кого из девок. Девки смеялись, награждали тумачами по широченной спине.

Явившиеся на сход мужики расселись на куче бревен возле амбара. Покуривали, негромко переговаривались:

— Жлобин-то сказывал, со дня на день белые вяются, а тут на тебе — красный!

— И Жлобин не все знает!

— Н-да-а...

— Какие такие дела будут, интересно...

— Очень просто! Совдеп мы разогнали — заарестует кой-кого энтот с винторезом, и все!

— Пускай попробует...

Федор вышагивал по комнате вдоль карты полушарий перед сидящими по лавкам совдеповцами.

— Уездным комитетом партии я направлен за хлебом для голодающей революции. Знаю, хлеб схоронили по ямам. Надо найти! И найдем!.. Что? — вперил он взгляд в ухмыльнувшегося Серегу Ломова.

Тот покачал головой:

— Ничего у тебя не выйдет, парень.

— Еще как выйдет! Без хлеба не уйду!

Мужики отводили глаза под напряженным взглядом Федора.

— Пойдите,— насторожился Федор. — Или зря рассчитывал я на вас?

— Чудак ты человек,— нарушил наступившую паузу Серега.— Ведь мы тут в деревне все — кумовья да родня. Как тут против всех попрешь? То-то и оно. Тебе-то что...

— Ну, найдешь хлеб,— вступил в разговор Митрий Хромов.— Как увезешь? Никто телегу не даст.

— Ерунда! — резко ответил Федор. — Я не один! За мной идет продармейский обоз... А вы... вы, братцы... В общем, так! После митинга идем по дворам. Вы как Советская власть обязаны выполнять декрет Совнаркома республики!

— Эх,— вздохнул Серега,— и себе шею свернешь, и нам.

— Какая мы власть? — удивился Митрий.— Совдеп у нас отменили всем сходом, так что... Не-е, я не согласный!

Григорий Хромов с прищуром смотрел то на Федора, то на мужиков.

— Вот так смотришь и думаешь, — сказал он в раздумье, — не так, не так надо видеть всю эту катавасию.

— Ты у нас шибко умный, известно, — усмехнулся Серега.

— Ну, гляньте на это, — Григорий показал на карту полушарий. — Вот она Земля! И на ней — Россия! Тысячи тысяч людей!

— Да ладно тебе, Гришка, — поморщился Митрий. — Тут дело серьезное, а ты...

— Вот я и говорю, — вдохновенно продолжал Григорий, — это же столько людей — уйма! — по всей России по-новому решили повернуть жизнь! Трудное дело! До войны дело дошло, вот как. И я так думаю, мужики, что-то мы не совсем понимаем, коли в сторонку уходим от этой войны.

— Вояка нашелся! — бросил Серега.

— А не понимаем мы главное: откуда берется сила у таких, как он... — Григорий кивнул на Федора. — Я так думаю, сила эта, мужики...

— Ой, да ладно тебе! — покривился Митрий. — Тюкнут из-за угла обоих, и вся эта сила пшиком окажется!

— Ошибаешься, — твердо сказал Федор. — Наша сила неистребима. Потому как это сила духа!

— Во, правильно! — махнул рукой Григорий. — И как хотите, мужики, а мы должны, просто должны, и все тут!

— Хрена ли тебе, — негромко сказал Серега. — Ни детишек у тебя, ни человеческого подворья, одна пилорама — снемешься налегке со своей Анютой, и был таков. А нам тут жить... Хотя жизнь стала такая, что... Просто гелсва кругом идет, не знаю просто...

— Главное теперь — Мокею Жлобину руки укоротить, — сказал Григорий.

— Кто такой? — спросил Федор.

— Самый богатый в деревне.

— Ну, Гришка, — покрутил головой Серега. — Да стоит Жлобину моргнуть — мужики нас живо на небо спровадят!

— Жлобин... — прищурился Федор. — С него и начнем!

Народ, кто почтительно, кто с неприязнью, расступался, пропуская к крыльцу школы Мокея Жлобина, Васюгина, Шаповалова, других зажиточных мужиков.

— Ну, может, пора расходиться? — усмехнулся Жлобин. — Делов у каждого хватает, чего мы тут собрались-то!

— Чего собрались, узнаешь, — резко сказал появившийся на крыльце Федор. Следом за ним вышли следоповцы. — Фамилия твоя Жлобин, наверное?

— Ну, — самодовольно отозвался кулак.

— Отойди в сторону и слушай, что буду говорить, — так же негромко сказал Федор. — И не вякай.

Жлобин, хищно усмехнувшись, отошел к толпе, уводя за собой приятелей. Толпа гомонила. Люди стали подходить ближе.

Федор окинул всех напряженным взглядом: — Товарищи трудовые мужики! Братский привет вам от рабочего класса! — В задних рядах притихшей толпы сбивчиво запиликала гармонь Фомки. Федор лишь на мгновение глянул в его сторону и продолжал, чуть повысив голос: — Вот уже скоро год, как рабочие и крестьяне России под руководством партии большевиков и товарища Ленина установили в государстве Советскую власть!

: Гармонь заиграла громче. Федор усмехнулся и со злой веселостью в глазах пошел через расступившуюся толпу к Фомке. Фомка перестал было играть, но потом с восточном снова рванул меха.

— Может, спляшем? — с хмельной усмешкой поинтересовался Фомка. — Скоро престольный праздник...

— Ты же играть не умеешь, одно и то же пиликаешь!

— Ну, может, ты нам...

Оборвав его на полуслове, Федор бесцеремонно взял, почти вырвал у него из рук гармонь. Забросил ремень на плечо, взял аккорд. Глянул на окружавших его девушек, подмигнул самой красивой — и заиграл лихую кадрили.

Красавица, а это была Анка, жена Григория Хромова, смотрела на него во все глаза с восхищением, удивлением, испугом.

А Федор, будто замороженный ее взглядом, играл и приплясывал, будто во хмелю. Оборвал игру, замер перед Анкой.

— А полечку умеешь? — спросили из толпы.

Федор оторвал взгляд от смущенной Анки.

— И полечку умею, и краковяк... — Взяв гармонь под мышку, он пошел к крыльцу.

— Э-э! — всполошился Фомка. — Гармонь-то!

— Получишь после митинга, — Федор поставил на крыльцо гармонь и обратился к толпе:

— Закатили б мы с вами гулянку, будь здоров! Да время не то, товарищи! Но придет наше время! Вся мировая музыка будет нам играть! А пока что гидра контрреволюции хватает нас за горло. Очень даже хотела бы контра задушить революцию! Ничего из этого не выйдет, товарищи! Революцию не победить!

— Ясновидцу! — насмешливо выкрикнул Жлобин. — Загадывай, мужики! Все отгадает!

— Ясновидец, точно! — Федор стремительно сошел с крыльца, Жлобин даже попытался. — Не веришь в мои слова? Хочешь убедиться, что я всегда прав?

— Интересно...

Федор поднял с земли прутик, стал быстро ломать его на палочки разной длины.

— Хочешь, подряд десять, двадцать раз вытащу из твоего кулака короткую или длинную палочку, как скажешь! Держи! — Он протянул Жлобину палочки. — Ну держи, держи!

Посмеиваясь, Жлобин взял палочки и, отвернувшись, стал укладывать их в кулачище.

— Поглядим... Тащи короткую...

Не раздумывая, Федор вытащил короткую.

— Она? — спросил у Жлобина.

— Ну, пускай... Теперь длинную.

Федор потянул палочку. Показал ее толпе — длинная! Жлобин поджал губы:

— А еще длинную...

Федор молча вытащил.

— Чудно! — послышалось из толпы.

Жлобин снова отвернулся, приятели заговорили его спинами, пока он колдовал над палочками.

Федор перехватил Анкин взгляд, улыбнулся ей. Жлобин обернулся к нему, крикнул сельчанам:

— Никакого чуда, сейчас увидите! Ну-к, тащи длинную!

Федор усмехнулся:

— Теперь длинную вытащить не смогу. — По толпе прошел смешок. — Потому как гражданин Жлобин все длинные превратил в короткие.

Он перехватил руку Жлобина, палочки выпали из разжатого кулака — все они были коротко обломаны. По толпе прошел недовольный шумок.

Григорий смотрел на Федора с одобрением. Серега — оторопело. Митрий озадаченно чесал затылок.

— Ерунда все это! — пришел в себя Жлобин. — Никакой он не ясновидец!

— Конечно, мужики, — согласился Федор, — тут нет никакого чуда. Просто я ясно вижу будущее, твердо знаю, чего хочу, а потому правда на моей стороне, а кривду я вижу сквозь землю, меня не обмануть. И мы, большевики, все такие! А раз так — нас не победить. Палочки эти — в самом деле ерунда, у нас дело посерьезней.

— Слушайте его! — насмешливо вмешался Васюгин. — Он еще скажет, что все большевики бессмертные, навряде Кашей!

— Угадал! — с веселым вызовом отозвался Федор. — Я и есть бессмертный, только не Кашей, а коммунист-большевик!

— Ври больше! Бессмертный нашелся! А может, попробуем?

В толпе смеялись. Федор поднял руку: — Пока я был такой же темный, как вы, мужики, тоже думал, что только в сказке бывает бессмертие! Ан нет! И в жизни есть такое! Могу объяснить, если интересно.

— Объясни, конечно! Очень даже интересно! Бреши дальше!

— Кончайте, мужики! — повысил голос Жлобин. — Кому эта брехня интересна, пускай на выпивку его приглашает. А пока что пускай говорит, зачем пришел, чего деревню взбудоражил.

— Верно! — поддержали подкулачники. — Правильно! Кончай митингу, чего там!

— Пришел я к вам, товарищи мужики, не с манной небесной. Дело государственной важности. Но сначала про ваш сельский Совет. Вы тут вроде бы по подсказке этого гражданина, — Федор показал на Жлобина, — порешили жить без Советской власти. Не годится, мужики! От имени уездного Совета отменяю это ваше решение. Вся власть в деревне принадлежит избранному вами Совдепу, и никаких гвоздей! Теперь слово передаю председателю Совета товарищу Хромову!

С крыльца на ступеньку сошел Митрий, смущенно кашлянул в кулачище. Из толпы послышался голос: «Ему бы похмелиться!» и смешок. Митрий совсем сконфузился. А в толпе нарастал шум.

— Дозвольте слово, граждане мужики, — воспользовавшись паузой, обратился к толпе Жлобин.

— Слово имеет председатель Совдепа! — осадил его Федор.

Жлобин пожал плечом, а Васюгин выкрикнул в толпу:

— Пускай Жлобин скажет!

Из толпы поддержали кулацкие подголоски:

— Жлобину слово!

— Давай, Мокей Кузьмич! Кузьмичу слово!

— Долой краснюка! Взашей его!

Федор выступил вперед. Выждал, когда утихнет шум.

— Крикунам и свистунам скажу так: я сюда направлен большевистской партией. И вытолкать меня в шею так просто никому не удастся. Митрий, говори!

— Мужики, — неуверенно начал Митрий, — Тут такое дело... Революция, понимаешь, голодает... Ну и вот, уполномоченный из уезда... В общем, излишки хлеба надо продавать государству...

В толпе начался шум и посвист.

— Ишь чего-о!

— А нетути хлеба!

— Сами голодаем!

— Доло-ой!

Жлобин усмехался, радовался шуму Ваюгин, вроде бы подремывал старик Шаповалов.

— Мужики! Ну, мужики! — зывал Митрий.

— Тих-хо! — властно выкрикнул Федор.— Вы вроде бы не в России живете. Должны знать, что в державе идет война не на жизнь — на смерть! И воюют не просто красные и белые. В смертном бою сошлись бедные и богатые. За новую светлую жизнь борется весь трудовой народ! Легко ли нам? Нет! Оружия не хватает, одеться-обуться не во что, заводы-фабрики остановились, железные дороги на куски порваны! А теперь еще голод. Голод по вине богатеев. Они спекулируют, а нет — гноят хлеб в ямах. Тяжело народу, мужики, поймите! В городах, в Красной Армии по осьмушке хлеба на душу, и то не каждый день, и то пополам с мякиной! Товарищ Ленин на голодном пайке. Потому и просим вас, помогите! Не задаром! По твердой цене заплатит Советская власть за каждое зернышко и спасибо вам скажет. Будьте же человеками!.. Еще в мае месяце Совнарком республики принял декрет: излишки хлеба продавать можно только Советской власти. Торговля на рынке, спекуляция, укрывательство хлеба караются по всей строгости революции. Так что кому, может, и не понравится, только будем ходить по дворам и выявлять излишки.

— А платить золотом будешь? — усмехнулся Васюгин.— Или у тебя в котомке только вошь на аркане?

— Буду выписывать квитанции, — с вызовом ответил Федор. И добавил, обращаясь к толпе: — Следом за мной идет продармейский обоз. Товарищи обменяют вам квитанции на советские рубли. Есть еще мыло, иголки, нитки, бусы и ленты барышням... Митинг считаю закрытым!

— А ежели у меня еще вопрос? — громко подал голос Жлобин.— Хочу спросить, долго еще Советская власть в Москве продержится?

— В Москве она навечно. И по всей России. Понял?

— Тогда наше дело дохлое, мужики, — усмехнулся Жлобин.— Нет, лично я не против, пускай Советская. Только чтоб крепко она стояла да чтоб обещания свои выполняла. А то что ж получается? Белые вона в десяти верстах! Нам, мужикам, так не с руки: сегодня красные явились за хлебом, завтра белые, потом опять двадцать пять!.. Теперь насчет обещаний Советской власти. Обещали мира, а где он, мир-то? Как воевали с германцем, так и воюем. Теперь еще

русский на русского, аж волосы дыбом встают! Обещали большевики хлеба всем, а кругом голодуха, дошли до ручки, восстановления в Питере да в Москве, сам слышал. Да и не в Москве ли сейчас Колчак или другой генерал-адмирал? Не знаю, не знаю...

Молчала толпа. Притихли совдеповцы за спиной Федора.

— Все сказал, Жлобин?

— А не все! — задохнулся от злости тот.— Ты вроде б как попрекнул нас, что Ленин на голодной пайке. Ишь как! Будто не сам он, Ленин-то, заварил всю эту кашу по всей Расее! Не-ет, милос, за такие дела, за смуту всенародную всех вас в гроб надо вгонять! Ишь, бессмертные выискались! Погоди-и, и до Ленина до вашего доберутся, в самой Москве доберутся!..

— Стоп, контра! — яростно оборвал Федор, вскидывая на руку карабин.— Ленина не трожь! Ленина нельзя тронуть! Нельзя!

Около тысячи человек в рабочих робах темной массой двигались под сводами цеха на заводе Михельсона к выходу. Впереди шел оживленный, хоть усталый Владимир Ильич. Отвечал на ходу на вопросы, пожимал чьи-то руки. Гул голосов, звуки оркестра из дальнего конца цеха, исполняющего революционный марш.

У выхода из цеха три-четыре подозрительных типа. Руки в карманах.

Владимир Ильич в окружении рабочих прошел в дверь.

Типы заговорнически переглянулись и одновременно бросились к двери, задерживая поток людей.

А за автомобилем Ленина на заводском дворе затаилась женская фигура.

Ленин в окружении нескольких рабочих приближался к автомобилю.

Женщина вытащила из-под плаща браунинг.

Ленин стоял к ней спиной.

Женщина подняла браунинг.

Зловеще уставилось в белый свет черное дульное отверстие. Полыхнули огнем, прогрохотали один за другим два выстрела.

— ...Стоп, контра! — яростно выкрикнул Федор.— На Ленина руку поднимать? Не дам! Ты арестован как злобная гидра! — Федор рванул Жлобина из толпы, потащил к амбару, не обращая внимания на шум.

— Эй ты, краснопузый! — выскочил Фомка.— Отпусти папаню! — И он выдернул из-под пиджака маузер.

Неожиданно перед ним возник Григорий, ударом ноги вышиб у него из рук маузер, поднял оружие, навел на толпу.

— Не надо, мужики! Стрелять буду, ей-богу!

Фомку подхватил, утащил Васюгин. Толпа притихла.

С лязгом задвинув засов на двери амбара, вернулся к крыльцу Федор. Сказал сурово:

— Митинг закончился, все! Можно расходиться. И ждите, скоро пойду по дворам. Кроме хлеба, буду выявлять оружие. Все оружие надо сдать!

На своем подворье Васюгин посадил на оседланного коня угрюмого Фомку Жлобина, протянул наган.

— Скачи к Гнилому болоту, там встретят. Скажешь, что тут у нас.

— Я его, краснопузого, сначала стрельну!

— Не дури! — Васюгин повел коня в пово-ду к калитке.

Навешивая замок на амбарную дверь, Федор услышал злой голос Жлобина из-за двери:

— Ты б лучше отпустил меня. Слышь!.. Гляди, парень, зря ты так-то... Гляди!

Подергав замкнутый замок, Федор пошел к крыльцу, где встревоженные сидели Григорий и Анка.

— Ну что, вдвоем мы остались? — улыбнулся Федор.

— Почему? Митрий с нами, Серега Ломов.

— Который с бородкой клинышком, лысоватый?

— Он. За своими обрезам пошли. Надо же быть при оружию, раз Советская власть, верно?

— Да... А этот Серега Ломов очень даже на товарища Ленина похож.

— Ну да?

— Точно.

— Видел его?

— Довелось.

— Расскажи!

— Расскажите! — попросила и Анка.

— Обязательно, — устало вздохнул Федор. — Потом расскажу, а сейчас... Начинать будем с богатеев. — Федор вытащил у Григория из-за пояса Фомкин маузер. — Спасибо, Григорий, за выручку. — Повертел маузер. — Хорошая штука!

— Так возьми, — с готовностью сказал Григорий. — Дарю!

Федор поколебался, потом весело сдернул с ремня свой карабин:

— Эх, махнемся на дружбу!

— Нашли чем дружбу скреплять, — невесело усмехнулась Анка.

Федор глянул на нее.

— Хозяйка у тебя, Григорий... строгая, поди?

— Баба-яга, — тепло улыбнулся жене Григорий.

— Ты бы лучше пригласил человека пообедать.

— Может, правда, Федор? — встрепенулся Григорий.

— Давай потом. Сначала дело... По дворам пойдем двумя группами. Я с одного конца, ты с другого...

Надрывался, захлебывался в злобном лае, гремел цепью кобель на подворье Васюгина. Сам хозяин с равнодушным видом стоял у своего амбара, возле раскрытых дверей которого маялся с обрезом и лопатой Серега Ломов.

Из амбара вышел Федор, неся полмешка зерна.

— Я ж говорю, нету хлеба, — развел руками Васюгин. — Что было, успел продать. Вот полмешка оставил на прокорм.

Федор, не ответив, взял прислоненные к амбару вилы, пошел по двору, с силой втыкая их в землю.

— Зря время тратишь, — пошагал следом Васюгин.

Федор вилами тронул рыхлую землю под стоявшей пустой телегой.

— Ну-ка, копни, — сказал Сереге.

Тот откатил телегу в сторону, стал копать. Федор продолжал вилами исследовать закоулки во дворе.

Васюгин презрительно и злобно смотрел на Серегу.

— Зря ты, Серега! У тебя ж детишки. Кумом я тебе довожусь. Зря!

Серега тяжело вздохнул.

— Поведешься с краснюком — кровью можно умыться, — тихо продолжал Васюгин.

Серега распрямился, в упор посмотрел ему в глаза:

— Еще пацанами были, ты кровью обещал меня умыть. И умывал, помню. То кровью, а то все больше моим потом. Сколько я на тебя ишачил почти задарма! Теперь — все!

Подошел Федор.

— Надежно спрятал. Ты учти, гражданин Васюгин, если найдем, пойдешь под трибунал за саботаж. Лучше сам покажи.

— А не найдешь! Нету ничего, и весь сказ, так-то! Излишки продал. Вон полмешка — бери, раз Советская власть голодает...

— А как с оружием?

— С оружием? Где-то был у меня наган без курка. Сейчас... — Васюгин неторопливо направился в дом.

Закинув карабин за спину, Григорий Хромов ломом прощупывал землю во дворе старика Шаповалова. Сам Шаповалов сидел на крыльце, мрачно смотрел перед собой.

Из раскрытого амбара вышел Митрий с обрезом:

— Что, Игнатий Трофимыч, святым духом питаешься? Совсем пустой амбар, ни зернышка... У меня и то до нового хлеба есть кой-чего в запасе. А ты ж у нас второй богатей на деревне.

— У тебя есть — ты и продавай Советской власти. А у меня пусто. Я раньше продал. Сам же ты и возил на базар.

— Так у тебя ж еще пол-амбара оставалось!

— Ну-у... Продал все...

Во двор вошел Федор.

— Здорово, хозяин! Тоже нету хлеба?

— Нету, чего ж теперь, — сокрушенно ответил старик. — А у Жлобина нашли?

— Найдем!

— Не найдешь, — усмехнулся старик. — Он всех хитрей, Жлобин!

— Как насчет оружия? — строго глянул Федор на Шаповалова.

— Возьмите. Под крыльцом тут.

Федор полез под крыльцо, достал винтовку, всю в земле и мусоре. Тронул поржавевший затвор.

— Кто же так содержит оружие!

— А! — махнул старик. — Из меня стрелок... Вот когда в гвардии служил... Когда это было!.. А у Жлобина, выходит, тоже нету ни зернышка? — В глазах его вспыхнула веселая злость. Он едва заметно подмигнул Федору и сердито продолжил: — У меня искать нечего. По ямам не хороню, грешно хлеб гноить. Продал все на базаре. — Он снова сделал Федору едва заметный знак.

И Федор, отпустив Григория, решил задержаться.

— Ты вроде хотел мне что-то сказать?

Старик покряхтел и проговорил:

— Какой же дурак во дворе хлеб прячет... Не там ищешь, не там.

— Может, подскажешь?

— А с голытьбы много ли наберешь, — будто не расслышал Шаповалов. — Жлобина тебе надо расколоть, вот кого! Васюгина еще... Особливо Жлобина! Да куда тебе...

— Где ж они прячут?

Шаповалов пожал плечом. Не дождавшись толкового разговора, Федор пошел со двора.

— Погоди-ка, — остановил его Шаповалов. — Так и быть... Тут недалеко помещик жил когда-то... — Шаповалов многозначительно замолчал, вновь моргнув.

— Еще куда укажешь? — усмехнулся Федор. — Хитер ты, дед! Подальше меня из деревни, да?

— Ну и дурак. — Шаповалов вернулся на крыльцо.

— Говорят, ты второй богатей в деревне?

— Второй, завсегда второй, — горько усмехнулся Шаповалов. — Первый у нас он, Жлобин! Другой не может быть первым, он не позволит! Хотел вырваться вперед. Завел романовских овец. Двести голов! На овчине можно было хорошо зарабатывать. Что, думаешь? В одночасье заболели овечки, больше половины подохло. Другой раз хотел коров держать. Закупил полсотни, племенных! И что? Опять мор напал на моих коровенок! Все он Жлобин... Бабки у нас есть по деревням, наговор знают. Так он их... Зна-аю!

— Ясное дело. Так ты теперь отыграться хочешь?

— А че я такого сказал? Ничего... Ладно, иди, иди!

Шаповалов проводил уходящего Федора злорадным взглядом...

Почти все деревенские мужики собрались возле сельсоветовской избы. Мрачно смотрели, как вооруженные Митрий Хромов и Серега Ломов носили с телеги торбы с зерном к большому напольным весам.

Васюгин среди мужиков шипел, чтобы слышали:

— И при царе такого не было, чтоб — хошь-не хошь — продавай свой хлебушек!.. Ох, мужики, мужики, язви вас в душу!..

— Чупова мешок, — подсказывал Митрий Федору, опуская на весы полмешка зерна.

— Чупов, получи квитанцию! — И Федор писал, шевеля губами: — Два пуда семь фунтов... Чупов!

Чупов выходил из толпы, плелся за квитанцией.

— Ишь! — ерничал Васюгин. — Вместо денег бумажку с каракулями! Дела-а...

На весы ложился следующий мешок.

— Хлеб Ерофея Монахова. Монахов! Ерофей! Получай свой квиток! Ровно один пуд четыре фунта...

Нагнув голову, шел к весам Монахов.

За деревней на взгорке одиноко стояла изба и пристроенное к ней похожее на сарай строение, над которым бесшумно крутились лопасти ветряка.

Расслабившись, задрав голову, прикрываясь от солнца ладонью, Федор с детской мечтательной улыбкой смотрел на ветряк.

Из сарая к нему вышел Григорий. Тоже посмотрел на ветряк и сказал:

— Ветер был первым, кого человек поставил себе на службу... Хорош?

— Красиво... Красиво, Анна Петровна! — повторил Федор, обратившись к Анке, вышедшей следом за Григорием.

— Ветряк передает движение на ось, — увлеченно стал объяснять Григорий. — Через редуктор это вращение усиливается в восемь раз. Понимаешь? Потом еще маховик, ременная передача на динамо-машину — и готово электричество!

— Сам сделал?

— А чего! Помаленьку, зато какая сила!

— Обедать пора, Гриш. — Анка скрылась в сарае.

— Идем, идем, — согласился Григорий и продолжал: — Ему сильный ветер нужен. Вот с такой скоростью вращается — энергии хватает, чтобы и пилорама работала, и даже можно токарный станок... Ну, пойдем обедать...

Федор шел впереди. В двери с ним столкнулась выскочившая Анка с ножом и краюхой хлеба. От неожиданности Федор схватил ее за плечи... и не сразу отпустил. Зардевшаяся Анка даже зажмурилась. Потом дернула плечом, глянула испуганно.

— Хлеб... нарезал бы, Гриша!..

Григорий нарезал ломти черного хлеба, осторожно сложил их на отполированную деревянную платформу пилорамы. За платформой, как за столом, сидел Федор. Дымился перед ним горшок со щами.

— У меня тут все — и кузья, и пилорама. Целая мастерская! — гордо говорил Григорий. — Люблю это место.

— И ночевал бы тут, — тихо улыбнулась Анка. — Нет, чтобы пригласить человека в дом, пообедать по-людски. — Она старалась не смотреть на Федора. Волнение ее выдавала излишняя суетливость.

Григорий отошел от пилорамы в угол, к динамо-машине.

— Мы сейчас при электричестве будем, как у губернатора. Я в избу электричество проведу, вот только провод достану. — Он покрутил какие-то рукоятки. — Сейчас включаем редуктор!.. Во-от! Теперь подключаем динамо-маши-и-ину... Внимание! Даю напряжение!

Он включил один из рубильников, и мгновенно бешено, звеняще завращался зубчатый диск пилорамы, разбросав по станку попавшие под зубья искромсанные огурцы. С веселым испугом отшатнулся от платформы Федор, вскрикнула Анка.

Григорий поспешно перекрутил рубильник — над платформой вспыхнула электролампочка, все медленней крутился диск пилорамы.

— Не тот рубильник включил, — смущенно улыбнулся Григорий. Он кивнул на лампочку. — Знаешь, что такое электричество? Это же молния! Только впряженная в машину. Понимаешь? Вот что главное для революции!

— Это ты верно сказал, молния для революции — факт полезный. Мы до такой разрухи дошли, что нам, брат ты мой, в самом деле нужна одна только молния!

— Ешьте уж, а то все разговоры...

— Что я одобряю... — отрывочно, между глотками щей, говорил Григорий, — так это что революцию ведут вперед рабочие. Они делают машины и другие научные предметы. Весь остальной народ, особенно буржуа, эти машины только изнашивают. Это исторически!..

— Согласен... В партию тебе надо, в коммунисты. Человек ты научный, полезный.

— А чего! Люблю все новое, особенно машины! Поначалу меня тут за дурачка считали, Анку отговаривали: не выходи за него, он блаженной.

— Гриша!.. — остановила его Анка.

— У нас, Анна Петровна, такие, как Григорий, не только учеными будут, что твой Ломоносов. У нас Григорий всей техникой республики сможет управлять. А вас, Анна Петровна, мы поставили бы учить детишек, потому как вы такая...

— Ой, я и забыла! У меня же там... — Не дослушав, Анка выскочила из мастерской.

— Глянулся ты ей, — не поднимая головы, сказал Григорий.

— Ну, ты скажешь!

Помолчали. Паузу нарушил Григорий: — Про детишек ты сказал — и сразу она, вишь... Знаешь, чего она меня одергивала, когда я про деревенские разговоры сказал? Не хотела, чтоб рассказывал, как бабы посмеиваются, что детей у нас нет... Н-да, тут машины мои не помогут... А я тебе подарок приготовил! — Григорий нагнулся, достал из-под платформы кисет, до краев набитый чем-то тягелым.

Федор развязал шнурок, в кисете оказались патроны к маузеру. Обрадовался:

— Где достал?

— У Жлобина, когда оружие конфисковал.

— Спасибо... Слышал, будто недалеко отсюда помещичья усадьба...

— Была, — подтвердил Григорий. — Одни развалины остались.

— Надо наведатся.

— А чего там?.. Да нет, кто это станет прятать хлеб за версту от дома?

— Надо посмотреть. И не откладывая...

От Григорьева ветряка к лесу уходили Федор, вооруженные братья Хромовы, Серега Ломов, Анка и вместе с ними бедняк Корней Смагин с малышом за руку.

Анка взяла малыша на руки.

— О-па! Оп! — весело приговаривала она, подбрасывая смеющегося мальчонку. Потом опустила его на землю: — А вот догону, догону!..

Федор оглянулся. Присел, поймал подбежавшего мальчонку. Подбросил его высоко и раз, и другой. Малыш обхватил его за шею, прижались.

— Ну, иди ко мне, — протянула руки Анка. А сама радостно и испуганно смотрела на Федора.

— Иди, мой хороший, — говорила Анка не то малышу, не то...

Малыш, не отпуская шею Федора, другой рукой потянулся к Анке. Обнял ее тоже, притянул к себе.

На короткий миг обернулся к ним Григорий, посмотрел, что-то дрогнуло в его лице.

— Нет уж, — выговаривал Корней, — коли обещал, сделай, Григорий. Уж который день...

— Поставлю новые обручи на твою кадку, поставлю, — ответил Григорий. — У меня сейчас другая работа, важная.

— Опять часы деревянные? А я так думаю, деревянные часы не будут ходить.

— Ходить они должны. Главное — рассчитывать механику. Тут дело не в материале — дерево или железо.

— А вот можешь придумать, чтобы без завода ходили? — спросил Серега Ломов.

— Без завода? Ну, если покумекать... Разве только использовать вращение Земли... Нет, навряд ли.

— Сделай кадку, слышь! — не унимался Корней.

— Федор, и ты говоришь, он похож на Ленина? — Григорий со снисходительной усмешкой указал на Ломова.

— Чего? — не понял Корней.

— Похож... малость, — сказал Федор. — Только Ленин — это Ленин! Такая в нем внутри сила, что вот, кажется, захоти он, и твои деревянные часы заставит без завода ходить!

— Ну, это ты хватил!

— Все-таки какой он из себя?

— Небось в мундире? Генеральском?

— Не, в костюме, — сказал Федор. — Темный такой пиджак, жилетка, значит, галстук. Еще в штиблетах... Но главное, братцы, глаза у него какие! Насквозь правду-матку видят. И далеко вперед. Улыбается хорошо. И ходит быстро.

— Известно, — согласился Корней. —

Держава вона какая — вразвалку не походишь! Верно?

— Верно, верно, — отозвался молчавший до сих пор Митрий. — Только шел бы ты, Корней, обратно в деревню. Мы власть, нам положено к черту на рога. А тебе зачем? Детишек полон двор, а тут дело серьезное.

— В каких смыслах? — не понял Корней.

— А в таких, — мрачно сказал Митрий. — Жлобинский хлеб идем искать. Понял?

— Жлобинский? — Корней растерянно улынулся.

— И тебе домой бы, — сказал Митрий подошедшей Анке с малышом. — Гришка, гони ее!

— Ух ты какой! — возразила Анка. — Женись сначала да своей бабой командуй. Федор посмотрел на Анку. Она ответила улыбкой.

— В самом деле, Анюта... — нерешительно сказал Григорий.

— Я с вами! — решительно заявила она.

— Шагай домой! — настаивал Митрий. — Нечего ввязываться в драку, не бабье это дело.

— Какая драка? — глянула Анка на Федора.

— Домой бы вам, Анна Петровна, — сказал он. — За так просто богатеи свое добро не отдают. Из-за того и война идет. Лучше бы вам домой.

Анка стояла в нерешительности. Мясая и Корней, растерянно улыбаясь:

— Оно, конечно... Не-е, я ничего не боюсь, ей-богу! А чего бояться? Верно? Я к тому, что...

— Иди домой, иди, — настаивал Митрий.

Корней остановился, глядя вслед мужикам и поджидая медленно бредущую назад Анку.

До развалин оставалось совсем немного, как вдруг оттуда гроыхнул выстрел. Сельчане в испуге присели, а Федор, выхватив из-за пояса маузер, бросился вперед. Пригибаясь к земле, побежали за ним и мужики.

Развалины молчали.

Проникнув в пролом заросшей бурьяном кирпичной ограды, Федор стал продвигаться через завалы сухих деревьев к обгоревшему кирпичному строению, в котором угадывался не то сарай, не то конюшня. Из-за стены хлестнул выстрел. Федор упал, кубарем перекатился за коряжистый ствол, перепрыгнув через него и бросился, стреляя на ходу, в обход строения. Следом бежали совдеповцы.

Федор кошкой скользнул внутрь сарая.

Никого. Бежавшие к нему совдеповцы вдруг будто натолнулись на какую-то преграду — свернули чуть в сторону и стали спускаться под землю через невидимый издали лаз.

Федор прошел по сараю. Среди строительного мусора, обгорелых банок, каких-то ящиков обнаружил полушубок на охапке сена, обрез, бутылку, кружку... Чуть в стороне бросился в глаза люк в подпол. Без раздумий он спрыгнул вниз. И через секунду оттуда раздался пронзительный крик, а еще через мгновение в люке появился хнычущий верзила с заломленной за спину рукой.

— Ой-ой, руку, руку! — вскрикивал верзила. — Ой, отпусти!

Федор выпустил его, и тот сразу повалился на пол.

— Ой-ой, покалечил! Я ж мимо стрелял, зачем же ты так!..

В дверном проеме показались совдеповцы. Удивленно уставились на постанывающего верзилу, на Федора, отряхивающего с пиджака мусор.

— Ах ты, пес! — возмутился Серега. И Федору: — Жлобинский батрак Евсей! Ух, гадюка! Убить мало!

Федор жестом остановил Серегу, рванувшего к Евсею, спросил:

— Знаешь, где спрятан хлеб?

— Какой хлеб?

— Хозяйский, хозяйский! — прикрикнул Митрий. — Будто не знаешь, чего тут сторожишь!

— Не знаю... — Евсей растерянно смотрел на мужиков. — Ей-богу, хозяин велел тут сидеть, никого не пускать. Обрез дал, каждый день харчи сам приносил... Сегодня забыл, видать...

— Давно тут сидишь? — спросил Федор.

— А почитай, вторую неделю. Какой хлеб? Сам не знаю, чего тут караулить. Окромя крыс, тут ничего... Ох, руку сломал!

— Выходит, вторую неделю, как он схоронил тут хлеб, — сказал Федору Григорий Хромов. — Как раз, когда беляки подошли к уезду... Слышь-ка, Евсей, ты говори, где хлеб-то.

— Не знаю, ей-богу! Вот те крест! Хозяин велел, я тута сидел, и все! Когда вы пришли... ну, пужанул. Только я мимо стрелял, ей-богу!

— Дур-рак ты, Евсей, — с горечью сказал Серега. — Холуйская твоя душа! Дур-рак!

— Это тебя на деревне дурачком кличут, — обиделся Евсей. — А мне хозяин обещал шесть пудов хлеба да еще семена к весне, лошадей землю распахать. Дурака нашел!

— Дурак и есть, — качнул головой Серега.

— Чего ж мне теперь? — обратился Евсей к Федору. — Руку вывернул совсем, теперь отпустишь или как? Я ж мимо стрелял...

— Опять будешь стрелять, и уже прицельно, так?

— Не-е, по живому не могу. Я даже на охоту не хожу. Отпустите, мужики...

Федор посмотрел на молчавших товарищей, на тупую физиономию Евсея и махнул рукой:

— Проваливай!

— А хозяину чего сказать? — поднимаясь с пола, поинтересовался Евсей. — Дескать, прогнали меня и все? Ведь ругаться начнет!

— Не бойсь, — усмехнулся Серега. — Хозяина твоего мы под замок посадили.

— Ну, тогда... — Евсей тяжело протопал к оконному проему, перекинул через него ноги, спрыгнул и полпелся прочь, сокрушенно качая кудлатой головой.

Совдеповцы потянули из карманов китеты.

— Может, все-таки знает он, где хлеб? — усомнился Митрий.

— Наверяд, — возразил Серега. — Пес-то он верный, но Жлобин не дурак доверяться такому блажному.

— Думаю, искать надо где-то в подземных переходах, — сказал Григорий. — Тут их до черта! Усадьбе этой лет двести. Еще при крепостном заставляли мужиков копать ходы-выходы. Помещики тутошние с причинами были...

— Хороши причуды! — хмыкнул Серега. — Мужиков, которые эти ходы-выходы копали, увозили потом не знай куда... А насчет хлеба, пожалуй, ты прав, в подземках мог он спрятать. Сухо, найти трудно. Мы тут сунулись под землю, ход заметили, — сказал он Федору. — Пролезли метров пять, а дальше завал.

— Будем искать, мужики, — сказал Федор.

Простукивая ржавым прутом кирпичные стены, пробуя им землю, Федор и Григорий обследовали развалины усадьбы, в которых угадывалось некогда большое и сложно спланированное строение. Все вокруг поросло ольхой и бурьяном. Во многих местах зияли огромные ямы — сельчане копали здесь глину для строительных нужд. Всюду битый кирпич, обгорелые балки.

— Тут как после боев, — сказал Федор.

— В пятом году мужики пожгли тутошнего помещика, пограбили. Лютый был барин, жадный до одурения, хоть и любил машины... Когда громили его, я книжку

вон там нашел. Про дирижабли. Вот бы построить!.. Вишь, какая штука — машинами интересовался человек, а был зверем. Как понимать?

— А так, что это классовый враг!

...Посреди развалин Серега вытаскивал из лаза корзину за корзиной с землей.

— Как у тебя? — крикнул он Митрию, копавшемуся с землей неподалеку.

— Ни хрена пока...

Федор с Григорием тем временем отбрасывали лопатами землю из забитого рыхлым грунтом пролома в стене.

— Земля совсем свежая, — азартно говорил Григорий.

— Черт его знает... Тут можно неделю искать...

По лесу гуськом продвигались вооруженные всадники, человек десять. Впереди офицер в кителе с погонами.

Среди всадников — Фомка Жлобин.

Из избы под ветряком вышла Анка с выстиранным бельем. Стала развешивать его на веревке, тревожно и нетерпеливо поглядывая на ближайший лес...

А среди развалин бывшего поместья Григорий и Федор вытаскивали из земляной норы мешок с зерном. Рядом высились еще четыре полных мешка... Из лаза появился Митрий, вытащил еще полмешка зерна.

— Все! Это последнее...

— И то ничего, — ликовал Федор. — Четыре с половиной мешка, больше ста пудов. Сколько людей можно накормить. Надо еще искать!

— Силов нету, — возразил Митрий.

— Темнеет, — кивнул и Григорий. — Ничего в темноте не найдешь...

— Найду! А вы мотайте отсюда, если так, — выкрикнул Федор.

— Зря ты, Федор...

Но тот, прихватив прут, уже поднялся. Покряхтев, устало встал и Григорий.

Солнце клонилось к лесу, окрашивая полнеба малиновым разливом.

Тихий вечер над лесом. Туман в низинах.

В сумраке лесной чащи у небольшого костра угощались самогоном, закусывали бандиты во главе с офицером. Среди них Фомка Жлобин, хмельной, злой.

На площади у сельсовета, в присутствии нескольких мужиков, среди которых был и Корней Смагин в окружении своей детво-

ры, Митрий и Серега сгружали привезенные мешки с зерном. В дверях амбара стоял мрачный Жлобин.

Снесли мешки в амбар. Митрий легонько тронул Жлобина за рукав, приглашая вернуться под замок. Прикрыл за ним двери амбара.

Серега присел рядом с дверью, положил на колени обрез, закурил. Рядом пристроился и Корней, потянувшись к чужому кисету.

Мужики расходились...

Тихо, умиротворенно дышала природа вокруг подворья Григория на отшибе деревни. Бесшумно вращался ветряк, в розово-голубоватых сумерках ярко светилась электролампочка в мастерской.

На пороге плечом к плечу сидели мечтательно настроенный Григорий в кожаном фартуке и сосредоточенный Федор.

— Чуешь, красота какая? — говорил Григорий. — И все это отдано человеку: земля с природой, вот это небо навроде розового перламутра, солнце... Человек, правда, мало чего взял для себя, особенно для души.

— Поэтому и совершаем революцию.

— Я верю. И вот увидишь, с помощью научных опытов и умных машин человек даже солнце сделает ручным кутенком. А?

— Главное сейчас — народ накормить и контру приложить мордой об стол!

— Ну да, на текущий момент. А если глядеть вперед...

— Не весь хлеб мы откопали, не весь! Где-то еще прячут... Где?

— Н-да... — Григорию хотелось говорить о возвышенном.

Он поднялся и ушел в мастерскую. Вскоре оттуда послышались удары молота по наковальне.

Федор тоже поднялся и ушел в мастерскую. У двери он остановился, с удивлением наблюдая, как...

...Анка легко бьет молотом по раскаленной добела железной полосе. Григорий ловко поворачивал полосу клещами, постукивая по ней молотком.

Федор постоял мгновенье, потом вытащил из-за ремня маузер, отложил в ящик с инструментом и взял из рук Анки молот. Еще веселей и звонче запел металл.

Бандиты во главе с офицером галопом скакали через лес.

Позади себя на лесной дороге они оставили убитых продармейцев. Возле телеги валялись пустые мешки, кое-где рассыпан-

ное зерно. В стороне хромала покалеченная лошадь с обрезанными потрошками...

Смолкли молоты в кузнице.

Попеременно ударяя по соску рукой-ника, Григорий и Федор мыли руки. Подошла Анка. Повесила полотенце на плечо Григорию. Федору подала такое же в руки.

— Хорошо тут у вас,— сказал Анке Федор.— Слышь, Григорий, может, возьмешь меня в подручные?

— С великой душой,— отозвался тот,— только в тебе сейчас много злости, чтоб сидеть на одном месте. Ожесточенный ты, Федор.— Он уселся за импровизированный стол, продолжал философски:— Да и весь народ сейчас в движении, что тот маховик — не остановить. Это уже после войны будут люди спокойными, оседают будут на месте, подковы ковать, вообще работать. Научатся и красоту видеть...

— Красоту всегда видно,— сказал Федор, с трудом отводя взгляд от Анки.

— Чего ж ты не любовался природой, когда я тебе такой красивый вечер показывал? Уж такая благодать была кругом! Такой вечер!

— Вечер в самом деле... революционный!

— Во-от! А ты смотришь перед собой и молчишь. Тут поговорить бы надо душевно, спокойно... Ну, ешь...— Он помолчал и вдруг проговорил с грустью и восхищением одновременно:— Гляжу на вас: красивые вы оба. Как будущее человечество.

Федор на мгновение перестал жевать, Анка испуганно глянула на мужа.

— Будущее — светлое,— сказал Федор.— Я же тебе говорил.

— Красота всегда светлая, чудак! И в красивой жизни люди должны быть красивыми, я так думаю. Потому и должны рожать детишек в первую очередь такие, как вы.

— Гриша!

— Не серчай,— глянул на жену Григорий.— Я от души. Тебя никому не отдам, не бойся... Но случись, как в той песне про замерзающего ямщика в степи, сказал бы: выходи, Анка, за Федора.

— Слушай, Григорий...— Федору стал неприятен этот разговор.

А у раскрытой двери мастерской, прислонясь плечом к стене и неторопливо расстегивая кобур, слушал их разговор белый офицер. Рядом замерли с оружием наизготовку бандиты. Опять послышался голос Григория:

— А вот ты говорил, при коммунизме все должно быть общее. А насчет женщин как же?

— И женщины будут общими! — резко сказал офицер, входя в мастерскую.

Федор выскочил из-за стола, метнулся к ящику с инструментом. Но его оставил грохнувший выстрел и окрик:

— Стоять! На месте!

В мастерскую с шумом ввалились бандиты, столпились у стола, бесцеремонно потянулись за снедью.

Федор незаметно отступил к ящику с инструментом, где лежал маузер.

Офицер присел на лавку. Ему подали кружку с молоком. Он отпил, уставился на Федора, потом перевел взгляд на Григория, сказал с усмешкой:

— Боюсь, вам уже не удастся сделать богатства земли всеобщим достоянием. В том числе и женщин, успокойся, дружок. А для вас, товарищ большевик,— обратился он к Федору,— есть новость. Очевидно, товарищ большевик ничего пока не знает... Ну что ж, трагические и просто печальные известия легче воспринимаются, если они услышаны из уст друзей. Верно? Пытаюсь понять выражение вашего взгляда. Наверное, обуревает желание оказаться далеко-о отсюда, а? — Обуревает садануть тебя промеж глаз, ваше благородие,— сказал Федор.— Ну, это успеется. Говори, чего хотел...

— Ясно.— Офицер повернулся к Фомке:— Значит, он тут распространялся, что он бессмертный?

— Ага! И про Ленина тоже.

— Вот как! Тогда позвольте сообщить: господин Ульянов-Ленин вчера, тридцатого августа одна тысяча девятьсот восемнадцатого года... убит! Убит! Бессмертных не бывает.

— Не смей так брехать! — Лицо Федора изменилось.

Фомка зло метнулся к нему, но офицер удержал его. И продолжал насмешливо:

— Это правда. Двумя выстрелами. На заводе Михельсона в Москве. Весь мир уже знает. Конец большевизму!

Федор переглянулся с Григорием. Едва уловимо указал ему глазами на дверь. Григорий понял.

— Устал от вас народ,— продолжал офицер.— Сейчас по всей линии фронта уничтожается ваша Красная Армия, повсюду разгоняются все ваши совдепы и комбеды. Оживает Россия!

Неожиданно Федор выхватил из-за спины маузер, выстрелил в офицера и тут же в электролампочку и в наступившей тьме метнулся к двери. За его спиной завязал борьбу Григорий.

Вскочившая из мастерской Анка прижалась спиной к стене. В сгустившихся сумерках видела, как нырнул за угол избы Федор. Мимо нее протопали, стреляя на ходу, двое бандитов. Потом из двери выскочил Григорий. Но его тут же настиг один из бандитов, оглушил обрезом. Анка бросилась на бандита, стала молотить его кулаком. Тот, выпустив безжизненного Григория, улучил момент, заграбастал ее в крепкие объятия, засмеялся. Анка вырывалась, кричала:

— Гад! Дерьмо! Навоз! Гад!

Бандит несколько раз наотмашь хлестнул ее по лицу.

Анка задохнулась, заплакала. Никто в жизни ее не бил.

— Не узнаешь Прохора Новикова?! — хищно сказал бандит. — Сватался к тебе, теперь вот ожоюсь!

Он отбросил обрез, опять ее заграбастал и потащил к избе. Анка кричала, сопротивлялась, брыкалась... Прохор вдруг вскрикнул от боли, согнулся, присел. Анка, высвободившись из его рук, бросилась бежать прочь...

Федор бежал задами деревни, по огородам...

Потом крался перебежками вдоль заборов...

Наконец оказался в центре деревни. Затаившись за углом какого-то строения, увидел, как из распахнутой двери амбара возле сельсоветской избы мужики выносили мешки с зерном. Распорядился всем Жлобин. Его батрак Евсей погружал мешки с хлебом в хозяйскую телегу.

Федор перебежал на другую сторону улицы, ближе к амбару, скрылся в тени забора...

Прилаживая раненую руку на перевязь, морщась от боли, офицер посмотрел на сидевшего на лавке Григория.

— Вроде бы умный мужик, а простую истину понять не можешь: большевикам конец! Или тоже думаешь, Ленин бессмертен?

— Человек смертный, — с трудом ответил Григорий. — А дело, если оно новое и людям уважаемое, может быть...

— Глупости! — возразил офицер. — Якобинство было новым и даже уважаемым движением. Слышал про такое? Выветрилось, попросту сдохло! Так и большевистские идейки насчет равенства и братства — несбыточные мечтания. И народ это осознает рано или поздно. Народ нельзя обманывать, ввергая его в кровопро-

литие. А вспомни пугачевщину, Степку Разина — чем кончилось?

— Ленин — не Пугачев и не Разин, он себя за царя не выдает. Он как раз против царя, против богатых.

Офицер посмотрел на него долгим взглядом. Потом спросил резко:

— Жить хочешь?

— Все хотя. Вы — тоже. Только, я вижу, сильно напуганы жизнью!

— О-о! А я, значит, напуган... Ошибаешься, дружок. Я просто зверски устал от всего этого. И мне больно видеть, как рушится Россия, как звереет мужичье... В тебе, думал, здоровое семя мужика-россиянина. А ты тоже... Ну что тебе большевики? Этот, которого сейчас ловят по деревне, бабу от тебя уводит. Потом они сделают общими всех женщин, детей, заставят думать одинаково, разрушат церкви, наступит хаос... Чего улыбаешься?

— Не верю!

— Не веришь? — зловеще сказал офицер. — Хочешь меня рассердить?

— Говорю, что думаю.

— Ах так!.. Ладно, даю тебе шанс. Через несколько минут ты должен... покаяться в своем заблуждении. Перед богом и перед нами! Думай!..

За Федором гнались. Вскинув маузер, он выстрелил на ходу.

Тем временем вооруженный Жлобин и его батрак Евсей затолкали связанных Митрия Хромова и Серегу Ломова в амбар. Жлобин навесил замок на дверь...

Федор забежал за стог сена на отшибе деревни. Выглянул — погоня приближалась. Федор выстрелил, и бежавший впереди Васюгин рухнул. Бандиты залегли.

Федор торопливо перезаряжал маузер, тоскливо глядя на широкое открытое пространство, отделяющее его от леса. Не уйти! Он ошупал стог, обнаружил что-то похожее на нору...

...Из укрытия в стогу Федор видел, как бандиты сошлись перед стогом, опасно озирались.

— Уйти краснопузый не мог...

— Увидели бы, кабы бежал к лесу.

— В стогу он!

— Спалить его к черту!

В руках бандитов появилось огниво с тротом. Кресало ударило по кусочку кремня, упали искры на ватный трут.

Керосиновая лампа тускло освещала мастерскую. Григорий по-прежнему сидел

на лавке, офицер — за платформой пилорамы, рядом с зубчатым диском ножа, играл пальцами по зубьям. Фомка и Прохор Новиков маячили рядом.

— Соображай, соображай! — злился офицер.

— Я и соображаю, — задумчиво отвечал Григорий. — Если русский мужик озверел, как ваше благородие говорит, да притом не в одной какой деревне, уезде или губернии, а по всей России, значит, довели его до такой жизни.

— Большевики заагитировали! Как и тебя, дурака!

— Ну, положим...

— Что тебе большевики, подумай! Ты самостоятельный хозяин. У тебя пилорама, кузница, можешь заработать хорошо, тебя уважают в деревне. Наконец, у тебя красивая жена. А ты губишь себя!

Григорий с сомнением покачал головой.

— Короче, будешь каяться? — вышел из себя офицер. — Последний раз спрашиваю!

Григорий спокойно, даже насмешливо выдержал его взгляд.

Офицер подергал диск ножа пилорамы. Повернул голову к Фомке и Прохору: — Как включается, знаете?

Фомка неуверенно пожал плечами.

— Попробуй!

Фомка тут же метнулся к динамо-машине. Григорий встревоженно следил за ним. Не удержался:

— Динамо-машина включена, не трогай там ничего... И редуктор уже включен!

— А пилорама?

— Рубильник включить, и все! — сказал Григорий. И поспешно офицеру: — Руку осторожно, господин офицер!

Офицер отдернул от ножа руку, и в то же мгновение зубчатый диск завращался со звенящим воем. Офицер поднялся, хищно поглядывая на Григория, поднял из-под платформы кусок доски.

— Хорошо режет?

— Ничего, — ответил Григорий.

Офицер опасно придвинул доску под зубчатый диск. Полетели опилки, через секунду доска была распилена.

Офицер махнул Фомке рукой, тот выключил рубильник.

— Быка можно разрезать, не только человека, — зловеще улыбнулся офицер.

На краю деревни полыхало пламя. Весь стог сена был охвачен огнем.

— Поди, сгорел он, — сказал один бандит другому.

— Не сгорел, так сгорит, — лениво ответил тот. — Доставай табачок.

С сухим треском горел стог. Бандиты закуривали, держа под мышками обрезы. И вдруг у них от страха глаза полезли на лоб. Из пылающего стога метеором вылетел горящий и стреляющий ворох сена. Бандиты бросились в разные стороны.

В ужасе смотрели сельчане, как сбросивший с себя горящее сено Федор уходил к лесу, отстреливаясь от пришедших в себя бандитов.

Офицер прислушался к далеким выстрелам. Вперил взгляд в связанного Григория.

— Надеюсь, представляешь, что тебя ждет.

Григорий отрешенно смотрел мимо него. — Включай пилу! — резко сказал офицер оробевшему Фомке.

Прохор хлопнул глазами:

— Ваш благородь, не надо...

— Что?! — резко оборвал его офицер.

— Я к тому... кричать будет. Мужики в деревне могут...

— Так заткни ему глотку! — Офицер бросил Прохору полотенце. — Включай! Фомка попытался к рубильнику.

Прохор с полотенцем в руках подошел к оцепеневшему Григорию. То ли объяснил, то ли извинился:

— Умный ты шибко... — И обмотал полотенцем все лицо Григория, стянув тугой узел.

Зазвенела, запела циркулярная пила.

Прохор с перекошенным лицом и лязгающий от страха зубами Фомка уложили Григория на платформу пилорамы; словно тяжелый куль.

Выкрикивая что-то злое и неслышное за воем пилы, офицер махнул рукой.

Руки Прохора взметнулись в крестном знамении. И те же руки тут же тяжело легли на связанного Григория...

Фомка отпрянул от пилорамы, отвернулся, согнувшись в приступе удушья.

Офицер, не оглядываясь, вышел из мастерской.

Прохор тупо смотрел перед собой... Поднес ближе к глазам руки, которые были в чем-то темном и липком. Брезгливо поморщился и стал снимать с головы Григория полотенце.

Фомка, шатаясь, выбрался за дверь, влоча за собой винтовку.

Вытирая полотенцем руки, вышел из мастерской и Прохор. Брошенное им на пороге полотенце сияло белизной, и кровавые пятна на нем были, как цветы. Гудела невыключенная пилорама...

Задыхаясь, бежал по лесу Федор, продираясь сквозь заросли.

Погоня отстала. В тишине леса слышались только тяжелое дыхание, треск сучьев, глухой топот ног...

...Потом он широко шагал краем опушки в виду деревенских крыш, огоньков в избах и догорающего стога...

Возле какой-то колоды остановился, устало сел. Напряженно вглядываясь в тусклые огни деревни и догорающий стог сена, порывлся в карманах, достал патроны и стал набивать ими обойму маузера...

Бесшумно вращался ветряк. Мертвая тишина вокруг нарушалась гудением пилорамы. Тускло светилась через распахнутую дверь в мастерской оставленная бандитами «летучая мышь».

Анка медленно брела к этой распахнутой двери. Еще несколько шагов — и она вошла в мастерскую... Через мгновение оттуда раздался душераздирающий крик.

Федор был совсем близко от подворья Григория Хромова, когда неожиданно увидел бредущую ему навстречу Анку. Побежал. Поймал ее за плечи, горячо заговорил, не замечая мертвенного выражения в ее глазах.

— Живая... Испугался я за вас, Анна Петровна. Если что случилось с вами...

Анка легонько повела плечами, он опустил руки. Сказал серьезно:

— Не подумайте — Григорий мне друг, и я ничего такого не позволю. Только знайте, что вы для меня...

— Не надо, — почти простонала Анка. — Гриша... Он...

— Я найду его! Где-то тут он, в лесу. Мы все соберемся и раздавим гадов! И ты не верь, что Ленина они убили; не верь!

— Они всех убивают...

— Не может быть, чтобы товарища Ленина! — Федор старался заглушить нахлынувшее сомнение. — На станцию бы прорваться! Там телеграф, там наши, должны все точно знать. Сможешь?

Анка молчала.

— Смоги, — страстно попросил Федор. — И береги себя, береги!.. А я тут должен... Товарищи в опасности, хлеб спасать надо, контре — голову набекрень! — Он порывисто притянул безжизненную Анку, коротко чмокнул в щеку и стремительно пошагал к подворью с ветряком.

Анка, не оглядываясь, побрела к лесу...

Над крыльцом сельсоветовской избы все еще развевался красный флаг. Здесь собралось все население деревни. Люди пугливо и мрачно расступались, пропуская к крыльцу конвоируемых бандитами Митрия Хромова, Сергея Ломова, Корнея Смагина.

— А меня-то за что, люди? — чуть не плакал Корней. — Деточки у меня, люди!

На крыльцо поднялись офицер и старик Жлобин. Толпа притихла.

— Господа мужики! — патетически заговорил офицер. — Я прочитаю вам телеграмму большевистского губернского исполкома. — Он встряхнул в руке листок бумаги. — «Срочная, вне очереди, всем совдепам, реввоенсоветам, комиссарам и командирам воинских частей Красной Армии, всем трудящимся! Сегодня, 30 августа 1918 года, в Москве на выходе из завода Михельсона после выступления на митинге злодейски ранен двумя пулями вождь мирового пролетариата товарищ Ленин.»

Толпа ахнула тяжело и изумленно.

— Чтобы среди красных не было паники, в телеграмме не сказано, что Ленин скончался, — продолжал офицер. — Я заявляю вам: Ленин умер, не приходя в сознание.

Толпа напряженно молчала.

— Конец Ленину, конец совдепам, и большевизму, господа мужики! — продолжал офицер. — По всей России в эти дни люди изгоняют коммунистов, передают власть демократическим силам. И у вас будет власть, которая не станет отбирать хлеб, как это сделали эти несчастные, — он бросил руку в сторону арестованных. — Они провинились перед вами, продались большевикам. Такие, как они, привели Россию на край гибели. Судить их будем, господа. Всем миром! За разбой, за зверства и насилия над народом! Беспощадно судить!

В тишине, охватившей толпу, послышался чей-то ясный голос:

— Не было никаких зверств!

Толпа загомонила.

— Кто сказал? — дернулся офицер. — Кто сказал, я спрашиваю! Молча-ать! Тихо! Но толпа не успокаивалась.

Гудела, сбиваясь с ритма, пилорама. Не заметив никого вокруг, Федор метнулся к двери мастерской. И замер за порогом, пораженный, как молнией, мертвенно-бледным лицом Григория и телом его, навзничь свисающим с платформы станка.

Федор еще не верил своим глазам и потому опрометью бросился к щитку с рубильниками. Смолк гул пилорамы.

Сникнув, Федор устало прошел к пилораме, присел напротив запрокинутого лица

Григория, долго смотрел на него... Потом снял с себя обгоревший пиджак, выгреб из кармана патроны к маузеру, сунул их в брючный карман, а пиджак аккуратно подложил Григорию под голову.

— Эх, брат... Как же это ты?.. Только б крикнул — разве б я ушел без тебя!..

Федор ссутулился, обхватил голову ладонями. Глухо проговорил:

— А если и товарища Ленина не стало... Дрогнули плечи от сдерживаемых рыданий.

Взбудораженные сельчане гомонили на площади. Мужики спорили друг с другом, не очень понимая, чего хотят.

— А Красная-то Армия? Не-е, большевики — сила!

— Неужто Ленина и впрямь убили?

— Дела-а!..

Сумрачно молчали арестованные.

Офицер, покусывая соломинку, презрительно слушал Жлобина. Тот что-то горячо шептал в ухо. Офицер пожимал плечом. Потом будто согласился, и Жлобин крикнул гомонившей толпе:

— Тихо! Тихо, мужики! — И для убедительности бабахнул в небо из обрезка.

В наступившей тишине обернулся к офицеру. Тот сплюнул соломинку, сказал насмешливо:

— Ну что ж... Если вы тут все родня и кумовья и хотите помиловать этих большевистских прихвостней... Можно и помиловать... Если они покаются перед всем народом.

По толпе прошел вздох облегчения.

Офицер ожесточался:

— Каяться они должны на коленях! И лбом в землю! Кто не покается — расстрел! — Он повернулся к арестованным. — Ну, кто первый?

— Я, я! — бросился на колени Корней Смагин. Закрестился, зачистил: — Каюсь, каюсь перед богом и перед людьми, ей-богу! Не виноватый я, детишки у меня, пожалейте Христа ради! — Он стукнулся лбом в землю.

Один из бандитов поднял Смагина за шиворот, отбросил к толпе. Корней тут же облепила его детвора.

Толпа напряженно ждала, что будет дальше, наблюдая за сошедшим с крыльца офицером. А тот подошел к Сергее Ломову.

— Теперь ты!

Сергея сделал глуповатое лицо.

— Будешь каяться или...

— А, каяться! — Сергей сделал смешную гримасу. В толпе прошел смешок. — Оно, конечно, бы... Ежели подумать... Однако ж...

Офицер вперил в него ненавидящий взгляд:

— Веселый мужик...

— Не-е, вообще-то я...

— Молчать! На колени! Считаю до трех! — Офицер расстегнул кобуру.

— Серега! Покайся! — истерически крикнула в толпе женщина.

— Покайся, чего тебе! — слышались голоса. — Прощаем его!.. Кайся, Серега, ну его к бесу!

Сергея стоял серьезный, строгий. Шумела толпа.

— Раз! — считал офицер. — Два! Ты сам вынес приговор!.. А ты? — Он уставился на невозмутимого Митрия. — Будешь каяться, дерьмо? Или желаешь пулю в лоб?

Митрий тяжело посмотрел на него:

— Ты, ваше благородь, не обзывайся. А потом надо еще доказать, что Ленин помер.

— А вот это! — офицер выдернул из кармана френча уголок бумаги.

— А печать там есть?

— Это телеграмма, балда! Какая может быть печать!

— А-а, значит, нету печати! — весело заметил Серега. — Во-от, мужики...

— Молчать! — цыкнул на него офицер. И к Митрию: — Ну?!

— Не в чем мне каяться, — вздохнул Митрий. — Да и ты вроде не поп. Мужики! Не верится, чтоб Ленина они смогли...

Офицер оборвал его пощечиной. И получил в ответ тяжелейший удар, от которого отлетел на руки бандитов. Митрий, а за ним Серега бросились бежать, но бандиты навалились на них, скрутили.

— В амбар, под замок! — утирая разбитое лицо, задыхался офицер. — Я придумаю им казнь! Потом! — Тяжело дыша, он пошел прочь. — Страшную казнь!

Сельчане испуганно расступались перед ним.

Гомонила тревожно толпа.

— Митрия нельзя трогать! Кузнец-то какой!.. Зря не покайся... Без кузнеца на деревне — дело дрянь... А здорово он ему вмазал!.. Ну, дела-а, мужики!..

Федор по-прежнему неподвижно сидел в мастерской рядом с телом Григория. Медленно возвращалась к нему жизненная сила. В тишине можно было явственно услышать биение его тревожного сердца: тук-дук, тук-дук...

Стук сердца, усиливаясь, будто отражался от разбросанного в беспорядке инструмента на темном полу, от темных стен в мастерской... И в этой темноте начало рождаться светлое пятно. Это был образ

Ленина. И вот он, живой, реальный, страстно выступающий на митинге, заполнил собою все пространство экрана...

Под стук сердца на экране — летописная кинохроника сражающегося революционного народа.

И снова — живой, обращающийся к народу Ленин...

И нацеленные в зрителя, будто в самого Ленина, черные дульные дыры пистолета... обреза... пулемета... пушки... И-вырывается из дульных отверстий огонь и смерть...

Руки Федора передернули маузер, ставя оружие на боевой взвод. Федор резко поднялся, устремился к выходу, исчез за распахнутой дверью мастерской.

Рванувшись из подворья в сторону деревни, он вдруг остановился, метнулся за угол — на двух одноконных подводах приближались бандиты. Приотстав, шагали офицер в распахнутом кителе без оружия, Жлобин с обрезом.

Офицер был раздраженный, усталый. Между пальцами держал почти пустую бутылку с самогонном.

— Не извольте беспокоиться, ваше благородие, быстро все сделаем,— угодливо говорил Жлобин.— А потом всю ночь гуляем, отдыхаем.

— Н-да...

— Теперь жить можно будет! Погонят красных? А?

— М-м... И много хлеба имеешь?

— Имеется! — горделиво сказал Жлобин.— Кой-чего большевичок откопал. Да только у нас еще есть! Вот заберу сейчас, в город свезу — деньжата!.. А?

— Н-да... Золото имеешь?

— Хитер, ваше благородие! Какое там золото! Нету.

— Врешь! Пощекотать тебя наганом, раскошелиться!.. Шучу, не бойся... А зачем сюда идешь? — Он брезгливо посмотрел на ветряк.

— Схоронить надо Григория,— убежденно сказал Жлобин.— Прохор сказал, как вы его... на пирамиде. Деревенским не надо видеть. Любили его люди. Так что...

— А, все равно! — Офицер допил из бутылки, отбросил ее.— А завтра утром кончим сельсоветовских... Всех убивать.

Федор из-за поленицы дров наблюдал за приближающимися бандитами.

Офицер остановился перед изгородью из жердей.

Федор бесшумно исчез.

Бандиты слезали с телег. Был среди них и жлобинский батрак Евсей. Жлобин кинул ему лопату:

— Колай!

— А чего?

— Могилу, дурак! Вон тама.— Жлобин пошагал следом за остальными.

Оставшись один, офицер присел на жердину изгороди, закурил, мрачно поглядывая перед собой... И вдруг сильная ладонь зажала ему рот, раздавив папиросу, а в шею уткнулся холодный ствол маузера. Федор сдернул офицера с жердины. Обмякнув, как мешок с трухой, тот не сопротивлялся. Федор поволок его к высокому кустарнику.

Тем временем бандиты выходили из мастерской, явно потрясенные увиденным. Были среди них местные подкулачники Пузырев и Гвоздев. Последним, следом за Жлобиным, вышел из мастерской Прохор Новиков. Бандиты молчали, кое-кто потянул из кармана кисет.

— Ну, Прохор!..— не удержался Пузырев.

— А я чего? — мрачно сказал Прохор.— Это его благородие...

— Распилить человека! — не успокаивался Пузырев.

— Ну, ладно,— примирительно сказал Жлобин.— Чего уж теперь... Схороним...

— Надо схоронить,— согласился Гвоздев.— Не дай бог, кто из деревенских увидит, что тут сотворили... Ох, мужики!..

Евсей копал могилу.

Держа связанного, с кляпом во рту, офицера за шиворот и уперев ему в спину дуло маузера, Федор заставлял его бежать к лесу.

Офицер вдруг споткнулся, рухнул под куст.

Федор дернул его, пытался поставить на ноги, но он прижимался к земле всем телом, мотал головой.

— Что, гад? — склонился над ним Федор.— Пришел твоей черед! Именем революции тебя, сволоту... Что ж ты сделал с Григорием, а?

Офицер смотрел на него со страхом и ненавистью. Федор выдернул у него изо рта кляп.

— Отвечай!.. Хотя что ты можешь сказать, ты, зверюга!

— Ненавижу... Такие, как ты, испохабили Русь! Ввергли ее в хаос! Убивать вас всех! Страшной смертью!

— Эх, ты-и...

— Ленина вашего тоже убьют, убьют в конце концов! Не уйдет!

— А... значит, живой он! — Федор просветлел лицом.— Я так и знал! Не-ет, контра, никогда вам товарища Ленина...

— Но карающая рука...

— Заткнись!

Офицер как-то сразу сник. Тяжело вздохнул:

— Ах, боже мой... Для сумасшедшей России теперь все равно...

— И про Россию заткнись!

— Однако перед казнью дают последнее слово.

— Дают,— согласился Федор.— Для покаяния души. А у тебя уже нет никакой души. Может, была. А теперь нету. Озверел. Даже непонятно, как можно дойти до такого!.. Небось миллионщиком был?..

— Нет. Не из бедных, конечно, но... А отродительно души... Возможно, стореда... в страданиях и ненависти. Впрочем, тебе, мурло, не понять. Ненавижу! Кончилась большая история русского государства, пора кончать и нашу маленькую историйку. Кончай!

— Ишь ты! Кончить я мог тебя еще там. Не-ет, тебя народ будет судить! Вставай, пошли! — Федор потянул его за рукав.

Встав на ноги, офицер стрельнул глазами на Григорьево подворье. Там виднелись фигуры Жлобина и Прохора.

Офицер ударом головы сшиб Федора с ног и, завопив, бросился к подворью.

Будто подброшенный пружиной, Федор вскочил, метнулся за офицером, стал его догонять.

Насторожились, схватились за оружие Жлобин и Прохор.

Федор настиг офицера, схватил его за шиворот. Тот обезумел от страха, залепетал: «Нет! Не надо! Не надо!»

— Боишься смерти, сука! — задохнулся Федор от гнева и презрения.— Именем народа... Как злейшего врага революции...

От подворья уже стреляли бегущие за ним Жлобин и Прохор.

Офицер укусил Федора за руку, вырвался и заячьими прыжками бросился бежать куда-то в сторону.

— За кровь товарищей! — наводя на него маузер, сказал Федор и дважды выстрелил. Офицер рухнул, дернулся и замер.

Следом за Жлобиным и Прохором показались бандиты.

Отстреливаясь, Федор уходил к лесу.

Поднятая за деревней стрельба доносилась и в избу Жлобина. Вздрагивал от нее Фомка, примостившийся в уголке рядом с кроватью, на которой какая-то женщина меняла на груди Васюгина окровавленную полотняную повязку.

— Стреляют, — прошептал Фомка. — Слышь, крестный?..

Васюгин поморщился не то от боли, не то от Фомкиного вида. Сказал с усилием:

— Сломался ты, парень.

— Боязно... А Гришку Хромова пилой-

то! Я не хотел, ей-богу! Перед глазами все это!.. Боязно! Что ж теперь-то...

— А ничего. Не вояки мы с тобой.

Пуškai другие теперича. В стороне оно лучше... Бог даст, укрепнем и телом и душой, придет наше время... Мы хозяева, Фомка! Пуškai стреляют, не боись...

Вывавшись из чащи, Федор оказался на открытом пространстве перед развалинами старого поместья. Позади шумно бежали бандиты.

Первым к опушке выбежал Прохор. Выстрелил по убегающему Федору, прокричал:

— Скорей! Вот он!

Появились из чащобы Жлобин, оба подкулачника, другие бандиты.

— Теперь не дать ему уйти! — скомандовал Жлобин и, махнув обрезом, тяжело побежал к развалинам.— Обходи со всех сторон!

Бандиты бросились вперед, кольцом охватывая развалины.

Федор перебежал от стены к стене внутри какой-то полуразрушенной комнаты, осторожно выглянул наружу. Прямо перед ним, вдоль поросшей кустами тропки, крался бандит. Федор выстрелил — тот осел в густую траву. И сразу же рядом грянули выстрелы, пули раскрошили кирпич рядом с Федором.

Федор метнулся к дверному проему, ужом скользнул в бурьян, подступивший к гнилому порогу.

Жлобин с одним из бандитов ворвались в развалины, из которых он только что выскользнул. Не обнаружив Федора, бандит вскочил на стенку оконного проема, и сразу рядом хлопнул выстрел из маузера. Бандит скорчился. Вразной ударил выстрелы.

Федор затаился в углу заросшего бурьяном и ольховником кирпичного цоколя. То был лабиринт, удобный как для обороны, так и для нападения... Стрельба не утихла. Пули крошили над Федором старый кирпич, с завыванием рикошетили. Надо было уходить. И Федор скользнул за выступ кирпичной кладки.

Жлобин тоже был в лабиринте цоколя. Согнувшись, он боязливо выглядывал наружу. В короткой паузе между выстрелами Жлобин вдруг услышал, как за его спиной звякнуло разбитое стекло. Он испуганно обернулся, вслепую бабахнул из обреза в пустоту, откатился в бурьян. А когда снова приподнялся, увидел Федора. На мгновение застыл, а затем в диком ужасе стал лихорадочно рвать затвор своего обреза.

Федор вскинул маузер, но вместо выстрела раздался лишь сухой щелчок. Федор

мгновенно метнулся за стенку.

Жлобин выстрелил и дико заорал:

— Сюда-а! Тута он, тута-а!

Клацнув еще раз затвором и убедившись, что патронов нет, Федор бесшумно исчез.

Жлобин не покидал своего места, боялся... Вздрыгнул, заслышав шорох за спиной, — это появились Прохор и подкулачник Гвоздев.

— Ну? — прохрипел Прохор.

— Тут где-то, не попал я в него. Патроны у него кончились, теперь не уйдет!

Все трое полезли в развалины.

Федор бесшумно кошкой скользил вдоль наружной стороны стенки. Укрывал его высокий ольховник и кусты орешника... Через несколько шагов он исчез за углом... Осторожно выглянул. Прямо на него шел озирающийся по сторонам Гвоздев с обрезом в руках.

Перехватив в руке свой пустой маузер, Федор ждал.

Все ближе подходил Гвоздев.

Федор приподнял руку с маузером.

Гвоздев на секунду замер, прислушался и снова пошел вперед. Его сапоги твердо ступали по вросшим в землю обломкам кирпича... И вдруг эти сапоги замерли, дрогнули — и расплозились в стороны.

Федор склонился над оглушенным Гвоздевым, подхватил выроненный им обрез и снова метнулся за стенку. И тут же натолкнулся на Прохора, который набивал обойму своего обреза патронами.

От неожиданности Прохор отпрянул.

Обойма звякнула о втоптаный в землю кирпич.

Окружились в ушат глаза бандита.

Смертью смотрело наведенное на него дуло обреза.

Неумолим был взгляд Федора.

— Мужики! — мертвея, прошептал Прохор. И в отчаянии замахнулся пустым обрезом, бросаясь на Федора.

Глухо хлопнул выстрел в упор.

Схватившись за живот, бандит поморгал глазами, скорчился и сел на землю.

Приближался топот ног, и Федор поспешил исчезнуть. Через заросли кустарника и бурьяна Федор отползал от развадин к обвалившейся кирпичной ограде, густо поросшей орешником. Припал к земле и замер, услышав совсем рядом голоса:

— Тут где-то!

В нескольких шагах от него прошли мимо Жлобин и еще двое бандитов. Когда их шаги затихли, Федор осторожно пополз вперед. До ограды оставалось не больше пяти шагов. Пять шагов голой земли. Нужно было сделать перебежку. Федор весь подобрался, бросился в орешник возле ограды.

— Вот он! Вот он! — завопил чей-то голос, и хлестнул выстрел.

Федор нырнул в кустарник, пополз вдоль ограды, отыскивая пролом или щель. Выстрелы бандитов, завывание пуль, крошащих кирпич и срезающих ветки орешника, прижали его к земле. Потом он бросился за глыбу спаянных цементом кирпичей, залег.

Пули грызли кирпичную глыбу, голову не поднять... Неожиданно стрельба прекратилась. Послышался голос Жлобина:

— Выходи! Конец тебе!

Федор усмехнулся. Открыл магазинную обойму в обрезе: там оставался один патрон.

— Теперь тебе конец! Все! Не уйдешь краснопузый!

Федор повертел в пальцах единственный оставшийся патрон, вогнал его затвором в казенную часть обреза. Приготовился к последней схватке и вдруг крикнул:

— А Ленин-то живой!..

В ответ бабахнули из обреза.

— Живо-ой! — вызывающе повторил Федор.

И зачастили выстрелы.

На мгновение спрятав голову от зажужжавших вокруг пуль, Федор тут же выглянул из-за кирпичной глыбы. И выстрелил в бандита, падающего на него с ограды. Не успел освободиться из-под обмякшего тела, как на него сверху свалился другой. Завязалась борьба, Федор уже почти одолел бандита, но приближались другие. Кто-то обхватил Федора сзади. Он еще отбивался ногами и головой. Но удар прикладом оглушил его.

Прерывисто дыша, бандиты обступили его, поверженного, молча вытирали кровь на разбитых заросших лицах, сморкались, собирали с земли картузы и оружие...

Скрипела, подпрыгивая на ухабах, телега. В телеге связанный Федор, раненый Прохор, подкулачник Гвоздев. За телегой шагали Жлобин и несколько бандитов.

Стонал, корчился Прохор, сверля Федора ненавидящими глазами, хрипел:

— Убейте его!.. Ох, горит у меня в животе!.. Убейте его!..

Федор усмехнулся:

— Сдохнуть по-человечески не можешь...

— Убе-е-йте! — завопил Прохор и вцепился в Федора.

Тот ударил его головой, спрыгнул с телеги, бросился в сторону. На него кинулись, он свалил одного ударом ноги, но его самого тут же повалили на землю, стали бить сапогами.

— Убейте! — снова завопил Прохор и откинулся замертво.

Из свалки вывалился Жлобин. Бросил-ся оттащить бандитов от бесчувственного Федора:

— Хватит! Хватит! Пойдите, мужики! Стойте-е!

— Чего ты его бережешь?

— Убить, и все!

Жлобин зловеще улыбнулся:

— Это моя забота. Забить до смерти — эка невидаль!.. Я придумал другое.

— Ну и катись с ним к черту, а мы уходим! — сказал один из бандитов.

Другой его поддержал:

— Верно! Уходить надо. Это только подумать, скольких мужиков поугробили тут!

— А ежели Жлобин возьмет да и помилует большевичка?

— Это Жлобин-то? Он его на куски зубами порвет...

Бандиты зашагали к деревне. А Жлобин волоком потащил Федора к телеге. Рывнул Пузыреву:

— Помогите!..

От подворья Григория телега в сопровождении Гвоздева, Евсея и Жлобина двинулась вдоль хлебного поля к деревне. Остановилась у края поля рядом с ветхой, давно заброшенной сараюшкой с обвалившейся крышей. Жлобин подозвал мальчонку-пастушка, стерегущего коз. Видно было, как Жлобин с помощью Гвоздева и Евсея сняли с телеги Федора, как мальчонка-пастушок повел лошадь с телегой в деревню...

Жлобин развязал руки Федора. Глянул на понурых помощников:

— Приведите его в чувство...

Оставив беспомятного Федора на их попечение, сам пошагал к сараюшке.

— Замордовали совсем человека, — покачал головой Евсей, легонько похлопывая Федора по щекам.

Пузырев тоскливо смотрел на деревню. Повертел в руках обрез, сказал со вздохом:

— Домой бы, а?

— А хозяин? Не-е, нельзя...

Тем временем Жлобин обкладывал стены сараюшки сухим бурьяном. Потом чиркнул спичкой по коробку, дал разгореться огоньку и поднес его к сухим стеблям бурьяна.

Федор пришел в себя, со стоном попытался подняться.

— Лежи, лежи, — участливо остановил его Пузырев, с тревогой глядя на задымившие стены сарая.

И Евсей смотрел на занимающийся пожар. Ничего пока не понимал. Ждал приказаний от приближающегося хозяина.

Жлобин подошел, всмотрелся в Федора:

— Ожил?

— Ожил, ожил, — с облегчением подтвердил Пузырев.

— Хорошо! Он должен быть в полной памяти. Верно, товарищ большевик? В полной памяти ты в самый раз познаешь, какая она, смертушка.

Ослабевший Федор разбитыми губами с трудом сплюнул ему под ноги, прохрипел: — Ты раньше сдохнешь... контра!

— Ну, ну!.. Ташите его в сарай! — Жлобин поднялся на ноги. — Посмотрим, какой он бессмертный.

— Мокей Кузьмич! — взмолился Пузырев. — Зачем так-то?

— Я что сказал! Ташите! — Жлобин рванул Федора с земли. — Держите его!.. В сарай ташите!

Евсей и Пузырев послушно подхватили обессиленного Федора под руки, поволокли к сараюшке. Жлобин подхватил брошенный Гвоздевым обрез и пошагал следом.

— Убивать таких надо, как еретиков! В огне!..

...Из деревни было видно, как занимался пожар возле хлебного поля. Люди тревожно смотрели на дымную полосу на фоне тяжелого закатного неба. На церквушке тревожно ударил колокол.

Детвора, а за ней и взрослые с лопатами, ведрами, топорами в руках бросились по улице в сторону пожара...

Евсей и Пузырев вышли из сараюшки. Жлобин закрыл дверь, подпер ее колом: — Хорошо горит!

Гвоздев и Евсей смотрели на огонь с суевверным страхом. Гвоздев перекрестился. Потом испуганно уставился в сторону деревни. От деревни бежал народ.

— Чего это они, а? — Пузырев готов был пуститься наутек.

Жлобин глянул на приближающихся сельчан, на хлебное поле, усмехнулся:

— Боятся, что хлеб сгорит, дурачье... Куда ты? — резко остановил он намеревавшегося улизнуть Гвоздева. — Нет, стой! Ишь ты!.. Эх, керосинчиком бы плеснуть!

А над пожаром, над хлебным полем и бегущими к нему людьми в закатном багряном небе сгушалась низкая тяжелая туча. Ее темно-лиловая громада будто грозила обрушиться на землю.

Сельчане обступили полукольцом горящую сараюшку, отгораживая ее от хлебного поля.

— Тушить надо!

— Кто поджиг-то? Не сама же она загорелась?!

— Жлобин тут чего-то...

— Тушить надо, Мокей Кузьмич!

— Хлеб не сгорел бы, Мокей Кузьмич!

Жлобин усмехнулся:

— До хлеба не допустим. А энтот пускай догорит... дотла!

Сельчане все еще не понимали.

— Мешал ему энтот сарай?

— Слышь, Евсей, зачем запалили?

— Большевик там,— помявшись, сказал Евсей, не отрывая замороженных глаз от огня.— Который за хлебом приходил...

— Господи! — ахнула одна из женщин.— Да люди вы или нет?!

Мужики в страхе смотрели на разгорающийся сарай. Кое-кто снял с головы картуз. Притихли дети.

Туча все ниже спускалась к земле, охваченной заревом пожара.

Неожиданно подул сильный порывистый ветер — рвал на людях одежду, трепал на женщинах платки, лохматил бороды и непокрытые головы мужиков. Ветер загудел в пламени пожара. В небе полыхнули ослепительные молнии. Сотрясая землю, прогрохотали оглушительные раскаты грома.

Жлобин подставил руку, ловил ладонью первые капли дождя, тихо выругался.

Люди стали отходить от горящей сараюшки под ближние деревья, шумящие и раскачивающиеся на ветру. Дождь усиливался с каждой секундой. Темной стеной он отгородил от людей сараюшку. Полыхающий секунду назад пожар угасал в сумраке ливня.

Со злобой и раздражением всматривался Жлобин в едва различимый за пеленой ливня слабеющий огонь.

Люди под деревьями были похожи на изваяния.

Жлобин поднял лицо к небу — там стремительно мчались тучи, полыхая молниями, сурово рокотал гром.

Быстро вращался ветряк над подворьем Григория.

Вспышка молнии ослепительно освещала свежую могилу хозяина.

Подрагивал огонек в «летучей мыши», подвешенной в мастерской.

Мерно гудел редуктор.

В динамо-машине что-то пощелкивало, на контактах играли голубые искорки разрядов... И в этих искорках вдруг началось рождение шаровой молнии. Началось с яркого свечения. Затем это голубое сияние сконцентрировалось в ярко светящийся, колеблющийся пучок... Ослепительный шар в голубом ореоле с кометоподобным хвостом оторвался от динамо-машины и поплыл по мастерской, бросая на темные стены яркие блики...

Люди под деревьями зябко ежились от дождевых струй.

Сарай дымился, но огня уже не было — ливень погасил пожар.

Жлобин долго смотрел на черные стены дымящегося сарая. Потом клацнул затвором обреза.

Люди под деревьями напряженно смотрели на приближающегося к сараю Жлобина. Чем ближе подходил он к сараю, тем неувереннее становился его шаг.

Вот и подпертая колом обгоревшая дверь. Жлобин пинком отбросил кол, распахнул дверь, вошел.

Все с ужасом ждали выстрела... И вдруг на лицах и в глазах взрослых сельчан отразился суеверный страх, а у детворы — радостное удивление: от подворья Григория к сараю плыла шаровая молния. В наступившей тишине, казалось, был слышен ее электрический шорох... Молния была совсем близко от сарая, когда оттуда донесся резкий звук выстрела... Молния скрылась за сараем. А когда выплыла из-за него, то из раскрытой двери вышел едва державшийся на ногах Федор с обрезом в руке. Он двинулся вперед, и молния будто вела его за собой. А из-за уходящей тучи вдруг брызнули последние золотистые лучи закатного солнца.

Первыми следом за молнией и Федором бросились мальчишки. За ними сначала нерешительно, потом все смелее потянулись взрослые. Они уходили к деревне, заслоняя собою и молнию, и Федора...

Мальчишки догнали молнию, бежали за нею вприпрыжку. Весело им было, радостно и страшно. Один из них верхом на прутке скакал совсем рядом от яркого бело-голубого шара, размахивал веревочным бичиком, словно подгоняя молнию...

Но дунул ветер, взлохматил на мальчишке светлые вихры, пузырем надул его рубашонку, и быстро унеслась молния — исчезла, издав короткий шипящий звук.

А Федор, преодолевая усталость и боль в избитом теле, приближался к крайнему деревенскому подворью.

Подойдя к сложенным у забора бревнам, Федор бессильно опустил на них, уронив руку с обрезом. Сидел неподвижно.

Сельчане останавливались, окружая его полукольцом. Смотрели на него с сочувствием, уважением, удивлением.

И он смотрел на них. Будто говорили его глаза: что ж вы, мужики, язвы вас, так равнодушны к судьбе революции? Поверили, что Ленин убит? Эх вы! Не могло такого быть! Конечно, придется вас сейчас простить. Только чтоб это было в последний раз. Имейте в виду!..

Над деревней занимался новый день, ясный и свежий.

На подворье, возле могилы Григория с фанерной звездой на дощатой тумбе, замерли в скорбном молчании Федор, Митрий, Серега Ломов и пониکشая Анка. Мужчины подняли оружие. Далеко окрест разнесся трехкратный скорбный салют. Митрий и Серега поклонились могиле, потом Анке и ушли к телегам с хлебом, которые стояли на дороге возле подворья.

Федор смотрел на Анну долгим страдающим взглядом.

— Может, все-таки...

— Нет, Федор Иванович, не могу. Тут останусь, с Гришей... И вы не казните себя, вы не виноваты, что так случилось. Гриша сам на это шел.

Федор помолчал. Затем сказал нерешительно:

— Я к тому, что совсем одна вы тут... А я бы для вас, Анна Петровна... Вы знаете...

Анка тоже не сразу ответила. Вздохнула, проникновенно посмотрела ему в глаза:

— Сразу, как увидела вас... Никогда со мной такого не было. Как наваждение. Может, и ушла б за вами без оглядки. Только... Смерть рядом с вами... и из ваших

рук тоже. Не могу я. Гриша, наверное, понял бы вас, а я — нет! Баба я, Федя, слабая у меня душа... Прощай...

Федор склонил голову над могилой. Повернулся к Анке.

— Пока не победим, будет кровь,— с сожалением сказал Федор.— Дорого дается свобода.

— Я это не понимаю...

Федор взял ее руки, подержал в своих, и не оглядываясь, ушел...

...От подворья, от деревни удалялись телеги с хлебом, сопровождаемые Митрием и Серегой. Следом за ними все дальше уходил и Федор.

Почти догнав товарищей, он обернулся. И просветлело его лицо. Он увидел реденькую цепочку немногих сельчан, вышедших за околицу проводить его взглядом... Увидал и Анку. Она стояла рядом со своим осиротевшим подворьем под ветряком, неподвижная, как призыв.

Федору захотелось так много сказать и Анке, и этим сельчанам о сегодняшней борьбе, о счастливом будущем, о жизни... И хотя он был далеко и его не было слышно — он не удержался, заговорил. Говорил что-то пламенное, убежденно и страстно, и в жестах его была сила, уверенность.

ВИТАУТАС ПРАНОВИЧ ЖАЛАКЯВИЧУС (родился в 1930 году) окончил режиссерский факультет ВГИКа. Дебютировал в кино в 1959 году художественным фильмом «Адам хочет быть человеком». В. Жалакявичус выступал как автор и соавтор сценариев поставленных им фильмов: «Хроника одного дня», «Никто не хотел умирать», «Вся правда о Колумбе», «Это сладкое слово — свобода», «Кентавры», «Факт», «Рассказ неизвестного человека», «Извините, пожалуйста» и др. За создание художественного фильма «Никто не хотел умирать» В. Жалакявичус был удостоен Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола.

Литературный сценарий В. Жалакявичуса «Уик-энд в аду» подготовлен на Центральной сценарной студии Госкино СССР.

ВИТАУТАС ЖАЛАКЯВИЧУС

УИК-ЭНД В АДУ

Лучи заходящего солнца багровым тусклым цветом окрасили струю дыма, поднимающуюся из трубы крематория.

В полумраке между бараками вещи и люди были стального синего цвета.

Раз-два! Раз — обозначало «присесть». Два — «встать». Раз-два. Обе руки на затылке. Заключенные блоков «Д» и «Е», двести доходяг в полосатых робах, приседали-вставали и слушали речь начальника концлагеря СС Вольфганга Гоппе.

—...Вы должны вбить в свои пустые башки, что ваша судьба в ваших руках. Только добросовестный труд, в конце концов, может сделать вас полноценными гражданами Европы. (Капо тем временем вполголоса напоминал: раз-два, размахивая увесистой палкой.) ...Никаких иллюзий! Вы все здесь останетесь до конца войны. Но и тогда будут освобождены только те, кто перевоспитается. (Раз-два!) Кто осознает истинную пользу труда, кто докажет на деле, что порвал со своим прошлым, со свои-

ми ошибочными убеждениями, своей тягой к низшей этнической принадлежности. Вы станете...

Узник, стоявший во втором ряду, пропустил «два». Он свалился на колени и сжался в полосатый комок. Может быть, он рассчитывал, что за спинами первого ряда его никто не разглядит. Капо прорвался к нему через первый ряд и с размаху ударил палкой. Раз, два!

— Менике! — крикнул раздраженным голосом Вольфганг Гоппе. — Ты мне мешаешь!

Менике был капо. Он был из немцев. Осужден в лагерь за многочисленные изнасилования и садизм. Носил на груди отличительный знак в форме зеленого треугольника. Менике откозырял и застыл за спиной лежащего узника.

— Вы станете совсем другими, достойными новой жизни, или умрете и уйдете отсюда через трубы печей!

Потом Гоппе, по мнению многих заключенных, человек довольно приличный, по-

тому как никто не видел, чтоб он занимался рукоприкладством или издевательством над узниками, постоял какое-то время перед строем, критически созерцающая полосатую волну, которая поднималась и опускалась, выдыхая неровный хриплый стон. Будто работала изнашившаяся машина. Машина, которая ничего не производит. Еще два узника остались лежать на земле, и Гоппе выжидал, пока капо и блокковые старшины ударами дубинок вернут их к жизни.

— Труженики лагеря перевоспитания! По вашей вине в лагере началась эпидемия!

Во втором ряду двое узников перешептывались. Они стояли подле того старичка, что упал первым и которого капо Менике поднял на ноги силой палочного внушения. Одного из двух звали Шофером. Вообще-то его звали то ли Слава, то ли Саша, но так как из ста восьмидесяти шести соотечественников, с которыми он попал в лагерь, в живых остался он один, никто из чужих и не настаивал на его подлинном имени. Он был русский, родом из Ленинграда. Второго звали Аптекарем. Аптекарем его прозвали за умение тупым ножом поделить четыре буханки хлеба на девяносто семь едоков блока «Д» с точностью до одного грамма. Он был литовец. Близорук. Носил круглые очки в металлической оправе. В блоке «Д» дышали еще семь человек из Каунаса. Среди них — один еврей, который выдавал себя за лютеранского священника.

Гоппе тоскливо глядел на трубу крематория.

— ...по вашей вине... эпидемия. Беда в нечистоплотности, в которой вы привыкли жить с детства. Из-за бескультуры...

За спиной начальника лагеря стояли доктор и два эсэсовца. Эсэсовцы держали на поводках овчарок. Доктор лагеря согласно кивал. Нечистота — начало всех бед!

Аптекарь шепотом сказал Шоферу:

— Священник говорит, ему сказал фельдшер, что главный врач привез из Кенигсберга бутылочки с бактериями тифа и запустил в питьевую воду лагеря.

— Нас это уже не касается, — сказал Шофер.

— У нас всех одна и та же жизнь, — неопределенно сказал Аптекарь.

Начальник лагеря говорил:

— Выбирать должны вы сами. Или будете здоровы и будете жить вечно... или уйдете дымом. Каждый, у кого будут обнаружены вши, получит пятьдесят палочных ударов. Барак, в котором вспыхнет эпидемия, будет уничтожен как очаг бедствия. Столько слов на сегодня!

Начальник Гоппе ушел. Узников строем повели в бараки. На лагерной улице остались лежать семь доходяг, которых законом не позволено было уносить с собой, а сами они не имели сил подняться. Капо Менике и блокковой Бжезицкий обошли лежащих, заглядывая каждому в глаза. «Встать» — приказывал Менике и тыкал палкой в чувствительные места. Это помогало, и доходяги наконец вставали на четвереньки, иной даже на ноги, и, держась за стену и друг за друга, уходили в барак.

Блокковой Бжезицкий выдавал каждому узнику по куску мыла величиной со спичечный коробок. Блокковой Бжезицкий был поляк, военнопленный, носил на рукаве сиреневый треугольник.

В нужнике шла стрижка «под ноль». Стриг апатичный косой парень, которому до лагеря, в той жизни, случалось стричь овец. Он был кашуб и на переписи Померья отказался записать себя немцем. Так как он был женат на немке, его отправили в лагерь на основании закона, запрещающего такие браки. Фельдшер наблюдал за стрижкой. Тусклые волосы узников, что падали на каменный пол нужника, венником сметались в отверстие и после каждой третьей-четвертой стрижки обливались хлоркой. Здесь же заключенные скребли себе голову металлической щеткой, после чего приступали к священнодействию с помощью куска зеленого мыла.

— Мы не должны стричься, — говорил шепотом Шофер. — Побреют макушку, считай — конец.

— Я передумал, — сказал Аптекарь. — Я постригусь. Ты на меня не рассчитывай.

— Тогда плохо, — сказал Шофер.

Он мял в пальцах кусок мыла и глядел в желтый просвет уборной, где маячила широкая спина кашуба.

— Кому плохо?

— Мне плохо, — сказал Шофер. — А тебе смерть. Потому что ты здесь не выживешь.

— Я здесь ишачу больше твоего на целый год, — сказал Аптекарь. — Поглядим, как ты будешь выглядеть через годок!

Блокковой Бжезицкий вдруг повалил наземь лютеранского священника и стал его утрамбовывать кованым каблуком.

— Падла, разве ты не получил свой кусок мыла?! Думал, я дурак и не замечу, что ты заходишь по второму разу?! Вшивый интилихент!

Шофер шепнул:

— Вот, время самое подходящее... Иди за мной.

— Нет... Я сказал... передумал.

Шофер дернул Аптекаря за полу.

— Снимай куртку. Я сделаю это и без тебя.

— Сумасшедший! Они умерли от тифа! Ты знаешь это?

— Наплевать! Бабка надвое гадала...

Шофер почти силой сорвал с Аптекаря куртку с красным треугольником и порядковым номером 139771, впечатанным на левой стороне груди. Запихнул куртку Аптекаря себе за пазуху.

— Лезь на нары,— сказал.— И не смей стричься.

Пока блоковой возился со священником, Шофер улизнул.

Шофер плотно закрыл дверь и ушел тенью вдоль стены. Нужно было преодолеть расстояние длиною в три блока. Потом еще вся длина женского барака, находящегося за колючей проволокой, и длина крематория.

Летнее ночное небо простиралось над миром серой простыней. На сторожевых вышках горели фонари. Раньше здесь вертелись мощные прожекторы, но когда весной пылающий светом лагерь подвергся бомбежке, которая разнесла три женских блока, на вышках повесили тусклые фонарики.

В тишине летней ночи возникали детали, не выстраивающиеся в единое целое. Крик ночной птицы. Речь из радиоприемника откуда-то с горки, где жили эсэсовцы. Вдруг пробили башенные часы — всего в трех километрах от лагеря перевоспитания был городок, где люди жили семьями и верили и в бога и в Гитлера. Женщины в своем бараке в два голоса запели украинскую песню. Потом послышалась женская брань. Шофер не знал языка, на котором кричали, но мог поклясться, что это была брань.

У стены крематория в два ровных ряда лежали трупы умерших сегодня. В колючей темноте белели полоски арестантских курток. Шофер стал обходить лежащих, нагибаясь и заглядывая в лица, точно прощаясь с каждым в отдельности. Если бы он знал нагрудные номера тех двоих, которых он искал, ему, может быть, было бы легче опознать их, потому что в потемках все лица лежащих у стены казались одинаковыми, объединенными застывшим покоем и им одним ведомой мыслью. Тела были посыпаны известкой.

Сперва он нашел немца. Он был сектант — толкователь Библии. Находился в лагере вместе со своим отцом. Отец умер

неделю тому назад. Оба были против войны, в лагере публично проповедовали гибель империи в страшном огне. Их ежедневно секли кнутами и дубасили палками. Зимой держали ночь напролет во дворе на снегу. Они не сдавались и, похоже, оба умерли от тифа. Еще сегодня сын ходил на работу. Работал он в команде мусорщиков.

Шофер снял с него куртку. Это было не просто. Еще труднее было надеть на него свою робу. Потом он нашел и второго бедолагу. До войны тот занимался литературой и преподавал в Минском университете. После убийства белорусского гауляйтера попал в число пятисот заложников и его отправили в концлагерь. Было известно, что в другом приморском концлагере «СС-57» находится его взрослая дочь с внуком. Он зимой получил от нее записку. Умер писатель своей смертью. Нагнулся резко, и порвалось сердце. Он тоже работал в команде мусорщиков.

На том конце улицы послышались шаги и собачий лай.

Аптекарь увидел, как Шофер вошел в дверь барака и скользнул в туалет. Кашуб не торопясь водил машинкой по чьей-то яйцеобразной макушке. Шофер содрал с себя куртку, вытащил из-за пазухи вторую и бросил их в раковину.

— Откуда на тебе известь?— спросил кашуб и сморщился.

— Дезинфецируюсь... Иначе со вшами не покончить. Иначе не перевоспитаться!

— Я тебя еще не стриг?— спросил кашуб.

— Всех ты сегодня все равно не пере...

— Твое дело. Пятьдесят ударов по твоей заднице, не по моей...

В нужник вошел Аптекарь. В руке держал мыло. С ужасом взглянул на Шофера. Тот в раковине отмывал куртки. От шипящей извести стали распухать руки. Аптекарь нагнулся над раковиной и спросил:

— Почему ты избрал меня? Здесь есть более достойные люди. Ты сам видишь, что я на пределе.

— Во-первых, ты не на пределе. У тебя большой запас прочности,— сквозь зубы сказал Шофер.— У тебя даже есть вера, что ты в силах выжить и здесь. Среди тифа и злодейства. Рядом с крематорием... Ты хитрец, ты умница, но тут ты ошибаешься. Во-вторых, у тебя хороший немецкий язык. Это важно. В-третьих... В-третьих, есть такой пустячок... Не знаю, как у вас в Литве, но в России очень ценится — мы с тобой дружим, и я тебя не оставлю подыхать в этом раю.

Аптекарь недоверчиво улыбнулся.

Ночью, когда барак канул в тяжкий сон, прерываемый бесконечными криками боли и отчаяния, Аптекарь, изнемогая на третьем этаже нар, окликнул Шофера:

— Слава, а!.. Саша!

Шофер спал, по-детски оттопырив губы. «Сумасшедший», — шепнул Аптекарь. Смотрел на зеленой краской вымазанную электрическую лампочку под потолком. Вокруг лампы кружилась мошкара. Священник заворочался на соседних нарах и стал чесаться, скребя ногтями кожу. Его мучили вши, горели кровоподтеки от побоев кованым сапогом.

Аптекарь продолжал мучиться, разыгрывая варианты.

Вот они с Шофером в строю на утренней проверке. «Номер такой-то!»

Аптекарь, дурак-дураком, смотрит на капо. Шофер дернет его за рукав, и Аптекарь крикнет: «Я!». «Номер такой-то!» — кричит капо. «Я», — незамедлительно ответит Шофер. Кто-то в строю удивленно оглянется на него, и Шофер рукой отведет скулу любопытного в сторону...

Меркла зеленая лампочка. Чесотка замучила священника, и он во весь голос крикнул сквозь сон:

— Вши идут, господи!

Потом, там — завтра, на плацу, Шофер скажет ему: «К мусору!.. За мной!». Они побегут по плацу в своих деревянных башмаках, и Аптекарь потеряет башмак и будет за ним возвращаться. У обоих дружков арестантские береты-«блины» будут напаяны на уши, как в лютые морозы прошлой зимой, потому что оба остались нестриженными. Они подбегут к блоку за канцелярией лагеря, где стояли лошади и фургоны мусорщиков, и представят рядовому эсэсовцу по имени Вагнер. «Прибыли», — скажет Аптекарь. Тот заглянет в какую-то голубую бумажку и сверит их нагрудные номера.

— Гут! Чего стоите? — Ударит хлыстом Шофера по шее. — Запрягать!

— Ты умеешь за-пря-гать? — спросит Шофер Аптекаря.

— Нет!

Аптекарь лежал на нарах. Руки его вдруг задвигались. Он что-то застегивал, привязывал. У него не получалось.

— Аптекарь, спи, — проворчал Шофер, не открывая глаз. — Береги здоровье...

— Слав... Саш! — позвал Аптекарь. — Ты коня запрягать умеешь?

— Не знаю, — еле слышно сказал Саша-Слава-Шофер. Он не хотел просыпаться. — Не знаю... На кой черт? Спи.

Аптекарь повернулся на другой бок. Стал углом подушки протирать очки. По эту же сторону на верхнем третьем ярусе лежал

скуластый поляк. Он тоже не спал. Глаза его были красные от горячки. Он смотрел в сторону Аптекаря и беззвучно шептал проклятья. Рот был без зубов. Вышибли его зубы еще прошлой осенью.

— Чего не спишь? — спросил Аптекарь.

— Умру, — зашелелявил. — Сегодня...

— Не спеши, — сказал Аптекарь.

Беззубый заулыбался. Жалкая слеза потекла по щетине.

— Познать... Место таке — Познать. Улица Вонска, чтери. Там жона моя... Магдалена Мицкевич. Ежели пан... по войне... пши оказини... По войне!

— Улица Вонска, чтыре, Мицкевич Магдалена... — повторил Аптекарь и спросил: — Коня запрягать умеешь?

— Кóня?.. Ни-и-е-е... Пшепрашем.

Они вывели из стойла коней, притащили упряжь и с жаром занялись делом, которого не знали. Идея была простая. Повозок для вывоза мусора с территории лагеря было две. Нужно было дожидаться тех, кто придет за второй повозкой. Каторжники знали основные законы трудового порядка в лагере. Нужно было суетиться вокруг предмета, суетиться без передышки, не напрягаясь, покрикивая друг на друга; главное — ни на миг не остановиться и не расслабиться под хмельным взглядом надсмотрщика. Даже самую высокую административную концлагеря не интересовало, что и сколько будет сделано. Главное было двигаться. Это искусство Шофер с Аптекарем освоили в совершенстве.

Немец пошел в конюшню помочиться.

— Господи! — сказал Аптекарь по-русски. — А если вторая команда сегодня не выйдет?

— Работай, работай! Лос меньше! — прикрикнул на него Шофер. — Где — это? Ну, это! Хо-ро-шо! Готово? Нет? Почему?!.. Хорошо.

Вторая команда пришла, лениво волоча башмаки.

— Новенькие? — спросил по-немецки чернявый красавец цыган. — Кто такие? Может быть, они были из немецких цыган.

— Политические, — сказал Аптекарь.

Этого можно было и не говорить. Цыган сам это определил по красным треугольникам. Второй ухмыльнулся узкими губами и пошел в сарай за лошадьми.

— Запряги наших коней, — попросил Аптекарь.

— Папирсы?

Шофер вытащил из кармана жестяную коробку. Там было всякое. И лезвие, и

огрызок карандаша. В тряпочку были завернуты две папиросы. Отдал цыгану. Тот несколькими движениями закрепил пряжки и завязал узлы. Было похоже на фокус на праздничной ярмарке.

Потом они поехали за мусором в женский барак. На козлах сидел эсэсовец Вагнер, а друзья трусили за повозкой.

Потом забрали мусор из дома главного врача и дома заместителя начальника концлагеря. Вагнер несколько раз сказал «шнеллер!» и разок ударил Шофера по плечам, хотя в этом не было никакой необходимости. Нагрузив телегу выше краев, они направились к воротам лагеря. Часовой проверил документы Вагнера, потом по его голубенькой бумажке сверил нагрудные номера дружков. «Лос!»

Нагруженная повозка двигалась медленно, но с пригорка кони шли рысцой, и Шоферу с Аптекарем приходилось бежать. Теперь, за пределами лагеря, немец приказал им не следовать за повозкой, а идти-бежать впереди и не дай бог свернуть с колеи. Они слышали за спиной дыхание двух толстоногих артиллерийских коней, которые, кажется, вот-вот наступят им на пятки.

Впервые за все годы они увидели окрестности. Луга, ручеек, белизна ромашек, безлюдье, запахи влажной листвы, на которой отдыхали первые лучи светло-желтого солнца. Подъехали к посту, охраняющему подступы к лагерю. Постовой проверил документы рядового Вагнера. У рядового СС Вагнера были свои житейские осложнения. Он считал унижительным вот так восседать на козлах «мусорного танка», как именовали повозку его дружки. Он сам часто именовался «мусорбандфюрер», и эту кличку вскоре узнали и заключенные. Размахивать бичом на козлах, бесспорно, интереснее, чем хлопотать на фронте, но это не уменьшало меру унижения. Единственное, что могло подсластить горечь его существования, это те двое узников, которые бежали впереди его «мусор-танка», не в силах перечить ему, потому что он для них был рядовой Бог. Вагнер сплюнул раз и другой, пока постовой сверял по писульке нагрудные номера его «полосатых».

Вагнера бесило еще и то, что, зная его в лицо, всякий раз каждая шваль, зевая, требует от него показать документ. Ударил Шофера бичом, потому что с места сперва должны двигаться «полосатые», и только потом арденнские артиллерийские тягачи. «Но-о! Лос!»

Узники побежали рысцой.

— Как далеко... должна быть... свалка? Это Аптекарь спросил.

— Чем дальше он нас будет сопровождать, тем лучше...

Можно было бы взять башмаки в руки и потопать по прохладной земле босиком, но это узникам запрещалось. Деревянные башмаки натирали ноги, на шиколотках появились болячки и кровоточащие раны. Это была побочная форма истязания.

— Очень удачно идем на север,— еще сказал Шофер.

Далеко в стороне мелькнула ветряная мельница.

Мусорная свалка возникла внезапно, раскрываясь подобно гноящейся ране и обдала их запахами.

— Прекрасное место,— сказал Шофер.

Подвода съехала в глубь оврага, Шофер открыл боковую стенку повозки, и они стали лопатами сгребать с нее мусор.

— Ты подойди к нему,— процедил Шофер.

Аптекарь вздрогнул. Он все еще надеялся, что им что-нибудь, кто-нибудь да помешает. Высоко в небе кружили ансты.

— Для чего? — спросил.

— Шнеллер! Запрещаю болтать! — сказал рядовой СС Вагнер.

Он осматривал свалку, нагибаясь, чем-то интересовался. Извечная тяга человека к поискам и открытиям.

— Сделай так, чтоб он начал тебя колотить,— прошептал Шофер.

— Обязательно, чтоб колотить?.. А если он не станет драться? Не станет, и все?!

— Заставь его! Иначе мне к нему не подойти. Оскорби его... Скажи — фюрер дерьмо!

— Шнеллер, подонки вшивые!

У Вагнера на ремне висела огромная кобура парабеллума, а через плечо, стволom вниз, он держал карабин.

Аптекарь вытер об полу куртки руки и подошел к немцу.

— Послушай меня, мертвая голова! — сказал Аптекарь на чистейшем берлинском наречии и осекся. Он совсем не хотел сказать «мертвая», это выскочило само по себе.

Эсэсовец развернулся к нему.

— Что? — спросил.

Аптекарь молча сел на землю.

— Я устал,— сказал он.— Я голодный... Я больной... Не буду работать... Почему я должен на тебя ишачить? Не хочу!

Немец ударил его бичом, но стоял слишком близко, и удар не получился. Он попятился назад и ударил с размаху. Конец бича сбил очки Аптекаря, которые полетели вниз, в овраг.

— Свиная ты рожа! На ноги!

Собрал бич в руку и снова размахнулся.

— Не-ет! Не смей меня бить! — закричал во весь голос Аптекарь. Потеряв очки, он вдруг испугался, увидев весь свет и самого Вагнера в другом измерении.

Шофер ударом ноги в почки сбил немца на землю и вмазал ему по лбу ржавым утюгом жены главного врача лагеря.

— Не делай лишнего, — сказал Аптекарь, задыхаясь, и схватил его за руку, которой Шофер снова замахнулся.

— Я сам буду решать! — сказал Шофер.

— Оба будем решать! — поднял голос Аптекарь.

— Парень! — прикрикнул Шофер. — Раз уж мы собрались идти дальше — не надо начинать с ошибок! Понял?!

— Ты прав.

— Отпусти руку!

— Что ты хочешь делать, сумасшедший? Опомнись!

— Разве я тебя надул? Разве я тебя не вывел оттуда?

— О чем мы спорим? — Аптекарь отпустил его руку. — Ты еще не понял, что он мертв?

— Господи. — Шофер уронил утюг.

Забеспокоились кони. Жеребец заржал, задрав голову. На другом краю оврага появилась повозка с людьми.

— Вот так! — процедил Шофер. — Появились цыгане... Двое цыган и один эсэсовец.

— Я не вижу, — сказал Аптекарь. — Мои очки упали вниз... Считай, пропали.

Шофер снял с эсэсовца ремень с кобурой. Доставать из глубины свалки карабин не стал.

— Пойдем, — сказал. — В путь!

— А лошади?

— Мы можем идти только лесом...

С того края оврага немец-охранник окликнул Вагнера.

— Он зовет его, — сказал Аптекарь. — Он сейчас здесь появится... Раз Вагнер не отвечает.

— Не оставит же он цыган одних... У нас в запасе не меньше часа.

Они сбросили башмаки, по краю оврага поползли к дороге, свалились в канаву и, пригнувшись, засеяли к лесу.

Они шли быстро. Шофер ориентировался по стволам старых деревьев и выдерживал курс на север. Когда они останавливались передохнуть, Шофер собирал ягоды и добычу делил на две части.

— Мы должны подождать ночи, — говорил Аптекарь. — Давай найдем себе логово...

— Ночью без компаса мы закружим на месте... Таким образом к утру можно вернуться к воротам лагеря...

Аптекарь не спорил. Лес кончился, и они вышли к озеру. Было тихо и, казалось,

безлюдно. Потом они увидели трех купальщиц. Девы резвились в воде и переговаривались с кем-то на берегу. Из-за кустов показался человек в зеленой шляпе с ружьем на плече. Девки его приближение, видимо, не смутило.

— Егерь, — сказал Шофер. — Отступаем.

Аптекарь молчал. Одной рукой держался за рукав друга.

— Они говорят про какую-то свадьбу, — сказал Аптекарь. — Какая-то подружка подцепила железнодорожника...

— Хоть и триппер, — сказал Шофер.

За егерем на берегу появился фокстерьер. — Уходим, — повторил Шофер.

Они пошли, казалось, не касаясь земли. Однако вскоре послышался лай собаки и возглас егеря: «Ищи!».

Шофер остановился. Расстегнул кобуру парабеллума.

— Что-то надо решать, — сказал.

— Ты ведь уже решил. Уходим.

Они побежали. Было слышно тьяканье фокстерьера. Разок послышался голос егеря.

— Неужели он оставил купальщиц из-за сомнительной лисы? — ворчал Аптекарь.

Теперь они уперлись в поле. Шетинилась скошенная рожь. Босиком поле не перебежать. Они кинулись по проселочной дороге в обход. Впереди показался велосипедист. Он замешкался, увидев беглецов, и слез с велосипеда. Когда беглецы приблизились к нему, он посторонился, уступая им дорогу. Это был мальчик лет четырнадцати. На ремешке висел финский нож. Беглецы пробежали мимо него, и Аптекарь сказал: «Гутен морген!»

— Впереди лес! — сообщил Шофер годя.

— Хорошо.

По правую руку вдалеке была видна башня кирпичи.

— Как ты думаешь, который теперь час? — спросил Шофер.

— Мы опаздываем... куда-нибудь?

Беглецы упали на траву у первых же деревьев. Аптекарь уткнулся лицом в сочную траву и стал слизывать росу. Потом он влагой протер глаза. Посмотрел на Шофера. Спросил:

— Скажи, моя физиономия выглядит такой же напуганной и безнадежной, как и твоя?

Шофер сделал вид, что внимательно всматривается в него, потом покачал головой.

— Не могу сравнить. Потому как на тебе вообще нет лица...

Лежали, глубоко затягиваясь прохладным воздухом.

— ...И шапочки-«блина» на тебе нет.

— Она свалилась... На фиг она сдалась, правда?

— Подъем! — сказал Шофер.

— Подъем! — ответил Аптекарь.

Остались лежать.

— Ты знаешь, почему я спросил, который час?

— Ты хотел установить, где север?

— Я знаю, где север. Гляди, уже не такой ранний час, а людей не видно и не слышно... Это потому, что сегодня, вероятно, воскресенье! И свадьба потому сегодня!

— Правильное умозаключение. Сегодня воскресенье, потому что вчера была суббота. Если бы ты спросил меня, какой сегодня день, я тебе сказал бы: воскресенье, но ты вместо того, чтоб спросить, какой сегодня день, спрашиваешь: который час? Загадочная душа!

— Подъем.

— Подъем!

Остались лежать.

— Город Познань. Улица Венска... или Вонска, четыре.

— Что это?

— Магдалена Мицкевич. Молодая вдова.

Оба услышали шум тяжелого автомобиля. Поднялись и пробежали малость в глубь леса. Прильнули к деревьям. Увидели крытый грузовик. Грузовик подъехал к опушке и остановился. Из кузова стали выскакивать люди, потом выпрыгнули овчарки. Они были на пятиметровых поводках. Люди были при оружии, но в гражданской одежде. На одном юнце была каска парашютиста. Главным, пожалуй, здесь был егерь в зеленой шляпе.

— Кто там? — спросил Аптекарь.

— Народное ополчение. Фольксштурм. И овчарки. И егерь наш... Егерь собакам дает что-то нюхать. Тычет им в морду...

— Чем тычет?

Шофер скорей угадал, чем увидел, — вычислил.

— Твоей шапочкой. Чтоб навести псов на запах... Нужно что-то решать.

— Один раз мы уже решили. — Голос Аптекаря вдруг посуровел. — Уходим.

Побежали. Аптекарь бежал спокойно, не думая, где север и какую тропинку из двух возможных следует выбрать. Видел, скорее чувствовал, нежели видел, полосатую спину Шофера и следовал за ним, приговаривая: «Раз, два, три»... Далеко позади послышался лай овчарок. Сердце вдруг дрогнуло. Силы сразу поубавились.

— Слышишь? — спросил Аптекарь.

Дурацкий был вопрос, правда, никто ему и не ответил. Лай приближался.

— Шажок! Еще шажок, — приговаривал Аптекарь.

— Почему они... не спускают псов... с поводка? — спросил Шофер.

Аптекарь не знал.

Беглецы устали. Подбежали к ручейку и припали на колени. Попили ледяной воды, окунув лица в речку. Потом двинулись дальше, уступив место собакам. Фольксштурмисты, держа поводки накоротке, подождали, пока собаки напыются. Было пять собак и девять патриотов.

Беглецы задыхались. Аптекарь вдруг кинулся на землю и стал срывать с себя полосатую робу.

— Снимай с себя эту гадость!

Шофер, не возражая, проделал то же самое. Они сорвали с себя все. Все, что пахло потерянной шапочкой Аптекаря, и разбросали одежду по кустам орешника.

Когда овчарки настигли парящуюся в орешнике арестантскую одежду, они стали рвать ее клыками и тащили к ногам хозяев-преследователей. Фольксштурмисты гнали их вперед, били плетками, но псы скулили и кружили вокруг, показывая клыки, не понимая, чего от них хотят, и снова хватали еще теплые полосатые клочки материи, пахнущие страхом и кровью. Псов жестоко хлестали, но они упрямо улеглись на землю.

Тем временем беглецы израсходовали последние запасы страха и мужества и упали на колючий песок сосновой рощи. Лежали, не сопротивляясь покою, который вдруг окружил их.

По песку сосняка сновали жирные коричневые муравьи. Пахло чем-то давно забытым. Шофер медленно вертел головой, подставляя ухо то в одну, то в другую сторону, подобно охотничьей собаке или зайцу, вылавливая самые отдаленные звуки леса.

— Собак вроде нет, — сказал Шофер.

Аптекарь проворчал что-то невнятное, потом сказал шепотом:

— А куда они могли деться? Все время они были за спиной... Выходит, мы с тобой заблудились? — Аптекарь тихо хихикнул. Без охоты. Скорее, по привычке.

Потом Шоферу померещился шум моря и далекий крик чаек.

— Аптекарь! Ты слышишь? Море, — сказал Шофер.

Муравьи бежали по лицу Аптекаря, и он почувствовал, как от муравьиной щекотки по его телу прошел зуд, породив нечеткие воспоминания о каком-то огромном горящем муравейнике.

— Это не море, — прошептал Аптекарь, не открывая глаз. — Если ты вел нас на

север, не может здесь быть моря. По географии не может... Или как?

Шофер приподнялся на локтях и напрягся. Вроде было тихо. Трель незнакомой птицы, и только. А вроде и шум моря одновременно.

— Черт его знает, — сказал Шофер. — А может, немцы перекачали море с запада на север? Для порядка? Может так быть?

— Главное — не удивляться, — проворчал Аптекарь и еще глубже уткнулся в мох. — Не удивляться.

— Главное — не расслабляться, — сказал Шофер. — Раз, два — встали! И вперед! Ты слышишь?

— Я на воле, — заворчал Аптекарь. — Я не обязан никого слушаться...

— Оставайся, — сказал Шофер и пошел прочь, направляясь в сторону безликого гула, мягко ступая по толстому покрову пожелтевших сосновых иголок. На голом исхудавшем бедре смехотворно торчала черная кобура парабеллума.

— Не уходи, дурак, — говорил Аптекарь в мох. — Может быть, нет у человека больше силы?... Не уходи! — Потом он скомандовал себе по-немецки: — Свинья! Литовская свинья! Очкарик! Раз, два! Вперед!

Попробовал встать, но снова размяк. Услышал дятла где-то совсем рядом над головой и перевернулся на спину.

Шофер отошел метров на пятьдесят, поднялся на холм. Стал поджидать Аптекаря. Знал, что тот встанет и пойдет за ним. Куда он денется? Нагнулся и сорвал ягоду. Жевал ягоду, внимательно вслушиваясь в треклятый чужой лес. За спиной билось море. Сейчас это было яснее ясного. Не мотор же там пыхтит. Время шло, а Аптекарь не появлялся, и матерись сколько хочешь, а придется пойти по собственному следу назад.

На том месте, где он оставил Аптекаря, было пусто. Помятый мох и муравьи. Спрятался где-нибудь за деревом, не иначе. Это было похоже на Аптекаря. Шофер пошел по кругу, бесшумно ступая по песку, белеющему островками меж корнями старых сосен. Пошел в сторону моря, все ускоряя шаг. Потом стал бжегать. Услышал голос Аптекаря и его смех — раскатистый, заразительный. Потом услышал крик Аптекаря.

— Лейтенант! Ко мне! — слова были немецкие, но Шофер знал слова «ко мне», «дерьмо», «убью» и еще целый ряд слов, которые рано или поздно надобно будет выкоблить из памяти за их недостойность.

— Идиот! — задыхался Шофер, пробираясь сквозь орешник. — Чего замолк? Давай кричи, труби!..

Аптекарь и не думал замолкать.

— Лейтенант! Где ты? Во ду бист, цум тойфель?!
86

«Цум тойфель» Шофер тоже знал. Это было ласковое лагерное слово. Почти светское.

Желание заткнуть глотку приятелю было столь велико, что Шофер на скорости вырвался из кустарника и преодолел добрую половину лужайки, пока сообразил, что бежит, пожалуй, не в ту сторону.

Аптекарь торчал под ширококромной приземистой сосной, двумя ладонями прикрывая срам, а рядом с ним стоял солдат в железной каске с винтовкой на плече. Аптекарь мирно беседовал с ним и вдобавок ткнул солдата локтем в живот, после чего тот с удовольствием заржал.

Шофер утих посреди лужайки, и Аптекарь окликнул его по-немецки:

— Лейтенант, где вы запропастились? — Аптекарь позвал жестом: чтоб Шофер, не стесняясь, подошел поближе.

Немец был грузный, живым весом по меньшей мере пудов семь. Шофер двинулся к нему, чувствуя, что рассудок оставляет его, и в затылке забились мысль — безнадежная и нагая. Повалить этого слона и наступить пяткой на яблочко. Шофер пошел прямо на солдата, и Аптекарь испугался. Он заговорил, по слогам выжимая немецкие слова, которые Шофер должен был понимать:

— Бункер... дзот... видишь... Сол-да-ты...

Он показал рукой на подлесок. За заграждением из колючей проволоки ходили солдаты в касках. Дымилась полевая кухня. А на самой опушке леса чернела бетонная глыба. Солдат пригласил следовать за ним и повернулся к Шоферу спиной. Он повел их вдоль заграждения, и, когда они поднялись на холм, перед глазами засверкало море. Солдат еще что-то проворчал, откозырял Аптекарю и, тяжело пыхтя, поплелся обратно.

— Объяснишь? — шепнул Шофер.

— Что-о? — Было похоже, что Аптекарь сердится.

— Откуда у тебя этот дружок?

— Он лежал под деревом, и я наступил ему на слоновый живот.

— И что он сказал?

— Спросил, откуда я появился на территории укреплений...

— А ты что?

— Я сказал правду, — буркнул Аптекарь и начал было спускаться с дюны, но Шофер схватил за руку и задержал.

— Какую еще правду?

— Что я вздремнул в тенечке, а мой лучший друг оставил меня одного в лесу. И я заблудился... потому как я близорук. Правда тут одна... Разве не так оно было? Он почему-то подумал, что я офицер. Давай спустимся вниз, пока не появился еще кто-

нибудь более любопытный и более мнительный.

— Внизу немцы, — сказал Шофер. — Везде немцы, — буркнул Аптекарь и прищурился. — Я их не вижу, — сказал. — Тени какие-то... Подобны камням или бревнам.

Они побежали по склону дюны к морю. Аптекарь раза два взвизгнул, изображая неподдельный восторг от предстоящего купания. Они пробежали мимо трех голышей, которые крестом лежали на песке, разморенные солнцем, а может быть, и пивом, пустые бутылки от которого стояли выстроенные в аккуратный ряд вдоль так же аккуратно выставленных сапог и фуражек. У самого берега, ступая по влажному песку, прогуливался тощий человечек в черных трусах, в сдвинутой на макушку офицерской фуражке и не то палочкой, не то хлыстом почесывал себе спину.

— Кобуру брось, — зашипел Аптекарь.

Шофер беззвучно выматерился, на ходу расстегнул пряжку и сбросил ремень с кобурой на влажный песок, где лежала зеленая морская пена, отделяющая сухой пушистый песок от берега, омываемого находящей волной.

Они ринулись в море, не чувствуя, как холодная вода обжигает их ляжки, а потом и подбрюшины, одержимые одной лишь смелостью труса, которая заставляла их повернуться к опасности спиной. И они ушли с головой в воду.

Когда они наконец появились на поверхности, протерли глаза и снова взглянули на мир, перед ними возникла панорама берега. Огромная песчаная полоса извивалась вдоль дюн насколько охватывал взгляд. Примерно через каждый километр стояли сторожевые вышки, и поперек песчаной полосы торчали спирали колючей проволоки. Посреди интервалов между вышками чернели железобетонные дзоты. Везде было безлюдно, кроме вот этого места, куда их вывел охранник, наступить на которого имел счастье Аптекарь. На берегу и в подлеске над дюнами пеклись на солнце несколько десятков автомобилей и автобусов, стояли какие-то навесы и временки, покрытые маскировочными сетями, а по берегу, вплоть до следующей вышки, разгуливали, валялись на песке, резвились, орали, пели песни, играли в футбол мужчины — кто голый, кто в трусах ниже колен, кто босиком, но в галифе. Многие были в офицерских фуражках.

— Что там? — спросил Аптекарь.

— Одни офицеры...

Аптекарь ни черта не видел на таком расстоянии, даже сам берег ему казался туманом Млечного Пути. Шофер в общих словах пересказал ему, что видит. Аптекарь слушал

его без особого желания, время от времени нагибался, исчезал под водой, доставал со дна пригоршню песка и, продолжая слушать красочные описания жизни на берегу, скреб песком свою очерстевшую серую кожу.

— Думаешь, они здесь ночевать будут? — поинтересовался, словно из вежливости.

— Такому количеству здесь негде расквартироваться...

— Тогда скажи, ты думаешь, они все уедут или кто-нибудь все-таки останется?

— Откуда мне знать?! — крикнул Шофер. — Я здесь у них капо, что ли?!

— Не кричи, — сказал Аптекарь. — На воде всегда лучше слышно. — И снова нырнул на дно за песком.

Когда он вынырнул на божий свет, Шофер спросил:

— Ты сюда в баню пришел?! Брось ты этот песок.

Аптекарь бросил песок обратно в воду. Не сразу, правда.

— Бросил, — сказал. — Что я должен делать теперь?

— Я тоже это хотел бы знать. Раньше или позже надо будет выходить на берег... Мы здесь очоцением в течение часа.

Аптекарь прищурился, оглянулся и сказал:

— Если там все так, как ты красочно рассказал, то мы не продержимся на берегу и десяти минут.

Ветер принес звуки песни: «Я сегодня, кажется, влюбилась по-настоящему»...

— В лагере... в госпитале эту музыку крутил Убийца Арцт... Помнишь?

Оба удивились, что лагерь уже канул в небытие. И собаки. И свалка. Память отказывалась воссоздавать образы прошлого, будто сжигала их в крематории. Какое-то общее гадливое чувство, близкое к рвоте, завесой отделяло вот этот полдень от сегодняшнего утра.

— В лагере уже обед, не так ли? — почему-то сказал Аптекарь.

Шофер взглянул на солнце. Пожалуй, до обеда еще далеко.

— Мы в ловушке, — сказал потом Шофер. — Я втянул тебя в беду...

Аптекарь промерз. Кожа стала гусиной и все вздрагивала на его скелете.

— Никого ты не втянул... Мы оба здесь...

— Я не в счет, — сказал Шофер. — Я этого хотел. Признаюсь, все получилось даже красивее, чем можно было вообразить...

Несчастье приплыло на черной автомобильной камере. Оно было тучное, с носовым платком на голове, а спина и плечи Беды были в порослях рыжей шерсти. Глаза приветливые, близорукие и выглядели по-телячьи

большими под двумя стеклянными кирпичиками очков.

— Настоящее лето, верно?.. Меня зовут Мельдерс... Капитан администрации... У меня трехдневный отпуск... Как вас зовут, мальчишки?

Несчастье оказалось мужского пола и носило лицо добродушного идиота.

— Это прекрасно, что мы все собрались, — нашелся что сказать Аптекарь.

Шофер нырнул в набегающую волну, предоставив другу самостоятельно решить проблемы знакомства. Открыв глаза под водой, он увидел над собой черное пухлое колесо и пару коротких ног, которые почесывали одна другую, а само колесо то поднималось вверх и удалялось, то снова падало вниз. Шофер протянул руку и схватил капитана за ступню. Трудно было поверить, с какой быстротой и силой среагировала вторая нога, на вид такая мягкая и безвольная. Удар пришелся Шоферу по плечу, и он отпустил ступню капитана. Колесо поплыло в сторону и стало удаляться.

— Акула на меня напала, — взревел там, наверху, капитан и заржал, сотрясаясь от смеха. — Акула! Но, по-моему, я убил ее!.. Ха-ха! — казалось, он полжизни ждал этого случая посмеяться.

Аптекарь тихим смехом поддакнул ему и тревожно осматрелся, прекрасно сознавая, что на расстоянии больше десяти метров он не способен разглядеть не только акулу, но даже кита.

— Где мой приятель? — тоскливо крикнул.

— Он где-то подо мною! — хохотал капитан администрации Мельдерс. — Акула, вот кто этот ваш приятель! Хотел откусить мне ногу!

Потом капитан смущенно сморщился, притих и огляделся в поисках ныряльщика.

— А, может быть, я его больно ударил, — испугался и загреб ладошками, — и он потерял сознание? Клянусь, я не нарочно! Как же это? Ищите его! Чего вы стоите как истукан, право!

Шофер давно уже был на поверхности и держался за резиновую камеру за спиной немчуры. Дело, казалось, проще простого. Стащить толстяка с шины и самому засест на колесо. Никто на берегу и не пикнет.

— Я не умею плавать, — сказал Аптекарь. — И я близорук... Я не вижу.

— Сколько у вас?

— Минус шесть.

— У меня минус восемь. — Капитан погреб руками, и камера приблизилась к Аптекарю. — Теперь вы меня видите? — спросил. — Должны видеть!

— Не вижу, — сказал Аптекарь неправду, смутно руководствуясь здравой мыслью, что раз теперь уже все неправда, отвечать следует от обратного.

Он отлично видел рыжеволосого и до сих пор, на расстоянии тех четырех метров, что их разделяли, а теперь, когда толстяк повернулся на своем треклятом колесе на пол-оборота, он увидел и голову Шофера за его спиной.

Шофер показал знаком, что пора топить Беду. Аптекарь отрицательно покачал головой. Нет. Толстяк капитан почувствовал лишнюю тяжесть на своем челноке и резко развернулся. Увидел Шофера.

— Шутник Акула, добрый день! Можно я буду вас называть Акулой?

Шофер не подал ему руки. Глаза были полны ненависти и решимости.

— Я больно вас ударил? Как вас зовут, Акула?

Шофер снова ушел под воду, и толстяк поспешно подобрал под себя ноги. Спросил Аптекаря:

— Что с ним?

— Он немного болен, — сказал.

— Да-а-а... Это для нас не опасно? — хихикнул толстяк.

— Нет! — Аптекарь, в порыве страха и желания установить отношения, дотронулся до мягкой ступни капитана.

Тот лягнул его ногой, но не сильно, без охоты, скорее, по памяти прошлого прикосновения к ступне.

— Он был в настоящей переделке... Имеет награду, долго лечился, — говорил Аптекарь первые слова, что приходили на ум. — Его зовут Франк. Гельмут Франк. Он капитан немецкой (О, господи!) армии. Выступая перед строем, он вдруг надорвал голосовые связки... Должен в течение десяти дней не говорить и только полоскать горло йодом или морской водой... (Отлично!) Потому он ныряет. Полощет...

— Ни слова не говорить?! — капитан пришел в себя. — Ах, вот как? Подобный случай был с женой моего друга!

— С женой — это хорошо! — сказал Аптекарь. — Если твоя жена молчит целых десять дней?! Это «вундербар»! Мечтать только можно!

— Ха-ха-ха! — взревел толстяк. Казалось, камера под ним лопнула. — Хо-ро-шо!

— Притом, капитан Франк любит пошутить, это нельзя сбрасывать со счетов. Он из дворянского рода... У них свои правила!

— Вы оба шутники! — сказал, задыхаясь, капитан Мельдерс. Он устал смеяться.

Когда Шофер — капитан Франк всплыл на поверхность, он увидел трогательную церемонию обмена рукопожатиями. Капитан

Мельдерс погрозил Шоферу пальцем и произнес приветливо и шутливо:

— Вот он опять, Акула-Франк! — Потом он спросил Аптекаря: — Вы поговору здешний, из Восточной Пруссии?

— Этого не скроешь, — охотно согласился Аптекарь. — У вас отличный слух. Но учился я в Берлине. Я капитан медицинской службы Юлиус Эссер. Я очень рад приветствовать вас на нашей земле.

— Увидимся, — сказал капитан Мельдерс и с первой накатившей волной отправился к берегу. На прощанье помахал рукой Акуле-Франку.

— Он нас предаст, — сказал Акула-Франк. — Я могу догнать его и утопить.

— Уже не догонишь, — сказал Юлиус Эссер.

— Мне холодно, — пожаловался Акула-Франк по-русски капитану Юлиусу Эссеру. — Я не выдержу. Я не создан для вашего моря...

Губы его посинели, а зубы стучали, как испорченная пишущая машинка в канцелярии лагеря.

— Зимой мы десять часов выстояли бо-сиком на снегу, — сказал капитан Эссер, — перед виселицей, наряженной под рождественскую елку. Я не помню за что... В мужском бараке нашли женщину, что ли? И выжили... Не все. Но мы с тобой выжили...

— Это было в лагере... А теперь мы на свободе, — сказал Акула-Франк.

Там, на берегу, на месте, где они вбегали в воду, все также прогуливался тощий офицер в черных трусах и с тростью в руке. Волна сильнее накатилась на берег, и пена исподтишка достигла брошенного ремня с кобурой парабеллума. Офицер остановился и, зацепив тростью, поднял кобур с песка и отнес на несколько шагов от воды. Потом он вдруг рукой достал ремень и полюбопытствовал надписью, сделанной красными чернилами на внутренней стороне ремня: «Вагнер. СС.» Опустил на песок ремень с кобурой и не спеша полпелся вдоль берега. Его обогнал толстяк с камерой от автомобильного колеса под мышкой.

— Ви гейт эс? Настоящее лето, верно? — спросил толстяк.

Офицер в черных трусах ему не ответил. Толстяк бросил камеру рядом с аккуратно сложенной одеждой и повалился на песок.

В это время послышался гул моторов. Небо запрудили самолеты. Столько самолетов одновременно в 1944 году можно было увидеть только под небом Германии. Толстяк Мельдерс взглянул на небо, прикрыл лицо полостью сорочки и, повертев задом, зарылся в мягкий песок.

А там, в воде, мучились беглецы. Из-за шума ломающихся волн они последними на берегу услышали гул самолетов.

— Нам нужна совсем мелочь, — говорил Акула-Франк. — Одежда и автомобиль...

— Да.

— ...и документы!

— Я еще не отказался бы от свиной котлеты, — сказал Аптекарь.

Акула-Франк пробормотал что-то нецензурное и поднял глаза в небо.

— Взгляни! — крикнул.

Аптекарь взглянул.

— Не вижу, — сказал. — Слышу самолеты.

— Да-а-а-а! Бездна самолетов.

Стал считать: «...двадцать... тридцать... сорок пять...»

Аптекарь достал со дна горсть песка и, потирая грудь, побрел к берегу.

— Давай, — сказал. — Под шумок.

Акула шел за ним, запрокинув голову, и все считал: «...семьдесят... семьдесят девять... От, черт!»

На берегу запахом копченой рыбой и потом. Немцы стояли, задрав головы, ладонями прикрывали глаза от полуденного солнца и молчали. Нарастающий гул с высоты трех километров только сейчас дошел во всю свою мощь. Задрожали стекла окон какой-то времянки-барака.

— Возмездие, — вслух сказал Акула-Франк, когда они вышли на берег. Гул заглушил его слова, но Эссер понял его и дрожащей от холода рукой закрыл ему рот.

Они прошли мимо застывших игроков в мяч и стали пробираться в направлении дюн. Вел Акула-Франк. Шел смело, оглядываясь дерзким, другой сказал бы, наглым взглядом, вызывающим недоумение то одного, то другого немчур, которые случайно обращали на него внимание. Аптекарь Эссер резко дернул его за руку.

— Идиот, — шепнул Эссер. — Ты что? — Что «что»?

— Ты что им себя показываешь? Знаешь, на кого ты похож? Так в театре герои поднимаются на эшафот. Нас уже заметили. И брось пересчитывать самолеты.

— Прости, — шепнул Акула-Франк. — Если бы ты увидел небо, ты бы меня понял...

— Я слышу его, — сказал капитан Эссер.

Они кружили в поисках более или менее пустого места в дюнах и дрожали.

— Плохо, что ты не видишь, — шепнул Акула.

— Почему не вижу? Вижу. Только не на три километра, — сказал капитан Эссер. — Мы дрожим, это от холода?

— Мы малость заморзли, — сказал Акула. — И еще мы малость рабы... Скажи,

кто кроме тебя самого знает, что ты раб, хитрый раб, каждую минуту играющий на выживание?! Беглый раб... «Мы вольные». «Мы вольные». «Мы вольные»... Мы и слыхом не слыхали про крематорий!..

— Я видел эти печи,— сказал Эссер.— Я, в паре с тобой, чистил эти печи от пепла и остатков костей... Частенько я знал, чей это пепел...

— Ты усомнись — было ли это,— сказал Акула-Франк.— Ты близорук... Ты мог ошибиться.

По ребру дюны пробежал высокий тощий мужчина и обдал их песком. Ступал он длинным размеренным шагом. Был в черных носках и зеленых трусах. В руке пронес генеральскую фуражку. «Измена!» — повторял он через шаг. Может быть, так ему легче было бежать. По пятам за ним бежал юный лейтенант в полной форме, но без сапог.

Беглецы замерли в позе «руки по швам». Генерал размеренным оленьим шагом прискакал к проволочному заграждению. Прокричал что-то бездельничающим солдатам, но те лениво пожимали плечами, не тронутые ни его словами, ни его генеральской фуражкой. Наконец кто-то из солдат оказал милость и поплелся искать командира. Бомбардировщики уже таяли над южными горизонтами. За ними ушел и шлейф истребителей сопровождения. Появился офицер в каске. Это, видно, и был командир.

— Кто меня спрашивал?

— Я не спрашивал вас. Я вас позвал,— сказал генерал.— Дивизионный генерал Шпайер. Извольте отдать честь и представиться!

— Вас хватил солнечный удар? Или родом из Бремена? — невозмутимо спросил офицер.— Какое у вас ко мне дело?

— Пред-ставь-тесь! — процедил генерал. Он покраснел. Вокруг маячили офицеры, а там, за оградой, и солдаты. Все глядели и слушали, разинув рты.— Почему вы не стреляли? — спросил генерал, переводя дух.

— В кого? Во что?

— В самолеты! Над вашей головой, над землей вашей Германии летит эта... саранча, и вы не сделали ни одного выстрела?! Это измена!

— А вы стреляли? — спросил командир укреплений.— Нет? Значит, мы оба изменники? Идите. Искушайте. Отдохните. Нервы сейчас у всех никудышные.

Тот, кто назвал себя генералом, вытянулся в седую струну.

— Капитан, я незамедлительно хочу связаться с командующим береговой охраной. Чтоб сообщить ему...

— Посвисти в заднюю дудочку, дядя,—

сказал офицер и пошел.— У меня здесь не переговорный пункт!

Седой человек в черных носках и генеральской фуражке наконец потерял выдержку и бросил вдогонку слово, похожее на камень: «Изменник!»

Офицер, не поворачиваясь, ответил ему непристойным жестом. И уже далеко он на ходу снял с головы каску и открыл солнцу блестящий лысый череп.

Беглецы лежали на песке в пустынной ложбинке и стали по-немногу согреваться. Здесь не было ветра, солнце припекало по-летнему. Откуда-то пришли голоса. Поначалу невнятные и сумбурные, слова стали вырисовываться в образные картины. Один голос говорил про Крит. (Господи, когда это было!) «Крит — это было не просто... Взять с воздуха остров и истребить пять тысяч австралийчиков! Брехня все! Там были одни австралийчики. Кенгуру! Не было там англичан! Натурально, истребили кенгуру, а дальше что? Сами оказались в западне. Нас все забыли... Нужно видеть, что потом они с нами сделали! В какой газете было написано, что мы сдали Крит обратно? (Голос перешел на шепот.) А вы сами-то знаете, что мы отдали Крит без боя?»

Одновременно с подветренной стороны другой голос тихо и размеренно вещал:

— Кровь нужна для фронта. Это все понимают. Мне сказали, что в каких-то колониях у детей берут кровь. Всю кровь. И дети помирают... Я понимаю, что это нужно для победы. Когда ты проливаешь кровь, ты должен получить взамен свежую. Но Клаус мне рассказывал, что детская кровь идет в Берлин, к престарелым генералам... для омоложения! И для партийных бонз...

Голос притих. Было похоже, что кто-то его прервал. Акула-Франк сквозь слепящий солнечный луч увидел, как из-за бугорка поднялась голова в армейской фуражке и сразу же скрылась. Акула-Франк лениво привстал. Увидел спины трех уходящих офицеров. Один из них оглянулся, увидел Акулу, и после этого троица ускорила шаг.

— Хорошо...— сказал Аптекарь, зарываясь в песок.— Тебе хорошо?

Теперь Акула ладонью прикрыл его рот. «Да»,— кивнул Аптекарь. И заговорил по-немецки. Акула понимал через десятое слово. Небеса, счастье. Солдат фюрера. Победа. Тотальная победа...

— Нужно что-то решать,— шепнул Акула-Франк.

— Мы решили,— шепотом ответил Аптекарь.— Уходим. Немного полежим и уйдем.

Аптекарь приоткрыл веки и увидел, как Акула встал на четвереньки и полез на кручу дюны.

Акула массировал себе шею и изредка покашливал. Народ, немецкий народ, вокруг жил своей жизнью. Загорали. Пели. Пили пиво. Наткнулся на женщину, которая несла букетик ромашек. Женщина улыбнулась и смущенно отвернула свой взор к морю.

Акула-Франк нашел наконец, что искал. На дюне сохли три беспризорных полотенца. Так или иначе, нужно было начинать жить.

Мимо него пробежал генерал-олень в сопровождении юнца.

— ...Наглец будет поставлен на подобающее ему место,— без тени сомнения сквозь одышку говорил генерал.— Его место — штрафная рота!

Акула-Франк почтительно вытянулся, направив навстречу генералу все свое обаяние и почтительность.

— Как отдыхаете? — пробегая, спросил генерал, приятно пораженный почтением, потому что после встречи с командиром-изменником ему казалось, во всей армии — от Запада и до Востока — потеряно понятие долга перед Родиной.— Отдыхайте! — сказал и помчался.

Акула прихватил пальцами ног одно полотенце, потом второе и сбросил их вниз, к Аптекарю.

Капитан Мельдерс манипулировал своей надувной автомобильной камерой и разговаривал с парикмахером.

— Откуда у них столько самолетов? — спросил парикмахер.

— У кого — у них? — переспросил капитан Мельдерс.

Парикмахер был в белом халате, стоял босиком и глядел на осиротевшее небо. Капитан Мельдерс увидел вдруг Акулу и Эссера, которые намеревались незаметно прошмыгнуть мимо.

— Шпасмахеры! Шутники! — крикнул Мельдерс.— Вы снова в море?!

— Я тебе говорил, его нужно было утопить,— шепнул Акула.

Аптекарь подвел его к Мельдерсу и к человеку в белом халате. Пройти мимо было нельзя.

— Капитану все хуже и хуже,— сказал Аптекарь-Эссер.

— Да,— кивнул парикмахер.— У всех теперь что-нибудь не так... У каждого...

— Нет у вас аптечки? — спросил Аптекарь-Эссер парикмахера.— Нужен йод и бинт.

Они вошли под навес. Парикмахер достал с полки аптечку и подал Аптекарю.

— Побреемся? Пострижемся?

— Садитесь,— пригласил парикмахер Акулу-Франка.

Стал намыливать лицо, грустно поглядывая в небо.

— Откуда у них столько самолетов? — снова повторил парикмахер навязчивый вопрос.

— У кого у них? — вмешался Аптекарь-Эссер.— Каких самолетов?

— Вы не видели?

— Что? — лицо капитана Эссера стало суровым.— Что именно?

Парикмахер отвел взгляд на Акулу. Пальцем снял пену с его губ и спросил:

— Вы тоже не видели? Нет?

Акула не уловил нюансов разговора. Он закрыл глаза и расслабился. Парикмахер взглянул в сторону юга, куда удалился гул самолетов.

— Я понимаю, что мое дело брить... Но у меня там дочка. И внучка. И сад. И могилы моего деда и бабушки...

Капитан Эссер потрошил аптечку. Достал бинт и йод. Из разных коробочек вытряхивал на ладонь разноцветные горошины и глотал без разбору.

— Герр капитан, ведь у них совсем не было самолетов! И вдруг полное небо... словно ангелов!

— Война, мой уважаемый,— снова вклинился Эссер.— На войне возможны самые невероятные вещи.

— Майн гот, если ты есть на небесах,— шептал парикмахер,— мою дочь и мою внучку...

Он как истый нордиец не мог сразу думать о двух разных вещах.

Он покончил с бритьем и стал машинкой подстригать Акулу.

— У вас совсем седая макушка,— сказал парикмахер.— Волосы короткие, поначалу и не видно.

Акула кивнул. «Да».

— Одеколон?

Кивок.

К навесу подошел человек с хлыстом в руке. В другой руке он держал ремень с черной кобурой парабеллума.

— Герр Вагнер! — кликнул.

Никто не отреагировал.

— Герр Вагнер,— повторил человек с хлыстом.

Трое под навесом взглянули на него, но снова промолчали. Капитан Эссер резал марлевый бинт и мочил йодом. Человек с хлыстом стоял слитком далеко, чтоб близорукий мог рассмотреть, что именно тот принес в качестве сюрприза.

— Что вы хотели бы? — спросил парикмахер.

— Постричься, — ухмыльнулся человек с хлыстом и вошел под навес.

Акула-Франк видел его в отражении зеркала, видел ремень и кобуру. Почему «Вагнер»? Вагнер — имя «мусор-фюрера», там, в лагере смерти и трудового перевоспитания. Акула-Франк присвистнул и встал с кресла. Пошел к человеку с хлыстом и протянул руку за кобурой.

— Как вас зовут, если не секрет? — спросил человек с хлыстом.

Аптекарь с опозданием подключился к событиям.

— Тампоны готовы! — бодро проскандировал он и сжал локти Акулы-Франка. — Давай займемся медициной.

— Как вас зовут? — повторил человек с хлыстом.

Акула-Франк помассировал ладонью горло и, изобразив на лице нестерпимую боль, выдал:

— Ва-ах-нер.

— Правильно, — обрадовался человек с хлыстом. Подал ему ремень и спросил: — Признайтесь, вы и позабыли, где оставили эту штуковину?

«Нет».

— Но ведь волны могли унести это в море?

«Нет».

— Как это — нет?.. Знаете, был такой случай...

«Да», — кивнул Акула-Франк-Вагнер.

Аптекарь наложил ему на шею смоченные йодом куски марли и туго обвязал бинтом.

— ...И каждый час вы должны основательно полоскать горло морской водой, — сказал он, мимикой изображая, как это нужно делать «гуль-гуль-гуль». — Идите отсюда, Вагнер-Франк-Акула!

— Вы не хотите выслушать аналогичный случай, как море засосало грузовик с пушкой на прицепе? — спросил человек с хлыстом.

«Нет».

— Это забавно... Здесь на берегу есть человек, который видел своими глазами. «Нет». Вагнер, выходя из-под навеса, споткнулся на пороге и упал.

Падая от неожиданной боли в ступне, он вдруг выругался. Выругался по-русски. Сочным голосом произнес свое «едрена вошь!» И упал на четвереньки в песок. Так и остался стоять, боясь шелохнуться. Видел перед собой в песке кобуру с револьвером. А там, за спиной, была тишина. Вагнер вслух застонал. Это было вроде отвлекающего маневра. Потом он сделал вторую ошибку, которую так и не осознал.

Выпрямляясь, сказал с выдохом «ма-а-ма» полный гордой уверенности, что на всех языках это слово обозначает то же самое. Чего он молчит, едрена вошь, этот Аптекарь? Он должен подсказать. Нет ведь у Акулы-Франка на спине глаз. Или они там ничего не услышали? Он снова застонал, призывая Аптекаря к какому-либо действию, к ясности. Наконец! Услышал смех. Смеялся капитан Эссер. Сквозь игривый смех «го-го-го» Акула уловил дважды повторенное Аптекарем слово «эдрэнос». Потом Аптекарь затараторил по-немецки, и Акула мельком взглянул в сторону навеса. Капитан Эссер сажился в кресло перед зеркальцем, и парикмахер завязывал на нем салфеточку. Человек с хлыстом, глядя на него, на Акулу, с насмешливой улыбкой сказал: — Эдрэнос фос мама!.. У вас какой-то фатально невезучий день сегодня, правда? «Нет». Вагнер ушел в сторону дюн. Увидел на пути капитана Мельдерса, сидящего на автомобильной камере. Не стал обходить. После «эдрэнос фос» толстячок казался мелочью.

— Господин Акула, вы не проголодались?

«Нет».

— Вы сердчаете на меня? За что?

«Да».

А там, под навесом, Аптекарь глядел на собственное отражение в зеркале и чувствовал, что теряет сознание. Человек с хлыстом собирал аптечку и время от времени почесывал себе спину.

— Как долго он служил в Греции?

— Вагнер? Года два... Потом он брал Крит.

— Разве?

— В любом случае он там служил. По-гречески он матерится превосходно. Бравый солдат.

— Что по-гречески значит... то, что он сказал?

Голова кружилась. Чувствовал, что теряет способность и желание сопротивляться. Заставил себя хихикнуть.

— Вы знаете что такое... вошь?

— Да. Да-да! И что?

— Вот... когда вошь беременна, — сказал капитан Эссер и снова захихикал, подмигивая парикмахеру, — тогда... хо-хо-хо!

Человек с хлыстом тоже засмеялся.

— Что тогда?

— Хо-хо-хо-о-о!

— Понимаю!..

— Что «понимаю»?!

— И я понимаю, — сквозь слезы сказал парикмахер.

— Хо-о... Что именно понимаешь?!

Почувствовал боль в груди. Силы оставили его, и Аптекарь свалился на досчатый пол.

— Эдрэнос фос! — захохотал с новой силой человек с хлыстом.

Вдоль подлеска шел генерал-олень в сопровождении майора и юнца лейтенанта. Генерал был во всей красе. С рыцарским крестом под воротничком.

Однако у входа на территорию укрепления ему пришлось подождать, пока из бетонированного дзота не появился лысый череп командира. Генерал вел себя с достоинством. Не торопил событий. Штрафная рота, пожалуй, была его целью. Штрафная рота, куда он отправит наглеца и изменника. Командир надел каску. Отдал честь. Представился.

— Капитан Хейдель.

— Я хочу связаться со штабом командующего береговой охраной.

Командир снова отковырял.

— Прошу, генерал, заходите.

Однако жестом он остановил сопровождавших генерала офицеров.

— Там очень мало воздуха,— сказал лысый и повел генерала в машину связи.

Лесная дорога выходила прямо на опушку и убегала вдоль берега. Колея была утрамбована камнями и битым кирпичом. Наверное, при строительстве укреплений по этой дороге возили материалы, а теперь подвозят снаряды и прочее необходимое. Среди карликовых сосен виднелось несколько палаток. Вился дымок полевой кухни. Десятка три автомобилей стояли в тени низких ветвей. Дальше торчал автобус, а за ним — машина службы «пропаганды и морального воздействия». Это отсюда, из двух дюралюминиевых репродукторов, гремел марш. Из открытой задней двери машины был слышен звон стаканов, одновременные хмельные скороговорки и женский восторженный смех. На боковой подножке сохли мужские купальники. Мимо этого Акула пройти не смог. Повесил ремень с кобурой на шею, натянул на себя купальник, потом поверх надел еще один и снова перевязался полотенцем. Результат лагерной закалки, когда ты, на виду у полудюжины надзирателей, капо и блокеров, должен подобрать с земли подкинутую тебе горящую папиросу и спрятать ее во рту, да так чтоб не проглотить со страху и не смочить чрезмерно, и чтоб было видно, что ты жив и что-то делаешь — трудисься. Или при уборке огородов живодерапомещика закинуть пять, а то и десять картофеля в рукав, а потом, незаметно поднимая руку вверх, мускулами плеча и живота те спасительные картофелины от-

править под рубашкой за пазуху. Без этого умения — смерть скоростная. Так и умирали узники, не успевая приспособиться, тысячами и десятками тысяч. В иных случаях и без особой помощи палачей. Фрайтод! «Смерть по собственному желанию» — записывалось в книгу учета.

Не спеша ступал Акула по колючей траве, с самым скучающим видом, какой только мог из себя выжать. Обошел весь ряд легковых автомашин. Некоторые были заперты и пустые. Другие открыты, и там лежали аккуратно сложенные офицерские мундиры и оружие. В двух машинах занимались любовью. Ситуация прояснилась. Теперь нужно было решать в корне — брать любую машину и пробиваться силой или притаиться и выждать. Или, ничего не ожидая, уходить отсюда незаметно. Только голым далеко не уйдешь.

Из бункера вышел генерал в сопровождении командира. Генерал светился чувством исполненного долга. Он спросил звонким голосом:

— Офицер! Однозначно ли мы с вами поняли приказ командующего береговой охраной?

Командир взглянул на небо. Собирались облака.

— Офицер! Однозначно ли...

— Да, генерал.

— При появлении вражеских самолетов...

— Да, генерал. Я открою ураганный огонь из двух малокалиберных зенитных пушек и всего личного оружия. Винтовок, пистолетов, ракетниц... Вы получите удовольствие, генерал.

— Я его уже имею,— сжал сухие губы. Спросил: — У вас всего две малокалиберки?

— Да, генерал.

— Неважно, в конечном счете. Я не прошу сбивать их самолеты пачками. Сбивать их будут... там где положено. Вы... мы... вы должны показать этим... сотне или двумстам немецким офицерам, которые на берегу, которым еще воевать и воевать, что немецкий солдат, немецкий народ, немецкое оружие живы, как и вчера, как во веки веков!

— Как вчера, так во веки веков, генерал. Вы будете удовлетворены.

Командир открыл калитку, пропустил генерала и козырнул. Генерал со свитой ушли.

Капитан отвел душу десятиэтажным саксонским ругательством.

В репродукторах марш Вагнера сменился бархатным бельканто Беньямино Джильи.

В тени между машинами появилось несколько танцующих пар. Валькирии были одеты в длинные халаты, на головах — шелковые косынки, повязанные узлом поверх лба, а молодые готические боги были кто в чем: в галифе и хромовых сапогах, босые и в майках, в подтяжках на голых плечах, в фуражках.

Генерал-олень вернулся к своей палатке и, не раздеваясь, уселся на складном стуле в тени маскировочной сети, которая бросала на его лицо зыбкий зеленый орнамент. Смотрел в море. На линии горизонта шел корабль. Юнец-адъютант подал генералу бинокль, а сам прищурился и направил ястребиный взгляд в морскую даль.

— Прикажете стрелять по кораблю, мой генерал?

Генерал прикусил губу.

— Я не вижу на посудине флага.

— Я тоже... не вижу.

— Давай отдыхать,— сказал.— Мы свое сделали.

Рядом со стулом стоял поднос. На нем в серебряной рюмке парился коньяк. На тарелке лежали два яблока: красное и зеленое. И рядом нож для фруктов. Юнец пополнил рюмку генерала и тихо сказал:

— Приехал... Тот, о котором наемни рассказывала ваша племянница.

— Не помню. Кто именно? — Генерал созерцал чаек в небе.

— *Людоед*, мой генерал.

— Перестаньте, Фридрих.

— Он самый,— сказал юнец Фридрих.— Тот, который свою псарню кормит человеческим мясом. Ваша племянница думает, что живым мясом...

— Прекратите! Бред какой-то.

Из красного «мерседеса» вышел стройный мужчина лет сорока. В черной форме. Осанка его была безупречной. Лицо красивое и холодное, как это море. За ним, не спеша, из задних дверей явились два мраморных дога. Тот, которого назвали «людоедом», прицепил к ошейникам длинные металлические поводки. Потом из машины вышла молодая женщина. Очень молодая.

— Прикройте меня от него,— буркнул генерал юнцу, и тот заслонил его своим хрупким телом.— Кормит человеческим мясом?! Чушь! Мифы древнего Рима. Наша племянница изволит... опасно шутить.

Человек-«людоед» и оба дога вышли на край дюны и встали таким образом, что если б генералу захотелось посмотреть на море или прострелять по кораблям, они непременно должны были бы ему мешать. В бинокль глаза дога показались оваль-

ными, и в них отражалось все и вся. Генерал кинул бинокль наземь.

Для человека-«людоеда», оказалось, была подготовлена палатка. Эссовец-денщик достал из «мерседеса» саквояж и еще какой-то короткий ящик и отнес в палатку. Туда же отправилась и женщина. Через минуту она появилась под солнцем в черно-желто-красном купальнике с бантом ниже спины. Пришла и встала на дюну рядом с догами, окончательно закрыв для генерала-патриота вид на море. «Людоед» в руке держал кость. Длинную, размером с человеческую бедренную...

...Акула сидел у сосны и наблюдал. От полевой кухни доходил нестерпимый запах горячей пищи. Казалось, что вокруг все больше становилось хмельных. Главное, однако, были автомобили, и он наблюдал за жизнью каждой машины. Некоторых хозяев и водителей он уже знал в лицо. Другие сидели в машинах все время, уставив одинаковые хмельные взгляды в никуда.

Аптекаря вывели на воздух, и он лег в тени навеса на колючую траву. Толстяк Мельдерс присел рядышком и сказал:

— Ну чего вы пугаете нас? Сердце шалит?

Аптекарь молчал. Он решил больше не разговаривать. «Эдрэнос фос».

— Слабость, она может быть и от солнца. Вы вчера не перебрали немного вина? Или любви, ха-ха-ха? Нет?

— У каждого что-нибудь,— сказал парикмахер и подержал Аптекаря-Эссера за пульс.— Пусть отдохнет.

Потом он спросил человека с хлыстом.

— Вы будете бриться?

Они ушли. Толстяк Мельдерс остался сидеть у ног Аптекаря-Эссера.

— Держите себя в руках,— сказал.— Не подавайтесь слабости.

Аптекарь услышал гул. Потом почувствовал, как под ним вздрогнула земля. Сразу понял, что гул этот от взрыва тысячи бомб, которые там, далеко, обрушились с небес на прусскую землю.

Толстяк Мельдерс забеспокоился. Не мог понять, откуда появилось у него чувство тревоги.

— Вы что-нибудь чувствуете, Эссер? — воскликнул толстяк.

Аптекарь молчал. Вдруг к нему снизошел покой. Прекрасно.

— Мой боже!.. Вы слышите!? Земля дрожит... Это бомбежка. Это те, которые пролетели... Будь они прокляты! — это Мельдерс прокричал.

Аптекарь открыл глаза и посмотрел на Мельдερса. Не хотел упустить этот миг отчаянья и страха.

Мельдερс вдруг сказал:

— У меня есть кофе и бутерброд. Могу угостить?

Аптекарь почувствовал физическую боль от одного только напоминания о еде. Толстяк капитан ушел, бросив черную автомобильную камеру, которая на желтой траве походила на воронку. Прекрасно, думал Аптекарь. Черт побери, ведь существуют люди, которые каждый второй день вот так живут. «Прекрасно,— шепнул по-литовски.— Господи, спасибо тебе».

Генерал СС, тот, которого за глаза звали «людоедом», бросил с высоты дюны бедренную кость, и та, пролетев над Аптекарем, ударилась об автомобильную камеру. Дог, что был повыше ростом, мощными прыжками спикировал с дюны и обдал песком лицо Аптекаря.

Капитан Мельдερс на пути к кофе и бутерброду встретил приятеля, тощего голого человека с фуражкой вермахта, сбитой на костлявую макушку. Мельдερс схватил его за руку и спросил:

— Вы слышите, капитан-доктор?

— Что?

— Вслушайтесь.

Шум моря. Танго из фильма «Ла хаба-нера». Хмельной хохот издалека.

— Я вслушался,— сказал тощий.— А дальше что?

— Вы и правда ничего не слышите?

— Что именно?

Над их головами, над обрывом стоял дог с костью в пасти. Правда, на миг гул будто бы прекратился. Или его вообще не было? Мельдερс сказал:

— Капитан-доктор, тут у одного бравого человека нелады с сердцем.

Акула по-прежнему торчал на неприметном месте под соснами. Услышал раскаты далекого грома и напрягся. Потом приложил ухо к земле. Казалось, там, в глубине, что-то неистовствовало, старалось разорвать земную кору и вырваться на поверхность.

В сером «оппеле» тихо позванивало приоткрытое стекло дверцы. На заднем сидении яростно целовались. Скорее всего, там были мужчина и женщина.

Мимо Акулы протопал молодой летчик, пьяный в стельку. В руках у него бряцала связка ключей. Он подошел к автомобилю и долго не мог попасть ключом в замок. Закачался и ухватился за ручку дверцы. Незапертая, видимо, дверца распахнулась, и бравый летчик грохнулся на землю.

Акула не торопился. Ни на миг не забы-

вал, что он без языка, то есть, что у него сорваны голосовые связки. Однако следом за лейтенантом никто не явился, никто не обратил внимания на его злоключение с дверцей машины. Акула подошел к юному асу небес и потрогал его за плечо. Тот отмахнулся, словно от мухи. «Шляфен»,— заворчал.— «Дай я поплюю».

— Гут,— сказал Акула-Франк.

Разжал его ладонь и взял связку ключей. Потом рывком поднял летчика на ноги и повел его в лес. «Шляфен — имер эст гут»,— повторял Акула. Лагерная жизнь оставила и кое-какие филологические навыки.

Акула волок жаждущего поспать сквозь кустарники и поляны, пока за спиной не угас шум прибрежного веселья. Осторожно положил ношу на землю. Вырвал несколько клочков мха и положил спящему под затылок. Тот улыбался. Сны видел. Здесь, в тишине леса, гром далекой бомбежки был похож на музыку оркестра со многими ударными. Гром-музыка и трели кузнечиков на солнышке. «Шляфен!». Возвращаясь, Акула наткнулся на пару, лежащую на островке белого песка. Потом увидел одинокую девицу в купальном костюме, собирающую желтые невзрачные цветы, названия которых он не знал. На женщине была мужская черная фуражка СС.

Генерал смотрел на небо и море. Видел «людоеда», который подобно черному памятнику возвышался над скучным бесцветным морем.

— Чего он сюда приехал? — сказал генерал и откусил от красного яблока.— Стоять подобно истукану? Или он замышляет десант в Швецию?

Юный лейтенант рассматривал «людоеда» в бинокль. Видел шрам и прыщи на правой его щеке. Шерстью поросшую руку и желтую бедренную кость, зажатую в кулаке.

— «Людоеда» имеете в виду?

— Не называй его так,— сказал генерал.

— Кого? «Людоеда»?..

— Фридрих! Цум тойфель!

— Простите, мой генерал. А как его называть?

— Говори: «Оно».

— Это не будет справедливо. Он приехал с красавицей-лягушкой. Она не выходит из воды...

— Разве у него в имени нет своего моря?

— Мой генерал, вот это море и есть от его имени. Мы все у него в гостях в это воскресенье.

Они злословили вполголоса метрах в пятидесяти от истукана, но «людоед» вдруг повернулся к ним лицом, и лейтенант

испугался, увидев в бинокль его взор, полный ненависти и презрения, брошенный в их сторону. Лейтенант опустил бинокль.

— «Оно» могло нас услышать? — спросил генерал и, не глядя, нащупал на подносе рюмочку.

— Нет.

Рюмка оказалась пустой.

— Ты слышишь что-нибудь? — спросил генерал.

— Да... вибрирует земля под ногами.

— Там в огне и дыму пылают Пруссия... Колыбель Германии... Стратегия любой войны состоит в том, чтоб воевать на чужой территории, Фридрих!

— Да, генерал.

— Война будет бесконечно долгой... Может быть, вечной.

— Да, ген...

— И мы победим.

— Хайль Гитлер! — подтянулся лейтенант.

Генерал сморщился. Яблоко было кислое. Лето нынешнее было дождливое. Мало солнца.

— Хайль!

— У «Оно» в руке кость, что он бросает псам, — сказал лейтенант. — Это настоящая человеческая кость, генерал.

— Заткнись, идиот! — шепнул генерал.

— Еще одно слово, генерал... Ваша племянница говорила...

— Да ну ее к черту!

— ...что псарню он кормит исключительно русскими пленными.

«Людоед» повернулся лицом к палатке генерала во второй раз. Кинул кость, которая упала на полпути к палатке. Дог не спеша, шагом, пошел к кости.

— Нашу племянницу... Мою племянницу высечь бы вот этой костью, — едва слышно сказал генерал.

Дог достал кость и тоже взглянул на генерала. Дог-людоед.

— Эту кость трудно будет отнять у них, мой генерал, — сказал лейтенант.

— Другую достанем!

...Красавица-«лягушка», мокрая, холодная и счастливая, стояла у палатки «людоеда». Мимо прошел Акула-Франк. В желтых трусах поверх трусов зеленых. С полотенцем на плечах. В руке держал ремень с кобурой. На указательном пальце другой руки бряцала связка ключей. Красавица-«лягушка» на миг задержала на нем свой скользкий взгляд. Акула повернулся, и она увидела его глаза. Лягушка ежилась от холода, дрожа после чрезмерно долгого купания. Она уловила чужое. Суть чужую. Чужое тело. Не поняла — почему чужое? Хотела позвать его, но Акула ушел.

...На лужайке под далекий гром и «Лабанеру» танцевали с упоением. Среди хмельных начали появляться изуродованные войной красавцы. Кто без руки, кто без ноги, с протезом.

Акула-Вагнер хотел обойти их сторонкой, но вдруг навстречу ему вышла белокурая девица в купальнике с фуражкой СС, вскинутой на затылок, и букетом желтых цветов в руке.

— Потанцуй меня, — сказала женщина.

«Нет».

Она ударила его букетом по щеке. Не зло. Заигрывая. Была пьяная. Акула обнял ее на манер курсанта ленинградского морского офицерского училища и повел ее по лужайке, окунаясь в гущу потных и молчаливых тел.

— Тебе делали операцию? — спросила женщина, показывая на перебинтованную шею. — Было больно?

«Да».

Она засмеялась.

— Я красивая? «Шень?»

«Да».

— Дурак! Никогда красивой женщине не говори, что она красивая. Говори, что она умная... Или что у нее «сексэпил». Понял?

«Нет». Он правда не понял.

— Ты не говоришь? Не хочешь?

Он не ответил. Она нахлобучила ему на голову черную фуражку. Потом дернула за козырек вниз, и он перестал видеть ее лицо. Только плечи и груди. Их толкали со всех сторон. Акула наступил девице на ногу.

— Где ты учился танцевать, верблюд? — спросила. — Извинись хотя бы!

«Нет».

— Что «нет»?.. — Она ткнула его букетом в лицо. Потом сказала: — Удивительное воскресенье!.. Пойдем погулять, на фиг эти танцы! — язык у нее начал заплетаться.

«Нет».

Она ударила его букетом по лицу и ушла, оставив его стоять посреди лужайки. Кто-то заржал. На обочине стоял «Эдрэнос фос» с хлыстом под мышкой и прямо из горлышка опустошал бутылку пива.

— Вагнер! Хош пива?! Эдрэнос бир!

Выходя из круга, Акула наткнулся на дога, пса-людоеда. Дог смотрел на него, на Славу-Сашу, и, казалось, спрашивал его: «кто ты?» Пошел вон!

...Капитан Хейдель, лысый командир береговой охраны, в бинокль рассматривал небо.

— Саранча возвращается, — сказал.

В небе, с юга на северо-восток пошли самолеты.

— Тревога! — зарычал Лысый. — Будем изображать! По местам! Зениточки — к бою! Личное оружие — на руки!

Лейтенант и три фельдфебеля надели каски. Повторили команду солдатам. «Тревога!» Забили в гонг. В огромную ржавую сковородку.

Акула-Вагнер подошел к полевой кухне. Здесь пищу варили в казарменном котле, поставленном на три камня, меж которых горели дрова. Стояла очередь — человек двадцать с алюминиевыми мисками в руках. Акула без особых усилий вне очереди добыл миску гороховой каши, начиненной мелкими кусками копченого мяса. Отнес миску в сторону, положил на траву, вернулся к котлу и стал хлопотать о второй миске.

Вдруг понял, что не знает языка, на котором говорили люди, желающие гороховой каши. Они говорили не по-немецки. Акула не знал немецкого, но он его *ощущал*, он хоть во сне отличил бы эти треклятые звуки от десятка других языков. Но эти люди, облаченные в немецкую военную форму, говорили на *чужом*, не на лагерном языке. Потом он увидел отличительные шитки на рукавах. Трехцветные полоски и надпись по-ихнему «БЕЛГИЕ». А у некоторых была другая трехцветка и «ЭСПАНИЯ». Подошел мраморный дог и устоялся на Акулу. Пошел вон! Дог даже не моргнул. Понюхал бедро Акулы. Остался стоять. Пошел вон! Дог промолчал.

Повар-раздатчик не медля отдал предпочтение худому молодцу с перевязанной шеей и черной фуражкой «СС», и Акула получил вторую миску. Бельгийцы-испанцы с пониманием отнеслись к его бесцеремонности, и Акула с двумя мисками жратвы поплелся искать Аптекаря-Эссера. Про ложки он не подумал. Ложки были давно — в *той* еще жизни. Была жизнь, когда по воскресеньям ездили в Петродворец слушать музыку или собирались на Мойке, на квартире дяди, маминою брата, и девицы до полуночи захлеб декламировали стихи. Тогда, помнится, эти воскресенья некоторым казались скучными, какими-то бесплотными, и парни ждали часа, когда все расхотелись парами и в душевной ночи у разных подъездов впивались друг в друга алчными невинными губами.

Там, за колючей проволокой, забили в гонг. Самолетов еще не было слышно. Только юный лейтенант, адъютант генерала-патриота, увидел их в бинокль.

— Мой генерал, — сказал он, — они возвращаются.

— Ну, ну... — сказал генерал. — Жаль, мы не сообразили подсчитать их, когда они шли туда. Интересно было бы знать, насколько их стало меньше.

Прошел Акула с мисками в руках. Кончилась «Ла хабанера», и ее сменил голос Марики Рокк, поющий, что «человек ночью, как никогда, чувствует себя одиноким...»

Дог вышел на гребень дюны и смотрел вслед Акуле-Вагнеру, который спускался к навесам. Подошел второй дог. Послышался далекий гул самолетов.

Красавица-«лягушка» отдыхала на раскладушке под сенью маскировочной сети. По небу — невооруженным глазом можно было узреть — возвращались самолеты. «Лягушка» сменила купальник и вышла на солнечный свет. Народ кругом веселился и танцевал. Верзила летчик схватил ее в объятия: «Потанцуем». Женщина прижалась к нему и положила голову на широкое мускулистое плечо. Потом она укусила весельчака в шею. Летчик вскрикнул и отпустил женщину.

В палатке генерала юный лейтенант достал из сумки ракетницу.

— Позвольте, генерал, я выстрелю...

— Красным цветом?!

— Разумеется, генерал.

Красная ракета взвилась в небо.

Вокруг Аптекаря-Эссера собрался народ. Аптекарь лежал на спине, широко раскинув руки.

— ...Когда вы дышите, у вас не кружится голова?

— ...Не было у вас контузии? Вы не можете говорить? Боли в голове?

Аптекарь молчал. Видел, как над навесом появилась красная ракета. Ракета вспыхнула, задымилась и распалась на мелкие части. В воздухе остались рваные хлопья черного дыма.

— Не пугай нас, капитан, — повторял Мельдерс, и все хватал Аптекаря за кисть, сравнивал его пульс со своим.

— Давайте сыграем в карточки, — вдруг предложил Мельдерс. — А? Забудется все, а?! — засмеялся. — Мой дядя проиграл в карты мясную лавку!..

Аптекарь-Эссер шепнул, подзывая Мельдерса. Тот нагнулся над ним и подставил ухо.

— Я видел сны, — сказал Аптекарь-Эссер. — Койки с умирающими от тифа... Огромный барак, который сжигают вместе с больными... Друг, спроси у докторов, у меня не может быть тиф?

— Почему именно тиф? — переспросил Мельдерс.

— Последние две, может быть, три недели я общался с тифозными, — сказал Аптекарь. — У меня жар.

Толстяк отпрянул. Собравшиеся вокруг офицеры стали смотреть в небо.

— Снова идут,— сказал доктор, друг Мельдерса.

— Еще раз выстрелю ракетой,— сказал лейтенант генералу.

— Красной!

— Разумеется!

На сей раз он выстрелил прямо в сторону берегового укрепления.

Идея с ракетами, видно, еще кому-то пришла по вкусу, и в воздухе рассыпались огни всевозможных цветов.

— Огонь! — скомандовал капитан Хейдель.

Закашляли две малокалиберные зенитки. Потом гроыхнула пушка.

На небе появились белые пушинки взрывов.

Акула подошел к Аптекарю и сказал «здравствуйте».

— Что с тобой? — спросил, увидев апатичное, застывшее лицо друга.— Чего молчишь?

Большой консилиум теперь заседал в стороне, метрах в двадцати, задрав головы в небо. Пук-пук — взрывались снаряды в поднебесье...

— А что, если у меня тиф? — спросил Аптекарь равнодушным голосом. Потом сказал: — Ты хорошо одет. Со вкусом. На тебе две пары трусов? Таковы законы моды?

Кажется, только сейчас засек миски в руках своего приятеля. В желудке заиграла труба.

— Что сегодня дают на обед? — спросил.

Живо сел и протянул руку за миской.

— Прекрасно! Фасоль?

— Горох.

— Я больше люблю фасоль.

— Фасоль у них завтра,— сказал Акула.

— Моя бабушка отлично делала фасоль. Со шкаркарами. Вечная ей память!.. А ложки?

— Виноват.

Они хватали горох пальцами. И куски мяса тоже.

Аптекарь боковым зрением увидел связку ключей на левом большом пальце Акулы.

— У тебя какая машина нынче? — спросил.

— Бэ-эм-вэ.

— Какого цвета?

— Не запомнил... Не светлая.

— Не светлая? Это хорошо... Вижу, что там еще ключи от дома... и от сейфа?.. Мы так давно с тобой не виделись,— с полным ртом говорил Аптекарь, не торопясь пережевывая горох,— ты не успел жениться за это время?

— Сбежала,— признался Акула-Вагнер — Ударила букетом цветов по морде и смылась...

— Все к лучшему,— сказал Аптекарь-Эссер.— Сейчас очень какое-то неопределенное время... Не надо обзаводиться семьей. Попить ничего не захватил? Этот гнида толстяк пошел было за кофе, а вернулся с тремя докторами. Консилиум большой устроил. Хотели установить, от чего у меня слабость, почему голова кружится. Эдрена вошь! Как говорит один мой друг...

Акула улыбнулся. Вспомнил.

— Не пережевывай так тщательно горох,— сказал.— Под этот шумок мы должны уйти...

На берег, подобно черной тени, опустился зловещий гул сотни моторов, заглушая музыку, пуканье снарядов в небе, визг ракет и человеческие голоса.

Акула-Вагнер и не заметил, как к ним подкрался дог. Пес вопрошающе глядел на беглецов. Казалось, он мучался и изнемогал, решая ему одному ведомую задачу. Показал клыки.

— Жрать хочешь? — спросил Аптекарь пса.— Знаешь, я люблю собак, но сегодня я голоднее тебя. Ты не поверишь, но еле сижу... Еле ем. Это так... Между нами.

— Не нравится мне этот зверь,— сказал Акула.— Мы с ним уже встречались.

Он было шагнул в сторону. Двинулся без причины. Может быть, хотел сесть. Спина к псу. Чтоб не видеть. Дог запротестовал. Запретил двигаться. Показал клыки и вытянул шею, показывая, что готов к прыжку. Акула остановился.

— Он хочет есть,— повторил Аптекарь.

— Разве такого прокормишь? — сказал Акула.

Он, не поднимая ног, скользнул-двинулся по песку на вершок, не больше. Дог раскрыл пасть и обнажил клыки. Акула замер на половине движения, но пес-зверь еще яростнее оскалится.

— Чего хочешь? Какого черта ты привязался ко мне?!

— Он просит, чтобы ты вернулся на прежнее место,— сказал Аптекарь.

Акула-Вагнер качнулся назад на тот вершок, и дог успокоился.

— Он охотник,— сказал Аптекарь.— Натаскан на человека...

— Я его удавлю сейчас...

Пес, кажется, понял интонацию. Вытянул шею и топнул ногой.

Аптекарь достал из миски косточку и, без сожаления, бросил догу под ноги. Пес посмотрел на Аптекаря безразличными холодными глазами.

— По-моему, я его оскорбил,— сказал Аптекарь.

— Попробуй ты двинуться... Иди к подлеску... К машинам... У нас минут десять на все. А то и меньше.

Дог рывкнул. Аптекарь попробовал не послушаться. Пес шагнул ему навстречу. Аптекарь попятился на те три шага, которые успел сделать. Так и стояли втроем. Аптекарь доедал горох и подсчитывал «их самолеты» на небе.

— Жалко, что не было фасоли...

Подошел толстяк Мельдерс.

— Вижу, вы уже на ногах? Какой пес, а! А где второй? Они тут всегда вдвоем дышат... А, вот и второй!

Второй пес был покрупнее и казался более решительным. Он залаял уже издали. И здесь, у навеса, повел себя по-хозяйски. Обнюхал всех. И толстяка тоже. Сел на расстоянии прыжка от Акулы и устался влажными глазами вдаль, где была видна стройная черная фигура «людоеда». Тот спускался к морю вдоль проволочного ограждения, по тропинке, по которой *когда-то, сегодня утром* на берег пришли два голых беглеца. За ним скользила белокурая красавица-«лягушка».

— Это хозяин псов,— сказал Мельдерс вполголоса.— У него, говорили, лучшая псарня в Германии... Лучше, чем у Геринга. Сыграем в картишки?

Команда берегового укрепления вела пальбу из всех стволов, не целясь и не рассчитывая на попадание, потому что каждому солдату было понятно, что высота самолетов слишком велика. «Давай-давай! Лос!»

Вдоль подлеска пили алкоголь и танцевали под музыку, которой не слышали.

В сером «оппеле» с прежним остервенением занимались любовью. «Давай-давай! Лос!»

В кабине самолета-истребителя худощавый курносый летчик кричал по радиосвязи:

— Лебедь! Лебедь! Говорит Ястреб восемнадцать!

— Лебедь слушает. Докладывайте!

— Там внизу, вдоль берега, кто-то копитится! Вижу следы зенитного огня...

«Лебедь» — пожилой мужик с красивым загорелым лицом. Глаза с розовой воловкой, уставшие. Наливал из термоса крепчайший чай. Ответил «Ястребу»:

— Черт с ними! Не стоит отвлекаться!

— Лебедь! Грешно обратно тащить подарки! Позвольте ударить, Лебедь? Разок! Руки чешутся.

— Ястреб восемнадцать! Чтоб руки не чесались! Понял?

В разговор в эфире вклинился третий голос.

— Лебедь! Лебедь! Я — Ястреб одиннадцать!.. Я слышал «восемнадцатого»! У меня тоже полная машина «сюрпризов»! Позвольте поддержать «восемнадцатого»! Мы отлучимся минут на пять, генерал Лебедь! Батюшка, позвольте!.. Душа требует разрядки... А?

«Восемнадцатый» глядел в окно кабины вниз.

— Лебедь! — крикнул он.— Лебедь! Руки все равно чешутся. Не слушаются. С «одиннадцатым» один раз побреем — и все дела!?

Здесь, внизу, никто и не заметил маневра, при котором от самолетов сопровождения бомбардировщиков «отвалились» две стремительные машины и повернули на сушу, километров на десять севернее песчаного берега.

В «оппеле» все еще пели оду пылкой любви. Женщина с букетом желтых полевых цветов ходила вокруг лужайки, уже в армейской фуражке, сдвинутой на макушку, и без разбору колотила этим букетом всех встречных-поперечных. По лицу текли слезы. «Ты знаешь, что такое слезы счастья?» — кричала она и била наотмашь. Однорукий мужчина, с цветным татуированным орлом на груди, вlepил ей оплеуху в ответ. «Дурак! — зарыдала девица.— Я ведь люблю тебя!»

«Людоед» у парикмахерской позвал псов, те вскочили на ноги, повернули к нему головы, но с места не двинулись. Тогда «людоед» сам подошел к псам.

— В чем дело? — спросил он. Договор спросил. На людей даже взгляда не кинул.— В чем дело?— повторил.

Доги смотрели на беглецов. Беглецы смотрели на небо.

— Возвращается их заметно меньше... чем туда пролетали, правда? — задумчиво произнес Аптекарь.

Потом он нечаянно наступил пяткой на вагнеров ремень с кобурой. Нагнулся и поднял его. Дог оскалится. Аптекарь глядел в небо, но мог бы поклясться, что слышал, как дог обнажил клыки.

— ...заметно меньше, правда?

— Абсолютно! — сказал Мельдерс.— Очень заметно, капитан.

Аптекарь подхватил толстяка под локоть.

— Давайте сыграем в картишки с докторами? У кого карты?

Он повел толстяка туда, где в приятной беседе с красавицей-«лягушкой» стояли

знатоки медицины и на песке валялась знакомая черная автомобильная камера. «Цезарь, на место!» — услышал за спиной голос эсэсовца. Видимо, дог все пытался пойти за ним.

Стрельба в районе укреплений стихла. Были слышны одинокие выстрелы. Видимо, опорожнялись ящики со снарядами, чтоб потом зря с ними не таскаться.

Акула тоскливо посмотрел на лес. Время для ухода потеряно. Все придется делать заново. Чихнул. Чувствовал, что волнуется.

— Где служите? — спросил «людоед».

Акула-Вагнер улыбнулся. Жестами попробовал выразить свои затруднения с горлом. Жестом трудно выразить понятие «голосовая связка», и он показал — «операция».

— Ах так?..

Акула покрутил на пальце связку ключей. «Там, в машине, его, Вагнера, одежда и документы...»

— Почему конфликт с псами?..

Акула уловил смысл. Пожал плечами. «Не знаю».

— Странно, — сказал «людоед». — У них чутье безошибочное... Никто не оскорбил их достоинство?

«Не знаю», пожал плечами. Это самый универсальный ответ.

— Цезарь! Помпей! Идите к маме! Марш!

«Мама», по-видимому, была красотка в сиреновом купальнике. В таком случае сам он был «папа».

Один пес пошел сразу. Второй усомнился. — Помпей! Раз-два!

Помпей гордо повернул голову и медленно ушел за Цезарем. К «лягушке»-маме.

— Ты в отпуске? — спросил эсэсовец. — Или просто на воскресенье завалился?

«Не знаю», пожал плечами Акула. В животе у него внезапно заиграли иерихонские трубы. Горох дал о себе знать. И страх завыл одновременно. Едреный какой язык, этот дойч — только через десятое слово понимаешь.

Эсэсовец впервые потерял свою чопорную ледяную выдержку. На лице появилось любопытство, смешанное с насмешкой. Глядел в глаза Акуле. Тот попробовал улыбнуться. Не получилось.

— Грохот труб погубил город Иерихон, — сказал «людоед».

Трубы не переставали усердствовать. Сейчас их можно было отчетливо слышать, так как пальба в форте утихла и наступила мгла тишины. «Трубы не успокоить», мелькнула мысль. Потом Акула-Вагнер увидел, как светлеют и прозревают глаза противника. Еще миг, одна швиная мелочь или слово — и немец достигнет то, что уже знают его псы...

Мелочью этой были его, Акулы, ступни. Две изуродованные ступни, в волдырях, в кровоподтеках от треклятых деревянных башмаков. Лагерные, униженные ступни. Эсэсовец с удивлением изрек: «Тойфель! Черт!»

Потом он засунул большие пальцы за свой черный эсэсовский ремень и крикнул: «Мютце аб! Шапку долой!». Эти слова Акула знал наизубок.

Аптекарь проводил Мельдера до его приятелей, но потом вдруг отказался от карточной игры, сославшись на зуд в голове, и теперь полукругом обходя навес, где продавалось бочковое пиво и журналы. Он смутно видел, как Акула-Вагнер сорвал с головы черную эсэсовскую фуражку и по лагерным правилам приложил к правому бедру. «Мютце аб!» Потом он снова нахлобучил фуражку на затылок, на манер лагерного «блина». Надеть шапку! «Мютце ауф!»

Эсэсовец все торопил: «Мютце аб!.. ютц... ауф!.. Ютц а!.. аютц ау!.. Аб!.. Ауф!.. А!.. А-а-а!..»

Потом он крикнул: «Приседай! Встать! При...»

Акула никогда не расскажет про это. Он отключился. Единственная реальная нить, связывающая его с этим миром, была черная «шапка», которую он до боли сжимал в руке. Страсть завладела ими обоими — и жертвой, и палачом. Это было похоже на финал спортивного соревнования. Что произойдет потом, после самозабвенных упражнений, в счет не шло.

Аптекарь приближался к «людоеду». К Акуле и «людоеду». Шел против своей воли, упираясь, хватаясь за доводы здравого смысла, которого не было и в помине. Страх не было, потому что он знал, что делает это. Тишина, наступившая после этой дурацкой пальбы, давила на уши... Эсэсовец чиркнул бензиновой зажигалкой. Для чего? Ничего более бессмысленного, посреди этого залитого солнцем берега, нельзя было придумать. Он этого тоже никогда не объяснит. Акула фуражкой сбил огонь. Какого черта?.. Так или иначе нужно было стрелять... Если там есть патроны, разумеется.

Пуля прошла сквозь голову «людоеда», и кровь брызнула на Акулу-Франка. Тот отпрянул, потерял равновесие и упал. Выстрел услышал: даже те, кто продолжал танцевать на лужайке у автомобилей.

Сверху, где стояла палатка генерала-патриота, были отчетливо видны два лежащих тела и сгорбленная фигура человека, опоясанного полотенцем. Отсюда, сверху, все, что произошло и что еще должно было произойти, казалось подделкой, миром игрушечным, нереальным. Лейтенант-адъютант взглянул туда, вниз, в бинокль. Удивился. Кто бы мог подумать?!

Эсэсовец, владелец самой большой псарни в Германии, лежал в какой-то красной грязи с широко раскинутыми руками. Казалось, у него нет головы. Аптекарь перекидывал из одной ладони в другую парабеллум и при этом пританцовывал с ноги на ногу. Полотенце развязалось на нем и соскользнуло на землю. Акула-Вагнер встал на четвереньки и, перед тем как подняться, надел фуражку.

Лейтенант крикнул:

— Генерал, взгляните! Истребители!!!

Первыми «черную смерть» увидели люди капитана Хейделя. Пушки уже были свернуты. На них надевали чехлы. Солдаты раздевались. Видимо, перегрелись малость и теперь собирались купаться.

Сперва появился «восемнадцатый». Он на скорости не успел разглядеть дотов, и его залп попал по навесам и автомобилям вдоль подлеска.

«Восемнадцатый» закричал по связи, предупреждая о дотах, и пошел в сторону моря на разворот.

«Одиннадцатый» возник через десять секунд, когда все еще продолжали глазеть в хвост первому самолету. Его удар пришелся прямо по дотам капитана Хейделя. Загорелась машина связи. Солдаты второпях срывали со стволов чехлы.

Пара, что в сером «оптеле» предавалась утехам любви, очнулась в горящем автомобиле.

— Укрепление снова молчит! — крикнул генерал.

Он стал стрелять из никелированного карманного пистолета вслед «одиннадцатому». Измена!

Народ, что был на берегу, кинулся в лес. Те, что были в лесу, подались к морю.

— Прекрасно! — повторил Акула. — А еще не вечер!.. Прекрасно! Давай быстрее! Еще шажок... еще шажок...

— Дай им разбежаться, — сопел Аптекарь. — Они нас затопчут!..

Их толкали и сбивали с ног. Шаркались от Акулы, грудь которого была в свежей крови. Друзья перекрикивались по-русски в самой гуще немчуры.

Снова с неба ударил «восемнадцатый». По навесам и подлеску. Снаряды рвались рядом с Акулой и Эссером.

— Вот это уже лишнее, хлопцы! — крикнул Эссер в небо.

— Давай, давай! — подгонял его Акула.

Беглецы добрались до машин. Где этот едреный «БМВ» несветлого тона?.. Около их машины метался летчик, тот, которого Акула когда-то в полдень отнес подальше в лес. Проснулся, видимо, от шума. Акула полез в машину, но летчик помешал ему,

что-то рычал пьяным голосом и все норовил ударить кулаком.

— Кто он? Откуда он тебя знает? — крикнул сквозь *безумие* капитан Эссер.

— Это хозяин машины!..

Летчик потряс своей пьяной головой. Правда, все было похоже на сон.

— Русские? — Он даже не удивился. Он заинтересовался. Акула ударом кулака свалил его наземь.

Над дотами пошел «одиннадцатый» по второму заходу. По нему ударил зенитный пулемет.

— Чего он от меня хотел, этот пьянчужка? — спросил Акула, когда они забрались в автомобиль.

— Он говорил, что помнит, что ты взял у него ключи от машины!

— Черт возьми! Ключи!!! — заорал Акула. — Я их оставил там!!! У псов!

Над головой пролетела тень «одиннадцатого». Акула вырвал какие-то провода под замком и стал их соединять. «Спокойнее, парни... там, наверху... Спокойнее... Тут есть и свои, между прочим...» Машина завелась. Акула оглянулся на заднее сидение, куда залез Аптекарь. «Одежда на месте?.. Форвертс. Вперед!» Ехать было самое время, потому что летчик уже встал на ноги и ухватился за заднюю дверцу. «Ключи!» — закричал он. Ему были нужны ключи.

— Скажи ему, что нет у нас его ключей, — проворчал Акула.

Аптекарь приоткрыл окошко и второпях объяснил, что ключи, к сожалению, потеряны.

...Там, в воздухе, «одиннадцатый» спросил «восемнадцатого»: «Все?! Уходим?!». «Восемнадцатый» хихикнул: «Давай еще разок побреем клиента? В последний раз! А?» — «Давай... Но правда, в последний!».

...Хозяин машины еще пытался на ходу открыть дверцу, но споткнулся о чье-то тело и упал. Впереди горела машина. Нужно было объехать. В окно машины кулаком застучала женщина в рваном купальнике. В кулаке она держала огрызок букета полевых цветов. Она просилась в машину.

— Не вздумай ее приглашать в дорогу, — крикнул Акула. — Эта Офелия бросила меня посреди танца...

— Милая, я слишком голый, чтоб вас пригласить, — проговорил Аптекарь в окно. — Взгляните!

Они выкатили на край поляны, откуда дорога заворачивала на северо-восток.

— Да будь он проклят! — известил голос Акулы. — Я его задавлю!

Путь им преградил Беда-толстяк. Он убежал на дорогу и распахнул руки, словно приглашая в свои объятия.

— Я его задавлю,— повторил Акула и нажал на газ.— Утопить его нужно было!

— Не делай,— попросил Аптекарь.

По третьему разу заходили истребители. Шли параллельным курсом. Они вспахали территорию дотов и вырубали весь подлесок.

— Только не забудь, что он видел, как ты пришел собачника,— успел сказать Акула.

— Пусть.

Толстяк ввалился в машину ловчее и быстрее, чем можно было предположить. Когда они на повороте оглянулись назад — там полыхало море огня.

Истребители развернулись над морем и взяли курс на северо-восток. «Одиннадцатый» добивался связи:

— Восемнадцатый... Восемнадцатый... Володя!? Что у тебя? Порядок?!

Лицо Володи-«восемнадцатого» багровело. Из-под летного шлема сочилась кровь. Он пробовал снять шлем.

— Порядок, Игорек... Порядок.

Капитан Хейдель, весь черный от порохового дыма, с револьвером в руке покинул доты и вышел к пылающим навесам. Он увидел на бугорке генерала, возвышающегося над пылающими огнями, над стонами раненых. Генерал стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и глядел в море.

— Генерал! — окликнул его Хейдель.

Генерал развернулся к нему своим величественным бюстом.

— Дерьмо куриное! — сказал Хейдель. И выстрелил.

Юный лейтенант, также человек долга и чести, кинулся, прикрыл своим телом генерала, и пуля досталась ему.

— Нет! — еще сказал юнец.

И скончался. Какие-то обезумевшие полуголые люди набросились на Хейделя, пытались повалить его наземь. Лысый отбивался, размахивал дубиной.

— Господи! — обратился генерал к небесам.— Сохрани Германию, твою верную служанку!

Спидометр показывал «100». На краю дороги мелькнула предупредительная надпись: «Внимание! Вооруженные беглые пленные! Опасно!».

Толстяк Мельдерс украдкой поглядывал на Аптекаря.

— Капитан, разве вы едете на север? — спросил.— В Тильзит? С перепугу я даже не поинтересовался!

Аптекарь не ответил. Он на заднем сиденье рылся в груде одежды, подбирая себе по росту галифе. Нашел. Обрадовался.

— Вы мне, может быть, спасли жизнь,—

тем временем сказал капитан Мельдерс.— Я никогда не был на фронте... Я практически гражданский человек.

Никто не проявил к нему внимания, и капитан замолк. Спидометр показывал «120».

«Внимание! Беглые вооруженные пленные!»

На развилке стоял мотоцикл и два жандарма. Акула притормозил, и мимо жандармов они проехали тихим ходом. Акула, может быть, решил показать им свою черную фуражку и перевязанную шею. Может быть, проверял толстячка. Тот вел себя отменно. Он даже не взглянул на жандармов.

— Хорошо! — вдруг Акула по-русски обратился к Аптекарю.— Ты нарядился? Садись за руль!

Стал останавливать машину.

Толстяк дрогнул. Он заглянул в глаза Аптекаря.

— У тебя есть пушка? — спросил его Аптекарь.

— Пушка? Да, да! — отдал Аптекарю маленький дамский пистолет с инкрустированной рукояткой.

Машина остановилась. «Выходим». Толстячок схватил Аптекаря за руку.

— У меня две дочери... жена... мать... отец... племянница-сирота... Семь человек!

— Кому ты нужен, пузырь? — сказал Аптекарь.— Сиди.

Поменялся с Акулой местами.

— Чего он от тебя хочет? — спросил Акула-Франк.

— Ни-че-го... У него большая семья, говорит.

— Не собирается ли он у тебя одолжить денег?

Аптекарь снял с носа капитана Мельдерса очки и примерил.

— Я так ничего не вижу! — воскликнул толстячок в испуге.

— А что тут смотреть? Деревья вокруг. Дрова. Однообразие.

Двинулись в путь. Дорога была пустынной. Может быть, потому, что сегодня воскресный день.

— Капитан, сегодня воскресенье? — спросил Аптекарь у немца.

— Натюрлих. Конечно.— Он с опаской посмотрел на Аптекаря.

Акула на заднем сиденье забеспокоился.

— Едрена вошь! Тут на меня ничего нету по росту! Мало все...

— Сейчас модно, чтоб одежда была в обтяжку,— сказал Аптекарь.— Запихайся!

Капитан Мельдерс прислушивался к их разговору.

— Горло у вашего приятеля отлегло? — попробовал улыбнуться.

— Да. Яволь.

— Вы русские? Военнопленные?

— Интересуетесь? Он — да! Он офицер-моряк. Корабль его потопили...— Аптекарь пожал плечами.— А я литовец. Учитель немецкого. Близорукий каторжник.

— Литауен? Знаю... Моя мать тоже мадырка,— вспомнил Мельдерс и обрадовался.— Я хотел сказать, что она тоже не немка. А мой двоюродный брат — он погиб во Франции... я забыл, как называется этот город,— толстяк старался вспомнить.— Я не «наци»! — вдруг заявил почти официальным тоном.— Я никогда не верил. Вы понимаете, капитан, что я имею в виду? Я ясно выражаюсь?

— Чего он от тебя хочет?— спросил Акула-Франк.

— Ни-че-го.

Аптекарь нажал на тормоза.

— Взгляни,— сказал Акула,— что там мелькает впереди?

В косых лучах солнца, посреди дороги маячили людские тени. Было похоже, что там солдаты.

— Солдаты,— так и сказал Акула.— Почему ты остановился?

Толстяк вдруг словно проснулся, он зашевелился и плечом распахнул дверцу.

— Ку-уда?!

Акула схватил его за плечо, но толстяк ловким ударом отбил его и вывалился из машины. Проворно вскочил и побежал впереди по шоссе.

— Я говорил, что надо его утопить,— заворчал Акула. Потом он сказал:— Не понимаю, что это за солдаты?

Толстяк Мельдерс бежал навстречу солдатам и с каждым шагом чувствовал себя увереннее. На его лице возник оптимизм и вера. Когда пуля прошила его грудь, он вздрогнул, но продолжал бежать вперед.

— Это партизаны? Нет? — зашептал Аптекарь.— Ты можешь объясниться польски?

— Уходим! — крикнул Акула и скользнул из машины прямо в канаву за обочинной.

Аптекарь выкарабкался из машины на четвереньках. Потерял очки. Нашел. Соскочил в канаву за Акулой.

— Почему уходим?!

Над головой прошипели пули. Похоже, что стреляли из карабинов.

Они вбежали в лес.

— Но я говорю тебе, это партизаны,— задыхался Аптекарь.— Иначе чего им было стрелять в толстяка?!

— Бросай одежду! — сказал Акула, торопливо сбрасывая с себя фуражку и мундир.— Если это партизаны, нам этот цвет не годится! Объясниться не успеешь...

Побежали в гору. Задохнувшись, присели, стали срывать сапоги... Потом галифе.

— Мы сейчас им покажем, что это — не мы! Что это ошибка! — приговаривал Аптекарь.— Это не мы! Они увидят, что мы другие! Это не мы!

Побежали дальше.

— Их тоже нужно понять,— говорил Акула на ходу.— Им тоже не сладко. Они торопятся. На всю операцию нападения — четыре или пять минут! Они сами в полном страхе. Ты понимаешь?! Это не просто...

— Нет! — остановился Аптекарь.— Нет. Все! Я дальше не могу! — Он закричал во весь голос и стал бить кулаками в грудь.— Я больше не хочу! хватит, едрена вошь!!!

Умолк, чтоб перевести дух. Эхо укатилось и стало тихо. Вокруг желтыми и синими цветами благоухала поляна.

— Есть кто-нибудь?! — крикнул.— Покажись! Посмотрим!

Сели на траву и настороженно огляделись. Никого. Ни живой души. У Акулы в желудке снова заиграли трубы. Парни засмеялись.

Потом Акула еще сказал:

— А в лагере небось бьют гонг к ужину, не так ли?!

И они покатались со смеху. Резвились, прыгали и скакали, как два сорванца, сбежавших с уроков. Потом им вдруг почудилось, что кто-то следит за ними из гуши кустарника.

БРАТЯ ВАЙНЕРЫ АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (родился в 1937 году) и **ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ** (родился в 1938 году) — члены Союза писателей СССР, оба по образованию юристы. Братья Вайнеры авторы многих романов и повестей — «Ощупью в полдень», «Двое среди людей», «Визит к Минотавру», «Гонки по вертикали», «Эра милосердия», «Лекарство против страха» и др. По литературным сценариям братьев Вайнеров поставлены художественные фильмы: «Я, следователь...», «Ночной визит», «Свидетельство о бедности», «Впереди человечества», «Город принял!..», «Лекарство против страха» и многосерийные телевизионные фильмы «Место встречи изменить нельзя», «Гонки по вертикали» и др.

Фильм по литературному сценарию братьев Вайнеров «Потерпевшие претензий не имеют» ставит на киностудии «Казахфильм» режиссер Б. Шманов.

БРАТЯ ВАЙНЕРЫ ПОТЕРПЕВШИЕ ПРЕТЕНЗИЙ НЕ ИМЕЮТ

Вечер. На деревьях повисли клочья тумана, стелившегося по земле сизым дымом. На востоке небо стало совсем черным, а на другой стороне небосвода низкие тучи прорвала пронзительная сиреневая полоса гаснущего света, кинувшая на лица людей нежный лиловый тон. Люди, собравшиеся на стояночной площадке чуть поодаль автомагистрали, ссорились. Они кричали, размахивали руками; кого-то ударили, еще раз, еще...

...Группа людей с искаженными лицами бежала по направлению к старенькой «победе», на лобовых стеклах которой бликовали последние закатные лучи. Внезапно «победа» тронулась с места и, натужно ревя мотором, помчалась в сторону набегающей толпы...

...«Победа» врзалась прямо в толпу. Один из подбегавших отброшен далеко в сторону, другой скользнул по капоту, перелетел через крышу... Непрерывный женский вопль...

...Двое в безжизненных позах лежат на земле. «Победа» заглохла в густом кустарнике, ограждающем площадку. Вокруг сбитых в оцепенении стоят люди...

...Вой сирены, просверки маяка на крыше патрульной машины. Следом за милицмейской машиной подъезжает «скорая»...

День занимался нехороший, с ветром и изморосью. Булат поднял воротник плаща и направился от аэровокзала к автобусной остановке, безуспешно пытаясь прикурить от зажигалки. Сзади придушенно взвизгнули тормоза, рядом с Булатом вынырнул капот «жигулей», и в открытом окошке появилась круглая физиономия Махамбета Тлеубаева.

— Жить надоело? — спросил он весело и покрутил пальцем у виска.

— А я не затягиваюсь,— Булат показал ему негорящую сигарету.

— У вас в прокуратуре все шутники такие?

— Все. По утрам мы поем и смеемся, как дети. Ты в город?

— Ну да. А ты?

Булат сел в машину, взял со щитка пачку «Мальборо».

— Жену в Москву провожал,— сказал он и достал из пачки сигарету.— Давай потянем твоих заграничных.

— Кури, кури,— благодушно разрешил Махамбет.— От них кашель лучше, фирменный. А жена что — в командировку?

— В институт усовершенствования врачей. Учиться поехала.

— Еще учиться? — Махамбет покачал головой.— Меня до сих пор холодным потом прошибает, как только про учебу вспомню.

— Да-а, ты любил это дело...— Булат заулыбался.— Мы еще твой дневник брали, первого апреля... родителей пугать!

— Между прочим, не глупей других вырос,— обиделся Махамбет.

— По-моему, даже умней,— заверил его Булат серьезно.— Сигареты у тебя хорошие. Где достаем?

— Тут, в одном месте... неподалеку...— сделал неопределенный жест рукой Махамбет.— А помнишь, как мы вдоль железной дороги подбирали окурки?

— Еще бы! У тебя был шикарный портсигар — банка из-под леденцов.

— От зубного порошка! — радостно захотал Махамбет и растрогался: — Сколько вместе прожито, а теперь годами не видимся...

— Мой прокурор говорит, что нынче дружат люди, которые вместе живут или вместе работают.

— Очень правильно говорит твой прокурор... Кстати, ты сегодня пойдешь на поминки?

— Какие поминки?

— Так сегодня же Васе Дрозденко девять дней... Ты что, про эту историю не слышал?

— Слышал. Так, краем уха.

— Ничего себе — краем уха! Весь город об этом толкует, сенсация! Совсем вы бандитов распустили — живых людей давить!

— У меня таких сенсаций полон сейф. Я этого Дрозденко и не помню. Он, кажется, младший брат Валерки нашего?

— Ну конечно! Они еще в бараке за вторым двором жили.

«Жигули» подружили к двухэтажному зданию прокуратуры.

— Ну, пока... Даст бог, свидимся,— сказал Булат, вылезая из машины.

— Хорошо бы! И не на поминках, а на празднике! Или по делу...

— По «делу» — не надо лучше,— сухо сказал Булат.

— Ай-яй-яй, Булат! Что, кроме уголовных, других дел в мире нет?

Булат насмешливо прищурился:

— Есть, наверняка есть. Но мне достались одни уголовные...

Булат сидел в кабинете, закопавшись в бумаги. Распахнулась дверь, и стремительно влетел Петр Верещагин. Он жалобно заблажил:

— Сейчас ты меня будешь убивать прямо в стенах прокуратуры! О помиловании не молю — хотя бы способ выбери не самый мучительный!

— Хорошо бы тебя растянуть четверкой лошадей,— сурово сказал Булат.

— Ничего себе — гуманист! Товарищ называется! Проклинаешь меня?

— Да нет. Капризы судьбы: одним пироги и пышки, другим синяки да шишки...— развел руками Булат.

— Не завидуй удаче друга! Зависть разрушает печенку! Кроме того, я уговорил шефа передать тебе самые легкие шишки...

— Ну да, вы ж теперь с шефом на равных договариваетесь,— сварливо перебил Булат.— Это мы, скромные труженики законности... А-а, ладно, давай свои жуткие творения.

— Взгляни, Булатик, вот это дело приостановлено из-за болезни подследственного, тут хищения и частное предпринимательство... Здесь назначена строительная экспертиза, обвиняемых пока нет... А вот это дело арестантское, по нему сидит человек...— он протянул три папки.

— Состав?

— Да особой сложности не представляет, картина ясная, нужно все оформить — и в суд. Я просто физически не поспеваю,— сказал беззаботно Верещагин и добавил скороговоркой: — Хулиганство, драка, а затем убийство одного и тяжкие телесные другому...

— Ничего себе...— покачал головой Булат.— Ножом?

— Машиной.

— Машиной?!

— Ага, «победой». Шофер Степанов ехал с братом на машине, встретили компанию, Степанов попросил закурить, те отказали, слово за слово — Степанов двинул одному по лицу, те ему взаимно, началась потасовка. Тогда он прыгнул за руль и врезался в эту компашку... Дрозденко скончался на месте, у Егиазарова сломаны обе ноги...

— Ах, Дрозденко! Слышал, слышал... А что Степанов говорит?

— Кается! Признает, что был не прав...

— Понятно.

— Почти все следственные действия по делу выполнены, экспертизы проведены. Честно говоря, я ведь знал, что уйду. Тебе

остаются кое-какие мелочи и обвинительное заключение.

— Я с братом этого Дрозденко в школе учился... Мы в соседних дворах жили,— сказал Булат задумчиво.

— Да-а? — удивился Верещагин.— Но это поводом для твоего отвода служить не может...

— Я не об этом,— махнул рукой Булат.— Сегодня меня звали к ним на девять дней. Я отказался...

— Ну и хорошо, что отказался. Меньше разговоров...— Верещагин помолчал, потом сказал просительно: — Кстати, Булат... Я бы хотел, чуток оглядевшись, перетянуть тебя к себе заместителем. Подумай, а? С ответом не тороплю. Подумаешь?

— Подумаю,— кивнул Булат.— Обязательно подумаю.

Канцелярия следственного изолятора. К Булату вышел замначальника майор Подрез, тепло поздоровался, похлопал его по спине, сказал озабоченно:

— Слушай, Булат, а ты стал полнеть!

— Ну да, со вчерашнего дня полпуда прибавил.

— Во дает! — захохотал Подрез.— Слушай, теперь по ящику показывают музыкальную гимнастику — тебе не помешает.

— Ладно, в субботу заскочу, мы тут с тобой в тюрьме и попрыгаем...

— Да ты и без меня хорошо напрыгаешься со своим Степановым.

— А он что, тоже стал полнеть?

— Безобразничает он, видать, хулиган тот еще! Подрался вчера. Пришлось его в карцер посадить.

— А с кем дрался?

— В камере. Там разве установишь точно? Но Степанова с Кузькиным надзиратель засек. Обоих и отравили на три дня, чтоб очухались.

— Проводи меня к нему...

Булат и Подрез идут тюремным коридором, подходят к карцеру.

Высокий русский парень встал им навстречу, руки по швам, отрапортовал:

— Заключение Степанов, двадцать четыре года, ранее не судимый, статья сто вторая, отбываю наказание в штрафном изоляторе за нарушение режима в камере...

— Здравствуйте, Степанов. Садитесь. Я ваш новый следователь.

— А старый что — весь измылился? — Он сел на койку, криво усмехаясь.

— Нет, перешел на другую работу,— сказал Булат спокойно.— А дело передали мне. Кстати, вам что, следователь Верещагин не нравился?

— Нравился — не нравился... Что он, девка в парке... Видал я вас всех... — он на миг запнулся и добавил все с той же ухмылкой: — ...на свадьбе... в белых тапочках...

Подрез сказал строго:

— За такое хамничанье можно продлить срок в изоляторе!

— Ох, напугал,— взялся за голову Степанов.— Ох, и напугал! Еще неделю без горячей вашей баланды... гражданин майор. И без всей этой шантрапы!

— А вы что — народный артист?

Степанов встал и сказал свистящим шепотом Подрезу в лицо:

— Я не артист. Я шоферюга. Но — человек! А они барахло приבלатненное!

— Держитесь скромнее, Степанов,— учительно произнес Подрез.— Они приבלатненные, а вы — убийца.

Булат сказал Подрезу:

— Спасибо, Иван Петрович, я сам разберусь... — И проводил его к двери. Уселся против Степанова на табурет, начал просто: — Значит, так, Степанов, нет у меня ни времени, ни охоты препираться с вами...

— А чего препираться? Я уже все рассказал, как дело было. В содеянном раскаиваюсь... Готов понести наказание...

— Наш прокурор говорит: искреннее раскаяние есть первый шаг к искуплению вины. Вы ведь впервые в этих... местах?

— Слава аллаху!

— Вот видите! А я, можно сказать, отбыл в тюрьмах несколько лет. На допросах, очных ставках и так далее...

— Ночуете-то дома? — насмешливо спросил Степанов.— Или тут же, в свободной камере?

— Всякое случалось,— заверил Булат.— А если меня и отпускают домой ночевать, так я ведь пока что никого не убивал.

— Может быть,— мотнул головой Степанов.— Вы ведь сами небось работенку себе такую... кислую... подобрали. Не пойму только, к чему вы...

— К тому, что я здесь сотни раз слышал: «я раскаиваюсь». Я так понимаю, раскаиваться — значит душой мучиться, сердцем болеть, совестью убиваться... Горевать от беды, какую ты людям сотворил, о стенку биться — как возместить...

— Красиво представляете! — со злостью крикнул Степанов.— А у меня все просто: раскаиваюсь — и точка. И возместить мне нечем. Кроме годочков, которые отбыхать придется. Вот и говорю я: готов отбыть наказание!

Помолчали. Переводя разговор, Булат полюбопытствовал:

— А в камере ты чего дрался?

— Я не дрался,— равнодушно сказал

Степанов.— Просто Кузькину и дружкам его поганым пару раз по морде дал...

— А чего ты вдруг с ними так строго?

— Потому что они шпана. Крысиная братия, уголовники. А крысу словом не проймешь, она страх понимает... Ну ничего, зато больше безобразничать в камере не будут.

— Понятно, понятно,— пробормотал Булат и достал из портфеля папку.— С делом вашим я ознакомился, все более или менее ясно...

— Вот и замечательно! — с энтузиазмом откликнулся Степанов.— Скорее начну отбывать — скорее выйду. Только бы суд миновать — и в колонию. А то здесь сидеть, время убивать невмоготу!

— А в колонии что?

— Работа! Какая ни есть, а работа! Я колонии не боюсь — всю жизнь вкальваю: и шофер, и слесарь, и электрик. Монтажное дело знаю. Я там хоть три нормы задаю — лишь бы зачет пошел. А там условно-досрочно на волю годка через три-четыре! — Видно было, как Степанов изо всех сил накачивает себя, чтобы не пустить в сердце льдинку страха.

— К сожалению, Степанов, дела обстоят не так замечательно,— с некоторым даже сочувствием сказал Булат.— К осужденным за умышленное убийство условно-досрочное освобождение не применяется...

Степанов яростно вперился в следователя, в глазах его бушевала буря — смятение, надежда, злость, растерянность.

— И что — выходит, трубить мне от звонка до звонка? С раскаянием и чистосердечным признанием? Так, что ли, по-вашему?

— Это, Степанов, не по-моему, а по закону. Я понимаю, что вы сейчас чувствуете...

— «Я понимаю-аю!» — пердразнил он.— Все вы тут все понимаете!

— Между прочим, сегодня собирают поминки по человеку, которого вы убили. Девятины...

— Да бросьте, гражданин следователь, мозги мне ремонтировать! — презрительно сказал, как через губу сплюнул, Степанов.

— Хорошо... — охотно согласился следователь.— Потолкуем по существу... — достал из папки милицкий протокол: — В самом первом объяснении, вот этом, которое вы ночью в милиции писали... Помните, что здесь?

— Ну, помню... — Степанов подозрительно глянул на Булата.— Смутно, конечно...

— Вы написали, что затормозили, увидев, как на площадке кого-то бьют. Остановились, узнали, что избитый — Плахотин Алексей, шофер с вашей автобазы. Так?

— Так.

— Вы заступились за него, а все остальные накинулись на вас. Вы испугались и бро-

сились к машине, но они обступили машину, Вы это писали?

— Наверное, писал...

— А через день на допросе вы официально заявили старшему следователю Верещагину, что сами пристали к этим людям и ударили Плахотина, после чего и произошла драка со всеми дальнейшими последствиями. Так?

— Ага. Так оно все и было...

— Тогда уточните: когда вы говорили правду? И почему изменили показания?

— Я в объяснении напутал... — Нервное лицо Степанова затвердело.— Испугался очень... Хотел себя оправдать... Я ведь не знал еще, что Дрозденко умер. А Верещагину рассказал все как было...

— Ладно.— Булат вложил листки в дело.— Тянуть с расследованием не буду.

— А там расследовать нечего — все ясно.— Степанов встал и добавил тоскливо: — Ничо, переживем. Ишаков даже волки не едят...

Молодая красивая женщина в модных «бананах» и темно-синей рубашке вроде формы американских ВВС сидела верхом на белом больничном стульчике и курила.

Когда Булат открыл дверь, она залиvisto хохотала. Распорошенный блок «Мальборо» валялся на тумбочке около кровати, на которой возлежал двадцатисемилетний Сурен Егизаров, метрдотель ресторана «Звездный». Обе ноги его, закованные в гипс, были подвешены сложной системой хромированных блоков, штанг и рычагов. Зрелище было бы печальным, если бы больной не хотел вместе с «летчицей» под звуки бешеного рока из стереодинамиков «Акаи».

— Здравствуйте, веселые молодые люди,— сказал Булат приветливо.

— Здорово, коли не шутишь! — крикнул Егизаров.— Заходи, дед...

Булат даже оглянулся — не вошел ли за ним какой-нибудь старец? Нет...

— Что ты мотаешь головой, как верблюд на овода? — сказал больной.— Проходи, не тушуйся, садись! Гость не гость, а все-таки человек при деле! Намотался за день, а?

— Да вот, не скрою, притомился маленько,— сказал Булат осторожно.

— Маринка! — скомандовал Егизаров.— Ну-ка, тащи из холодильника саламя, рыбки копченая, всяких там огурчиков-помидорчиков... А бутылка в шкафу... Давай, старикан, присосись к стаканчику — очень бодрит с устатку.

— Собственно, я не пью... — заметил Булат выжидательно.

— Не ври, не ври! Не пьют только больные или подлюги! А ты мужик вполне здо-

ровый, помрешь не скоро. Ха-ха-ха! Ты что стоишь, Маринка? Ну-ка, бегом!

«Летчица» плавно взлетела, а Егиазаров вышелкнул сигарету из пачки:

— Закуривай, присядь и успокойся.

— Да неудобно как-то курить в палате.

— Ну даешь! Кури спокойно! Здесь все схвачено — все довольны... Слушай, а ты работаешь сдельно или на ставке?

— Я? На ставке. А что?

— Да просто любопытно. Работа ведь собачья. Наверное, целый день на ногах? Как волк, ногами кормиться...

— Выходит, что так. Ну, еще немного головой думать приходится.

— Во дает! Головой думать! — Егиазаров от хохота за живот схватился. — О чем тебе думать? За тебя господь бог думает — кого подкинет, с тем и возись... И сколько же тебе монет отсусливают?

— Да ничего вроде, хватает...

— Молодец, хвалю! Ненавижу, когда скулят, жалуются! Да ты не бойсь, я в долгу не останусь — подкину детишкам на молочко...

Булат задумчиво почесал в затылке. Распахнулась дверь, и прекрасная «летчица» приземлилась с охалкой кульков, свалила их на столик и достала из шкафа бутылку «Джонни Уокер».

— Ты сегодня в прокуратуре был? — строго спросил Егиазаров.

— Да, почти полдня провел, — робко ответил Булат.

— Бумаги взял?

— У меня все дело с собой.

— Ну-у! Да ты, оказывается, шустрик! — бесконечно удивился Егиазаров. — Я думал, справку дадут — и привет! Маринка, сделай «гармошку» потише! Значит, ты давай закуси, выпей стаканчик, больше не алкай, а то все перепутаешь. И садись, пиши, что там надо.

Булат лукаво улыбнулся, спросил покорно:

— А что надо писать?

— Откуда я знаю, чего вы там пишете в таких случаях. Тебе самому надо знать, сынок, это же ты получаешь твердую ставку... ну, которой тебе хватает! Ха-ха-ха! Слышь, Маринка, ему хвата-а-ает!

— Оно и видать, — усмехнулась она равнодушно-презрительно.

— А? Скажи, дед, какая девулька? Первый класс — «хай-фай!» Так что ты пишешь в таких случаях?

Булат встал, прошелся по палате и постынным голосом сообщил:

— В таких случаях пишу: «Я, старший следователь прокуратуры, сего числа допросил в качестве потерпевшего гражданина Егиазарова Сурена Хачиковича...» И так далее, и тому подобное...

Издевательски грохотала в наступившем безмолвии японская «гармошка», у Егиазарова отвисла челюсть.

— «Я старший следователь...» Кто следователь, ты-ы? — в безмерном удивлении произнес Егиазаров.

— Я. Что — не похож?

— Елки-палки! — На беззаботном лице потерпевшего поочередно проплыли удивление, досада, смущение и, наконец, снова озорство. — Елки-палки, я ведь принял вас за агента Госстраха! Сегодня обещал прийти, оформить страховку за увечье...

— Вы были застрахованы? — с интересом спросил Булат.

— Будто чувствовал — месяц назад застраховался на пять кусков! А вы не страхуетесь?

— Хм, как-то в голову не приходило.

— Очень зря! Прекрасное дело! — с энтузиазмом закричал Егиазаров. — А при вашей профессии — особенно! Хотя бы тыщи на две-три!

— Ну-у, я не ценю свою жизнь так дорого, — усмехнулся Булат. — Так что, поговорим немного по делу?

— Да я рад помочь, чем смогу! — оживился Егиазаров. — А вы правда не хотите выпить рюмочку? На службе нельзя, наверное?

— Нельзя. И неохота... А потом, выпьем тут мы с вами, подружиться — а как же объективность следствия? Окажется ваш враг Степанов навсегда и во всем виноват...

— Ну что вы! Дружба объективности не помеха! Это я точно знаю. А потом — какой мне Степанов враг? Злость прошла... Только Васю жалко, ни за что погиб. Человек-то был безобидный... как муха... — Егиазаров подумал немного и сказал проникновенно: — Будь моя воля, не держал бы я Степанова в тюрьме. Не верю я, что там можно перевоспитать человека.

— А что бы вы с ним сделали на моем месте? — серьезно спросил Булат.

— Отпустил бы его! Иди, подлец, к людям, посмотри им в лицо, глянь на сирот! Матери несчастной взгляни в глаза и убивайся, скотина, до конца дней! Мучайся, собака, думай, как ты этим несчастным можешь горе загладить! Вот как я думаю! Маринка, ну ты скажи, правильно я говорю?

— Ты всегда, Сурик, правильно говоришь! — проворковала «летчица». — Ты очень умный и справедливый. Я и девочкам всегда объясняю: как Сурик сказал, так и надо, он все понимает.

— Ценю ваш гуманизм, — со вздохом сказал Булат, — но освободить Степанова не могу, закон возражает. Есть такой народный обычай, может, и предрассудок: убийц держать в тюрьме.

— Предрассудок! — внезапно возникла

Марина.— Это ты, Сурик, зла не помнишь, а я бы их на месте стреляла! Бандиты проклятые, шпана! Приличным людям проходу нет. И молодцы вы, что банок им накидали! Я прямо на седьмом небе была...

Булат с удивлением посмотрел на нее — оказывается, и она была на месте происшествия! Сурик среагировал быстро:

— Подруга, ты на работу собираешься? Смотри, опоздаешь, тебе там расскажут про дисциплину!

— Ой, засиделась, господи! Ну ничего, тачку схвачу — поспею.

— А мы займемся делом,— подхватил Булат.— Я узнать хотел, как вы все на площадке отдыха оказались?

— Да почти случайно... Других-то кормим, а сами иной раз за день крошки во рту не имеем. Вот и договорились, что Ахмет нас угостит шашлыками со своего мангала. Собрались...

— Кто да кто?

— Ну, я там был, Вася Дрозденко, царствие ему небесное, последний шашлык в своей жизни скушал, директор наш Эдуард Николаевич, шеф-повар Асылбеков, а позже подъехал Лешка Плахотин...

Марина подошла к Егiazарову, нежно поцеловала, наказала строго:

— Лежи, не дергайся, не нарушай режим. Завтра с утра приду...— И повернулась к Булату: — Очень приятно было познакомиться. До свидания.

— До свидания, Марина,— приветливо сказал Булат и вдруг, встав между ней и Егiazаровым, задал неожиданный вопрос: — А за что они били Плахотина?

Егiazаров высоко поднял брови и резко замолтал головой, но Марина не могла видеть сигнализации. Она заверещала:

— Сурик его бил?! Да он пальцем до него не дотронулся! Нужен он ему больно!

— В таком случае я вас официально спрашиваю: вы точно видели, что Егiazаров не бил Плахотина?

— Конечно, видела! Он к ним и близко не подходил...

— Заткнись, дура! — зашипел Егiazаров и уже громче: — Что ты могла видеть, когда тебя там вовсе не было! Это же я тебе потом все рассказал... в больнице. Забыла, что ли? Просто она верит каждому моему слову — я ведь никогда не вру! Меня в детстве так и называли — Сурик-честность...

Булат одобрительно заулыбался.

— Раз такое дело, расскажите мне сами, за что ваши друзья били Плахотина.

— Да что вы ее слушаете? — возмутился Сурик.— Она все перепутала, решила, что вы говорите о Степанове... Она ведь не видела... А Плахотина бить нам не за что... нормальный парень, наш знакомый...

Булат понятно кивнул:

— Ага, ага, значит, Марина перепутала. Бывает... А вы где работаете, Марина?

— Там же, в «Звездном»... Официанткой...

— Фу, прямо камень с души,— облегченно сказал Булат.— А то я вас принял за американскую летчицу...

На маршрутном такси Булат подъехал к роскошному суперсовременному зданию ресторана «Звездный» и поднялся к кабинету директора. Секретаря не было на месте, и распахнутая дверь кабинета красноречиво извещала об отсутствии хозяйки. На всякий случай Булат зашел в комнату — пусто. На стене несколько фотографий: известный артист за пиршественным столом, а рядом — высокий симпатичный парень с волевым подбородком, в густой модной шевелюре... На другом снимке парень был уже в центре внимания фотографа — широким жестом он приглашал за праздничный дастархан группу иностранцев... Снимок хоккейной команды, и в воротах все тот же симпатичный парень... А под фотографией — хоккейная клюшка, испещренная автографами игроков, с надписью: «Нашему кормильцу, уважаемому Эдуарду Николаевичу Виноградову»...

В кабинет заглянула аппетитная девушка в джинсовом платье и молодой смуглый мужчина с красивой седой головой, искусно причесанной «а ля сосон».

Девушка приветливо сказала:

— Эдуард Николаевич в исполкоме... Вы ведь его ждете?

— Так точно! — сержантским голосом ответил Булат и переспросил удрученно: — В исполкоме, значит? А когда обещал вернуться?

— Сегодня не будет,— развела руками девушка.— У него еще дела в городе... А вы договаривались?

— Да нет...— запнулся Булат.— Как провинциал, приехал без звонка.

Седой мужчина с интересом посмотрел на Булата:

— Что-то не припомню я вас... Вы откуда будете?

— А мне кажется, мы где-то встречались...— находчиво пробормотал Булат.— Вы здесь работаете?

— Это товарищ Асылбеков, наш завпроизводством...— уважительно пропела секретарша. Асылбеков протянул руку, сказал просто:

— Валерий! — И не отпуская кисть следователя, пока тот не сознался:

— Булат... Садыков...

По лицу Асылбекова мелькнула тень — напрягся, вспоминая. И вспомнил:

— Следователь? Из прокуратуры?

Булат кивнул, сказал солидно:

— Приходится снова вас беспокоить, порядок есть порядок — раз новый следователь, значит...

— Да о чем вы, дорогой мой... — с широкой сердечной улыбкой сказал Асылбеков. — Раз надо, значит надо. — Он достал из кармана «Мальборо», щелкнул по донышку, отчего высунулись до половины сразу две сигареты, предложил: — Прошу! Виргинский табак, фирма...

— Ох и хороши!

— Приятно, когда человек имеет вкус к жизни! Но сигареты — еще не все: если бы вы попробовали шашлыки нашего Ахмета... — Он закатил глаза к потолку, изображая высшую степень блаженства.

— Как-нибудь попробую... — сказал Булат рассеянно. — Кстати о шашлыках... Я бы хотел услышать от вас, как оно все было...

— Да я, собственно, уже рассказывал... Подъезжает этот хмырь, вылезает из машины...

— Простите, — перебил его Булат. — Начните с того, что вы там делали?

— Как что? Шашлыки ели. В своем собственном здоровом коллективе...

— А что, коллектив действительно здоровый?

— Еще бы! — ухмыльнулся Асылбеков. — Боремся за высокое звание...

— А если попроще?

— Во! — Асылбеков показал большой палец. — Народ у нас молодой, боевой... И директор наш молодой, недавно институт закончил. Между прочим, из себя «не строит», настоящий товарищ...

— В каком смысле? — осторожно спросил Булат.

— В любом! По работе, конечно, строгий, дело-то одно делаем, народ это понимает. А в остальном — по-дружески: у нас, обратите внимание, за три года ни один человек не уволился!

— Что, так работой этой довольны?

— Конечно! Шевелиться надо, зато, как говорят, сыт, одет, и нос в табаке... Чаю согреть? Или чего покрепче?

— «Чего покрепче» не хочется, — отказался Булат. — А вот чаю можно. Только согреть его не надо, лучше поставить в холодильник.

Асылбеков кивнул, снял трубку внутреннего телефона:

— Чаю для моего гостя, сам завари... И в морозильник...

— Прекрасно, — сказал Булат. — Теперь вернемся к делу... Вы написали в милиции, что Степанов прямо сходу затеял скандал, который быстро перешел в драку.

— Так оно и было.

— А почему? У него были к вам какие-то претензии? Может, старые счеты?

— Какие счеты? Мы его и не знали почти... — Асылбеков поднял свои мощные кулаки и, подумав, добавил: — Я ему сразу сказал: вали отсюда, а то полетишь у меня дальше, чем увидишь!

— Но все-таки, чем объяснить такое странное его поведение? Он же не сумасшедший!

Асылбеков ненадолго задумался, вздохнул и сказал скорбно:

— Зачем сумасшедший? Пьяный был...

— Странно... — искренне удивился Булат. — В деле об этом ничего нет. И что, сильно пьяный?

— Сильно! — Асылбеков запнулся, подумал и уточнил: — Вообще-то на ногах он держался, но... крепко был поддавши...

— А почему вы так решили?

— Очень просто — психовал жутко...

— Ясно... — Булат принял от вошедшего человека во фраке стакан чая в красивом подстаканнике. — Тогда еще вопрос: как оказался в вашей компании Плахотин — он ведь с вами не работает?

— Ну и что? — удивился Асылбеков. — Он обслуживает нас постоянно. А шофер — первый человек, от него план зависит не меньше, чем от повара.

— И это понял, — удовлетворенно сказал Булат. — Это было в среду, помнится? У вас выходные — в среду?

— У нас выходные по скользящему графику, — сказал Асылбеков, не переставая улыбаться. — Мы ведь вроде мартеновской печки — предприятие с непрерывным циклом, обслуживаем трудящихся бесперебойно.

— А директор?

— Эдуард Николаевич вообще, считайте, без выходных...

— Это как же? — удивился Булат.

— Очень просто: у нас без директора птичка не пролетит!

— Но ведь человек не может без отдыха! — возмутился Булат.

— Приходится лавировать. Бывают дни потише, гостей поменьше, ему и удаётся дух перевести. Вот, как сегодня, например...

— А-а, исполком и другие дела в городе! — догадливо засмеялся Булат. — Рад за него... Жалко, мне не повезло, хотел бы поскорей с этой нудной историей покончить.

Асылбеков наклонился к следователю и сказал ему тихо, доверительно:

— В оздоровительном комплексе он... В бане... — посмотрел на часы и добавил: — Я вам ничего не говорил... Но только и мне эта история уже — во! — и он провел ладонью по горлу.

Они обменялись дружеским рукопожатием, но уже в дверях Булат остановился:

— Да, чуть не забыл: мне хотелось бы поговорить с Мариной, официанткой...

— Да ее же там не было,— сказал, нахмурившись, сквозь зубы Асылбеков.

— Где? — не понял Булат.

— На площадке.— И повторил с нажимом: — Ее там не было!

— Не было, так не было,— легко согласился Булат.

— Нас не забывайте,— оживился Асылбеков.— Надумаете посетить наше предприятие — век не забудете!..— Он опять ослепительно улыбался.

Булат подошел к ступенькам храма, похожего на старинную мечеть,— к оздоровительному комплексу, сиречь — городской бане.

Виноградова он нашел в парилке. Массажист декламировал:

— Париться надлежит тремя венками: дубовым для крепости кожи, березовым для мягкости мышц, липовым для гибкости сосудов...

После парки тремя венками Виноградов перевалился в сладкой истоме на бок, оперся щекой на локоток и, пребывая в позе проконсула, обвел взглядом нижние полки; задержался на Булате и сказал вдруг с радушной улыбкой:

— Булат Ахмедович, что ж вы наверх не поднимаетесь? — Булат оторопел — ведь они не знакомы. А Виноградов продолжал улыбаться: — Да не удивляйтесь, Булат Ахмедович, живем-то в маленьком городке, а здесь человек спит — молва бежит...

— Ну, не в таком уж маленьком...— выжидательно заметил Булат и добавил: — Вот какая популярность у меня, не думал...

— Популярность заслуженная,— веско сказал Виноградов.— А город, где меньше миллиона едоков,— это кирпичная деревня!

— Интересная статистика,— сказал Булат и пересел повыше.

— Естественно! У каждого человека, занятого большим делом, свои мерки.

— А у вас, Эдуард Николаевич, большое дело?

— Оказывается, и вы меня знаете,— усмехнулся Виноградов.— Хотя дело у меня, к сожалению, пока что среднее...— И рассмеялся искренне, обезоруживающе: — Бодливой корове бог рог не дает... Пока... Конечно, в масштабах города наше предприятие ведущее. Но меня этот масштаб не устраивает — мне простор, возможности нужны!

— А чего бы вы хотели?

— Прошу на воздух, в парной долго сидеть нельзя.— Виноградов взял Булата за руку.— Вон «мрамор» на коже появился. Давайте в бассейн, куп-куп, и передышка... Плавный отдых с прохладительными напитками...

Нырнули с бортика в круглый зеленый бассейн, вынырнули — на лицах было написано блаженство. Вылезли из воды, и Виноградов сказал:

— Все. Отдых. Позвольте быть вашим гидом...

Кто-то из «приближенных» распахнул дверь, и они оказались в роскошном помещении: мраморный камин с жарящимся барашком, высокие резные стулья и стол. Стол! Такой можно увидеть только на цветной фотографии из книги о вкусной и здоровой пище! Розовый лысый человек с приятной улыбкой взволнованно доложил:

— Эдуард Николаевич, для вас и дорогого гостя стол накрыт!

Виноградов коротко искоса зыркнул на него, а Булат невинно спросил:

— Так вы, значит, ждали меня к обеду?

— Радушный хозяин всегда ждет к обеду гостя,— любезно сообщил Виноградов.— Вы о моей профессии забыли, уважаемый Булат Ахмедович. Я потомственный ресторатор: отец был шефом, дед официантом, а прадед половым в трактире «Сибирь».

Подали махровые халаты. Булат, уютно поджав ноги, устроился на глубоком кожаном диване, Виноградов легко прошелся по залу, включил магнитофон.

— Прошу за стол! — предложил он.— По рюмочке аква-винте!

— Не пью, даже если она «винте»,— отказался Булат.

Виноградов покачал головой и повел бровью в сторону обслуги: мигом появился блок «Мальборо», был распечатан, добыта пачка, ловкий щелчок — и сигарета оказалась в руках у Булата. Слева возникла пепельница, справа щелкнула зажигалка.

— Мы не договорили насчет большого дела. Так о чем вы мечтаете?

— О-о-о! — воздел руки Виноградов, прогуливаясь по залу и совершая в ритме музыки гимнастические упражнения.— Я мечтаю... Я бы хотел кормить весь город... Знаете, испокон веку существуют три вечных профессии: лечить, учить и кормить.

— Ну и как с воплощением мечты? — спросил Булат с интересом.

— Есть перебои,— скорбно развел руками Виноградов.— Тормозят в инстанциях, недопонимают. А мне нужна замкнутая сеть общественного питания, которую я мог бы полностью контролировать,— от закупки барана до продажи вот этой самсы...— Он для наглядности взял с блюда треугольный

румяный пирожок, высоко подкинул его и ловко поймал ртом.

— Замкнутая сеть? Это не пойдет,— сочувственно сказал Булат.— К сожалению, возникает почва для всякого жульничества.

— Большое дело не обходится без издержек,— быстро перебил Виноградов.— Хотя это безобразие можно — и нужно! — изжить! — Булат иронически заплодировал, но Виноградов сказал серьезно: — Да-да-да! Со временем так и будет. Избыток продуктов и вкусно приготовленной еды ликвидируют базу для махинаций...

— Ах, как я надеюсь на это! Насколько мне легче будет работать!

— И будет! — заверил Виноградов.— Но сколько можно о делах?

— Так мы о наших делах-то еще и не говорили, — сказал, не поднимаясь с дивана, Булат.— Все больше о проблемах общепита. А Степанова вы хорошо знаете?

— Степанова? — не сразу переключился Виноградов.— Это какого? А-а! Убийцу этого? Как вам сказать... Видел его пару раз — он ведь раньше обслуживал наш ресторан.

Булат поднялся, подошел к камину, полубовался пламенем:

— Мне интересно ваше мнение... Человек вы житейски умудренный... Как вы считаете, хороший человек Степанов или плохой?

— Я так думаю, нет людей плохих и людей хороших,— сказал Виноградов снисходительно.— Есть люди, которые хорошо ко мне относятся, и есть люди, которые относятся ко мне плохо... А теперь — хватит! Ну, дорогой Булат Ахмедович, шашки в руки — и в бой! Нас ждет гастрономический рай с бешбармаком в финале!

Булат оглядел стол и сказал обреченно:

— И все это человек должен съесть?

— Еще как! В этом и состоит идея каскадного питания!

— Не могу...— удрученно сказал Булат.— В передаче «Здоровье» точно сказано: «Не парьтесь в бане на полный желудок!». Так что разрешите откланяться, я надеюсь встретиться с вами еще раз...

Вечер. Булат зашел в школу за сыном. Марат гонял с ребятами в футбол. Вот ребята дружно загомонили — гол! Запыхавшийся Марат подбежал к отцу.

— Мы им все-таки воткнули!

— Я на это очень надеюсь,— серьезно сказал Булат.— Теперь можно с чистой совестью и домой заглянуть. Бабушка будет гордиться твоими успехами...

— Бабушка не понимает в футболе,— спокойно парировал подначку Марат.— Я вчера ее спросил, кто такой Эдсон Арантес до Насименто.

— И что она сказала?

— Что это мастер на хлебозаводе, его перед войной привезли сюда с испанскими детьми! Я чуть не умер от хохота!

Они медленно шли по каштановой аллее к дому, и Булат говорил грустно:

— Мне, конечно, совестно, но я тоже не знаю, кто такой этот Арантес...

— Да брось, папка, шутить! Это же Пеле — его весь мир знает!

— Пожалуй, ты не прав! Раз мы с бабушкой не знаем, значит, еще не весь мир...

— Тогда скажи: может человеческий детеныш выжить среди зверей? Мы сегодня с ребятами спорили.

— Говорят, может... Я где-то читал, что такого Маугли сыскали в Индии.

— И что — обычный человек? Нормальный?

— Не думаю,— с сомнением покачал головой Булат.— Ведь Маугли — это сказка... Выросший среди зверей — всегда зверь...

— В смысле — говорить не умеет?

— Чувствовать по-человечески не умеет... Не знает, что такое правда, что такое совесть, честь... Понял?

— Ага.

— Тогда ты мне помоги решить одну задачку.

— По работе? — оживился Марат.

— Ну, вроде бы... Скажи — семеро одного бьют?

— Вот еще! — возмутился Марат.— Это не по правилам! А вообще бывает... Может, за дело?

— Не знаю, не знаю...— сказал Булат.— Там что удивительно: побили семеро одного — и стали потерпевшими, потом оказались сами себе свидетелями, а теперь чувствуют себя судьями. Ты как полагаешь — не многовато?

На следующее утро Булат сидел в конторе автобазы. Его собеседником был медлительный, с мясистым лицом, начальник эксплуатации.

— Степанов? Из второй колонны? Знаю... — тянул он.

— Что вы можете сказать о нем?

— Ну... ну... взысканий не имеет,— сказал он, не поднимая глаз.

— А поощрений?

— А за что его поощрять?

— Вам, наверное, виднее... Я спрашиваю вас: Степанов хороший работник? — следовательно все пытался поймать блеклый взгляд собеседника.

— Ничего плохого я вроде не замечал... за ним,— сообщил начальник, переложил на столе бумаги сверху вниз и убежденно

добавил: — Но ударником его, конечно, не назовешь.

— Он план выполняет? — терпеливо спрашивал Булат.— Может, пьянствует?

— Нет, не пьет. Вернее, может, пьет, но я на работе не замечал...

— А что же «конечно»?

— План-то он выполняет...— И стал переключать бумажки снизу вверх, не поднимая глаз.— Но, конечно, не всегда...

— В общественной жизни участвует?

— В общественной жизни, можно сказать, не участвует. В смысле, если выступит на собрании — одна демагогия и болтовня... Дешевый авторитет создает...

— А в чем это выражается?

— Так просто не объяснишь. Он всегда один в ногу шагает. А вся рота — не в ногу...

— Например?

— Трудно сказать конкретно... Вот сейчас придет Плахотин, они лучше друг друга знают — все ж таки свой брат, водитель... может, он чего скажет...

— С вами разговаривать — как в бане на полу кусок мыла ловить! — рассвирепел Булат.— Я задаю вам простые вопросы и не могу получить ни одного ясного ответа!

— А чего? Я готов! — И бумаги на столе стали перемещаться быстрее.

Булат встал, подошел к окну, открыл форточку — в комнату ворвался натужный рев прогреваемых двигателей.

— Вы говорите, у Степанова взысканий нет. А четыре месяца назад? Строгий, с предупреждением об увольнении?

— Отменили потом! — Начальник тоже поднялся и встал «смирно».

— Интересно: почему объявили, почему отменили?

— Объявили, потому что «левую» езду зарядил: уехал без путевки, полторы сотни накрутил без разрешения! Документально подтверждено!

— Отменили почему?

— Потому что сутяга, по комиссиям застаскает! А у нас дела! У нас план! У нас нехватка запчастей, режим экономии... А-а! Черт с ним! Ходит, жалуется, покоя нет. Доказывает: для пионеров металлом перевозил. Ну и что? Решили: пусть подавится, отменили договор. Что мне, больше всех надо? — И обессиленно упал в кресло.

Дверь приоткрылась, и в щель проник нос, толстый, длинный, за ним втянулся в кабинет крепко сбитый, ловкий человек, с веселой губастой улыбкой от уха до уха.

— Здравсьте, мне диспетчерша велела прийти.

— Вот следователь из прокуратуры интересуется тобой, Плахотин, — сказал начальник.— Наворотили вы с дружкой своим Степановым делов, покрутитесь тепер...

— Я? Я? Я наворотил? — нос развернулся к Булату.— С моим дружкой? Чего ж это вы мешаете кислое с пресным?! — улыбка исчезла с его лица.— Какие мы дружки-то? Я как-никак с Доски почета не слазю!

Начальник эксплуатации встал из-за стола, указал Булату на кресло:

— Располагайтесь, говорите, сколько надо, а я пойду, дел...— Он рубанул ладонью по горлу и исчез.

— Плахотин, поясните мне, как появился на месте происшествя Степанов? — сходу начал разговор Булат.

— Как-как? Обыкновенно! — взмахнул носом Плахотин.— На машине! На коломбине своей, сто лет в обед! Они ее незнамо откуда притащили, три года клепали — и вот тебе!

— Кто это — «они»?

— Да с брательником его. Говорят, малец головастый, соображает по науке, как профессор. Вот они с пацаном и восстановили эту антилопу на свою голову... Ученость до добра-то не доводит.

— Выходит, вы, Плахотин, против учености... Так-так... А у вас у самого какое образование?

— У меня? — нос расплылся от удовольствия.— У меня образование, как солдатское белье,— нижнее, серое...

— И вы этим гордитесь, что ли?

— Не гордюсь! Не гордюсь! А только умников этих, ученых с портфельчиками, столько развелось, что руками работать некому! Вот мы и вкалываем, бывшие дураки.

— Почему ж дураки? Разве человек у станка или в поле — дурак?

— Да говорится так: дурак неумытый, необразованный. Мой батя говорил...

Булат перебил его:

— Итак, подъехал Степанов... Чем вы занимались?

— Мы?

— Вы! Вы! Вы, Плахотин, и ваши приятели!

— Я?.. Я стоял... Ел шашлык... С ребятами шутили, анекдотики...

Булат вышел из-за стола, встал против Плахотина и старался поймать его взгляд, но маленькие глазки, нацепленные на громадный нос, как пенсне, упорно ёрзали, уклонялись, искали что-то в углу. Булат спросил:

— Что сказал Степанов, когда подошел к вам?

— Да я не очень помню... Вроде закурить попросил... Но как-то нахально... Мол, вы, торгаши, курево гоните!

— А дальше?

— Дальше я его уговаривать стал, неудобно, мол, перед приличными людьми...

А он — ни с того, ни с сего — как даст мне вдруг по тыкве! У меня прям сознание помутилось!

— Вы упали после удара?

— Не-ет... — он настороженно взглянул на Булата. — Вообще плохо помню... Но устоял вроде... Хотя плюху он мне кинул крепкую...

— И после этого ваши друзья стали бить его?

— Да не то, чтобы бить... Дали ему, конечно, пару раз... в нижнюю часть спины...

— А кто именно?

— Честное слово, товарищ следователь не помню! — горячо заверил Булата Плахотин. — Вы же Степанова видели? Представьте, что он вам бы засветил... вы бы не обрадовались... Кажись, Вася Дрозденко ударил, покойник, царствие ему небесное... Может, он из-за этого на него наехал?

— Может быть, — сразу согласился Булат, сел рядом с Плахотиным и, положив руку ему на плечо, попросил: — Вы, Плахотин, подумайте над своими ответами — от них, возможно, зависит судьба Степанова...

— А чего мне думать, товарищ следователь? — лицо его осветилось простодушной детской улыбкой. — Я ведь Сашке зла не желаю! Но раз он такой дурак, псих такой, пускай теперь хоть головой в навоз кидается, я-то при чем?

— Значит, врет Степанов?

— Насчет чего? — насторожился Плахотин.

— Что ваши друзья били вас ногами, пока вы лежали на земле?

— Да что вы, товарищ следователь?! — почти взмолился Плахотин. — За что им бить-то меня? Зачем? Мы же друзья...

— Не сомневаюсь, — мягко засмеялся Булат и вдруг скомандовал: — Ну-ка, раз-давайтесь!

— В каком смысле?

— Снимите куртку, рубаху...

— Зачем?... Это не по закону! Я... я... не могу... я...

— Вы разве стесняетесь меня? — удивился Булат. — Вы же не девушка... Снимайте, снимайте рубаху...

Трясущимися руками Плахотин растегнул рубаху, оторвав одну пуговицу, задрал подол, стыдливо стал к следователю боком.

— Нет-нёт, Плахотин, со спины, — терпеливо уговаривал следователь. — И станьте к свету.

Желтовато-лиловые кровоподтеки расплывались огромными кляксами. Булат спросил испуганно:

— О, аллах! Откуда это у вас?

— Да сам не знаю... Ударился несось... — торопливо забормотал Плахотин. —

Это после того, как мне Сашка врезал... — И замолчал.

— Так он же вас по «тыкве» ударил? — тихо спросил следователь. — Уточните, где растет ваша тыква: на плечах или на ребрах? — Плахотин недоуменно пожал плечами. — Вы можете объяснить, откуда сиянки?

— Ударился... — вяло ответил Плахотин. — Я же говорил вам... что плохо помню, как потом все получилось...

Булат сел за стол и быстро написал несколько слов, протянул бумагу:

— Вот вам, Плахотин, направление на судебно-медицинскую экспертизу. Немедленно отправляйтесь в шестую больницу. И не вздумайте уклоняться. Поняли?

— Понял... — уныло мотнул он длинным носом.

Горный ветер унес тучи, открыв неуверенное осеннее солнце. На милицейских желто-синих «жигулях» Булат ехал с дознавателем Тулегеновым к месту происшествия. На обочине мелькнул яркий щит: «Шашлычная — 3 км». Через пару километров сразу за стандартным знаком «Пункт питания» возник новый плакат: толстомордый человек, высунувшись из автомобиля, лопает с шампура мясо. И надпись: «Шашлыки — 1 км».

— Смотри, как у них с рекламой поставлено! — сказал Булат.

— Народ бойкий, — ответил Тулегенов хмуро. — Щиты на свои деньги поставили. Им трижды предписывали снять, а все выворачиваются.

— А чем рекламы мешают? — удивился Булат.

— Не полагается, — объяснил Тулегенов значительно. — Есть утвержденные стандартные знаки, нечего водителей отвлекать...

— Почему же отвлекать? Забота о людях...

— Ну да, забота... — Тулегенов кивнул на очередной щит: — Вы, наверное, не заказали плакат: «До прокуратуры 500 метров»?

Промелькнуло панно — блюдо золотисто-коричневых шашлыков, украшенных зеленью и помидорами, — и машина, круто повернув, затормозила на площадке. Отсюда как раз отъезжали два туристских автобуса. Чуть поодаль стояло несколько грузовиков, шоферы ели мясо, сидя с комфортом на подножках. Жевали и в нескольких легковушках...

— Я вижу, клиентов им хватает, — заметил Булат, направляясь к мангалу.

— Да что вы! — усмехнулся Тулегенов. — Сейчас мертвый сезон: будни, холодно.

А в хороший день, да еще в выходной, у них шашлыки летают, как перепелки.

Шашлычник Ахмет Саидов хлопотал у мангала. Высокий, гибкий, он с удивительной ловкостью сновал между разделочным столом, баком, маленьким прилавком, на котором в полном бездействии возвышались весы, и мангалом — узким трехметровым корытом с рдеющим углем. Мангал по всей длине был перекрыт бесконечным рядом невыносимо аппетитного шашлыка. Ахмет успевал шутить с клиентами, рассчитываться, жарить.

— Съедем по парочке? — предложил Булат.

— Вообще-то можно, — согласился Тулегенов. — Этот мошенник делает шашлыки замечательно. У него и мясо всегда свежее, и маринад прекрасный.

— О-о, власть пришла полакомиться Ахметкиными шашлыками! — Ахмет весь лучисто засветился в сторону Тулегенова: — Добро пожаловать! Приятного аппетита! Знал бы раньше — отдельный дастархан накрыл!

Он схватил с мангала шашлыки, два ломтя хлеба, протянул через столик. Булат прикинул свой к остальным — его шашлык был раза в два больше. Тулегенов мрачно заявил:

— Разбежались мы на твой дастархан!

— Чем плох мой дастархан, начальник? — светло улыбался Ахмет.

— Хорошо-то хорошо, если потом на кладбище не попадешь! — отрубил с солдатской прямотой лейтенант.

— Ай-яй-яй, обижаешь, начальник! Глупый хулиган пришел, пьяница, людям праздник испортил, а ты меня за гостеприимство стыдишь?

— Сколько с нас? — деловито спросил Булат.

— О чем разговор? — во весь рот заулыбался Ахмет. — Не могу друзей угостить? Ешьте с удовольствием — вот ваша плата!

— Вы со всех такую плату берете? Ну-ка, получите!

— Четыре пятьдесят... — сказал Ахмет.

Булат отсчитал деньги и задал следующий вопрос:

— Сколько вы продаете за день шашлыков?

— День на день не приходится, — сухо ответил Ахмет.

— Ну а точнее? Вы же догадываетесь, Саидов, что я подниму документы в бухгалтерии.

— Я и отвечаю точно: когда сорок килограммов, а когда и сто...

— Значит, от четырехсот до тысячи шашлыков, — веско подсчитал Тулегенов. — Не считая всяких фокусов.

На стоянку зарулил автобус. Ахмет сказал грустно:

— Холодный шашлык можно отдать собакам...

— Мы как раз и проголодались как собаки, — успокоил его Булат. — А шашлык ваш, я уверен, и остывший хорош.

Против шашлычной сквозь гущу еще не облетевших деревьев белело трехэтажное современное здание пансионата «Межгорье». Булат и Тулегенов подошли к проходной — оттуда выглянула краснощекая девушка.

— Вы сторож Валентина Афанасьева? — официально спросил Булат.

— Я, — она улыбнулась, и на щеках ее появились две смешливые милые ямочки. — А вы следователь из прокуратуры.

— Так точно, — заверил Булат. — Валя, вы дежурили двадцать восьмого?

— Дежурила! — всплеснула она руками. — Насмотрелась кошмаров!

— Вы все видели с самого начала?

— Да. Вернее, слышала — с самого начала. У нас ведь отбой в двадцать три часа, отдыхающие разошлись... По радио спорт передавали. И вдруг слышу: ругань, крики! Я побежала на площадку...

— И что увидели?

— Люди толпились... По шоссе проехала машина и резко вдруг затормозила... — Она вывела Булата и лейтенанта на площадку. — Вот отсюда видно только мангал, шоссе закрыто деревьями... Когда я подбежала поближе, машина подавала задним ходом...

— Какой марки машина? — деловито перебил Тулегенов.

— Старая такая, «победа», что ли... Ну вот... А те все дерутся. Машина остановилась около них, вылез парень...

— И что? — нетерпеливо спросил Булат.

— К ним бросился, а я — в будку, вызвать милицию. По инструкции так полагается... Пока звонила, слышны были крики, ругань сильная, потом затрещала машина и — удар! Глухой такой, тупой... И тут же завизжала женщина... — Они вышли на шоссе, и она показала: — А потом уже... двое валялись на дороге: один вот здесь, а другой — тут... Он уже был мертвый...

— Валя, я вас очень прошу, — сказал Булат серьезно. — Вспомните точно — драка началась до того, как машина подъехала к мангалу? Или после? Это исключительно важно!

— Я и помню точно, — уверенно сказала девушка. — Вышла я на крики, а к тому моменту, когда машина задом подъехала, они уже там дрались... Парень-то, шофер этот, на драку кинулся...

Следователь и лейтенант прошлись по площадке. Здание пансионата, полускрытое деревьями, сплошными лоджиями вдоль этажей напоминало теплоход. Булат внимательно смотрел на дом. Потом сказал Тулегенову:

— У меня к вам просьба, лейтенант... Узнайте в дирекции пансионата, кто проживал двадцать восьмого августа в этих трех номерах,— он показал рукой на лоджии.— Фамилии, адреса и тому подобное...

— Есть! — четко произнес лейтенант.— А почему именно в этих?..

— Потому что напротив них деревья образуют просвет... Из окон должна хорошо просматриваться вся стоянка вместе с мангалом.

На скамейке перед кабинетом Булата сидел Плахотин. Увидев следователя, он вскочил, приняв трусливо-независимый вид, и затараторил:

— Вот, товарищ следователь, дожидаясь вас уже минут сорок. А работа не стоит, не ждет... Так и с Доски почета слететь можно...

— Вы принесли заключение экспертизы?

Плахотин протянул запечатанный конверт:

— Елки-палки, мороки сколько из-за пустяковой вмятины.

Они вошли в кабинет, Булат надорвал конверт, прочитал заключение:

— Так вмятина ваша не на крыле, не на двери, а на боку и на спине,— заметил он.— «... повреждения в области седьмого-двенадцатого ребер нанесены тяжелым тупым предметом». А про «тыкву» эксперт ничего не пишет. Каким же тупым предметом вас лупили по ребрам? Палкой? Ногами?

— Товарищ следователь, я же вам говорил! Честью клянусь!

— О-одну минутку! — остановил его следователь.— Мне от вас не клятвы нужны!

— Товарищ следователь, да я... да я все покажу, что вы скажете! — И Плахотин рванул на груди рубаху.

— Вот-вот! Вы готовы рассказать о пожаре Москвы при Наполеоне или о чем говорили в корчме на литовской границе — лишь бы не вспоминать о драке со Степановым.

— Честное шоферское! Не был я ни в какой корчме! Что вы мне шьете, товарищ следователь? Проверьте где хотите — не был я там! И про пожар ничего не знаю!

— Это я упомянул для примера,— смягчился Булат.— Мне нужно, чтобы вы честно рассказали, что произошло на площадке двадцать восьмого августа.

— Я и так честно рассказал... что помнил.

Все ж таки и меня понять надо — так по башке двинули...

— ... что на ребрах синяки выскочили? — перебил Булат.

— Всякое бывает,— спокойно сказал Плахотин.— Может, я рухнул на асфальт и об него покалечился...

— Ты подожди здесь, в прогулочном дворике, сейчас его конвой доставит,— сказал майор Подрез.— И машину прямо сюда подадим.

— Ладно... Как он? Больше не дебоширил?

— Нет. Но в колонии трудно ему придется,— сказал Подрез, обмахивая веткой сияющие сапоги.— С людьми жить не умеет...

Конвоир привел Степанова, и Подрез отправился за машиной.

— Здравствуйте, Степанов,— кивнул Булат.— Пока не пришла машина, давайте погуляем здесь, поболтаем немного.

— Давайте погуляем,— усмехнулся Степанов.— У меня ведь прогулки нормированные.

— У меня, к сожалению, тоже...

— Это еще почему? — набычился Степанов.

— Потому что никак не могу выполнить свое обещание: поскорее передать ваше дело в суд.

— Да-а? Следствию надо повесить на меня еще что-нибудь?

— Не совсем так... Вы, Степанов, признались далеко не во всем.

— А в чем мне надо признаться? — с яростью спросил Степанов.— Вы скажите — подпишу! Я хоть и убийца, но парень сговорчивый...

— Я хотел бы, Саша, чтобы вы мне рассказали правду,— просто и как-то сочувственно сказал Булат.— Все эти свидетели, с которыми вы так складно поете,— все до единого! — врут.

— А чего им врать? — опустошенно сказал Степанов.

— Не знаю. Но уверен, что врут. А что стоит за их враньем, не знаю. И вы мне не хотите помочь...

— Я вам и не должен помогать,— сердито мотнул головой Степанов.

Подъехал «рафик» с понятиями и двумя милиционерами. На Степанова надели наручники и усадили в машину. Не выдержав неизвестности, он спросил:

— Мы в прокуратуру?

— Нет, мы едем на место преступления...

Распахнулись тяжелые тюремные ворота, и за окнами поплыл город.

«Рафик» затормозил на площадке у мангала. Ахмет бросил свои шашлыки и замер,

глядя, как из машины выходят понятия, Булат, затем Степанов в сопровождении двух милиционеров. Степанов посмотрел на Ахмета, презрительно сплюнул и отвернулся.

— Попрошу вас, Степанов, рассказать снова, как все происходило. И покажите заодно, где стояли люди, машины...

— Драка вот здесь происходила, где стоим...— вяло сказал Степанов.— Вырвался я от них, побежал к машине — уехать хотел. А эти двое, Дрозденко и Егiazаров, метнулись под капот. Я отвернуть старался, да не смог... поддел их... а сам — в кокет...

— Все?

— Все.

— Неправда! — отрезал Булат.— Пошли, я покажу, как все началось.— Булат подвел Степанова вплотную к Ахмету.— Вы ехали довольно быстро и останавливаться не собирались. Осветили фарами группу людей и лежащего на земле человека, которого те били ногами...

Ахмет уже открыл было рот для протестующего возгласа, но Булат строго и решительно погрозил ему пальцем: не вмешиваться! Степанов с большим интересом смотрел на Булата, а тот продолжал:

— Допускаю, что вы узнали в лежащем Плахотина. Хотя, пока вы это сообразили, пока машина тормозила, вы проехали от этого места сто восемнадцать метров... И только тогда вернулись.

— А вы их что, промерили, эти сто восемнадцать метров?

— Промерили. Рулеткой,— успокоил его Булат.— Видите деревья вдоль обочины? До них сто восемнадцать метров. Свидетели показали абсолютно точно, откуда двигалась «победа». И двигалась задним ходом! Вы меня поняли? — И, не давая Степанову ответить в присутствии Ахмета, взял его под руку и отвел от мангала.— Думайте, Саша, думайте... Я уже понял, что вы связаны какой-то странной и очень прочной цепью с «потерпевшими». И как все началось, мне ясно. А вот что было потом, я могу узнать только от вас...

— Нечего мне рассказывать,— упрямо сказал Степанов.

— Да, это я Вадик Степанов,— ответил он немного испуганно.

Булат встретил его около механико-математического факультета.

— Тебя действительно приняли в университет вне конкурса?

— Чепуха,— улыбнулся он.— Просто конкурс легкий... Для меня. Я ведь в этом году победил на республиканской математической олимпиаде.

— Мне сказали в деканате, что у тебя уже есть опубликованные работы.

— Да, в «Вестнике»...— смущенно подтвердил Вадик.— Я начал заниматься применением методов нестандартного анализа к теории солитонов...

— Ой-ой-ой! — замахал руками Булат.— Я и слов-то таких не знаю!

— Это звучит немного непонятно,— рассеянно сказал Вадик.— Просто при нестандартном анализе бесконечно малые рассматриваются как постоянные величины. Понимаете?

— Нет, Вадик, не понимаю. Но как юрист я склонен рассматривать любые величины, даже бесконечно малые, как постоянные. Тебе семнадцать исполнилось?

— Через полгода будет. Меня брат записал в школу раньше.

— Вадик, ты уже взрослый интеллигентный молодой человек...

Он покачал головой и сказал с грустной усмешкой:

— Профессор Габричевский говорит, что человек становится интеллигентом после трех университетов: первым должен быть твой собственный, а остальными — отца и деда...

— А у тебя?

— У меня родители малограмотные, дальше своих кур да машинки для консервирования ничего не видят,— сказал он с тайной досадой.— И все, что я знаю о жизни,— от Сашки...

— Так у него у самого десятилетка едва!

— И школа сержантов... А теперь и во-все: его жизнь — как периодическая дробь, где сам он в знаменателе, под чертой...

— Я потому и пришел к тебе,— сказал Булат серьезно.— Мне кажется, что дробь, в которой он под чертой, очень усложнили. Ее надо сократить, понимаешь? Упростить... Я хочу, чтобы ты подумал и помог брату.

— Чем?! — вскрикнул Вадик.— Я бы мечтал что-нибудь сделать для него. Но что?! Что я могу?! — Губы его заметно подергивались от волнения.

— Вспомни! Вспомни, как было дело...

— Я почти ничего не видел,— он растерянно развел руками.— Мы ехали с ним домой, было поздно... и я уснул. Проснулся — машина стоит, темно, крики, люди какие-то мечутся, драка... Я увидел — Сашка бежит к машине. Распахнул дверь... Он прыгнул за руль, мотор работал, и Сашка сразу поехал... Он хотел выбраться из этой свалки, а тут двое прямо под капот бросились. И ужасный удар! — Вадик плотно зажмурил веки.

— Что было после?

— Плохо помню все... У меня в ушах

все гремел этот удар, я слышал хруст костей! Вы поймите, не хотел Саша их давить! Он просто хотел уехать! Поверьте мне... Ведь по любой логике — человеческой, юридической, математической — уехать было необходимо и вполне достаточно! У нас нет ничего общего с этими уголовниками!

— Что же все-таки происходило после наезда?

— Саша пытался отвернуть машину и въехал в кювет, мотор заглох. Все куда-то разбежались... Я вышел из машины, и меня вырвало. Потом приехала милиция, «скорая»... Долго разбирались... Сашу посадили в милицейскую машину, он сказал мне: «Не бойся, братан, все перемелется...» — и его увезли. А в нашу машину сел милиционер, и мы поехали в отделение...

— Хорошо. Вот тебе мой телефон, вспомнишь что-нибудь еще — позвони...

Утром в кабинет Булата заглянул прокурор Шатохин. Разогнав рукой дым, он поморщился и сказал недовольно:

— Как ты живешь в такой атмосфере?

— С отвращением...

— Оно и видать. Послушай меня внимательно: старея, люди приобретают дурные привычки и забывают хорошие. Ты этого не замечал?

— Еще как! Вся моя жизнь — пример тому, — смиренно сказал Булат. — Но я утешаюсь надеждой, что к старости эти потери восполнятся мудростью.

— Черта с два! — захохотал прокурор. — С годами наша глупость просто крепнет на известке склероза. Надо сейчас, пока молоды, держать себя в форме. Вот так... — Он оперся ладонями о письменный стол, напряжился и сделал красивую стойку на руках, потом легко, мягко спрыгнул на пол. — Понятно? — И подмигнул заговорщицки.

Булат с завистью покачал головой.

— Дела еще тебя не задавили? — спросил Шатохин почти участливо.

— Ничего, кряхтим — и тянем...

— А ты помнишь, что истекают сроки по делу Степанова? Убийство и тяжкие телесные...

— Буду просить у вас отсрочку.

— Что-о? Отсрочку? — безмерно удивился Шатохин. — Дело-то проще пареной репы!

— Это не совсем так... В нем, наоборот, много невыясненного.

— Так выясняй! Время-то бежит! Весь город об этой истории говорит. Мы с тобой игнорировать общественное мнение не можем! Уже звонили... — прокурор неопределенно воздел палец к потолку.

— Наверное, там, откуда звонили, — Булат тоже показал пальцем вверх, — хотя, чтобы я выяснил правду, а не успокоил общественное мнение.

— Но ведь убийца сознался?

— Да. Хотя его признание вызывает у меня сильные сомнения.

— Он что, изменил показания? — обомлел Шатохин.

— Нет.

— Чего ж ты добиваешься?

— Правды, — повысил голос Булат. — Не вижу я ее... пока. А признание не считаю царницей доказательств. И в признание Степанова не верю! И потерпевшим не верю! — уже закричал Булат.

Прокурор удивленно смотрел на него. Наступила долгая пауза.

— Чем же они вам так не понравились? — осторожно спросил Шатохин.

— Не знаю... Они все время врут! Но главное, в чем они стараются меня убедить, — что все произошло случайно и что не было никакой предыстории.

В дверь постучали, вошел лейтенант Тулегов с коренастым немолодым человеком в очках. Посетитель протер очки и торопливо протянул руку сидевшему за столом Булату:

— Здравствуйте, товарищ... — посмотрел на стоящего Шатохина и ему подал руку: — И вы, товарищ, тоже здравствуйте... Моя фамилия Абдразаков, Тулен Абдразаков, рад с вами познакомиться. Очень доволен, что меня разыскал лейтенант. Я проживал в триста седьмом номере пансионата и, можно сказать, был очевидцем всего безобразия.

Прокурор махнул рукой и пошел к двери; на миг задержался и сухо сказал:

— Каждые три дня докладывайте движение по делу.

Булат кивнул и обратился к свидетелю:

— Значит, вы видели драку. С начала?

— Нет, конечно, нет! Я слушал по радио спортивные новости. И вдруг с шоссе донеслись какие-то крики. Я вышел на лоджию и все увидел...

— Все? — Булат с сомнением посмотрел на его очки.

— Практически все! У меня дальновзоркость...

— И что же вы рассмотрели?

— Как он изготовился убивать... Это было ужасное зрелище...

— То есть, как Степанов сел в машину и поехал на толпу?

— Ни в коем случае! — воскликнул свидетель. — Я не знаю, кто такой Степанов, но видел, как из кучки дерущихся выскочил на шоссе высокий парень. Он был хорошо освещен фарами «победы»...

— И что этот парень? Побегал? Сел в машину?

— Нет. Он встал в такую агрессивную позу...— Абдразаков вскочил со стула и очень смешно изобразил стойку боевого самбо.— Тогда один из драчунов выставил перед собой длинный нож и пошел на него...

— Что-что-что? Какой нож? — поразился Тулегенов.— Вы ничего не путаете?

— Почему я должен путать? — обиделся свидетель.— Я сюда не интриговать пришел. Он наставил на него нож!

— Извините меня,— вмешался Булат,— но вы действительно рассказываете вещи исключительной важности. Поэтому мы должны быть уверены... Итак, вы утверждаете, что видели нож? Ведь было темно...

— Да я же вам сказал, что это место было освещено фарами, как в театре! Помните «Риголетто»? Вот так же нож блестел!

— Ясно. Значит, один из драчунов наставил нож. Что произошло дальше?

— Дальше? — Тень возмущения промелькнула на лице Абдразакова.— Я закричал: «Айше, вставай! Звони в милицию, на шоссе ножами режутся!»

— Айше — это кто?

— Моя супруга, она уже легла... Я кричу ей, а она говорит: «Пусть они хоть на куски исполосуются, приличные люди по ночам с ножами не ходят!» «Неумная ты женщина!» — сказал я ей и бросился к телефону... Пока номер набирал, услышал с улицы — мотор заревел, потом — удар! Такой... м-мм... тупой, но... сильный...

— А почему вы не вышли на улицу позже, когда мы приехали? — недовольно спросил Тулегенов.— Почему не рассказали, что видели?

— Айше, глупая женщина, не пустила... Сам отвечать будешь, сказала...

На сей раз на автостоянку вместе с Булатом явился почти весь класс Марата. Показав ребятам рощицу за площадкой, Булат сказал:

— Ребята, задание необычное. Похоже на сказку: «Иди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Но это не игра — ведь вы уже взрослые... Может, и не найдем ничего, но смотреть надо в оба — от вас зависит судьба человека!

— Что же нам все-таки искать? — спросил быстрогоглазый шустрый Олжас.— Может, клад?

— Нет, Олжас, клад вряд ли там найдется. Вам надо высматривать любые предметы, которым в этой роще не место...

— Как так? — не понял Марат.

— Ну, вещи, которые могли нечаянно

уронить... или специально забросить. Район поиска — от того дерева до поворота. Рас-тянитесь цепью — три метра друг от друга. Не торопитесь, внимательно смотрите под ноги. Дойдете до конца, поворачивайте обратно и, как гребнем, прочесывайте каждую травинку...

Ребята с криками помчались в рощицу, а Булат подошел к машине, в которой сидели Тулегенов и молодая седая женщина.

— Екатерина Васильевна, покажите прямо здесь, на месте, как все происходило.

— Как на ладошке видно было,— сказала она, легко, несмотря на тучность, выпорхнув из машины.— Из моего номера только и разглядишь этот мангал, где они подрались.

— Драки с начала вы не видели? — перебил Булат.

— Не видела, не видела... Я уже в кровати лежала, когда крики эти, визги понеслись. Пока халатик накинула, на лоджию выбежала — глядь, они уже тут, на шоссе, толпятся. Парень высокий отдельно стоял, руки наперед выставил: подожди, мол, попробуй! А остальные кучкой — шумят, кулаками машут. Вдруг один выскочил вперед, в руке не то палка, не то ножик, точно не скажу... Меня жуть взяла! Молодые, злые, глупые — беда сейчас будет. Смерть-то не по годам, она по людям ходит...

— А что сделал парень, тот, что отдельно стоял?

— Он подпрыгнул, ловко так, козлом... видать, ногой хотел ножик вышибить, да не попал... Повернулся — и давай бежать по дороге!

— В какую сторону?

— Вон туда, в рощицу, куда пионеры пошли,— она показала рукой.

— Вы точно в этом уверены?

— А как же иначе, товарищ ты мой дорогой! Ведь побеги он сюда...— она показала на место, где тогда стояла «победа»,— я бы его с балкона-то не видела! Деревья закрывают! А я видала. И тот, что с ножиком, за ним погнался, хотел небось ударить его в спину, между крыл...

— Так-так... Дальше...

— Дальше — все они в темноте там перемешались. Только слышу вскоре — мотор как-как заревет! И машина ходом в самую гущу! Двое по сторонам дороги так и полетели!

— А парень, за которым с ножом гнались...

— Не-ет, не видала я его больше, как он убежал...— и она снова показала рукой в сторону рощицы.

— Спасибо большое, Екатерина Васильевна. Сейчас машина отвезет вас в город, а завтра к десяти попрошу зайти в про-

кратуру, мне надо внести ваши показания в протокол.

Булат проводил свидетельницу, присел на придорожный столбик.

— Может, и не было никакого ножа, — рассуждал он вслух. — Свидетелям иногда такое привидится! Но если нож был, его должны были бросить здесь!

— Да, наверное... — задумчиво кивнул Тулегенов. — Драка, наезд, человек убит, приехала милиция — зачем им нож держать? Вся картина меняется, с ножом-то... А в темноте легко выкинуть...

С воплями и гиканьем оказалась орава ребят. Запыхавшаяся круглолицая девочка размахивала над головой здоровенным ножом.

— Вот... в луже валялся... смотрите, кровь на нем!

Следователь повертел в руках нож, разглядывая его, усмехнулся:

— Это ржавчина... — И передал оружие Тулегенову.

— Секач не фабричный, — уверенно сказал тот. — Феррапонтова работа!

— Чья-чья?

— Пенсионер тут есть один, точильщик, Феррапонтов. Мясникам по заказу ножи делает. О-отличные! Я его знаю.

Вертелся точильный круг, жужжал мотор, взвизгивала сталь, летела белая россыпь искр — старик Феррапонтов работал во дворе ресторана «Медео».

— Здравствуй, дедушка, — вежливо поздоровался Тулегенов.

— Здорово, внучек, — хитро усмехнулся в усы старик, глянув на долговязого лейтенанта. — Тебе что, шашку наточить?

— Нам шашки по форме не положены, — серьезно ответил Тулегенов.

— Ну да, позабыл я, — легко согласился Феррапонтов. — Это раньше урядники носили... Давно было...

— Дед, а ты ведь не только точишь ножи, — сказал Тулегенов. — Ты их и делаешь?

— Делаю, — кивнул старик, подвигал усам, позвал Булата, стоявшего в стороне: — Подь сюда!

Тот подошел, дед засучил ему рукав и быстро провел ножом по руке, как бритвой, дунул — взлетели волоски, кожа была выбрита дочиста.

— Вот как по-настоящему точат! — похвастался он и повернулся к Тулегенову: — А нож моей работы тебе, сынок, ни к чему. Мои ножи для специалистов, делаются особым и стоят дорого!

Булат вытащил из портфеля найденный нож, протянул старику. Тот взял его в руки, ласково огладил обухом.

— В позапрошлом году я его делал... Рессорная сталь, гибкая, упругая... — Он посмотрел ржавчину на свет, покачал головой, неодобрительно хмыкнул: — Вот свиного, вещь как испакостил!

— Кто?! — выдохнул Булат.

— Кто-кто! Валерка Асылбеков, повар... — Старик покачал в руке нож и добавил: — Им за день три пуда шашлыка нарубишь, и рука не устанет. — И пока следователь тщательно упаковывал нож в картонную коробку, Феррапонтов раскручивал свою машину, бормоча в усы: —... А для малого поварского ножа лучше всего идет разогнутый подшипник...

Вечером около дома Булат встретил своего школьного товарища Тлеубаева, который прохаживался по тротуару с портфелем в руках.

— Случай правит миром! — обрадовался Тлеубаев. — Раньше годами не встречались, а теперь чуть не каждый день! Прекрасный повод поболтать двум старым друзьям!

— Ну, заходи... Поболтаем, — неохотно пригласил Булат.

Дверь открыла старуха Бибигуль, всмотрелась в гостя и сказала весело:

— О-о-о! Заходи, заходи, сынок! Ты совсем мало изменился... — Тлеубаев довольно осклабился, а Бибигуль добавила: — Судя по твоему лицу, ты как был прохвост, так и остался!

Тлеубаев захохотал и, обнимая старуху, закричал:

— Бабушка Бибигуль, ну какой же я прохвост? Честный служащий, передовой труженик бытового обслуживания!

Бабушка ехидно ухмыльнулась и ушла на кухню, а Тлеубаев по-свойски заявил:

— Ну давай, давай, показывай, хвастайся своими хоромами... — Он ходил по комнатам, осматривал скромное жилище, неодобрительно качал головой, сочувственно цокал языком, говорил со смесью восхищения и искреннего презрения: — Такой заслуженный товарищ, а нешироко, небогато живешь, ханской роскоши не наблюдаю... Не-ет, такой почтенный человек должен проживать гораздо ярче.

— Живу по средствам получаемой зарплаты, — с улыбкой развел руками Булат, на что Тлеубаев воскликнул с горячим возмущением:

— Я тебе разве предлагаю брать взятки? Разве советую злоупотреблять? Но квартиру-то мог бы отделать получше!

— Говорят, один ремонт равен землетрясению и двум пожарам...

— При таком друге, как я, бояться ремонта глупо, — засмеялся Тлеубаев.

— Ты же сам заметил, что мы годами не встречались.

— Но ведь встретились наконец! — И Тлеубаева осенило: — Слушай, тебе не по-добаает жить в сарае. Я тебе сделаю ремонт. За три дня! И какой! — от удовольствия он потер руки, зачмокал губами. — Финский кафель, сантехника югославская, унитаз польский, раковина «тюльпан». Все лучшее в мире, чтобы ты жил, как человек, а не... а не... — он защелкал пальцами, не находя от глубины презрения, с чем сравнить квартиру Булата.

— К тому же, наверное, почти забесплатно? — серьезно спросил Булат.

— Почему забесплатно? — деловито намурился Тлеубаев. — Будет что-то стоить, но, конечно, вполне умеренно.

— Боюсь, что до импортного кафеля я еще не дорос, — грустно пожаловался Булат.

— О чем ты говоришь?! — с гневом замахал на него руками Тлеубаев. — Если честно составить смету, все это будет вполне по деньгам! И будешь жить, как в раю!

— М-да-а... — Булат немного подумал и решительно отказался: — Знаешь, я, пожалуй, в рай не спешу.

— Жену, уважаемую женщину, замечательного врача — ее весь город знает! — один ты не жалеешь! — расстроился Махамбет. — Уехала раз в жизни в командировку — нет бы сделать ей сюрприз! Прилетает, ни о чем не думает, входит... Подарок такой всю жизнь ценить будет!

— А что, любой человек может зайти в контору и заказать себе прекрасный ремонт? — спросил нерешительно Булат.

— Что значит «любой»? — серьезно ответил Тлеубаев. — У нас нет «любых»! Но хороший человек безусловно может сделать ремонт.

— А что такое «хороший человек»? — заулыбался Булат.

— Хм-м... Вообще-то, говорят, нет людей хороших и плохих. Есть люди, которые хорошо к нам относятся, а есть, которые плохо. Вот и все...

— А мудреца, который тебе объяснил насчет людей хороших и плохих, как зовут? Не Эдуард Николаевич?

— Да, Эдуард Николаевич, — спокойно сказал Тлеубаев. — Виноградов. И должен тебе сказать, что он тоже очень хороший человек.

— Что-то не показались мне твои приятели Виноградов и Асылбеков такими уж хорошими людьми, — сказал с сомнением Булат.

— Ты хотя и работаешь на такой ответственной работе, а в людях разбираешься плохо, Булат, — с достоинством возразил Тлеубаев. — Виноградов и Асылбеков очень хорошие люди, еще какие хорошие! Можно

сказать, из будущего люди! Сердечные, отзывчивые и, главное, чего ты не понимаешь, — очень уважаемые в городе. К сожалению, ты просто их плохо знаешь.

— Я их знаю, действительно, плохо, — засмеялся Булат. — Но я стараюсь узнать их лучше и думаю, мне это удастся.

— Ладно... — махнул рукой Тлеубаев. — Пока это не имеет значения. Завтра я приступаю к смете.

— Знаешь, Махамбет, пока не стоит. Неохота мне заводиться с этим ремонтом. Я надеюсь, что в будущем году мне дадут новую квартиру.

Прокурор Шатохин разговаривал по телефону. Он показал Булату на стул и ответил своему телефонному собеседнику:

— Нет, с этим я согласиться не могу. Нераскрываемых преступлений не бывает — есть преступления, которые не удалось раскрыть...

Булат достал сигареты, но Шатохин грозно указал ему пальцем на плакатик: «Одна сигарета равна...», и следователь сник. Голос в трубке рокотал начальственно, а Шатохин тем временем делал вращательные движения головой — разминал шейные позвонки. Наконец прокурор сказал вежливо:

— Да, да, безусловно хорошо, но — непрофессионально! Мы не можем рассматривать это как дорожно-транспортное происшествие! Степанов умышленно использовал машину как орудие преступления... Да кто же не считается с общественным мнением — по этому делу мне уже человек семь звонили. Обязательно... Всего вам самого доброго... — Прокурор положил трубку, тяжело вздохнул и сообщил Булату: — Скорее бы ты заканчивал, житья от них нет.

— А что говорят?

— Ну, что потерпевшие не имеют, мол, особых претензий к Степанову, хотели бы только, чтоб ты им перестал нервы мотать... — прокурор едко улыбнулся.

— Погибший Дрозденко тоже об этом просил?

— Да... — со злой усмешкой сказал Шатохин. — Его вдова, признанная потерпевшей, тоже об этом просит.

— Трогательная картина всеобщего прощения, — сказал ехидно Булат.

— Это верно, они очень мало похожи на святых... — Шатохин встал, подошел к окну. В мусорной корзине Булат заметил порожнюю пачку «Мальборо». — ГАИ проводит месячник безопасности движения, а такой вопиющий, дикий случай застрял в прокуратуре! Все звонят, все спрашивают!

Сюда ходят... Что им отвечать? — В голосе прокурора слышалась сильная досада.

— Вы только что исчерпывающе объяснили — эта история не имеет отношения к автотранспортным происшествиям. Все равно, что привлекать поезда вора за безбилетный проезд.

— Спасибо, что растолковал! — сердито буркнул Шатохин. — У этого прохвоста Виноградова большие связи — дают отовсюду. Мягко, вежливо так интересуются: что, мол, у вас там происходит? Одного убили, другого искалечили, и их же мучают вопросами-расспросами-допросами...

— Мы никого не мучаем. Мы спрашиваем. Ищем...

Шатохин засмеялся:

— Один знаменитый человек говорил, что в науке важны не поиски, а находки. Тебе не кажется, что это и к нам имеет отношение?

— Наверное... Вчера ко мне явился приятель детства. Вполне симпатичный милый жулик...

— И что?.. — грозно насунился Шатохин.

— Он тоже говорил о несчастных пострадавших людях, очень хороших, уважаемых в городе... которых я мучаю своими вопросами... — Они помолчали, и взгляды их неожиданно скрестились на предательски красневшей в корзинке пачке «Мальборо». — Интенсивность обороны этих ребят пока не соответствует моей атаке — они перестарались. И я убежден, что за наездом Степанова кроется какое-то другое серьезное преступление. Поэтому я прошу санкционировать дополнительный срок расследования.

Шатохин в отчаянии всплеснул руками...

За дверью раздавались крики, хохот, музыка. Ребята праздновали день рождения Марата. Когда Булат вошел в прихожую, они уже стояли одетыми — собрались уходить. Булат обнял сына, протянул ему подарок, сказал: «Поздравляю, сынок!» Марат сдернул обертку — венгерский черно-белый футбольный мяч «Артекс». Ребята взвыли от восторга. Проворный, юркий Олжас подскочил к Булату:

— Дядя Булат, вы уже поймали убийцу?

— Какого убийцу?

— Ну того, что нож бросил. Помните, мы нашли...

— Нет, сынок, — огорченно сказал Булат, — пока не поймал. Но я очень стараюсь и думаю, что найду.

Булат прошел на кухню, где хлопотала Бибигуль, обнял, поцеловал ее:

— Поздравляю с внуком! Он, конечно, не самый лучший, но все-таки терпимый.

— Ладно-ладно тебе, — засмеялась Биби-

гуль. — Сегодня он самый лучший. Лила звонила из Москвы, сказала, позвонит позже.

Захлопнулась входная дверь, простучали легкие шаги Марата, приблизились звуки музыки — мальчик влетел на кухню с магнитофоном в руках.

— Смотри, папка, это «Панасоник», японский... на батареях!

— Неслыханно и замечательно! — восхитился Булат. — Откуда?

— Олжас принес.

— Поиграть, что ли?

— Не-ет, это он мне на день рождения подарил!

Улыбка сбежала с лица Булата.

— Что-о? Магнитофон подарил?! Кто-кто?

— Ну я ж тебе говорю: Олжас Асылбеков!

Лицо Булата исказилось от злобы и унижения. Он переспросил негромко:

— Олжаса фамилия — Асылбеков?

— Да! Ты же его видел у меня много раз... — Марат не мог сообразить, что происходит, но сияние счастья на его круглой мордочке быстро меркло.

— Д-да... действительно... я его видел. Но не знал фамилии... — Булат старался говорить спокойно. — А где работает его отец?

Марат пожал плечами:

— Он боксером был раньше... У них дома фотография висит. А сейчас, по-моему, он начальник... Но веселый... — на лице мальчика было недоумение.

Бибигуль подала Булату тарелку с едой, но он отодвинул ее, мягко спросил:

— Сынок, а ты был у Олжаса на дне рождения?

— Да! У него в июне...

— А что ты ему подарил?

— Авторучку. И красивую папку. Мне мама дала, там еще было написано: «Съезд кардиологов».

— Тогда объясни мне, Маратик, почему же в ответ Олжас приносит тебе такой дорогой подарок? Ты понимаешь, сколько стоит магнитофон?

— Папа, но они же гораздо богаче нас! — чистосердечно сказал Марат.

Булат горько улыбнулся, взял у Марата магнитофон и пошел в комнату. Аккуратно упаковывая аппарат в шикарную коробку, он сказал:

— Если хочешь, Маратик, спроси у бабушки Бибигуль, и она тебе ответит: добрый человек принимает только такие подарки, какими может сам одарить. Заработать и одарить. Сколько зарабатывает в месяц твой друг Олжас?

— Нисколько не зарабатывает! — рас-

сердился Марат.— Ты же знаешь, он еще учится!

— Вот именно! Когда вы подрастаете, вычитесь и начнете сами зарабатывать, тогда уж покупайте магнитофон и дарите их друг другу на дни рождения. А сейчас нехорошо получается: ты ему авторучку и папку кардиолога, а он тебе магнитофон, который ему отец купил. Это несправедливо...— Булат заклеил крышку лентой-липучкой и протянул коробку Марату:— Сынок, беги к Олжасу, верни магнитофон... И скажи: мы с тобой посоветовались и решили, что ты пока еще не заслужил такого дорогого подарка. Понял?

Марат, кусая губы, взял коробку и вяло зашагал в прихожую. В глазах у него стояли слезы.

В кабинет Булата вошел Тулегенов.

— Здравия желаю! Какие сегодня поручения?

— Не поручения, дорогой,— просьба,— устало сказал Булат.— Я не большой специалист по делам о хищениях...— Долговязый лейтенант кивнул.— Поэтому я связался с вашими коллегами из ОБХСС.

— Моя задача?

— Я думаю, Степанов каким-то образом попал... не знаю — вмешался, а, может, и участвовал... В общем, не дают покоя мне шашлыки у той дороги. Понять бы, откуда берется мясо...

— У вас есть какие-то доказательства? Или факты?

— Пока ничего... Только ощущения и догадки. Да и парень там — пробы ставить негде... И скользкий. Поэтому я и подключил ОБХСС. А вас прошу помочь им. И — постоянная связь со мной.

Распахнулась дверь кабинета в следственном корпусе.

— Арестованный Степанов доставлен! — доложил конвойный. Булат отпустил его и без всяких прелюдий сообщил Степанову:

— Если мы сегодня с вами не договоримся — я выхожу из игры!

— В каком смысле? — поразился Степанов.— Вернете дело старому следователю?

— Что-нибудь в этом духе,— подтвердил Булат.— Мне надоело играть с вами в подкидного дурака.

— А почему в подкидного дурака?

— Потому что ты все время подкидываешь своих самодельных валетов. Меня терзает начальство, давит общественное мнение, истекают сроки следствия, а ты по-прежнему гонишь липу.

— А вы бы что хотели от меня услышать? — прищурился Степанов.

— Правду. Ты мне все — или почти все — врешь! — сказал он со сдержанной яростью.— В самом первом объяснении ты написал правду... А потом спасовал — видно, испугался этих жуликов. И теперь пляшешь под их дудку!

— Ка-анечно! Самый смысл им поддакивать,— злобно-иронически протянул Степанов.— Глядишь, мне медаль за убийство дадут!

— Не знаю, в чем твой смысл. Но по логике — либо ты с ними вместе воруюешь, либо они про тебя что-то знают, и ты их боишься!

У Степанова затряслось лицо, он вскочил с табурета и заговорил злым шепотом, глядя Булату в глаза:

— Я?! Я-а-а?!.. Ворую — с ни-ими?! Да ты совсем олоупумел! Я... я... — он захлебывался словами,— я честный человек! Я в жизни чужой копейки не взял!

— Врешь! — заорал Булат и тоже вскочил с места.— Врешь! Не верю я в твою честность! Ты, сидя здесь, какой-то свой интерес защищаешь! Свой! Ишь ты, честный... А укрываешь отъявленное жулье!

Степанов сник, осел на табуретку, вяло, с досадой сказал:

— Да не орите вы... Как бы пупок не развязался... Все-то вы про меня знаете, все понимаете...

— Не понимаю! Много чего не понимаю... Но знаю уже немало! Знаю, что ты остановился, когда они Плахотина вовсю лупцевали... И не бил ты его... по тыкве. Знаю, что Асылбеков на тебя с ножом бросился! И нож этот я нашел!

— Нож? — устало удивился Степанов.— А что — нож? Они без ножа кого хошь зарежут. Хуже уголовников. Раньше блатного по сапогам да по челке за версту опознать можно было, а эти... в «адидас» упаковались, на «жигулях» катаются...

— А ты, борец за справедливость, правдолюб, что же ты не даешь мне их по закону прищучить? — тихо спросил Булат.

— А что толку? — грустно усмехнулся Степанов.— Законы у нас справедливые, а жулики живут лучше всех... И стоит прихватить одного — все на их стороне. И свидетели готовы, и алиби доказано, и улики никаких. Даже случай счастливый — и тот у них в колоде припрятан. И везде у них рука мохнатая имеется.

— Правильно,— согласился Булат.— Потому что честные люди смотрят на их делишки и плечиками пожимают: «что подлаешь?» И отворачиваются брезгливо, вон, как и ты... Ведь ты знаешь, что они воруют?!

— Конечно, воруют,— просто сказал Сте-

панов.— С чего бы еще у них такая роскошная житуха?

Булат взял ручку, подвинул к себе протокол, но Степанов быстро сказал:

— Нет-нет, вы перо свое отложите... Я для протокола ничего говорить не собираюсь. Да и не докажешь...

— А что ты можешь сказать не для протокола?

— Ну спросить хотя бы, сколько ваша жена покупает мяса?

— Килограмма два, я думаю.

— И что она из него готовит?

— Первое, второе, пирожки... ну и всякое, что придется...

— Ага, что придется... И стоит все это четыре рубля. А теперь посчитайте: если не два кило, а полтонны мяса приготовить и по ресторанной цене — семь рублей — растолкать по людным местам! И еще: сколько стоит пять тысяч шашлыков по публике штука, можете посчитать?

— Посчитать-то я могу,— засмеялся Булат.— Да кто ж мне полтонны мяса даст?

— А вы с кольцевого завода — по больницам, магазинам, санаториям, детским садам и так далее — удержите полтонны, это не проблема — вот и достанется вам на долю по тыщонке каждый раз...

— И если я тебя правильно понял — ты отказался?

— Да никто меня и не спрашивал! — махнул рукой Степанов.— Они ребята геройские — от безнаказанности совсем тормоза стерлись...

И замолчал. Булат походил по кабинету, потом спросил:

— Кто на тебя первый напал? Ахмет? Дрозденко?

— Ничего больше не скажу, никто на меня не нападал! — замотал головой Степанов.

— Почему? Ты ведь и так сказал мне много важного...

Степанов резко перебил:

— Вот и хватит. Разговорился, потому что на душе накипело. Все...

— Все? А я хотел тебе честно объяснить: если будет доказано, что на тебя напали, реально угрожали ножом, суд может усмотреть в твоих действиях необходимую оборону. В этом случае попытка вырваться от них на машине не может рассматриваться как умышленное убийство...

Недоверчиво глядя на следователя, Степанов сказал упрямо:

— Не ищу я себе снисхождений... Сам виноват, сам отвечать буду...

— А в чем же ты виноват? В чем вину свою усматриваешь?

— В глупости собственной...— Степанов взял сигарету, прикурил.— В армии еще,

в шоферском классе, инструктор-сержант предупреждал: следите за полотном шоссе, объезжайте на дороге сбитых кошек и собак...

Они долго молчали, пока Булат не спросил его:

— Сбитая собака — это Плахотин?

— Неважно...— махнул рукой Степанов, подбородок его предательски задрожал, и он отвернулся к стене. Потом глухо сказал:— Отправьте меня, пожалуйста, в камеру...

К ресторану «Звездный» Булат подъехал около семи вечера. Оркестранты пробовали свои певучие электроинструменты, и звуки медленно замирали в полупустом зале. Только в дальнем углу раздавались всплески хмельного хохота и радостные крики подгулявшей компании. Туда и мчалась «летчица» — официантка Марина с бутылками на подносе. Булат перехватил ее:

— Здравствуйте, Марина! Я к вам в гости...

Она мгновение присматривалась к нему, потом узнала и засмеялась:

— А-а! Добро пожаловать! Вот мой стол, садитесь. Что будете пить, кушать?

— Чашку кофе.

— Одну чашку кофе? — удивилась она.

— Можно две. Если так полагается...

— Собственно, как хотите. Просто я удивилась — из-за чашки кофе идти в ресторан...

— А я не из-за кофе. Я из-за вас. Вы мне понравились...

Один из гуляющих в углу вскочил и пронзительным голосом заapel: «Денежки, как я люблю вас, мои денежки!..» И тут же, ему в поддержку, грянул оркестр. Пришла Марина с кофе и спросила любезно:

— Больше ничего заказывать не будете?

— Заказывать не буду. Я буду говорить о своих чувствах к вам...

— Тогда нам надо подыскать другое место и другое время,— усмехнулась Марина.— Завтра я не работаю...

— К сожалению, у нас ограниченный выбор,— перебил Булат.— У вас на работе или у меня на работе. Вряд ли разговор в прокуратуре вам на пользу.

— А что такое? — испугалась она.

— Вы присядьте, а то неудобно говорить — вы же дама.

— Нам не полагается садиться за столики,— поджала она губы.

— Со мной можно. Садитесь, садитесь...— Она неловко села.— Вы не задумывались, Марина, почему я вас до сих пор не пригласил к себе?

— А зачем вам меня приглашать? Нечего мне у вас делать!

— Как сказать! Ведь я из тех мужчин, которым дамы никогда не отказывают в свидании.

— Да-а?

— Да-да, поскольку я их вызываю повестками. И сам решаю, есть им чего делать у меня или нечего. Вот как раз вам — есть.

— Чего же тогда не вызвали?

— У вас бы сразу начались большие неприятности.

— Какие еще неприятности? — сердито спросила Марина.

— Привлечение к уголовной ответственности. Или это пустяки?

— Меня — к уголовной ответственности? Но почему?

— Потому что ваш любимый Сурик по прозвищу «честность» и остальные его дружки поставили вас в довольно опасное положение.

— Чем?..

— Они заставили вас сказать, будто вы не были на месте происшествия. Подождите, не перебивайте... оставьте себе пути к отступлению.

— Но я ничего не знаю, — вяло пробормотала она.

— Кое-что вы знаете. Они и боялись, как бы вы не наболтали лишнего. А так — не было вас на месте, и говорить не о чем. Но вы там были, и вас там видели!

— М-меня видели?... — со страхом переспросила Марина.

— Конечно! И если вы в прокуратуре хотя бы зайкнетесь о том, что вас не было на месте, я сразу же привлеку вас к ответственности за дачу ложных показаний по статье сто восемьдесят первой Уголовного кодекса. Вам понятно? Не Сурика, не Асылбекова, не Виноградова, а именно вас! Ясно?

— Да что вы все хотите от меня? — взмолилась девица.

— Я хочу только, чтобы вы ответили на один вопрос.

— Я с удовольствием, если могу... — беспомощно сказала Марина.

— Можете, можете! За что ваши дружки били шофера Плахотина? Помните, вы еще сами сказали: «накидали ему банок»?

— Честное слово, я подробностей не знаю! — она прижала руки к груди. — Честное слово! Я краем уха слышала, что он не привез какое-то мясо... или не туда привез. А может, долг за мясо не вернул, что ли... И больше я ничего не знаю! Честное слово! Чем хотите клянусь!

— Да не надо... Я вам верю... — Булат допил кофе и встал.

Тулегенова он встретил у подъезда прокуратуры.

— Я вас дожидаюсь, — сказал нетерпеливо лейтенант.

— Значит, есть ценная информация?

— Это мы еще посмотрим, насколько она ценная, — снисходительно улыбнулся Тулегенов. — В ОБХСС есть сведения, пока непроверенные, что мясо воруют с базы.

— Хорошо, что не с пастбища, — заметил Булат.

— Там счет по головам, не украдешь, — без юмора ответил Тулегенов. — Так вот, во время кольцевого завоза наши «клиенты» возят мясо по документам — все законно, правильно. Но каждому законному получателю не догружают сто-двести кило и сразу же сбрасывают их на точках общепита.

— Понятно...

— Ребята из ОБХСС предлагают завтра провести операцию...

— Очень хорошо! И к Ахмету повезут?

— Скорее всего. И еще — они почти уверены, что повезет «левое» мясо Плахотин.

— Я тоже так думаю: он с виноградовской компанией не рассчитался, должок за ним. Что нам с тобой делать?

— Ждать до завтра. Как только Плахотин загрузит машину, ребята нам позволят...

Булат сидел в большой комнате просторного дома Степановых, обставленной безликой современной мебелью. На стене висел большой портрет Александра в солдатской форме. Отец его каменно молчал, а мать, моложавая подвижная женщина, жаловалась:

— Характер у Сашеньки трудный, — говорила она. — Он ведь каждой бочке затычка, а так жить с людьми нельзя. Не любят они этого... И с Вадиком сладу нет... Мы ведь с отцом всю жизнь для них добро наживали, а Вадик на каждое слово — «мещанство», «пошлость»... «у вас сознание мелкобуржуазное!» Надо же, а? Мы с отцом спину гнем и мы же — буржуи! А как сердиться на него? Со всех сторон говорят: он у вас талант! Конечно, теперь вся надежда на него, вон учительница, Белла Семеновна, так и сказала: гений он у вас...

— Очень может быть, — подтвердил Булат. — А отношения у братьев хорошие?

— Да еще какие! — воскликнула Степанова, а отец кивнул. — Отец-то наш в Сибирь ездил, на заработки, так Сашка был Вадик и брат, и отец, и воспитатель. И всегда говорил: наш Вадька большим профессором станет...

На крыльце протопали быстрые шаги, и послышался голос Вадима:

— Мама, быстренько поесть, я убегаю... — открылась дверь, Вадим увидел следователя и замер. Неуверенно подошел, протянул руку.

— Здравствуй, Вадик, — спокойно сказал Булат. — Вот, заглянул к вам, посоветоваться хотел...

Степанова вскочила, засуетилась:

— Сейчас, сынок, яшенику сжарю... Сыр, кофе с молоком будешь? — Вадик кивнул. — А ты, отец, вставай, иди переключи баллон с газом.

Они вышли, и Булат спросил доброжелательно:

— Жизнь, как у всех, — в гоньбе и спешке?

— Ничего не поделаешь... Мне предложили интересную проблему — поля Янга-Миллса... Этот вопрос сопрягается с моей работой по второй теореме Гёделя. Очень перспективно! Только времени все не хватает...

— Вадик, я хочу задать тебе вопрос: куда ты так торопишься?

— Сейчас? Или вообще? — он удивленно смотрел на Булата.

— Вообще. Ну... в жизни.

Он снисходительно усмехнулся:

— Творческому человеку отпущено мало времени. И кто опоздал в молодости, тому нечем заниматься в старости. Между прочим, великий математик Эварист Галуа вывел свои замечательные «ряды Галуа», когда ему было восемнадцать...

— Знаю... — кивнул Булат. — Лермонтов в двадцать семь уже погиб...

Они помолчали, и было слышно, как мать на кухне гремит посудой.

— Ты Сашу любишь? — спросил неожиданно Булат.

— Конечно! — поспешно сказал Вадик. — Ведь он мой брат.

— Хорошо бы тебе почаще вспоминать об этом.

— Я не забываю, — придушено сказал Вадик.

— Я не верю тебе... И не верю, что ты проспал все события на стоянке.

— Но... почему?... — пробормотал Вадик, глядя в сторону.

— Сейчас решается судьба твоего брата. Подумай об этом...

— Я же вам сказал на допросе все... — голос его неожиданно стал жестким. — Все, что необходимо и достаточно... Мама, ты дашь мне поесть наконец?!

Булат нетерпеливо прохаживался по тюремному коридору. Вот конвоир привел

Степанова, Булат быстро расписался в наряде, бросил арестованному:

— Все, больше я от тебя добиваться правды не буду...

— Ну и слава богу, — грустно кивнул Степанов. — Скорее в суд пойду. — Он закурил и спросил как бы равнодушно: — А правда больше не нужна?

— От тебя — не нужна! Я и сам наконец понял...

— И что же вы поняли? — с прорвавшимся волнением спросил Степанов.

— Все. Или почти все... Теща объяснила...

— Теща?..

— Ну да. Она моему парню сказку рассказала — про козу.

Вышла козочка хозяйская на лужок перед домом и съела молодую траву. Хозяйская собака увидела поправу, стало ей обидно — загрызла глупую. Палка хозяина рассердилась, что собака навредила, — и убила ее. Огонь в очаге пришел в злость — и сжег палку. Вода в лохани наказала огонь за горячность, плеснула — загасила очаг. Явился бык и в гневе на воду выпил ее всю... Как, интересная сказочка?

— Пока еще трудно сказать...

— Тогда слушай дальше. Пришел сосед хозяина и зарезал быка. Ангел смерти от ярости поразил соседа молнией. И явились они все к богу. А тот их всех наказал и объяснил: каждый из вас был прав в своем суде, да только никто вам права суда не давал! Тебе — понятно?

— Не совсем, — нахмурился Степанов. — Я-то кого судил? Виноградова? Асылбекова?

— Не-ет, Степанов. Ты закон судил. Ты ни мне, ни справедливости людской не доверился, ты свою особую правду выдумал — вот и пришлось подпевать жуликам, которых сам презираешь и ненавидишь! И поэтому они — потерпевшие, а в тюрьме — ты!

— Я в тюрьме не поэтому... — глухо сказал Степанов.

— Да знаю я уже, почему ты здесь... Я ведь тоже кое-что в жизни повидал. Сидит иной рецидивист, в краже копеечной кается, обложит сам себя уликами — иголку не просунешь... А где-то в глубине висит на нем убийство...

— Мое преступление на поверхности было, — сказал Степанов упрямо.

— Вот именно! — усмехнулся Булат. — Я из-за этого и не мог сообразить что к чему. Пока сам себя не спросил: зачем он так рвется в тюрьму? Чего он хуже тюрьмы боится?!

— Теперь сообразили? — дрогнувшим голосом спросил Степанов.

— Сообразил! — твердо ответил следова-

тель.— И разбираться с вами со всеми буду круто...

Продуктовый фургон разъезжал по городу. Маршрут у него был причудливый: санаторий «Родник» — кафе «Отдых», школьный интернат № 5 — закусочная около рынка. На почтительном расстоянии за фургоном следовали, сменяя друг друга, то «жигули», то «запорожцы» с быстроглазыми молодыми людьми, которые вели фото- и киносъемку... И вот уже фургон с Плахотиным за рулем выехал на шоссе, промелькнули самодельные щиты рекламы, автостоянка, лихой вираж к мангалу, задний ход... Плахотин выскочил из кабины, переговорил с Ахметом, распахнул створки кузова, залез туда и принял выбрасывать на руки Ахмету и его подмастерью бараньи туши... Выгрузка заняла несколько минут, потом Плахотин спрыгнул на асфальт, помог шашлычникам оттащить мясо, хлопнул Ахмета по плечу и пошел к кабине. Распахнул дверь... В кабине сидел Булат, покручивая на пальце ключи зажигания. Плахотин с ужасом посмотрел на следователя, а тот спокойно сказал:

— Садитесь, Плахотин, отдохните... Накрутились с утра...

Плахотин послушно влез на сиденье, механически оглянулся в окно — и сник совсем: около мангала стояли одинаковые «жигули», молодые люди, не похожие на автотуристов, окружили «предприятие», двое обыскивали Ахмета, Тулегенов вынимал мясо из-под разделочного стола, из картонной коробки доставали вырубку...

Дежурный сержант закончил откатывать на дактилоскопическую карту пальцы Плахотина, обтер их тряпочкой и сказал Булату:

— Сейчас высохнет, и отправим...

— Тоже мне злодея сыскали,— трусливо-зло сказал Плахотин.— Отпечатки берут, будто я убийца...

— Вы не убийца,— успокоил его Булат.— Но злодей самый настоящий. Так что доставать я вас буду до самых печенок!

— За что? Вам-то чего я сделал? А еще пишут: у нас органы справедливые, беспристрастные!.. Перед законом все равные!

— Так оно и есть: перед законом все равны. Да я-то не закон, я человек...

— И что из этого?

— То, что я подлецов ненавижу!

— А что вы оскорбляете? Чем это я подлец кого другого?

— Ну, извини... А подлее тем, что посадил человека, который бросился спасать твою

шкуру! Я тебе обещаю: сколько сил моих хватит... раскручу тебя на всю катушку...

— А я не дамся! — закричал фальцетом Плахотин.— Отвод заявлю!

Булат засмеялся и вкрадчиво сказал:

— Не выйдет, Плахотин,— у нас личных отношений нет... А сто восемнадцать кило украденного мяса — вот они, на тебя любуются! Да еще в кафе, да еще в закусочной — их не посчитали пока... Слышишь, как кричат бедные барашки жалобными голосами?

— Не слышу... — ответил Плахотин.

— И зря... Тем более, что Виноградов и Асылбеков далеко, пируют, наверное, в бане, а ты уже здесь!

— Да что же мне делать-то, гражданин следователь? — запричитал Плахотин.— За всех отдуваться? Я же винтик ничтожный, шнурочек на ботинке...

— Пока что за всех отдувался Степанов, и вас это устраивало... А вы — не хотите отдуваться за всех? — используйте единственный шанс...

— Да я с удовольствием! — закричал Плахотин.

— Тогда кончайте врать. За что вас били компаньоны?

— За мясо! Я деньги вперед получил, за тонну, а тут случай подвернулся... я его шеф-повару ресторана «Ала-Тау» скинул...

— Он больше заплатит?

— Ну, вроде бы... Я потом собирался Асылбекову отдать... И все не выходило как-то... Вот они меня у шашлычной и подловили...

— И что — деньги потребовали?

— Да кабы деньги — ладно! Только им две тыщи — тьфу! — Плахотин вскочил и впервые с искренней горечью закричал: — Им подавай мясо! Бьют, сволочи, и приговаривают: «Запомни, шоферюга поганый, кто нас обманет, ушиотрежем... И другим передай!»

— Кто именно бил?

— Егизаров свалил подсечкой, а Валера Асылбеков давай ногами катать... гад наглый, ребра поломал... Я сейчас вдохнуть не могу... — И вдруг он заплакал. По-настоящему. Горько, вслух — от давнего унижения, боли и страха. Размазывая грязными руками по лицу слезы, он быстро бормотал: — Сажайте меня, теперь все равно... Только их, подлюг, достаньте... Пусть в камере повалются...

— А Виноградов принимал участие в драке?

— Ну да, станет он об нас мараться! А вся шайка на что? Когда их Сашка Степанов начал крушить, Эдуард Николаич сказал, тихо так, — режьте его, паскуду! Асылбеков и выхватил свой тесак — на Саш-

ку. А тот — солдат... ловкий, дай бог здоровья, кабы не он, может, убили бы они меня...

— Так что Степанов? — поторопил шофера Булат.

— Он отскочил на дорогу, ногой попытался выбить нож, да Валерку тоже за так не возьмешь, боксер он бывший... Заметил Сашка, что остальные со спины заходят, и побежал к шоссе... От машины, от пацана своего уводить их стал...

— Почему? — настойчиво спросил Булат.

— Как почему? Он же знал, с кем дело имеет! Вгорячах и мальчика полоснут, за просто... А оно, вишь, как обернулось...

Прокурор Шатохин был смущен. Он говорил возбужденно:

— Проступок, совершенный безнаказанно, кажется людям дозволенным! А ты все-таки молодец, что ни говори, дождал их до полу, уложил на лопатки... Кстати, померяемся?

Булат кивнул, принимая этот знак неслышанного интимного доверия. Они уперлись локтями о стол, сцепили кисти, пытались положить руку соперника.

— Это пожалуйста... — бормотал Булат. — Это вам не стойка на руках...

Шатохин покраснел, на шее надулась вена, он говорил хрипло:

— А ведь как нам мешали!.. Житья не было!.. — Руки, дрожа, стояли вертикально. — Каждый день звонки: «у вас не следователь, а чудовище, тиранозавр какой-то!»

— Санкционируете? — спросил Булат с натугой. Шатохин кивнул, и тут же рука его легла на локоть. Он потряс затекшей кистью, сказал со смехом:

— Эх ты! Не понимаешь субординации, — взял в руки со стола постановление, прочитал его внимательно, поднял взгляд на Булата: — У Петьки Верещагина, дружка нашего, будут большие неприятности... — И размашисто вписал в угловой штамп подпись.

— Боюсь, что будут... — сказал Булат со вздохом.

Шатохин протянул ему бланк:

— Не было б счастья — несчастье пошло. Не возьмет теперь тебя Петька к себе. У меня и дальше трубить будешь...

Держа в руках постановление, Булат вышел в коридор. Навстречу конвойные вели Степанова.

— Меня переводят? — прямо с порога спросил Степанов.

— Да. Садитесь, Степанов. Вот постановление, распишитесь на нем...

— Пожалуйста... — растерянно и досадливо усмехнулся он. — Столько раз подписывал, можно еще разок...

— Такое еще не подписывал, — покачал головой Булат.

— А что это?

— Постановление об освобождении из-под стражи.

У Степанова так затряслись руки, что он никак не мог попасть пером в нужную строку. Пот заливал ему лицо.

— А почему вы меня освобождаете? — спросил он хрипло.

— Потому что располагаю убедительными доказательствами реальной угрозы вашей жизни во время драки... Попытка вырваться на машине, даже с риском для нападавших, была в пределах необходимой самообороны. Понятно?

— Н-ну, допустим... — угрюмо кивнул Степанов.

— Так что мы не говорим об умышленном убийстве. Ведь вы не хотели убивать Дрозденко и Егизарова?

— Я никого не хотел убивать... — потерянно сказал Степанов.

— Я знаю. Тем более, что и сделать это было вам затруднительно... — Степанов вопросительно посмотрел на Булата. — Да-да, согласитесь, трудно задавить двух людей, если вы не сидите в это время за рулем? А?

Степанов опустил голову, помолчал, потом сказал с мукой:

— Вы, наверное, думаете, что сделали мне доброе дело?

— Думаю, — уверенно сказал Булат. — Но вопрос не в этом, Саша... Я уже тебе говорил: нам с тобой никто не давал права судить. И у меня есть только одно право — узнать правду! — Булат подошел к двери, распахнул ее; на скамейке в коридоре сидели Тулегенов и Вадим. — Заходите!

Вадим сделал шаг и замер в дверях. Братя не отрываясь смотрели друг на друга. Булат похлопал Вадика по плечу, усидил, открыл том дела:

— Степанов Вадим Алексеевич, семнадцать лет, студент университета, беспартийный... Все верно?

— Да...

— Вадим Алексеевич, я намерен освободить из-под стражи вашего брата... Теперь вы мне расскажите, что произошло в ту ночь на стоянке? Вы готовы что-либо добавить к своим прежним показаниям?

Повисла ужасающая пауза. Ее прервал Александр.

— Не мучайте его! Нечего ему добавлять! — хрипло сказал он.

И эхом откликнулся Вадик:

— Нечего мне добавлять...

Булат прошелся по кабинету, сказал горько:

— Да-а, действительно... Чего уж добавлять к тому, что ты, Вадик, сел за руль «победы», врезался в толпу и... задавил двоих... Вот какая там случилась история...

Помертвелыми, непослушными губами Вадик прошептал:

— Я не хотел... не думал... Я просто не сумел...

— Догадываюсь,— кивнул Булат.— А брату пришлось взять на себя не только твою вину, но и вину этих уголовников...— Он подошел к Александру, который сидел у стола, обхватив голову руками, потрепал его по плечу: — Ничего не поделаешь — плата за их согласие подтвердить, что за рулем был ты, а не он...

Степанов вскочил со стула:

— Поверьте, Вадик не хотел... Когда они побежали за мной с ножом, он думал подхватить меня...— Булат скептически покачал головой. Умоляюще глядя на него, Александр привел новый довод: — ...Он просто машину плохо водит...

— Я знаю,— успокоил его Булат.— В ГАИ мне сообщили, что ваш брат сдавал экзамен на права и провалился. Так что все ясно. Вы, гражданин Степанов, свободны. Можете идти...

— А я? — спросил Вадик.

— Вам придется задержаться,— сухо обронил Булат и повторил Александру: — Вы свободны!

Пятясь, заглядывая следователю в глаза, Александр сказал:

— Я в коридоре подожду...

— Это ваше дело...

За ним закрылась дверь, наступило молчание.

— Все, что там произошло, я готов рассказать...

— Высоко ценю вашу готовность помочь следствию,— сказал Булат и горько добавил: — Правда, я и так уже все знаю...

— Не все! Вы не можете все знать! Саша, когда это случилось и я был почти в обмороке, сказал мне: «Молчи! Ты спал! Ты спал! Ничего не видел, понял? Ни-че-го! За меня не бойся, я отобьюсь, а тебе в тюрьму нельзя...»

— Конечно, нельзя вам в тюрьму,— поддержал Булат.— Вам же утром в университет...

— Зачем вы так говорите? — у него страдальчески сморщилось лицо.

— Затем, что только мы с вами знаем все. Даже брат— и тот не все знает...

— А чего он не знает? — отшатнулся Вадик.

— Он уверен, что ты бросился его спасать, когда они погнались за ним с ножом... Поехал спасать его от смерти...

— Но я не хотел никого сбивать...— снова залепетал Вадик.

— Да верю я тебе, конечно, не хотел...— Булат грустно и тяжело вздохнул и сказал: — Ты просто плохо водишь. Но поехал ты не спасать Сашу, ты рванул в сторону от страха! Ты просто хотел убежать!

— Неправда... Это ваши домыслы!..— слабо возмутился Вадик.

— Ясное дело — домыслы. Я же не собираюсь доказывать это по делу. В уголовном праве нет таких преступлений — трусость, подлость... И запомни: большим профессором ты, может, и будешь, а вот стать таким человеком, как твой брат... это много труднее... Сейчас иди, ты свободен, а завтра явишься к одиннадцати на очную ставку со всей этой компанией. Следствие продолжается...

ВИКТОРИЯ САМОЙЛОВНА ТОКАРЕВА окончила Ленинградское музыкальное училище, а в 1969 году — сценарный факультет ВГИКа. Член Союза писателей СССР. Автор сборников рассказов «О том, чего не было», «Когда стало немного теплее», «Летающие качели», «Ничего особенного», «Экспромт-фантазия». По сценариям В. Токаревой поставлено более десятка фильмов, в том числе: «Джентльмены удачи», «Совсем пропащий», «Мимино», «Шла собака по роялю».

Фильм по литературному сценарию В. Токаревой «Звезда в тумане» готовится к постановке на киностудии «Узбекфильм».

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

ЗВЕЗДА В ТУМАНЕ

Собаке по кличке Бой делали электрокардиограмму. Профессор Азиза Усманова нажимала на кнопки прибора. Шла лента с информацией. Азиза внимательно изучала показания.

Бой с преданностью смотрел на свою хозяйку в белом халате. Он болтал хвостом, как маятником, и улыбался. По всему было заметно, что Бой пребывал в прекрасном расположении духа.

— Молодец, Бой! — похвалила Азиза и выключила прибор. — Ты — настоящий товарищ!

В кабинет заглянула секретарша и сообщила:

— Пришли!

Иностранцы, переводчица и представители института уже сидели за длинным столом кабинета директора.

— Азиза Усманова! — представил Рустам вошедшую Азизу. — Профессор-нейрофизиолог, создатель современной информационной теории эмоций.

Переводчица перевела.

Иностранцы с большим уважением посмотрели на Азизу.

— Госпожи Марианна Хансен и Хелла Деальгард, представители феминистического движения Швеции, — познакомила переводчица.

Азиза кивнула. Села за стол против шведок. Наступила пауза, — когда непонятно о чем надо говорить.

— Давайте скорее. Время теряем, — торопил директор.

— Переводить? — спросила переводчица.

— Наша задача доказать, что женщина может подняться на те же высоты, что и мужчина, — заговорила пожилая госпожа Хансен. — В вашей стране я встретила очень много просто феноменальных женщин. Сейчас в Европе появился новый тип деловой женщины, который не менее сексуален. Вот вы... простите, как ваше имя...

— Усманова, — подсказал Рустам.

— Не вмешивайся, — попросил директор.

— Госпожа Усманова... вы очень красивая женщина, и это не мешает быть вам большим ученым.

— Не мешает, — подтвердил Рустам, оглянувшись на директора. — Я поддерживаю беседу... — оправдался он.

— Наше феминистическое движение сделало большие успехи,— продолжала госпожа Хансен.— Мы добились того, что с ребенком сидит дома тот член семьи, который меньше зарабатывает. Если жена зарабатывает больше, чем муж, то муж сидит с ребенком и жена ходит на работу.

— А кормит кто? — спросил Рустам.

— Тот, кто сидит дома. У вас есть дети?

— Да,— кивнула Азиза.

— Сколько?

— Один. Одна...

— А муж?

— Тоже один.

— А кто ведет хозяйство?

Азиза думает.

— Я.

— А что делает муж?

В этот момент муж Азизы Тимур Усманов сидел в ванной комнате свои носки, терзая их в руках. Потом он их выкрутил, и выкрученными повесил сушить.

В кухне что-то зашипело. Тимур выбежал из ванной. Это из кастрюли убежал суп.

Азиза в это время давала интервью.

— Переведите, что у них интеллектуальный брак, основанный на взаимном уважении,— подсказал директор переводчице.

Переводчица перевела. Госпожа Хансен одобрительно кивнула.

— Простите, а чем вы занимаетесь?— спросила Хелла.

— Я исследую молекулу радости. При каких условиях она синтезируется в мозгу. Ее химическую структуру.

— А какая сверхзадача?

— Сделать счастливым все человечество.

— О! Значит мы занимаемся одним и тем же! — воскликнула госпожа Хансен.

Директор незаметно посмотрел на часы и вздохнул. Тоже незаметно.

Древняя площадь Регистан.

Верблюд Люша в красивой попоне покорно опустился на колени. На верблюда посадили госпожу Хансен. Верблюд поднялся. Все встали рядом. Сфотографировались. Потом стали снимать госпожу.

— Сидела бы дома,— вполголоса сказал Рустам.

— Переводить?— спросила переводчица.

— Не надо.

— Это башня, с которой в давние времена сбрасывали неверных жен,— показала Азиза.

— А что делали с неверными мужьями?

— У мужей были гаремы.

— А что это такое?

— Это... вроде общежития для жен. У хивинского хана, например, было четыреста

жен. Так что он только и делал, что был неверным.

— Как хорошо, что мы живем в другое время и в другой цивилизации!

— ...А сейчас просим дорогих гостей ответить наше узбекское национальное кушанье: плов.

Переводчица перевела.

— Плов — это что? — спросила Хелла.

— Это баранина и рис, приготовленные определенным способом.

— Мы вегетарианцы. Наши убеждения не позволяют нам есть мясо.

— А что же делать? Чем же их кормить?

— Можно сделать сладкий плов,— предложила Азиза.

— Феминисты... Вегетарианцы,— пробурчал Рустам. — Поэтому у них и рождаемость падает...

Квартира Азизы. Азиза сидела за письменным столом, читала диссертацию.

Посреди комнаты на стуле стоял раскрытый чемодан.

Тимур расстелил на столе байковое одеяло и сушил носки горячим утюгом. Из-под утюга шел пар.

— Что ты делаешь? — удивилась Азиза.

— Носки сушу.

— Возьми другие носки.

— У меня целых только одна пара.

— Купи... Кто тебе мешает?

— Никто не мешает. Руки не доходят.

Азиза идет на кухню. Наливает из кастрюли еду. Подозрительно смотрит на тарелку.

Тимур в это время надел носки, но они были еще влажными. Снял и снова поставил на них утюг. Чтобы не терять времени даром, достал нитки, иголку, стал закреплять пуговицу на рубашке.

Появилась Азиза.

— Паленым пахнет,— сказала она.

Тимур рванулся к утюгу. Но было поздно. Носок был безнадежно прожжен.

— Что делать? — растерянно спросил Тимур, глядя на дыру.

— Сам виноват. Никогда не надо делать два дела сразу.

— Тебе понравилась мастава? — спросил Тимур.

— Вкусно. Только ты рис не помыл. Бульон серый.

...Муж Азизы стоял над раскрытым чемоданом, раздумывая, что туда положить. Азиза сидела за письменным столом, читала статью, подчеркивая спорные места.

— У него такие неожиданные выводы. Он, конечно, дурак, но очень талантливый.

— Кто? — не понял Тимур.

— Мансуров.

— А разве бывают талантливые дураки?
— Безусловно. Ум и талант располагаются в разных отделах мозга... Ничего, что я тебя не собираю?

— Ничего. Даже хорошо,— сказал Тимур.

— Почему хорошо?

— Потому что я лучше знаю, что мне надо в дорогу.

— А почему они посылают тебя? Нашли мальчика на побегушках.

— Ты тоже ездила. И тоже не девочка.

— Я ездила во Францию, а ты в Сибирь. Это не одно и то же. В Париже и климат другой.

— Кто-то должен ехать и в Сибирь.

— Когда ты вернешься?

— Через неделю.

— Значит, в среду?

— В крайнем случае, в четверг.

— Послушай, как интересно он пишет: «Сознание — это мышление вместе с кем-то, аналогично с со-чувствием. Оно вызвано необходимостью передать свое знание другому. Требуется слов». Ну, как?

— Мне пора.— Муж запирает чемодан. Надевает пальто.

Азиза подходит к нему. Поправляет шарф.

Муж обнимает ее. У него слезы на глазах.

— Ты стал сентиментален.

— Это старческое,— сказал муж.

— По-настоящему люди любят друг друга в старости. Потому что у них нет выбора.

— Это тоже из диссертации?

Обнимаются.

Муж уходит.

Азиза приближается к окну. Смотрит, как он идет с чемоданом. Муж оборачивается, машет рукой. Она тоже машет ему.

Есть всегда что-то щемящее в сценах расставания. Каждое расставание — это разлука. А всякая разлука — это мини-смерть.

Азиза еще долгое время провожает мужа глазами среди людей и домов. Потом садится к столу. Углубляется в материал. И уже через какое-то время забывает и разлуку, и мини-смерть.

Раздается звонок в дверь. Этот звонок пресекает вдохновение. Приходится встать. Открыть дверь.

В дверях Нодира — соседка Азизы.

— Тебе атлас надо? — спросила Нодира и показала отрез яркого атласа.

— Спасибо. Ты же знаешь, я не шью.

— Ну и что? Подаришь кому-нибудь! Что тебе, некому подарить?

— Ну давай...

Азизе легче было купить, чем спорить с соседкой.

— Пятьдесят рублей,— сказала Нодира, входя в дом.— Ты не думай. Это я тебе по-соседски... даром почти.

— Спасибо,— Азиза отдает деньги. Ждет, что Нодира уйдет. Но она медлит.

— Извини, я работаю,— Азиза кивает на письменный стол.

— Ты молодец,— хвалит Нодира.— Ты женщина умышленная. И дочка у тебя воспитанная. Всегда здороваешься.

— По-моему, он забыл теплое белье. Простудится...

— Кто? — не поняла Нодира.

— Муж. Там же холодно. Пятьдесят градусов мороза.

Нодира долго, изучающе смотрит на Азизу.

— Чего ты смотришь?

— Думаю. Почему это на нашей улице десять градусов тепла, а на соседней пятьдесят градусов мороза.

— Он в Сибирь уехал, в Братск. Они запускают там новый завод тяжелого машиностроения.

— Твой муж не уехал, а ушел. И не на завод, а к твоей секретарше. И не в Сибирь, а на соседнюю улицу.

— Что ты бормочешь? Иди и проспись.

Нодира поднимается с кресла.

— Гонцу, который приносил дурные вести, всегда рубили голову, но знай, кроме меня, тебе об этом никто не скажет. Потому что все от тебя зависит. А я завишу только от финского импорта. А финнам торговать с нами выгодно.

Нодира идет к двери.

— Стой!

Нодира оборачивается.

— Это правда?

— Спроси у кого хочешь! Это все знают. Хочешь, спроси у своего директора. Его жена у нас отоваривается.

Нодира идет к телефону, набирает номер.

Азиза забирает трубку. Кладет на рычаг.

— Гордая! — отметила Нодира.— И правильно! Когда от меня муж ушел, я плакала всем в жилетку. А что толку? Пожалеть не пожалеют, а уважать перестанут.

Азиза стоит посреди комнаты. У нее такой вид, будто ее оглушили.

— Если не веришь, можно сходить. Улица Шаумяна, тридцать четыре. Хочешь, вместе сходим...

...В небе стояла большая луна, и лунный свет обливал древние чинары.

Нодира и Азиза остановились возле больших железных ворот.

В глубине двора залаяла собака.

Нодира действовала решительно. Нажала кнопку звонка.

— А что мы скажем? — спросила Азиза.

— Скажем, что атлас завезли.

Послышались шаги. Кто-то шел по двору к воротам.

— Я не пойду... — Азиза торопливо шагнула в тень.

— Боишься? Ну ладно, я сама...

Калитка отворилась. Нодира прошла с улицы во двор.

Азиза осталась одна. Стоит. Ждет. Старинная улочка как-то таинственно преобразилась в свете луны, и Азизе кажется, что это все нереально и происходит не с ней.

Появилась Нодира.

— Там он! — с удовольствием доложила она. — Чай пьет. Хочешь, зайдем?

— Как... там? — не поверила Азиза.

— В комнате. За столом сидят. Я из кухни видела. Твоей спиной ко мне сидел. В пиджаке. Твой муж в пиджаке?

— В пиджаке.

— Ну вот... Секретарша такая веселая. Она весь институт перебрала. Мужа себе искала. И к директору лезла, и к Рустаму. Ей плевать, что один старый, другой женатый. Искала, что плохо лежит. Потом на твоего вышла. А твой-то тихий, порядочный, подкаблучник... Такие сразу попадают. У них иммунитета нету.

— А где она его взяла?

— Помнишь, ты болела... Она тебе работу домой привозила... Так что прямо дома у тебя и взяла.

— Да... — вспомнила Азиза. — Она действительно часто появлялась. Такая милая девушка. Услужливая... Предлагала обед приготовить. А потом перестала приходить.

— Потому что он сам к ней стал ходить. Вот и перестала.

— А почему ты все знаешь, а я нет?

— Потому, что мы, жены, всегда все узнаем последними. Я уже через такое прошла, а ты — новенькая. Так что ты меня слушай. Придешь на работу, ни с кем не разговаривай. Будто тебя это не касается. Оденься красиво, но не наряжайся. Избери тактику Кутузова: отзови своих солдат, уведи войска в неизвестном направлении, так чтоб Наполеону не с кем было воевать.

— А ты откуда знаешь про Кутузова?

— А мой муж историей занимался. Я ведь тоже не всегда в торговле работала.

Азиза смотрит перед собой.

— Нет... Этого не может быть. Я не верю. Подумаешь... в пиджаке. Все мужчины в пиджаках.

— А вот отсюда видно... Иди сюда.

Забор, отделяющий дом от улицы, — высокий и сплошной. Нодира подтаскивает к забору несколько кирпичей. Азиза встает на них. Подтягивается на цыпочках. Видна верхняя треть окна, а в окне чья-то макушка.

— Не видно...

Нодира подходит к забору, нагибается и преданно подставляет спину. Азиза забирется на спину.

— Ты что, на каблуках? — недовольно ворчит Нодира. — Кто это сейчас каблук носит?

— Я не на каблуках, а на коленках...

— У тебя коленки, как гвозди... Ну что, видно?

Азиза подтягивается и видит окно во всю его высоту и ширину, но кто-то загородил его широкой спиной. Азиза потянулась в сторону, чтобы что-то увидеть из-за спины.

— Что ты ерзаешь? — обиделась Нодира.

— Сейчас, подожди...

Из будки выскочила собака, громадная, черная, и бросилась на стену. Нодира испугалась и стряхнула Азизу. Азиза схватилась за край забора руками и повисла на стене.

Пес пытался допрыгнуть до ее пальцев и лаял, захлебываясь. Из дома секретарши вышел старик, должно быть, ее отец, и грозно крикнул:

— А ну, вынесите мне ружье с солью, я им, хулиганам, покажу, как по садам лазать!

Азиза разжала пальцы, свалилась, как куль с мукой, на землю. Потом подхватила, сняла туфли и побежала от забора.

За углом ее поджидала Нодира.

— Ну как?

— Что же ты меня бросила? Меня чуть не подстрелили!

— Вот как люди свое охраняют! Не то что ты! Из-под самого носа мужа увели.

— Ладно! — оборвала Азиза. — Не твое дело... Пошла ты... вместе с ним.

Азиза надела туфли и пошла, не оглядываясь.

— Вот и делай после этого добрые дела! — обиделась Нодира. — Неблагодарная! — крикнула она вслед. — И дочка у тебя невоспитанная, никогда не здоровется.

Азиза вошла в свой лифт. Ее душили слезы, но в лифте вместе с ней поднимался посторонний молодой человек, и Азиза сдерживалась изо всех сил.

Она вышла из лифта. Молодой человек тоже вышел. Одновременно подошли к двери.

— Вам куда? — спросила Азиза.

Молодой человек заглянул в бумажку.

— Дом семь, квартира сто сорок восемь.

— Это моя квартира.

— Значит, я к вам. Я маляр. Мы на сегодня договаривались по телефону. Помните?

Азиза открыла дверь. Она не помнила о маляре, у нее все вылетело из головы в связи с последними событиями.

— Договаривались? — переспросила она.
— Вы сказали, что ваш муж едет в командировку и вы за неделю хотите сделать ремонт.

Азиза молчит.

Маляр принял молчание за знак согласия, вошел в дом и тут же скрылся в ванной комнате. Через несколько секунд он вышел оттуда настоящим маляром, в рабочей одежде, закапанной белилами.

— Я буду приходить только поздно по вечерам, — сказал он. — Потому что днем я работаю, а вечером учусь.

Маляр тут же начал срывать обои со стен.

— У вас есть старые газеты? — спросил он. — Надо закрыть газетами мебель.

— У меня нет газет.

— Тогда накройте простынями.

Азиза стоит.

— Вы меня слышите? — спросил со стрелянки маляр.

Азиза молча, как сомнабула, достала из шкафа простыни, стала покрывать мебель.

— А мужчин у вас нет? — спросил маляр.

— Нет.

— Ну ничего, сами управимся...

Азиза и маляр с энтузиазмом начинают двигать мебель под лихую музыку, которая доносится из-за стены. У Азизы от напряжения рвется платье на спине. Она садится отдохнуть.

Маляр протягивает Азизе противогаз.

— А это что?

— Противогаз.

— Зачем?

— Пол будем лаком покрывать. Вредные испарения.

Гаснет свет. Все погружается в темноту.

— Как это понимать? — спросил маляр.

Азиза выходит на балкон. Возвращается.

— Во всем доме нет света. У нас новый дом. Постоянно что-нибудь отключается: то свет, то вода. Сдали досрочно. Кто-нибудь премию получил.

— Тогда я пошел. До завтра.

Маляр ушел, натываясь в темноте на предметы.

Азиза зажигает толстую свечу. При свете свечи комната выглядит, как после взрыва. Со стен свисают клоки обоев. Вся мебель сдвинута на середину и закрыта простынями.

Азиза берет свечу, подходит к телефону. Набирает номер. Длинные гудки.

И Азизе кажется:

...Тимур сидит развалившись, как хан. Секретарша ставит блюдо с пловом, с подлинным мастерством танцует перед ним тачец живота.

Звонит телефон.

Муж перестает есть плов, а секретарша перестает танцевать и идет к телефону.

— Не подходи! — пугается Тимур.

— Почему? — не понимает секретарша.

— Это может быть она. Я ей ничего не сказал. Она не знает.

— Почему?

— Почему, почему... — раздражается Тимур. — По кочану.

Он поднимается, гасит свет. Выключает телевизор.

— А это зачем? — покорно и нежно спросила секретарша.

— Она может нас увидеть.

Тимур задергивает штору. Настает полная тьма.

— Так и будем теперь сидеть в темноте?

— А зачем нам свет?

Слышны звуки поцелуя.

Азиза отходит от телефона. Ложится на диван, стоящий посреди комнаты. Смотрит, как на стене колеблются тени от пламени свечи.

Зал суда. В зале секретарша в мини-юбке, свидетели. Среди свидетелей шведки-феминистки, Нодира, директор, Рустам.

Судья. Слушается дело о разводе Усмановой А. В. с мужем Усмановым Т. Б. Вопрос к ответчику: почему вы предали?

Муж. Я не предавал. Я полюбил.

Судья. Почему вы честно не сказали об этом? Почему Усманова А. В. должна была узнать от посторонних лиц? Каково ей стать жертвой сплетни?

Муж. Сплетни всегда были, есть и будут. Сплетни заменяют людям творчество.

Судья. Значит, вы не любили вашу жену?

Муж. Я был одинок. У меня даже не было фамилии. Я всегда был «муж Усмановой». Моей жене нужен весь мир, а мне достаточно одного человека. И он у меня есть.

Секретарша скромно потупилась. Все на нее обернулось.

Из зала поднимается свидетель Нодира.

Нодира. Товарищи, ну посудите сами. Разве можно их сравнивать? Усманова А. В. имеет научные труды, а секретарша может написать только поздравительную открытку к празднику, да и то с ошибками.

Муж. Объективно лучше жена. Но мне лучше секретарша.

Судья. Слово адвокату.

Адвокат. Помимо того, что ваша жена ученый с мировым именем, известный не только у нас, но и за рубежом, она — просто женщина. У нее была стена. Крепость. А сейчас она — вне крепости. Вы выставили ее на пошлости перед всеми...

Хансен. Азиатская позиция. Все-таки Восток это не Запад.

Азиза достает из кармана пистолет и стреляет в мужа. Тот падает. Секретарша безудержно рыдает у него на груди.

В зале переполох и замешательство.

Азизу уводят из зала, запикивают в машину с зарешеченными окнами. Азиза глядит из-за решетки. К ней подходит Нодира.

— Дура ты, — сказала Нодира, — теперь будешь есть хлеб и воду. А она выйдет замуж в другой раз, и ее новый муж будет носить ей витамины с базара.

Секретарша стоит в стороне, держит у носа платочек. Рустам утешает ее, поглаживая по плечу.

Машина тронулась с места, увозя Азизу.

Шаги, тяжелые, как у солдата. Это свидания вернулась Гульнара — семнадцатилетняя красавица. Дочь Азизы.

Гульнара в недоумении смотрит по сторонам.

— Что происходит?

— Ремонт, — отозвалась Азиза.

— А телефон где?

— Здесь.

Гульнара садится возле матери, начинает набирать номер.

— Рахим? Я вернулась. Все в порядке.

Таксист довез меня до самого подъезда.

— А почему он тебя не провожает? — спросила Азиза.

— А откуда у него деньги на такси?.. Очень, — сказала Гульнара в трубку. — А ты?

— Хватит болтать, — приказала Азиза. — Поздно уже.

— Но ты же не спишь.

— Могла бы и спать, при других обстоятельствах.

Гульнара вглядывается.

— Ты плачешь?

— Да.

— Чего?

— Меня предали.

— Кто?

— Секретарша.

— Подумаешь... Найдешь себе другую. Секретарш много, а ты одна. — Гульнара сбрасывает свитер, джинсы, ложится рядом с матерью.

— Мам...

— Что?

— Ты видела, что у меня от сапог отлетел каблук?

— Ну и что?

— А то, что мне надо другие.

— У тебя есть. Малиновые.

— Они не модные. Они с молнией.

— Возьми мои.

— Они мне велики.

— Почему ты такая черствая? Я тебе говорю, что у меня несчастье, а ты — сапоги...

— А сапоги, думаешь, не несчастье? Для молодой девушки внешность — это самовыражение. Если девушка некрасива, в ней нет никакого смысла.

— Самовыражение — это интеллект. Это личность.

— Знаю, знаю. Набор целей, сумма потребностей... Вон Зейнабка в нашем классе — умная, так у нее голова, как у сенбернара. Ни одна шапка не идет. А у меня голова маленькая, очень эстетично. Зато и мозгов мало. Я к науке не приспособлена. Я буду делать женскую карьеру.

— А что это за карьера? — испугалась Азиза.

— Муж. Дети. Пять детей минимум. Красивый дом, красивые отношения. Вы этого не понимаете, потому что всю жизнь смотрите в микроскоп.

Обе лежат молча.

Гульнара ровно дышит. Она заснула.

— Иди к себе! — толкнула ее Азиза.

— Можно, я здесь буду спать?

— Нельзя. Иди.

Гульнара упрямится. Азиза ее толкает, но Гульнара будто выросла в диван. Азиза пытается ее скинуть, они начинают возиться, как дети, и кончается тем, что падают обе.

Утро. Институт.

Азиза в красивом костюме идет по коридору походкой, исполненной достоинства. Здоровается с сотрудниками сухим полукивком, пряча за высокомерием свое истинное состояние.

Подошел Рустам.

— Сегодня в два часа будет немецкая делегация биологов...

— Я занята, — сухо отозвалась Азиза.

— Но...

— Я не экспонат. Нечего демонстрировать. И вообще... немцы убили моего отца.

— Так это же другие немцы, — возразил Рустам. — Эти же не воевали.

Азиза отходит от Рустама, оставляя его в некотором недоумении.

Секретарша сидела на месте и занималась своими обычными делами: отвечала на телефонные звонки, печатала на машинке. Увидев вошедшую Азизу, она поздоровалась без тени смущения. Азиза ответила. У обеих был вид, будто ничего не случилось.

— Возьмите, пожалуйста, билет на самолет и командировочные, — предложила секретарша и подвинула Азизе ведомость.

Азиза расписалась.

Секретарша передала пакет с деньгами.

— Еще восемьдесят четыре копейки, — сказала она и стала отсчитывать мелочь.

Азиза ждала, серебра не было, одни медяки, и это продолжалось невыносимо долго.

...Азиза протянула секретарше конфетку. Та благодарно улыбнулась и стала разворачивать. Развернув окончательно, положила в рот и упала на стол замертво.

В этот момент раскрылась дверь, и вошел директор института с немецкой делегацией. Секретарша лежала на столе без признаков жизни.

— Что это? — поразился директор.

— Не знаю. Когда я вошла, так было... — сказала Азиза.

— Неправда, — возразил директор. — Было по-другому. Это вы ее убили. За что? Переводчик перевел текст немцам. Немцы сдержанно улыбнулись.

— Это моя соперница, — ответила Азиза. Переводчик перевел.

— Если женщины начнут убивать своих соперниц, вы потеряете народа больше, чем во вторую мировую войну. Вам придется истребить всех женщин от восемнадцати до сорока, — сказал руководитель немецкой делегации.

Переводчик перевел.

— Почему до сорока? До пятидесяти пяти, — возразила пожилая немка.

Директор института с укором посмотрел на Азизу и сказал:

— Вы меня подвели. Что теперь о нас подумают? Я от вас этого не ожидал.

...На пол упала и громко звякнула монета.

— Извините, я подниму, — предупредительно сказала секретарша.

— Спасибо... — Азиза достала носовой платок, вытерла лоб.

— Вам плохо? — с искренним сочувствием спросила секретарша.

— Нет. Мне хорошо.

Собака Бой лежала, склонив голову на лапы. Ей было грустно.

Азиза сидела в своем кабинете и смотрела перед собой. Из крана монотонно капала вода, будто отсчитывала бесполезные секунды и отбрасывала их в вечность.

Азиза поднялась, закрутила кран покрепче и снова села, глядя в одну точку.

Бой приподнял морду и тихо провыл, жалуюсь.

В лабораторию вошел Мансуров. Ученик Азизы.

Собака Бой подняла с лап голову и приветливо махнула хвостом.

Азиза сидела и смотрела перед собой.

— Здравствуйте... — поздоровался Мансуров.

Азиза подняла на него глаза.

— Мне надо с вами поговорить.

— Говорите.

— Я не знаю, с чего начать. Это очень серьезно для меня.

— Вы что, хотите сделать мне предложение? — спросила Азиза.

— Какое предложение? — удивился Мансуров.

— Руки и сердца. Какие бывают предложения...

— Да нет... Замуж — это ерунда. У меня дело посерьезнее.

— Как ерунда? — поразилась Азиза.

— Жену не обязательно всем показывать.

А работу видят все. Я переменял шесть профессий. Я даже на Тихом океане плавал. На сейнере. Рыбу ловил. Гидрологом работал на Севере. Я могу делать любую работу. Но я хочу найти свое единственное дело. Что такое мужчина? Это его дело. Разве не так?

— Ну, предположим. Говорите прямее. Не так издали.

— Может, мне уйти из науки?

— Но вы уже написали диссертацию, — удивилась Азиза.

— Она бездарна.

— Кто сказал?

— Шамшаров.

— Он так и сказал?

— По форме иначе, но по существу так.

— А зачем вы верите? У вас должно быть свое мнение на свой счет.

— У меня его нет. Я про себя ничего не понимаю.

— Я давно заметила, что талантливые люди про себя ничего не понимают. А бездарности, как правило, о себе очень хорошего мнения.

— Шамшаров сказал, что сейчас все стараются написать диссертацию. Палкой ки-нешь — в кандидата попадешь.

— Хорошо. Я поговорю с Шамшаровым.

— Может быть, не надо? — испугался Мансуров.

Институтский буфет. Шамшаров сидел за столиком и ел. Перед ним на тарелках лежали только зелень и овощи.

— Можно с тобой есть? — спросила Азиза, подходя.

Шамшаров стал раздвигать свои тарелки.

— Ты, как швед, — заметила Азиза.

— Почему?

— Вегетарианец.

Шамшаров не ответил. Жевал свою зелень.

Наступила пауза.

— Ты почему такой зануда? — спросила Азиза. — Ты же не старый. Не больной. Полноценный мужик.

— Чем хочу, тем и питаюсь. Не твое дело.

— Я не про питание.

— А про что? — Шамшаров поднял глаза.

— Почему ты не помогаешь молодым? Затираешь наиболее способных. Действуешь по принципу: «дави котят, пока слепые».

— Трава пробивается и сквозь асфальт. Если настоящее — пробьется.

— А вдруг не пробьется? Вдруг наступят ногой? Ты же знаешь, как важно своевременно протянуть руку помощи!

— Не знаю. Мне никто никогда не помогал.

— Неправда. Вспомни пятый курс. Я тогда сидела день и ночь с твоим дипломом. А все думали, что это ты пишешь за меня.

— Да. Ты была такая красивая, что трудно было представить, что ты еще и умная.

Шамшаров окунулся в воспоминания, и его лицо стало отрешенным, как будто он увидел молодую Азизу.

— Я тебе тогда помогла, — настойчиво проговорила Азиза. — А теперь твоя очередь помочь.

— Тебе?

— Нет. Не мне. Другим. По цепочке.

— Да. Ты мне очень помогла, когда вышла замуж за другого. И даже не сказала. Я случайно узнал.

— Как-то очень стремительно все вышло, — извинилась Азиза. — Он сделал мне предложение через два часа после знакомства.

— Я любил тебя с пятого класса по пятый курс. Десять лет. А он — два часа.

— Не будем об этом. Столько воды утекло. За нами уже новое поколение выросло.

— Но это ответ на твой вопрос: почему я стал зануда. Я страдал! И страдаю! Прошлое имеет очень большую власть над людьми.

— Страдания облагораживают человека, — заметила Азиза.

— Ерунда! Счастье — вот университеты. А страдания — это засуха. Из страданий ничего путного не вырастает.

— Но при чем тут Мансуров? Почему он должен отвечать за твои неудачи?

— Потому что не только добро по цепочке. Но и зло по цепочке. Ты бросила камень, и двадцать лет идут круги по воде.

— Можешь успокоиться. В меня тоже бросили камень. Тимур ушел от меня. И тоже ничего не сказал. Я узнала от посторонних.

Шамшаров оторопел.

— Что смотришь? Ты должен быть доволен. Сработал принцип бумеранга.

— Когда?

— Вчера.

— Это правда? Это не сплетня?

— Это правда.

— Но почему он ничего не сказал?

— У него маленький словарный запас.

Он вообще молчаливый человек. А я умная и все пойму. Иногда понять бывает полезнее, чем услышать.

Пауза. Шамшаров приспособивал новостку к своей нервной системе.

— Ты доволен? — спросила Азиза.

— Не знаю, — честно сознался Шамшаров. — Азиза... Ты можешь рассчитывать на меня... Мы еще молоды... Впереди хороший кусок жизни.

— Мы не молоды, — возразила Азиза. — Но счастья все равно хочется. Я подумую...

— Ты тогда тоже сказала: я подумую, а через неделю вышла замуж за Тимура.

Концертный зал. Современный эстрадный ансамбль поет песню.

Азиза и Мансуров сидят в зале.

Вдруг Азиза видит неподалеку от себя Тимура и секретаршу. Они сидят, прижавшись друг к другу, сцепив руки. Азиза вздрагивает. Всматривается. Нет. Это другие люди.

Ансамбль поет. Азиза сидит с отсутствующим видом...

...Вместе с толпой Азиза и Мансуров выходят на улицу. Они пребывают в совершенно разных настроениях. Но оба сдержанны. Мансуров сдерживает счастье, а Азиза — горе.

Мансуров останавливается на переходе.

— Значит, я... буду?

— Вы уже есть.

— Повторите, пожалуйста, еще раз.

— Вы должны сейчас защитить свою диссертацию. Заявить себя в науке. Утвердить дальнейшим трудом. А потом всю жизнь подтверждать. Вот ваш путь на ближайшие, ну скажем, пятьдесят лет.

Пауза. У Мансурова на глазах слезы.

— Спасибо...

— За что? — удивилась Азиза.

— За находку. Я себя потерял, а вы меня мне вернули. А потерять себя гораздо страшнее, чем потерять другого.

— Будьте у себя всегда! — пожелала Азиза.

— Идемте! — Мансуров потянул Азизу под руку.

— Но ведь машины, — испугалась Азиза.

— Зеленый свет. Идемте.

Мансуров решительно взял Азизу за руку и потащил ее через дорогу.

Они дошли до середины, и в это время включился красный свет и стая машин устремилась вперед, как сорвавшиеся мустанги. Азизе казалось, что тупорылый грузовик несется прямо на нее. Она вырвала руку из руки Мансурова и опрометью бросилась обратно, хотя по левой стороне неслись такие же машины, только в обратном на-

правлении. Мансуров помчался за Азизой, лавируя между колесами несущегося транспорта. Наконец они, запыхавшись, выскочили на тротуар.

— Что с вами? — поразился Мансуров.

— Я боюсь переходить дорогу. С детства.

Азиза вдруг заметила, что от костюма оторвалась пуговица.

— Пуговица... — растерянно проговорила Азиза и пошла обратно в поисках пуговицы. Она шла, глядя вниз, как по лесной поляне в поисках гриба. Машины, шараясь, объезжали Азизу.

Мансуров метнулся на дорогу, решительно схватил Азизу за руку, вернул на тротуар.

— Вам что, пуговица дороже, чем жизнь?

— Теперь придется все пуговицы менять. А такие не продают!

Азиза заплакала. Горько. Отчаянно. Она оплакивала свою жизнь. Мансуров этого не понимал и в растерянности смотрел на своего руководителя, плачущего на людях из-за какой-то паршивой пуговицы.

Мансуров обнял Азизу, пытается утешить. Азиза вдруг возмутилась и резко оттолкнула Мансурова с неожиданной для него и для себя силой. Мансуров чуть не упал. На них оглядывались люди.

Азиза повернулась и пошла через дорогу. Обескураженный Мансуров смотрел ей вслед.

Кишлак.

Во дворе играют трое мальчиков — племянники Азизы, год, три и шесть лет.

Младшие лупят старшего, в воздухе так и мелькают их худенькие ручки, похожие на барабанные палочки с маленькими кулачками на концах. Старший, Шухрат, только уклоняет голову, но терпит.

Подъезжают синие «жигули». Из машины выходит Азиза.

Мальчики перестают драться и с шумом устремляются к тетке.

Азиза вытаскивает из машины подарки: два маленьких трехколесных велосипеда и машину с педальным управлением. Машина — старшему. Но маленькие налетают и отбирают у него машину. Старший не сопротивляется, только грустнеет.

Из дома вышла Зейнаб — мать Азизы. Азиза целует ее, отдает ей атлас, купленный у Нодеры.

— Перестаньте! — кричит Зейнаб своим внукам. — Дерутся, как тараканы.

— Мы не тараканы, мы дети, — строго отвечает средний.

Зейнаб и Азиза проходят в дом.

Зейнаб тут же накрывает на стол.

— Как Гульнара?

— Учится.

— А Тимур?

— В командировку уехал. В Сибирь.

— Надолго?

— На неделю...

— А как... эта... твоя...

— Секретарша?

— Да нет, твоя наука, забыла, как называется.

— Нейрофизиология. Жизнь головы.

— Я слышала, вы режете собак. А это грех.

— Я изучаю, отчего человек бывает счастливым.

— Отчего?

— От познания. Молекула радости синтезируется в мозгу, когда человек что-то познает: тело, душу, новую пищу.

— А зачем это изучать? И так ясно.

— Если знать жизнь головы, то можно сделать счастливым все человечество.

— Пусть каждый сделает счастливым хоть одного человека. А ты родила всего одну дочку. Пускаешь в жизнь ее одну, ни брата, ни сестры. В минуту трудную не к кому голову приклонить.

В дом вошли три мальчика.

— Купи мне машину! — строго приказал средний.

— Пусть Шухрат поиграет, потом ты у него возьмешь, — сказала Азиза.

— Купи машину — я сказал! — велел средний.

— Настоящий басмач, — заметила Зейнаб.

Маленький разогнался и укусил Азизу, вцепился в нее хваткими годовальными челюстями. При этом он с любопытством засматривал ей в самые зрачки своими черными глазенками.

— Ты что делаешь?

— У него зубы чешутся, — объяснила Зейнаб. — Все кусает.

Зейнаб поставила на стол дымящийся плов. Все уселось за стол. Маленькие тут же стали вытаскивать у Шухрата из тарелки лучшие куски. Шухрат только погрузился, но смирился.

— Шухрат, ты почему себя не защищаешь? — спросила Азиза.

— Мне нельзя. Они младшие, — объяснил Шухрат.

— Придется мне его забрать, — сказала Азиза. — Это какая-то дискриминация.

— Научится уступать, хорошим человеком станет, — сказала Зейнаб. — А тебе еще не поздно. Можешь себе родить. Сделай счастливым своего мужа. Он на тебя всю жизнь работает.

— Интересно... Кто на кого работает? Во дворе залаяла собака.

— Фарид пришел,— увидела в окно Зейнаб.

Вошел тридцатилетний брат Азизы. Он был в костюме и меховой шапке. Брюки заправлены в сапоги.

— Сестренка! — обрадовался Фарид.

Они обнялись. Азиза припала к брату. Он обхватил ее своими могучими руками.

— Какой ты сильный...

— А ему и надо быть сильным,— заметила Зейнаб.— Все на нем. Нагрузили, как ишака, он и везет.

— Мама...

— Что «мама»,— не унималась Зейнаб.— Ну ладно, парники, от них доход колхозу. Но клубом мог бы и не заниматься.

— А кто будет заниматься?

— Вот я об этом и говорю. А ты думал, я о чем?

Фарид сел к столу. Ест. Дети облепили отца.

— Так же не бывает, что палец болит, а голове нет дела,— сказал Фарид.

Младшие пытались влезть отцу на шею. Шухрат стоял в некотором отдалении.

— Дайте отцу поесть,— Азиза отгатила маленьких. Они взвыли.

— Лучше бы семье побольше времени уделял,— ворчала Зейнаб.— С женой совсем не видишься. Дети — как беспризорные. А заболеешь, никто спасибо не скажет.

— Скажут,— вмешалась Азиза.— Скажут: «Спасибо, Фарид». А он ответит: «Пожалуйста».

Фарид поднялся из-за стола.

— У меня к тебе просьба,— обратился он к сестре.— У нас будет вечер встречи с выпускниками нашей школы. Среди выпускников есть знаменитый спортсмен и артист. А вот ученый — только ты.

— А что я им скажу? — спросила Азиза.

— Скажешь, как ты дошла до жизни такой. Дашь пример подрастающему поколению.

— Ерунда все это. Если бы дети стали такими, какими их хотят видеть родители, мир стал бы совершенен. А он как стоял несовершенно, так и стоит. У каждого должны быть свои ошибки.

— У каждого должны быть свои идеалы,— с убеждением сказал Фарид.

— Я на роль идеала не подхожу.

— А ты этого не знаешь. Может быть, ты и есть идеал: умная, красивая, трудолюбивая пчелка...

— Спасибо, Фарид.

Азиза припала к брату, как бы загоразиваясь им от жизненных сквозняков.

— Какой ты сильный...

Дети спали во дворе, разметавшись во сне. И даже во сне средний положил свою руку на лицо Шухрата.

Над детьми раскинулось небо со звездами.

Азиза и Зейнаб сидели под небом. Молчали. Слушали тишину.

Послышалась песня.

— Это Абдухамид, сын Шарафа. Идет от невесты,— сообщила Зейнаб.— Все слышат, что ему хорошо.

— А вы с отцом были счастливы? — спросила Азиза.

— Я работала по дому и рожала детей. А какое еще счастье...

Снова помолчали.

Маленький заплакал во сне. Азиза подошла, успокоила.

— Я лягу на крыше,— сказала Азиза и стала собирать постель.

— Ты надолго приехала? — спросила Зейнаб.

— У меня ремонт. Вредные испарения,— сказала Азиза, не глядя на мать.

— Но ты должна быть дома... Вдруг Тимур вернется из командировки раньше? Что он подумает?

— Он не вернется. Он ушел к другой.

Долгое молчание. Вдалеке простучал поезд. Светящиеся окна поезда были похожи на перфорацию пленки.

— А вдруг от захочет вернуться? — спросила Зейнаб.

— Что вы говорите, мама? У него другая женщина. Он от меня ушел. Понимаете? Вы что, не слышите?

— Я слышу и понимаю. Но между душами людей — мост. И когда кто-то уходит, не надо жечь за собой мосты, потому что по ним же можно вернуться обратно. Ты должна его ждать. И тогда он вернется.

— Обрато... — с обидой повторила Азиза.— А зачем он мне такой... Он мне не нужен такой.

— Это зависит от того, кого ты больше любишь. Его или себя. Если любишь его, то простишь. А если себя — значит, у тебя маленькая душа.

— Но разве вы бы отцу простили?

— Я бы простила.

— Вы так говорите, потому что не знаете, что это такое, когда предают. Как будто землю из-под ног выбивают. Отец любил вас, вы всю жизнь прожили, как один радостный день.

— А ты думаешь, Фарид — это мой сын? Это его сын.

Азиза долго молчала.

— Как?... — наконец выговорила она.

— Твой отец после войны ушел от меня,— просто сказала Зейнаб.— Война многих мужчин разбаловала. А я все равно ждала. Я не могла по-другому. И он вернулся.

И сына своего с собой забрал. Не захотел той оставить. Мне принес, в одеяльце завернутого...

Зейнаб замолчала, унеслась в воспоминаниях. Потом добавила:

— Видишь, какой хороший мальчик вырос...

Азиза сидела под звездами на крыше. У нее было такое лицо, как будто ее мозги взболтали большой ложкой.

Вдалеке стучал поезд.

Маляр и Гульнара клеили обои. Маляр возвышался на стремянке, а Гульнара подавала ему снизу полотна обоев.

Азиза вошла в дом.

— Здравствуйте,— поздоровался маляр.— Я сдал свою кровь, теперь имею право на два дня отгула. Я эти два дня могу работать у вас с утра до вечера.

— Мама! Как интересно! — с восхищением заявила Гульнара.— Я теперь тоже пойду в ПТУ и всему научусь. Надо работать не головой, а руками.

— Мне никто не звонил? — спросила Азиза.

— По-моему, никто.

— А если точно?

— Никто.

Раздался звонок в дверь.

Азиза открыла. В дверях стояла Нодира.

— Ну как ты? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, вообще...

— В Бельгии безработица. А час назад произошла стыковка грузового корабля.

— Где?

— В космосе.

— А ты откуда знаешь?

— В газете прочитала. Ты газеты получаешь?

— При чем тут космос? Ты-то как?

— А что тебя интересует? — делает наивные глаза Азиза.

— Ну так... в принципе. Хотя что я спрашиваю! Я и так все про тебя знаю.

Нодира поворачивается и уходит. Азиза смотрит ей в спину.

— Подожди!

Нодира остановилась, смотрит с непонимающим видом. Власть переменилась. Теперь Нодира заняла более сильную позицию.

— Что ты знаешь? — не выдержала Азиза.

— Ты скоро замуж выйдешь.

— За кого?

— За короля.

— Из Африки?

— Почему из Африки?

— Короли же, в основном, там.

— Ничего подобного. И в Англии тоже король.

— Там королева.

— За крестового! — сообщила Нодира.— Я на тебя гадала. С дальней дороги крестовый интерес. Пойдем, сама посмотришь.

Нодира решительно идет в квартиру Азизы. Азиза растерянно следует за ней. Нодира шагает прямо по обоям, разложенным на полу.

— Э! Осторожно! — крикнул со стремянки маляр.

— Ладно тебе, осторожно... Тут судьба решается.

Нодира присаживается к столу. Раскидывает карты.

— Вот ты. Червовая...— показывает Нодира.

— Я же не блондинка,— робко возражает Азиза.

— Червовая — это замужняя.

— Я же не замужняя.

— Но ты не молодая...

— Ну да,— соглашается Азиза.— Не очень.

— Значит, смотри: вот ты. Вот дальняя дорога. Вот король.

— А Тимур где?

— При чем тут Тимур? Я же на тебя гадаю.

— Погадай на него.

Нодира собирает и снова раскидывает карты. Смотрит.

— А ты не выпала. Он о тебе и не думает вовсе. Какие-то хлопоты. Посмотри. Твоей карты нигде нет.

— Не может быть,— потерянно проговорила Азиза.— Неужели ушел и не стыдно?

— Ты мужчин не знаешь.

Азиза решительно выбегает из дома. Бежит по улице к дому секретарши. Позвонила у ворот. Залаяла уже знакомая собака. Плышались шаги.

Муж открыл ворота.

— Я пришла посмотреть в твои глаза,— сказала Азиза.

— Пожалуйста...— Муж вытаращил глаза, раскрыл пошире, чтобы в них удобнее было смотреть.

Прошла минута.

— Посмотрела? — спросил муж.

— Посмотрела,— ответила Азиза.

— Ну, до свидания,— попрощался муж.— Заходи в гости. Все же не чужие...

Ворота закрылись. Азиза осталась за воротами...

В квартире затренькал звонок междугородней. Азиза сняла трубку.

— Лиля? Это я, Азиза! Я завтра вылетаю на симпозиум. На два дня. Гостиница «Узбекистан». Надо увидеться. Да ничего осо-

бенного не случилось. Просто... Просто... Увидимся — поговорим.

Азиза положила трубку.

— Вот тебе и дальняя дорога, — обрадовалась Нодира. — Казенный дом.

— А «казенный дом» это что? — спросила Азиза.

— Тюрьма, больница, гостиница, любое государственное учреждение.

Из соседней комнаты донеслось пение.

Маляр на стремянке играл на гитаре и пел. Пел довольно хорошо, и песня была замечательная. Гульнара, скрестив ноги, сидела на полу и смотрела на маляра почти с восторгом.

Раздался звонок в дверь.

Азиза открыла. В дверях стоял Рахим.

— Гульнара дома? — спросил Рахим.

— Проходи.

Рахим прошел в комнату. Гульнара жестом предложила ему сесть рядом с собой.

Рахим сел на пол возле Гульнары. Теперь они вдвоем слушали маляра.

Самолет оторвался от земли.

Шведские феминистки и переводчица сидели в креслах и читали зарубежные детективы.

Вдруг госпожа Хансен увидела сидящую впереди Азизу.

— О! Какая удача! — обрадовалась Хансен и пересела к Азизе.

Самолет был наполовину пуст, места возле Азизы оказались свободными.

— Мы продолжаем наше путешествие, — сказала Хансен. — Я считаю, пока человек ходит, надо ездить.

Переводчица перевела.

— Я лечу на симпозиум, — пояснила Азиза. — Читайте доклад.

— Марк Аврелий сказал: «Каждый человек стоит столько, сколько стоит дело, о котором он хлопочет».

— Простите, а почему вы феминистка? — поинтересовалась Азиза.

— Я разочаровалась в мужчинах... Мой муж пять лет назад ушел к ней.

Госпожа Хансен показала на Хелле. Хелле кивнула в знак согласия.

— Мужчинам после пятидесяти вредно менять свой образ жизни. Они от этого умирают... Мой... вернее, наш муж тоже умер. После этого мы подружались.

Хелле кивнула.

Мимо них прошла стюардесса, предлагая газеты.

Азиза купила газету. Развернула.

На газетной странице в верхнем углу был портрет Тимура в черной траурной рамке и с некрологом под ним.

Азиза подбежала к дому секретарши, стала звонить в дверь непрерывно, как на пожаре.

Дверь открыл Тимур, он был одет в черный костюм и вид у него был чрезвычайно печальный и одинокий.

— Ты переживаешь, что ты умер? — взволнованно спросила Азиза.

— С одной стороны, я доволен, потому что я устал переживать свое предательство. А с другой стороны, я очень хочу жить. Азиза упала головой на его грудь. Плачет. Тимур гладит ее по голове.

Вышла секретарша в черных одежках.

— Ты не развелся и не женился на мне, — с упреком сказала секретарша. — Просто пришел и умер. Мог бы и дома умереть.

— Но он бросил меня и ушел к вам. Это все знают, — возразила Азиза. — Я тоже имею к нему счеты.

— Девочки, не ссорьтесь, — попросил Тимур. — Вы единственные в моей жизни, кого я любил. У меня никого не было, кроме вас. Неужели я не имею права на вашу память?

— Может быть, нам стать феминистками? — предложила Азиза секретарше. — А то у нас нет своих феминисток. Почему это у них есть, а у нас нет?

— Им там больше делать нечего. Главное дело женщины — любовь. И другого дела у нее нет.

— Теперь ты видишь, почему я ушел, — как бы оправдываясь, сказал Тимур.

Над зданием аэропорта разносился медный голос диктора: «Произвел посадку самолет рейсом Самарканд — Ташкент».

Лиля остановилась среди ожидающих. Напряженно смотрела на дверь, в которую входили с поля пассажиры.

Появилась Азиза.

Лиля спряталась за спины и какое-то время наблюдала, как Азиза идет, как остановилась, растерянно оглядываясь.

— Азиза... — тихо окликнула Лиля.

Азиза вздрогнула. Обернулась. Подруги бросились друг другу навстречу — одна высокая, другая маленькая. Обнялись.

Лиля и Азиза ехали на машине. Лиля сидела за рулем.

— Никаких гостиниц! — категорически объявила Лиля. — Ты будешь жить у меня. Внучку я отвела к другой бабке. Освободила территорию.

— Зачем? — огорчилась Азиза. — Я же целый год не видела. Интересно было бы пообщаться.

— Интересно первые пять минут. А потом хочется выброситься в окно. Приходится жить с ней одной жизнью. Ее жизнью. Я просто с ног валюсь.

— А дочка с зятем что делают?

— Студенты.

— Пусть сами воспитывают. Родители должны воспитывать своих детей.

— Мой Борисов так обожает внучку, что ему все время хочется домой. Он говорит, когда в доме нет детей, в нем заводятся привидения...

Машина останавливается, Лиля закладывает кассету, включает магнитофон.

— Подожди одну минуточку... Я сейчас. Лиля выходит из машины и скрывается в комиссионном магазине.

Течет теплая мелодия. Азиза смотрит перед собой.

Появляется Лиля с коробкой.

— Туфли для Борисова,— поясняет она.— Я договорилась, мне оставили. На натуральном меху. У него от искусственного меха ноги горят.

— А в театре как?

— Обещали Сою, дали старую няню. Очень хорошо. Могли и вовсе ничего не дать. Актрис больше, чем ролей.

— Ты оптимистка,— отметила Азиза.

— Это моя позиция. Любой жизнью можно быть довольным и недовольным. Но пока ты ею недоволен, она и проходит... Подожди одну минуточку.

Машина останавливается против овощного магазина. Лиля снова включает музыку и снова исчезает. И снова появляется с полной авоськой.

— Морковку купила. И сметану. Я каждый день Борисову морковку со сметаной тру. Каротин без жиров не усваивается.

— Как ты о нем заботишься! — подивилась Азиза.

— А иначе нельзя. Уведут.

— Что значит — уведут? А любовь?

— А что, по-твоему, любовь? — спросила Лиля.— Это работа. Это огород, который надо постоянно окучивать. Вырывать сорняки. Иначе ничего не вырастет. Все заглохнет.

Раздался хлопок. Машина завиляла.

— Боже мой! Колесо! А у меня нет запаски.

Лиля и Азиза вышли из машины. Присели у колеса.

— Битая бутылка! И шина, и камера!

— А что делать? — теряется Азиза.

— Сейчас что-нибудь придумаем. Ты о чем хотела со мной поговорить?

— Да так... пустяки.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось.

Азиза выходит на середину дороги, поднимает руку.

Машины идут мимо.

Наконец одна машина останавливается. Водитель опускает ветровое стекло.

— Простите, вы не могли бы одолжить запасное колесо? — попросила Азиза, молитвенно сложив руки.

— Вы что, с ума сошли? — поинтересовался шофер.

— Почему? — не поняла Азиза.

— Потому что просить запасное колесо — это все равно, что просить сто рублей.

— Я могу дать вам сто рублей.

— Но ведь на рублях не уедешь. Уехать можно на колесе. А колесо достать очень трудно.

Шофер поднимает стекло, считая, что разговор закончен.

Машина отошла.

— Жлоб! — вслед ему сказала Азиза.— Циник! Хоть бы скрывал.

— А он не при чем,— сказала Лиля.— Это ты виновата.

— Я? — поразились Азиза.

— Конечно. У тебя какая-то неприятность. От тебя идут отрицательно заряженные флюиды. Вот дай я...

Лиля выходит на дорогу. Голосует.

Остановились «жигули». Оттуда высунулся очкарик.

— Здравствуйте,— поздоровалась Лиля.— Одолжите мне, пожалуйста, запасное колесо.

Очкарик вышел из машины, открыл багажник, вытащил оттуда запасное колесо и молча протянул Лиле.

Лиля оторопела.

— А как я вам его верну? — спросила она.

Очкарик достал записную книжку, вырвал оттуда листок, что-то написал. Протянул.

— Вот тут мой адрес и телефон. Меня зовут Касим.

— Я доеду до дома и верну вам колесо через час.

— Хорошо.

Очкарик уезжает.

— Какой замечательный человек,— восхитилась Азиза, глядя вслед уходящей машине.

— Нормальный,— сказала Лиля.— Просто мы отвыкли от нормы.

Лиля достает из багажника домкрат и ключ. Они с Азизой, как заправские механики, меняют колесо.

Телефонная трель звучит долго и настойчиво. Лиля торопливо отпирает дверь и вбегает в квартиру, чтобы успеть на звонок. Не успела. Взяла трубку, послушала. Положила ее на место.

— Это Борисов,— огорчилась она.

— А зачем он звонит? — спросила Азиза.

— Как зачем? Чтобы услышать мой голос. А я бы услышала его голос.

— И все?

— И все. Но я с этими колесами не успеваю приготовить ему обед. А он вчерашнее не ест.

— Давай я сделаю плов,— предложила Азиза.

Прошли на кухню.

— Вот рис, вот мясо, вот морковь, вот лук.— Лиля выкладывает продукты.— Я сейчас за колесом, потом к Касиму. Касим — просто прелесть.

— Слишком худой,— заметила Азиза.— Как цыпленок за рубль семьдесят пять.

— Зато его можно пожалеть. О! Как это ужасно, что я некрасива. Как ужасно.

— Ты очень обаятельна,— возразила Азиза.— А обаяние — это главное, потому что обаяние — свойство личности.

— Да не я... Соня из «Дяди Вани». Я так скучаю по ней. Я сама себе ее играю. Но актер не может играть себе. Ему нужен зритель.

— А хочешь, сыграй мне. Я буду зритель.

— Один зритель — это мало. Но все же лучше, чем никого. Скажи: «Дитя мое, как мне тяжело»...

— Дитя мое, как мне тяжело,— повторила Азиза.

— Не так. Ты говоришь формально. Еще раз.

— Дитя мое, как мне тяжело! — серьезно, прочувствованно сказала Азиза так, будто это были ее слова и ее состояние.— О! Если б ты знала, как мне тяжело!..

— Что же делать, надо жить! — страстно проговорила Соня-Лиля.— Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный, длинный ряд дней, долгих вечеров. Будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба. Будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем, и там, за гробом, мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и бог сжадется над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем! Мы отдохнем! Я верую, я верую...

Азиза плачет.

— Бедный, бедный дядя Ваня! Ты плачешь...

Лиля и Азиза обнимаются. Плачут обе.

— Я верую,— повторяет Лиля, как клятву.— Я побегу!

Лиля убегает.

Азиза одна в Лилиной квартире, нарезает лук кольцами. Перед ней целая гора полупрозрачных луковых колец. По щекам Азизы текут слезы. Она поднимает лицо, жмурится, но слезы текут из-под зажмуренных век.

Азиза выходит на балкон, чтобы проветрить лицо. Слезы продолжают идти, и от этого все предметы расплываются.

В домах зажглись огни. Окна походили на разноцветные фонарики. Внизу возле дома теснились машины и с высоты казались игрушечными.

Азиза стояла одна над городом. Ветер хлестал ее, поднял дыбом волосы.

Вдруг с соседнего балкона в нее полетели какие-то вещи: пиджак, ботинки. И следом за вещами на балкон спрыгнул мужчина в рубашке и босиком.

Спрыгнул и устоял на Азизу.

— Что вы здесь делаете? — удивился он.

— А вы?

— Я хотел бы через вашу квартиру пройти на лестницу. Это возможно?

— Пожалуйста...

Азиза и незнакомец прошли с балкона в комнату. Незнакомец нес в руке ботинки и пиджак. Перед дверью он их надел. Прямо глянул на Азизу, давая ей возможность рассмотреть себя. Он был красавец, честно говоря.

— А почему вы стояли на балконе раздетая? — спросил он.

— Жарко стало.

— Вы йог?

— Йог, — согласилась Азиза.

— А хозяйева где?

— Их нет дома.

— А вы кто?

— Какая вам разница?

— Никакой, — сознался красавец и ушел.

Азиза обняла себя за плечи. Ее трясло. Она прошла на кухню, включила конфорки и стала греться.

Раздался звонок в дверь. Азиза открыла. В дверях стоял Красавец.

Он обошел Азизу и прямо отправился на кухню.

— Зачем вы открыли газ? — подозрительно спросил он.

— Не открыла, а зажгла. Это разное.

— Зачем?

— Греюсь.

— То вам жарко, то вам холодно.

— А ваше какое дело? Что вы ходите туда и обратно?

Красавец подошел к Азизе, взял ее за руки.

— Сознайтесь честно, вас обидели? — тихо и просто спросил он.

Азиза почувствовала, что слезы опять поднимаются к глазам. Но она справилась.

— Я же не задаю вам вопросов.

— Можете задавать.

Азиза колебалась какое-то время, потом прямо посмотрела ему в глаза.

— Почему вы удрали через балкон? Муж пришел?

— Да,— подтвердил Красавец.— А вы откуда знаете?

— Из анекдотов. Типичная ситуация. Муж пришел не вовремя.

— Да, я не хотел его видеть. Дело в том, что я убил его жену.

Это был неожиданный поворот «типичной ситуации». Азиза достала из сумки очки, надела их и, прозрев, глядела на Красавца.

— Из ревности? — спросила она.

— Я врач. Хирург. Я сделал ей операцию.

— Ах, вот что... Неудачная работа. Брак... Ну что ж, это бывает в каждом деле.

— Неудачная работа?! Да это операция века! Такую операцию до меня делал только Дебекки. Вы слышали это имя?

— Нет, — сослалась Азиза.

— Дебекки — первый хирург в мире, который предложил клапан из тефлона. Знаете, что такое тефлон?

— Нет.

— Вы ничего не знаете. Вы что, домохозяйка? Хотя домохозяйки знают тефлоновые сковородки. На них можно жарить без масла. Тефлон — сверхпрочный синтетический материал. Он практически не изнашивается.

— Вы вшили такой же клапан?

— Не вшил. Вклеил. Я пошел дальше Дебекки. Я пять лет вместе с учеными разрабатывал органический клей, который приваривает клапан, а потом постепенно рассасывается. Клапан вживляется без единого шва, без травмы сердечной мышцы. А главное — время. Раньше такая операция шла пять часов. А теперь — сорок минут. Как при удалении аппендикса. Я практически избавил людей от страха перед сердечными заболеваниями. Сердце можно будет ремонтировать, как моторы в ремонтных мастерских. А она не выздоравливает.

— Почему?

— Не борется. Говорит, что устала... Послушайте, вы необычайно умеете слушать. Меня никто никогда так не слушал.

— Мы остановились на том, что ваша больная устала.

— Да. А когда человек не хочет жить, это смертельно опасно. Потому что все идет отсюда. — Красавец постучал пальцем по виску. — У меня был случай, — продолжал он, — я оперировал очень тяжелую язву, совершенно не верил в успех. Большой — шофер грузовика, обслуживал рыбный холодильник. Ел одну рыбу, как кот. Но это не важно. Я боялся, что он умрет на столе. Но обошлось. Довел операцию до конца. Через час пошел посмотреть его в реанимации, а койка пуста. Я заглянул под койку, думал, он упал. Никого нет. Побежали искать. Захожу в туалет, смотрю — он сидит и курит. Мозг не принял тяжести агрессии. И представляете, он выздоровел... А здесь... Такая операция в Америке стоила бы полто-

ра миллиона долларов... Вы мне не дадите чаю?

Азиза взяла чайник, налила воду. Поставила на газ.

Красавец сидел в позе грустного подростка. Азиза посмотрела на его невзрослую макушку.

— Но ведь вы не при чем, — с убеждением сказала она. — Вы сделали все, что от вас зависело. А как она... это уж ее дело.

— Операция сама по себе в отрыве от больного не существует. Лучше пусть он выживет после плохой операции, чем умрет после хорошей. А тут еще муж пришел «спасибо» говорить.

— Значит, это ваша квартира? — спросила Азиза.

— Конечно. А вы, что думали?

— Нет... Ничего... — смутилась Азиза. — А муж, значит, у вас сидит?

— Наверное.

— А почему нельзя было уйти через дверь?

— Неудобно уходить, когда к тебе пришел человек. А так я просто исчез. Без объяснений. Одно дело уйти, другое дело исчезнуть.

— И все же неудобно, — возразила Азиза. — Вы должны вернуться.

— Я должен быть в больнице.

— Идите.

— Пойдите со мной, — попросил Красавец.

Азиза с удивлением на него посмотрела.

— Не отказывайтесь. Я загадал.

— Ну хорошо...

Азиза надела пальто.

Красавец огляделся и снял с дивана плед. Покрылся пледом.

— Что вы делаете?

— Не могу же я ехать в больницу раздетым.

Раздался свист. Это закипел чайник. Азиза метнулась в кухню. Выключила газ.

Потом они с Красавцем вышли на лестничную площадку. Азиза захлопнула дверь.

Больница состояла из нескольких белых корпусов, и в темноте казалось, что корпуса в медицинских халатах.

Азиза и Красавец вошли в одну из дверей, поднялись на второй этаж.

— Это мой кабинет.

Красавец сбросил плед на диван, достал из шкафа халат. Надел. Теперь он был не Красавец, а Врач.

В коридоре горел слабый свет. Было пустынно. Больные спали в своих палатах.

Ее звали Алла. Она лежала в одиночной палате. Смотрела в потолок.

В дверях появился Врач.

— Алла, — тихо окликнул он.

Она продолжала смотреть в потолок. Врач приподнял с груди ее слабую руку и стал слушать пульс. Потом вернул руку на место.

— Алла! — тихо взмолился Врач.— Ну пожалуйста...

Алла не слышала, или не желала слышать. От нее исходил вселенский холод равнодушия.

Врач повернулся и, как слепой, вышел из палаты. Азиза ждала его в коридоре. Он прошел мимо нее, забыв о ней. Азизе казалось, что он плачет. Игла жалости прожгла Азизу.

Она решительно вошла в палату. Села на край постели.

— Ну пожалуйста...— тихо попросила Азиза.— Я понимаю вас... Вы так долго страдали... Вы надорвались. Вы хотите отдохнуть любой ценой. Я понимаю... Но Алла, Вы же не одна. За вами стоит ваш врач который вас починил. За вами сотни, тысячи больных людей, для которых необходимо ваше выздоровление, как надежда, как гарантия. Вы просто не имеете права... Конечно, легче быть слабой женщиной... Но в данном случае — это нечестно. Вы должны быть сильной. Вы меня слышите?

— Кто вы? — тихо спросила Алла.

— Никто.

— Вы мне не кажетесь?

— Нет. Я есть.

Азиза низко наклонилась над Аллой, и очки Азизы упали на ее лицо. Алла оторвала от груди руку, взяла очки и надела их на себя.

— Действительно... Теперь я вас вижу.

— Нельзя думать только о себе. Только себя жалеть. Иначе нарушится центровка.

— Что нарушится?— спросила Алла.

— Все нарушится. Во всей солнечной системе. Вы не имеете права!

— Что вы от меня хотите?— слабо спросила Алла.

— Чтобы вы пошли на свежий воздух.

— Зачем?

— Подышать.

— Я не могу.

— А вы не знаете — можете вы или нет. Человек не знает своих возможностей.

Азиза обняла Аллу за плечи и стала приподнимать.

— У меня клапан не оторвется?— спросила Алла.

— Не оторвется. Но удивится.

Азиза подняла Аллу. Они обнялись и медленно вышли из палаты в коридор.

Они медленно, как привидения, продвигались, обнявшись. Азизе казалось, что если они подпрыгнут, то взлетят и поплывут. В нее перетекала слабость Аллы, а в Аллу

ее радость. И хотелось без конца идти вот так, обнявшись, и, как бабочку в ладошке, нести эту чужую, хрупкую жизнь.

Коридор был по-прежнему пуст. Медсестра дремала на диванчике.

Из кабинета вышел Врач с озабоченным лицом. Увидев пару, бредущую по коридору, он не поверил своим глазам.

— Добрый вечер,— поздоровалась Алла.

— А... что вы здесь делаете?— вымолвил Врач.

— Подышать идем,— сказала Азиза.

Врач метнулся к Алле. Взял ее руку, нащупал пульс. Потом обернулся к Азизе и спросил:

— Слушайте... А что вы сделали?

Зазвонил будильник. Медсестра встрепенулась, села на диване. Увидела Аллу в коридоре. Протерла глаза. Алла стояла на прежнем месте и улыбалась.

— Здесь!— скомандовал Врач.

Таксист остановил машину возле его подъезда.

— Спать хочу,— поделился Врач, расплачиваясь.— Пятые сутки не сплю. Сейчас приду и засну как убитый.

Выбрались из такси. Таксист с удивлением посмотрел на Врача в пледе.

— Я вас провожу,— предложила Азиза.

Вошли в лифт. Врач припал затылком к стене лифта и закрыл глаза. Он засыпал на ходу.

Азиза нажала нужную кнопку. Потом вывела Врача из лифта и подвела его к двери. Не просыпаясь окончательно, он стал отпирать, но ключ не поворачивался.

— Что за черт?— удивился Врач.

С той стороны послышался шорох. Дверь распахнулась. На пороге стоял муж Аллы, молодой, но лысый.

— Вы еще здесь?— удивился Врач.

— А где мне быть?— в свою очередь удивился Муж.

Они стояли и смотрели друг на друга.

— Вы проходите,— предложил Муж.— Раздевайтесь!

— Я пойду,— сказала Азиза.

— Нет,— задержал Врач.— Мы сейчас выпьем! У нас есть французский коньяк и есть повод. У меня удалась моя жизнь! Не больше и не меньше! Разве это не повод? Доставайте свой коньяк.

— Так я уже выпил,— растерялся Муж.— Вы бы еще дольше гуляли.

— Весь?— удивился Врач.

Муж Аллы показал пустую бутылку.

Врач вышел на кухню, проверил свой холодильник. Холодильник был беден.

— Можно пельмени отварить,— предложил Врач.

— Идемте к нам. Я приготовлю плов.

— Идемте!— обрадовался муж Аллы.— Я с утра не ел.

— Ключи...— вспомнила Азиза.— У меня же нет ключей.

— А мы по балкону,— предложил Врач. Вышли на балкон.

Врач первый перебрался на Лилин балкон. Подал Азизе руку. Муж Аллы подстраховывал ее с другой стороны.

Азиза встала на балконную перегородку, опираясь на мужские руки. Город лежал перед ней. В домах не было огней. Город спал.

— Мне кажется, что за каждым окном спит по гению,— мечтательно проговорила Азиза.

Спрыгнула на балкон, поддерживаемая Врачом. Теперь была очередь мужа Аллы.

— Я не полезу,— сказал он.— Я боюсь.

— Как хочешь,— разрешил Врач.

Лиля и Борисов спали в глубине своей квартиры.

Азиза и Врач прошли на кухню. Азиза тут же включила газ, раскалила масло в казане, бросила туда лук и морковь. Потом мясо и рис. Она двигалась легко и точно, ни одного лишнего движения. Врач не отрываясь смотрел на Азизу. Азиза время от времени оборачивалась, встречалась с ним глазами, и ее сердце мягко стравивалось с места и плыло, как в состоянии невесомости. Это был молчаливый дуэт.

Азиза накрыла казан крышкой и положила по краям кухонное полотенце.

— А это зачем?— спросил Врач.

— Чтобы пар не выходил.

— А если выйдет?

— Это неграмотно,— объяснила Азиза.— В плове самое главное тщательность.

— В хирургии тоже.

— Еще двадцать минут,— пообещала Азиза.

— Сядьте.

Азиза села против Врача.

— Сколько раз в своей жизни я протягивал руку помощи, и скольким людям... А когда помощь понадобилась мне, их не оказалось рядом. Рядом случились вы, совершенно незнакомый человек, случайно свалившийся на голову.

— Это вы свалились мне на голову, если быть точным,— заметила Азиза.

— А знаете, почему так получается? Потому что добро бескорыстно. Принцип «ты мне, я тебе» не срабатывает. Ты — мне, я — другому, другой — третьему. Главное, чтобы цепочка не прерывалась.

Азиза внимательно слушала Врача, но ее отвлекала пуговица на его рубашке, виляющая на нитке.

Азиза дернула за пуговицу и оторвала ее. Потом порылась в своей дорожной сумке, достала иголку, нитку и стала заново пришивать пуговицу к рубашке.

— На человеке нельзя,— сказал Врач.— Что-то там пришивается, не помню что...

Врач замолчал взволнованно. Волнение происходило от близости Азизы. Ее склоненная голова находилась прямо под его подбородком. Его волнение передалось Азизе, но она была занята делом. Пришивала пуговицу. Пришила. Перекусила нитку.

Врач осторожно прижал ее голову к груди. Они так и стояли, слушая в себе вздымающееся чувство. Под ухом Азизы, как молот, билось его сердце.

В проеме кухонной двери возник Борисов в пижамных штанах и майке. Он выглядел маленьким, лысеньким, и на первый взгляд было непонятно: что же так ревностно охраняет Лиля? Борисов увидел Азизу и соседа, отреагировал одними бровями. Они у него удивленно поднялись и застыли.

— Проходите,— пригласила Азиза.— Сейчас будем плов есть.

Плов стоял посреди стола. Азиза, Врач и Борисов ели из одного блюда.

Борисов застал.

— У тебя болит зуб?— спросила Азиза.

— Нет. Это я от наслаждения.

В кухню вошла Лиля. Молча села к столу. Наблюдая за мужем.

— Что ты хватаешь, как будто из голодного края. Как будто я тебя не кормлю.

— Вкусно очень,— объяснил Борисов с набитым ртом.— У тебя так не получается.

У тебя получается каша с мясом, а не плов.

— Вот, пожалуйста...— обиделась Лиля.— Вот и жди от них благодарности.

— Ребята, не ссорьтесь,— предложила Азиза.— Вы уже бабушка и дедушка.

— Я не дедушка,— отказался Борисов.— Я муж бабушки.

В дверь позвонили.

— Кто это?— удивилась Лиля.

— Не беспокойся, плова много,— сказала Азиза.

Борисов отворил дверь. На пороге стоял муж Аллы.

— Здравствуйте,— поздоровался он.— Я сюда попал?

— Это к нам! — воскликнула Азиза.— Проходите.

— Мне одному скучно,— извинился муж Аллы. Он подсел к столу и стал есть.— Я, когда волнуясь, всегда много ем...— извинился он.

Борисов поднялся, вышел из кухни и тут же вернулся с гитарой.

— Ты что, с ума сошел? — испугалась Лиля.— Спят же все...

— А мы тихонечко.

Борисов запел — тихо и замечательно. «Подойди ко мне, я обниму тебя и скажу: ты лучше всех, ты единственная...» Лиля неотрывно смотрела на Борисова, а Борисов на Лилю, и казалось, что из их глаз навстречу друг другу струится любовь.

Любовь стояла в воздухе, и все дышали ею. Врач накрыл своей большой рукой маленькую руку Азизы. Азиза тихо, стараясь не нарушать песню, потянула руку обратно, но Врач сжал ее. Не пустил.

— Где ты была? — спросила Лиля у Азизы. — Я тебя потеряла.

— А я нашел, — ответил Врач.

Лиля испытующе посмотрела на обоих. — Быстро ты сориентировалась, — удивилась Лиля.

— Это я быстро сориентировался, — сказал Врач. Обернулся к Азизе. — Я очень занятый человек. Мне некогда за вами ухаживать. Выходите за меня замуж.

— Это несерьезно! — вмешался Борисов. — Серьезные дела так не решают.

— Серьезные дела решают именно так! — возразила Лиля. — Вспомни, как было у нас.

— Спойте еще что-нибудь, — попросил муж Аллы.

Борисов снова запел. И снова замечательно.

Врач смотрел на Азизу. Она казалась ему настоящей красавицей. А он казался ей необычайно красивым. Они видели друг друга в ослеплении влюбленности.

Зал заседаний был полон.

Азиза сидела на сцене в президиуме. Выступающий стоял на трибуне, говорил монотонно и наукообразно.

Некоторые слушали со вниманием, некоторые перемогались, зевали ноздрями. Азиза смотрела перед собой, и было неясно, слышит она или нет.

Азиза в фате и белом платье выходит из дверей ЗАГСа. Рядом с ней Врач в черном костюме и галстук-бабочке. Вокруг них друзья и сослуживцы. Рядом с Врачом Алла и муж Аллы.

В стороне, в отдалении, стоит Тимур, исподлобья смотрит на происходящее. Вид у него подавленный.

Азиза отделяется от свадебной группы. Подходит к нему. Смотрят друг на друга: Тимур — с укором, Азиза — с состраданием.

— Хочешь, я буду помогать тебе материально? Я буду платить тебе алименты, — предложила Азиза.

— Обойдусь... — оскорбился Тимур.

Он повернулся и пошел прочь.

— Тимур! — Азиза побежала следом. — Но ты же сам первый начал.

— То, что можно мужчине, женщине не положено. Ты узбечка, а не шведка.

— Но подожди... Тимур...

Азиза бежит следом. Ее останавливают за плечо.

Азиза очнулась. На ее плече была рука председательствующего.

— Ваше выступление, — сказал он.

Азиза поднялась. Пошла к трибуне.

Врач поднялся по широкой лестнице. Заглянул в зал.

Азиза стояла на трибуне. Читала доклад.

Врач вошел в зал. Сел в последний ряд.

Перед ним сидели две женщины, по-видимому, тоже ученые. Переговаривались между собой.

— А я повесила шубу на балкон проветривать, так у меня ласточки на гнездо всю спину выщипали.

— Вы мешаете, — тихо заметил им Врач, наклонившись.

Женщины оглянулись, оглядели Врача. Замолчали.

Врач откинулся в кресле. Стал слушать Азизу. В нем возникла вчерашняя песня Борисова: «Подойди ко мне, я обниму тебя и скажу, что ты лучше всех, ты единственная...»

«Совершил посадку самолет Ташкент — Самарканд. Просьба не вставать со своих мест до полной остановки самолета. Первыми выходят пассажиры второго салона, иначе нарушится центровка.»

Азиза сидела в кресле самолета с закрытыми глазами. В ней звучала песня Борисова, и эта песня как напоминание о Враче сопровождала ее все время, пока она выходила из самолета. Шла по летному полю. Выходила в город. Сиделась в такси.

Институт.

Азиза поднялась по широкой лестнице. В ее руках была дорожная сумка и цветы.

По небу плыли облака. Азиза подняла голову и обратила внимание на небо и на облака. Прикрыв глаза, подставляла лицо солнечному теплу.

Секретарша сидела на своем месте, печатала на машинке и плакала украдкой. Скрывала слезы.

Вошла Азиза. Увидела секретаршу, подумала и, отделив от букета половину, протянула ей.

Секретарша с глубоким недоумением посмотрела на Азизу.

Азиза вышла в коридор, слушая в себе песню. Навстречу Шамшаров. Остановился, как споткнулся.

- Ты вернулась? — спросил он.
- Не совсем.
- Как это?
- Половина здесь, половина в Ташкенте.
- Непонятно.

Шамшаров взгляделся в Азизу. Ее лицо светилось нежностью.

— Шамшаров, а почему тебя все зовут по фамилии? У тебя же такое замечательное имя: Улугбек. И вообще ты такой хороший! У тебя есть талант верности, талант терпения, самые редкие таланты.

— У тебя хорошее настроение, я вижу... — насторожился Шамшаров.

- Да. Извини...
- Не я тому причиной...
- Да. Извини...

Повисла пауза.

— И сколько ты его знала? — спросил Шамшаров.

- Сутки.
- Ну, это уже срок.
- Снова замолчали.

— Можно, я задам тебе один единственный вопрос? — спросил Шамшаров.

— Задавай.

— Почему не я? — с болью произнес Шамшаров. — Кто угодно, только не я. Почему?

Азиза растерялась. Стала честно думать.

— Я не знаю, — созналась она. — Подумаю.

Шамшаров стоял, как врос. Не мог двинуться с места. Азиза обошла его. Дошла почти до конца коридора. Потом обернулась. Шамшаров все стоял.

Азиза вернулась. Обняла.

- Спасибо тебе, Бек.
- За что?
- Не знаю.

Собака Бой мотала хвостом, как маятником.

Азиза, присев на корточки, освобождала ее от датчиков. Бой лизал ей руки. Норовил лизнуть в лицо.

Заглянул Мансуров.

- Вы меня звали? — спросил он.
- Саша... У меня к вам большая просьба.
- Я слушаю, — с готовностью отозвался Мансуров.

— Возьмите себе Боя. Это умный и преданный друг. Я бы взяла его себе, но у нас некому с ним гулять.

— Так и у меня некому, — растерялся Мансуров.

— Тогда пристройте к кому-нибудь, только в надежные руки... А если не получится, выпустите на волю. Пусть будет уличным псом. Подружку встретит. Будет по полдня за костью гоняться, найдет — будет по-настоящему счастлив. Зачем ему наша искусственная радость? Пусть живет себе своей собачьей жизнью.

— А вы? — спросил Мансуров.

— Я тоже буду жить свою жизнь.

Вошел Рустам.

— Там пришли с коврового комбината. Попросят выступить.

— Пусть Мансуров выступит. На ковровом комбинате в основном женщины. На Мансурова им будет интереснее смотреть.

Азиза поднялась и вышла из кабинета. Бой провыл ей вслед.

Дверь открыл Тимур.

Он стоял в домашней одежде, обросший, как каторжник. Смотрел на Азизу. А она, естественно, смотрела на него. Так прошла минута, а может быть, и две. Оба не могли справиться с волнением.

— Ты где была? — наконец спросил Тимур.

— В командировке, — ответила Азиза. — А ты?

— И я в командировке. Что стоишь? Проходи.

Азиза ступила через порог.

Квартира была отремонтирована и вымыта до блеска. На окнах дышали прозрачные занавески. В вазах стояли цветы.

— Все как было, и все по-другому, — проговорила Азиза.

— Есть хочешь? — спросил Тимур.

— Кофе.

Тимур пошел на кухню, стал варить кофе.

— Ну и как там... в командировке? — спросила Азиза.

— Дома лучше, — ответил Тимур.

Разлил кофе в чашки.

Они сидели друг против друга и молчали. И далеко в ночи был виден светящийся квадрат их окна.

ОЛЕСЬ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУПИЙ (родился в 1938 году) окончил филологический факультет Киевского университета им. Т. Шевченко. Поэт, прозаик, киносценарист, драматург. Автор романов «Милява», «Поединок», «Грань», «Раскаты осеннего грома», «Солнце меж соснами», «Никому тебя не отдам», ряда сборников стихотворений и поэм, рассказов и повестей. По его сценарию поставлен художественный фильм «Багряные берега».

Фильм по сценарию «Князь Даниил Галицкий» ставит на Одесской киностудии режиссер Ярослав Лупий.

ОЛЕСЬ ЛУПИЙ

КНЯЗЬ ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ

«... дерз и храбор, от главы и до ногу его не бе на нем порока»

Ипатьевская летопись

В ТОТ ДЕНЬ РУССКОМУ КНЯЗЮ ДАНИИЛУ ГАЛИЦКОМУ ИСПОЛНИЛОСЬ Сорок пять лет. Находясь в зените славы как победитель в знаменитых битвах под Дорогочином над крестоносцами и под Ярославом над уграми, он вынужден был явиться к Золотоордынскому хану Батю.

Была ранняя весна 1246 года...

В центре военного курултая на высоких красных подушках, пестревших посреди большого зеленого ковра, сидел верховный

хан Золотой Орды — Батый. Чеканная металлическая пластина, наплечники, рукава фартука и даже зеленые сафьяновые ботинки поблескивали золотом и бриллиантами. Круглые, полированные, как зеркало, металлические бляхи на груди и спине отводили злых духов и защищали в бою. Рядом с ханом лежал телохранитель, справа и слева восседали восемь наследников-чингизидов, а в глубине шатра несколько угланов, темников и тысячников.

Дрогнули поднятые к вискам, выбритые в ниточку брови на большом, желтом, отечном лице.

Обезоруженный Даниил Галицкий, проявив уважение низким поклоном, остановился напротив Батыя. Четверо дружинников поставили перед ханом два кованных сунду-

* Сценарий написан при участии режиссера-постановщика Ярослава Лупия.

ка с драгоценностями и, откланявшись, осторожно переступили порог.

— Великий хан, повелитель Востока и Запада, — не спеша, но взволнованно заговорил Даниил. — Выполняя волю сердца своего, явился я к тебе и кладу к стопам твоим скромные дары земли Галицкой...

— Даниль! — недоверчивым, хищным взглядом смерил Батый русского князя. — Ты поклонился духам наших предков, перешагнул через священные огни, очищаясь от скверны. Пьешь ли ты черное молоко, наш напиток кумыс?

— До сих пор не пил, а сегодня ты велишь — я выпью.

Слуга поднес Даниилу золотую чашу, до краев наполненную кумысом. Князь с особой осторожностью поднес ее к губам и отпил.

— Теперь ты наш — татарин.

Даниил опорожнил чашу.

— Почему последним среди русских князей пришел? — строго спросил Батый.

— Не приглашал меня, великий...

— Мой слуга, хан Моуци, сказал тебе: «Дай Галич!». Почему не отдал?

— Великий хан! Пришел к тебе, потому что ты еси не только выдающийся полководец, но и мудрец. В моей земле семь больших городов — Галич, Холм, Владимир, Луческ, Белз, Берестье, Перемышль... Все завещал я сыновьям своим, брату Василию и его сыну. Советуюсь с тобой: если отдам Галич, где найду такую землю, в которой был бы князем я?

— Хитрый! — ухмыльнулся Батый и посмотрел на молодого хана Куремсу.

Даниил промолчал.

— Мои багатуры говорят, — сузил глаза Батый, — будто ты готовишь мне месть за сожженные русские города.

Даниил сразу нашелся:

— Мой приезд — залог того, что я твоим мирником еси.

Это не убедило хана, и он не отступал.

— Если убью тебя, месть будет готовить брат Василий?

— Города русские сожжены с божьей воли, разве можно отомстить богу?

Такой ответ понравился хану, и он подмигнул слуге. Тот снова стал разливать кумыс.

— Не привыкли вы, русские, пить молоко, — скупно улыбаясь, сказал хан. — Пей вино.

Даниилу подали чашу с вином. Дрожащей рукой он поднес ее к губам.

...Князь Галицкий низко поклонился и вышел. Тургауды-охранники, стоявшие у входа, не сводили с него глаз. За шатром

еще один охранник молча протянул князю его меч и, увидев на его груди золотую пайзу — высочайший знак милости хана, склонил голову.

Навстречу Даниилу торопились его спутники: печатник Кирилл, воевода Андрей, игумен Григорий, радуясь счастливому возвращению их властелина. Так молча и пошли они по крутой улочке, с обеих сторон которой расположились богатые шатры ханов, угланов и темников, а ниже, к берегам Итиля — Волги, — простые юрты нукеров. Солнце зашло, и улицы Сарай-Берке освещались сотнями кострищ, у которых неумно галдели возбужденные нукеры, бесчисленные городские бродяги ханской столицы. За спинами русских послов среди бескрайнего нагромождения камня возвышался дворец хана с золотым серпом полумесяца над крышей.

Невдалеке за кустами мучили непокорного пленного. Четверо нукеров жгли ему ноги, заламывали руки, но он лишь слабо вскрикивал. Отец Григорий, тяжело вздохнув, поспешил перекреститься.

В сопровождении свиты Даниил приближался к своей стоянке. Время от времени к нему подбегали нукеры, городская рвань, требуя подарков, но, заметив на груди князя пайзу, торопливо отходили, осаждая дружинников. Просили с протянутыми руками хоть что-нибудь.

— Отпряните, сатанины!

— Изыди!

Все требовательнее звучали незнакомые ордынские слова, выкрики. Слышались отдаленные удары бубнов. Русское посольство сопроводжали насмешливой руганью.

Яростью и презрением наполнились глаза князя Даниила. Но князь сдерживал себя, до боли стискивал зубы и шел дальше, веря, что должен же настать конец этой дерзости и хуле.

Яркое весеннее солнце ласкало крыши домов стольного града Галицко-Волынского княжества Галича, оборонные валы, башни, купола церквей и соборов, неказистые хижины, прижавшиеся к склону горы вдали от Золотого Тока. Казалось, все радовалось первой весенней оттепели.

Лишь в княжьем замке царила тишина, наполненная тревогой и беспокойством.

Князь Василий Романович Волынский стоял у настежь открытого окна, глядя на восток, где высились леса и рощи, а меж невысоких холмов вилаась дорога. Он не услышал подошедшего тиуна:

— Князь, нет весточки от Даниила Романовича?

Василий не шелохнулся.

В Успенский собор Галича, ярко освещенный свечами, стекалось все больше и больше народа — бояре, воеводы, ремесленники... В центре собора, украшенного рушниками и хоругвями, на возвышении в гробу лежала покойница.

— Вечная память, — прохрипел старец. — Не дождалась мужа.

— Детей осиротила, — вздохнул кто-то.

— Матушка наша, красавица-а-а! Пречудны кудри твои и лик твой, свет-заря и солнышко наше!.. На кого ж ты деток покинула и мужа своего, сокола ясного!.. — причитала старуха. — Сердце твое доброе в истоме не выдержало, во лихом часе земля наша...

В другом конце собора, у клироса, на мужской половине шепотом разговаривали бояре Доброслав и Филипп.

— Не ведает Даниил, что ждет его дома, — с притворным сочувствием произнес Филипп.

— Кабы при здравии вернулся, — сделал недовольную гримасу Доброслав. — Найдет другую, помоложе...

— Не говори, жалел он её.

— Не до жены нынче.

Ударили в колокола. У ветхой каплицы, окруженной со всех сторон крестами, стояли румянощекий, крепкий с виду, боярин Зизаний и прелат папы римского Герберт, высокий и худой.

— Де мориус аут бене аут нигиль, — перекрестившись, тихо произнес Герберт.

— Что вы сказали? — не понял Зизаний.

— О мертвых говори хорошо иль ничего не говори! — громко произнес Герберт. — Будете дожидаться князя иль без него сохраните?

— Дольше дожидаться нельзя. Знать бы, что с ним? От ордынцев всего можно ожидать.

К ним приближались легаты Генрих и Алексей.

— Там уже убили князя Михаила Черниговского и Ярослава Суздальского. А у Даниила нрав крутой — могли и его, — сказал Зизаний без какого-либо сочувствия.

— Что же тогда? — поинтересовался Герберт.

— Тогда князь Василий будет держать совет с сыном Даниила Львом.

— А сам Василий разве не способен править?

— Так у них повелось, правят в земле два брата.

— Но все же голова одна?

— Нет, они просто не могут друг без друга.

— Какова же ваша воля боярская?

Зизаний быстро оглянулся и, ухмыльнувшись, ответил:

— Мы желаем Льва, княжича.

— Почему?

— Молодо-зелено...

— А Лев знает об этом?

— Пока что нет...

Лев и Прасковья, избегая посторонних взглядов, спустились в балку и остановились под старым развесистым деревом.

— Что же дальше-то будет, княжич? — во взгляде девушки — грусть тяжкая, безысходная.

— Будем дожидаться отца нашего, князя Даниила.

— Скоро потухнет моя радость.

— Почему?

— Отец твой не разрешит нам быть вместе. Кто я? Дочь простого мастера.

— Ты любя сердцу моему, — страстно произнес Лев. — И князь не откажет. Я все же его старший сын.

Прасковья успокоилась, глаза ее просветлели, а голова склонилась к широкой и могучей груди княжича.

Бушевала метель...

По тонкому льду на правый высокий берег реки переправлялись русские всадники. Лошади скользили, шли мелкими шагами.

Колючий снег сыпал в лицо князю. Рядом с ним дружинник вел седого, покрытого красной попоной коня. За ним шли печатник Кирилл, воевода Андрей, игумен Григорий и двенадцать конников.

Взобравшись на высокий берег, игумен Григорий обнажил голову и упал на колени. Посиневшие губы беззвучно произносили молитву.

Князь неподвижно сидел на коне и смотрел на запад. Смотрел туда, где разбушевавшаяся метель сгладила черту между небом и землей. И вдруг, будто свист кнута, донесся с левого берега реки окрик монгольского багатура:

— Коназ Даниль! Коназ!

Не сразу оглянулся Галицкий.

— Коназ Даниль Романович! — громче закричал багатур.

Даниил резко повернул голову. На том берегу на приземистых лошадях топтались на месте около полусотни нукеров.

— Помни милость хана Бату! — едва доносились сквозь пургу слова багатура.

Уставшее, обросшее щетиной лицо князя пылало ненавистью. Он взмахнул рукой и

направил своего коня на запад. За ним устремилась вся его свита.

По хорошо укатанной дороге, которая извивалась между двумя невысокими холмами, к Галичу приближались всадники.

Над Киевскими воротами затрубил стражник. И сигнал тут же подхватили оповестители всех сторожевых башен и резиденции князя.

Вспокоился город. Вскоре на улицы выбежали ремесленники, охрана, дружинники, торговцы. К главной улице стекались не только жители города, но и люди окрестных сел...

Протяжно заскрипели засовы ворот. Лошади Даниила и свиты проскакали по мосту не останавливаясь. Удивился этому боярин-городовой, улыбнулся вкрадчиво.

— Что с ним? — глядя вслед князю, спросил боярин Доброслав.

— Худая весть, — ответил боярин Филипп.

— Даниил Романович! — гулко прокатилось в толпе на площади.

— Слава князю! Живой вернулся! Слава! Слава! Слава!

На главной башне княжьего замка рядом со стягом Василия Романовича — серебряным беркутом на голубом фоне — подняли стяг Даниила Романовича — белое полотнище с изображением золотого льва.

Даниил остановил коня посреди двора. Спрыгнув на землю, снял красное корзно, бросил его в седло и, обращаясь к дружинникам, сказал:

— Здравствуйте, воины!

— С возвращением, Даниил! Слава князю! — радостно ответили они. — Слава! Слава!

— Благодарю вас, родные! — сказал князь, ласковым взглядом охватив всех, и отправился в замок. Холодно звякали шпоры.

В малой палате княжьего замка было темно. Сквозь верхние окна сочился слабый свет, едва освещающий на стенах гербы Галицкого и Волынского княжеств, стяги, скрещенные мечи, копыя.

Даниил остановился посреди палаты. В высоком кресле у стены сидела мать — княгиня Анна — в черном одеянии. Он подошел к ней, опустился на колени и поцеловал ей руку.

— Матушка...

— Приветствую тебя, сын, — княгиня прикоснулась пальцами к его вискам.

— Извини грешного. В этот раз не привез тебе подарков. Вот это все, чем меня одарили, — Даниил показал пайзу и ярлык.

— Что это?

— Знаки хана Батыя на право княжить в Галиции и на Волыни.

— Немудреные вещи, — равнодушно вымолвила княгиня. — Державные знаки наших предков драгоценнее и краше.

— Они всегда со мной как благодать.

Озлобленный Даниил отбросил пайзу. Она со звоном откатилась к двери, в которой появился его брат Василий Волынский. Он поднял пайзу, стал ее рассматривать.

— Княгиня, благослови, смой с меня грязь нечестивых!

Анна коснулась ладонями его головы.

— Теперь я лучше знаю врага...

— Я верю тебе, сын.

Даниил почувствовал чей-то взгляд, резко повернулся и увидел Василия. Они крепко обнялись.

Бесконечной казалась белая стена собора, вдоль которой шел Даниил в сопровождении князя Василия и своих сыновей Льва, Мстислава и Романа.

Собор встретил их таинственной тишиной, как будто бы там было пусто, поэтому впечатляюще прозвучало причитание, донесшееся из-за колоннады. Даниил поспешил туда, взгляд его остановился на мраморной плите — захоронении его жены. Не верилось.

Невдалеке, склонившись в печали, страдал его младший сын. Увидев отца, он бросился к нему. До слез растроганный Даниил подхватил сына на руки, приласкал.

— Это сынок его меньшей, Шварно, — донесся шепот из глубины собора.

Молча стояли родные. Потом князь Василий взял на руки Шварно и так же, как и отец, приголубил его.

Даниил припал на колени перед плитой.

— Извини меня, жена, что не уберечь тебя, — будто молитву, тихо произнес князь. — Спасибо тебе за детей, сынов и дочерей, которых родила и сохранила... Будешь всегда с нами в помыслах наших...

В гостиной замка было просторно и торжественно. Шел военный совет. Князя Даниил и Василий сидели рядом в высоких, украшенных тонкой резьбой креслах. За длинным столом, покрытым красным бархатом, на котором выделялась большая карта Юго-Западной Червоной Руси с княжьими гербами, сидели воеводы, бояре, печатник Кирилл. Речь держал Даниил:

— О, злая честь татарская! Довелось мне испытать унижение. Вместе с тем, кланяясь

хану, идолам, духам их предков, пройдя через огни, принимая кумыс из Батыевых рук, мы не унизили своего достоинства, своей веры, а стремились вблизи рассмотреть этого страшного Батыгу, его глаза, лицо, чтобы убедиться, неужто он такой сильный, что некому его остановить. Иль сила его чахнет? Способен ли он пойти третьим походом на запад завоевать весь христианский мир... И разглядев его в собственном гнезде, я убедился, что он еще полон сил, но сила эта подобна стихии, которая внезапно налетает, все ломает, потому что не встречает большей силы. А силушка такая в мире есть! Она в нас, в наших душах!.. Надо уметь ее только соединить...— Даниил крепко сжал кулак и закончил: — Вот с такими думами и чувствами я вернулся.

Внимательно оглядел он всех присутствующих, почувствовал их надежду, их веру и обрадовался душой, хотя и не проявил этого.

— Княже, позволь спросить,— обратился к нему старый воевода.

— Слушаю тебя, воевода Милослав.

— Чего же ждать нам? Мира иль войны?

— Покоя вам не обещаю!

— Как скажешь поступать, княже? — спросил боярин Филипп.

— Отныне разрешите поступать так, как мне велит разум. Обращаюсь ко всем...

— Разделяем мысли твои и разрешаем! — первым сказал Василий, а за ним подтвердили печатник Кирилл, воевода, бояре.

Все смотрели на Даниила, будто впервые видели его. А он был таким же, как и раньше,— среднего роста, жилистым, по-военному подтянутым, с коротко стриженной темнорусой бородой, рассудительным и упорным взглядом зеленоватых глаз. И вместе с тем что-то в нем переменялось. Стал более могучим и уверенным в себе.

— Как же вы тут жили, трудились? — спросил он спокойно, а всех будто ознобом проняло.

Говорил князь Василий. Чуть пониже ростом старшего брата, он во многом был похож на него. Отличался разве что более круглым лицом и выразительными голубыми глазами, более светлыми волосами.

— Княже! В восточных Бескидах закончили крепость. Возвели башни на Берести и в Ужгороде. В нашем любимом городе Холме укрепили заборолу. Кроме того, на Вольни и в Подляшье отбили наскоки ятвягов.

— Какие вести из Болоховской земли? — спросил Даниил.

— Тамошние бояре — крамольники. Надеялись на то, что ты не вернешься. Без нашего на то повеления сами на торг пошли с Ордой, отказались сдавать дань, умертвили тиуна твоего Мелетия.

— Как осудили крамольников?

— Одних сослали в солеварницу в Коломью, а добро их привезли в стольный город, других миловали. А боярин Болоховец и доньне в яме.

— В чем его вина?

— Вина большая, княже, перед богом и нами,— твердо прозвучал голос вольнского князя.— Об этом боярин может сказать только тебе.

Даниил помолчал, ожидая, что поведает брат, потом перевел взгляд на членов совета и, понимая, что для всех остальных это тайна, поднялся.

Оставшись вдвоем, Василий приглушенным голосом говорил:

— Будучи во хмелю, Болоховец пригрозил мне, сказавши: «Вы с Даниилом не очень-то высоко взлетайте, ибо знаю тайну страшную для вас...»

— Какую?

— Как ни расспрашивали его, не проговорился.

— Возможно, он запугивал, а ты повел?

— Не-е, знает что-то. Весьма дерзко ведет себя.

— Я сам с ним поговорю,— сказал Даниил и вышел...

В открытую дверь малой палаты десятичники ввели Болоховца. Мужественное, как у бывалого воина, лицо со следами пыток. Взгляд непокорный, строптивый. Оказавшись перед князем, боярин не присмирел, а еще выше вскинул буйноволосую голову. Глаза запылали злобой.

— Что поведает, боярин Болоховец? — сдержанно спросил Даниил. Тот дерзко захохотал.— Это твой ответ князю? — Глаза Даниила гневно запылали.

— А нам не о чем говорить,— развел руками боярин.— Вы с братом все сказали, ободрали нас донага, забрали наших воинов, запретили торговлю. О чем еще говорить, княже?

— Почему же...

— Может, о том, как ты умудрился живым выйти из Орды? — посмеивался боярин.

— Пусть это останется при мне. А ты... грозился князю Василию страшным таинством для нас.

— А это пусть останется при мне,— боярин опять дерзко рассмеялся.

— Тогда прощайся со своим городом, он будет испепелен.

— Даже если убьешь, не скажу! Обидел ты меня, моих братьев и моих друзей.

— Прощай! — коротко ответил князь, провожая холодным взглядом Болоховца, которого десятники уводили из палаты.

В открытые ворота и далее дорогой через Золотой Ток проскакал пышно одетый посол угров в сопровождении четырех всадников. Две молодухи с полными ведрами на коромыслах перебежали им дорогу, поглядывая украдкой на молодых всадников.

В большой палате княжьего замка Даниил, Василий и печатник Кирилл принимали легатов папы римского — прелата Герберта и двух монахов-доминиканцев Генриха и Алексея.

Печатник одновременно со своими обязанностями выполнял работу летописца. На маленьком столике рядом с ним лежали две книги в драгоценных переплетках, а также инкрустированный серебряный ларец — дары посланцев Рима.

— Конкордиа парвас пер крестунт... При согласии малые дела разрастаются, а при вражде и большие дела разваливаются, — возвышенно произносит Герберт, свысока посматривая на обоих князей. — Его преосвященство папа Иннокентий Четвертый обеспокоен судьбой вашей земли, ей суждено было изведать столько горя от ордынцев, поэтому он призывает к единению всех христиан и всегда готов помочь вам...

— О, бис дат, кви цито дат — так, кажется, по-вашему? Вдвое дает тот, кто дает быстро. — Сдержанная улыбка сделала Даниила еще более привлекательным.

— О да! Мы всегда готовы оказать помощь и покровительствовать.

— Спасибо! Мы искренне взволнованы такой заботой его преосвященства, — в задумчивости говорил Даниил, вместе с тем пристально всматриваясь в иноземцев. — Мы тоже за единство, за общие дела. Время такое настало, что самому трудно защищаться, трудно и выжить. Просим передать его преосвященству: мы и дальше будем стремиться к миру с соседями ближними и дальними, если они, разумеется, не пойдут на нас войной.

— Его преосвященство верит, что наши связи будут развиваться, — заговорил Герберт. — Со мной прибыли легаты Генрих и Алексей. Они знают ваш язык, могли бы немного задержаться при вашем дворе.

— Добро, — согласился Даниил, переглянувшись с Василием. — Мы со своей стороны можем отправить к папе своих посланцев, чтобы жить в обоюдном согласии.

— Третьего не дано, — кивнул Герберт. — Жребий брошен, — подтвердил Даниил.

Все встали. Легаты направились к выходу. Даниил подошел к решетчатому окну и глянул вниз.

Галдела, бурлила площадь перед замком. Ремесленники, торговцы, скоморохи о чем-то громко спорили. Среди мастеровых выделялся Авдей — мужик среднего роста, с грубыми, но привлекательными чертами лица, с коротко стриженной бородкой.

— Давно в князьем замке не было столько послов, — сказал молодой подмастерье Василий.

— Еще больше зауважали нашего князя, — в тон ему сказал второй — Федор.

Оба взглянули на Авдея, ожидая, что тот скажет.

— Значит, с необычной новостью прибыл Даниил Романович, — сказал Авдей. — Чует мое сердце, не с простой...

На подворье прибывали все новые послы. В этой разноязычной неумной толпе, которая поражала причудливыми одеждами, чаще всего слышались слова «Орда», «Батый», «князь Даниил», «третий поход», «татары»...

Черная железная решетка бросала глубокую тень на уже немолодое мужественное лицо Даниила.

...В соседней палате к князю Василию подошел печатник Кирилл и сказал тихо:

— Послов прибыло — полон двор. Настойчиво добиваются встречи с вами.

— Проти! — довольно произнес Василий. Вошел посол, вежливо поклонился:

— Его превосходительство король угров Бела Четвертый передает сердечнейшие поздравления князьям Червоной Руси Даниилу Романовичу и Василию Романовичу, желает здоровья, благополучия и мира.

— Благодарим, — коротко ответил Василий.

— Король Бела Четвертый изъявил желание встретиться с князьями русскими, — продолжал посол. — Мы соседи и хотели бы жить в мире.

— Хорошо, в день полнолуния прибудем в замок над Ужем.

В проеме двери появился тиун и объявил: — Посол от князя Семовита из Польши!

Пролетали минута за минутой, а братья князья, расхаживая по палате, молчали.

— Я сам допрашивал Болоховца и убедился — он не откроется, — первым заговорил Василий. — Пошли воеводу, пусть уничтожит город его.

— Это не составит труда, брат, — вздохнул Даниил. — Во что бы то ни стало он должен заговорить.

— Не скажет...

— У Батяга заговорил бы...

— Кто знает! У Болоховца крутой нрав.

— Значит, мы должны догадаться сами.

Что может быть для нас страшным? — Даниил неожиданно остановился напротив Василия, пронизательно вглядываясь в его глаза.

— Нашествие Орды.

— Нет. Батый назвал меня своим мирником.

— Нападение крестоносцев? — угадывал Василий.

— Без благословения папы римского не посмеют. По крайней мере, ныне, когда ведем переговоры с папой.

— Крамола боярская? — спросил Василий и тут же отверг: — Но они смирились, назвавшись слугами твоими.

— Не все... — вздохнул Даниил.

— Стало быть, заговор? — расширились глаза вольнского князя. — Замышляют погубить нас...

Даниил резко прервал его:

— Меня, брат. На тебя они зла не держат. Лучше бы им жилось при моем сыне Льве...

— Негоже думать так. Даже скрытые враги наши знают, что никто так не защитит землю нашу, как ты...

— Тайна? — Даниил усмехнулся. — Пугает нас Болоховец, и все тут. Отпустим его?

— Не шути, брат. Болоховец опасен, надо бы присмотреть за ним. И совет мой тебе — не ехать сейчас.

— Почему? Поедем вместе в пограничные земли и дальше в Угры. Сына моего Льва прихватим с собой.

— Кого же оставишь в столице?

— Болоховца на цепи да воеводу Андрея с двумя полками пеших и конных.

— В таком случае, едем! — сказал Василий и крепко пожал ему руку.

Даниил шел переходами замка. Гридни распахнули перед ним двери. И вместе с ними открылся наполненный солнцем и голубиной простор. Князь приостановился, глубоко вдохнул свежий воздух и зашагал дальше. Увидев отца, подбежал к нему Лев, оставив на площадке младших братьев и боярских подростков, которых учил владеть мечом в ближнем бою.

— А ты готовишься к войне, князь?

— К войне надо быть готовым всегда. — Лев опустил глаза.

— Ты хотел мне что-то сказать? — спросил Даниил, заметив, что щеки сына покрылись румянцем.

— Да... — начал было Лев, но осекся. —

Просто соскучился по тебе, давно не говорили.

— Что же, тогда собирайся в дорогу.

— Далече?

— В Угры. В пути и поговорим обо всем. Засмутился княжич, так и не осмелившись произнести то, что надумал.

У стен головного собора собирался народ. Ударил большой колокол, потом зазвенели колокола поменьше, и мелодичный перезвон наполнил площадь, княжью гору, Золотой Ток, весь Галич и окрестные просторы.

У дороги снаряжали обоз: многочисленные телеги загружали инструментами, тюками, провизией, сутились мастеровые, кузнецы, оружейники, строители. Везде царил оживление, хохот, громкие разговоры...

Прасковья бежала между телегами, неся в руке небольшую, завязанную платком корзину, время от времени боязливо оглядываясь. Заметив дочь, Авдей пошел ей навстречу.

— Прасковья, зачем ты пришла? — удивился он.

— Мать велела передать. Вы же ничего не взяли, — девушка как бы оправдывалась, передавая отцу корзину. — Надолго?

— Князь надумал что-то строить. Что с тобой? — спросил отец, глядя на запылавшую дочь.

— Да так, боялась, опоздаю... — Прасковья искала кого-то глазами.

В ворота торопливо въехал всадник, проехал между телегами, зорко взглянул в толпу. Прасковья насторожилась, а потом побежала навстречу княжичу. Взяла коня за узду.

Заметив это, молодой подмастерье Василий вздохнул. Покачал головой Авдей. А у ворот послышался зычный голос всадника из княжьей охраны:

— Дорогу! Князю дорогу!

Толпа раздалась, освобождая проезд Даниилу Галицкому и Василию Вольнскому, свите — двум десяткам всадников, к которым присоединился и княжич Лев.

Тронулся за ними и обоз мастеровых.

— Прощай, дочь! Береги мать! — крикнул Авдей.

Прасковья поднялась на холм и оттуда долго смотрела княжичу вслед.

Молодые побеги ржи нежно-зелеными потоками двух невысоких склонов вливались в голубую реку, извиравшуюся между ними.

Укатанной дорогой ехалось легко и быстро. Плещет в воздухе стяг с изображением золотого льва.

Навстречу армянский обоз. Купцы смиренно остановились, отдав почести властелину галицкой земли.

Мчались лошади высокими травами, россыпь брызг разлеталась из-под копыт на переправах мелких рек.

Всадники тяжело преодолевали подъемы и спуски в невысоких горах, на одной из которых стоял старинный замок. Издалека зияла брешь в одной из боковых башен. В руины превратились оборонные стены.

Всадники ускакали на закат солнца, и красная пыль накрыла их.

В глубине сада за густыми деревьями едва угадывались две фигуры. Легат Генрих и боярин Филипп шли вдоль берега пруда, негромко разговаривая. Услышав от боярина какую-то новость, легат неожиданно засуетился, попрощался с боярином и поспешил на улицу. Глаза его горели в волнении.

Отыскав в небольшой узкой келье за завтраком легата Алексея, взмахнул руками.

— Падре Алексис! Собираемся! — с хрипотцой произнес он. Однако флегматичный Алексей продолжал смаковать куриную ножку. — Собирайся! Я наконец узнал, куда и для чего поехал Даниил! — уже закричал Генрих, выйдя из себя.

— Ну и что? — равнодушно ответил тот.

— Как? Падре? Без благословения его преосвященства?.. Нельзя допустить! В путь!

И он стал выталкивать Алексея из-за стола.

...Пара буланных коней бежала быстро, но все это не устраивало Генриха, и он время от времени похлопывал по плечу возницу, чтобы тот подстегивал лошадей.

Узкая тропинка вывела всадников на высокий зеленый холм. Многие спешили, ведя лошадей за собой.

Взойдя на вершину, князь Даниил огляделся. Ему открылась панорама дивной красоты: справа и слева полукругом расположились шесть холмов, а на юге до горизонта распростерлась долина.

— Раздолье! — поразился князь Василий. — Для орла!.. — И обращаясь к Даниилу, спросил: — Ты здесь бывал?

— Не раз.

— Тут бы я мог выдержать осаду и самого люцифера. Пускай бы наступал со всех сторон, — не унимался Василий. Он обнял

за плечо княжича Льва. — А ты чего молчишь?

Ничего не ответив, Лев вскочил на коня и поскакал к ближайшему холму, возбужденный и воодушевленный.

— Что ты задумал, Даниил? — спросил Василий.

— Подожди, увидишь...

На бездорожье в старом лесу князьям повстречался обоз мастеров-древделов. Все узнали своего владыку, оживленно зашумели.

— Кланяюсь тебе, князь! — произнес Авдей. — И тебе, княже Василий!

— Здоровы были мастера! — приветствовал их Даниил.

— Все думаю, для чего позвал нас в такую глухомань? — продолжал Авдей.

— Что же ты здесь увидел, дожидаясь нас?

— А что тут высматривать... Лес, речка, а там холмы... Медведь повстречался нам, — Авдей рассмеялся. — Чудной. Наверное, никогда людей не видел.

— Не нападал?

— Одарил недобрым взглядом и ушел в пушу.

— Хороший знак, Авдей. Возведем тут замок, и в этом месте забьется сердце нашей земли.

Авдей только сейчас сообразил, что князь не шутит, и даже смутился:

— В этих дебрях, где лишь звериные тропы?!

Даниил любовался удивленным, даже несколько встревоженным лицом своего талантливому мастера, обнял его.

— Люблю тебя, Авдей, за то, что исправно дело свое знаешь, — сказал князь. — Начинай. Через месяц приеду.

— Через месяц? — переспросил Авдей.

— Оставлю вам оружие. Дичи тут полно, — сказал Даниил, прыгнув в седло. — А помощников найдешь сам. Позови людей из Дорошева, Каменки, Грибовичей...

— Но, княже...

— Львиного здоровья вам! — подстегнув коня, выкрикнул Даниил.

За ним последовали все остальные. Они как бы влетали по узкой тропинке в густой бор.

Над волнистой грядой Карпатских гор вставало солнце, светлыми лучами заполняло долину речки Уж. По крутой дороге к пограничному мосту спускался экипаж венгерского короля во главе с воеводой.

Вдруг повозка короля Белы IV остановилась. Пишноусый воевода посмотрел вдаль. На невысоком холме виднелся старинный русский замок.

Внезапно возле повозки оказался легат папы римского при королевском дворе Александр. Своим неожиданным появлением он не на шутку напугал короля.

— Ваша светлость, я еще раз напоминаю. Его преосвященство папа римский убежден, что вы не посмеете сблизиться со схизматиками. Это доставит немало хлопот апостольской церкви и вашей стране.

— Легат, вы мне третий раз об этом говорите.

— Я лишь напоминаю о запрете папы сближаться со схизмой. Вот булла...

— Русины тоже христиане,— возразил король.

— Но исповедуют греческую веру. И как сообщили мне легаты Генрих и Алексей, этот русский князь что-то замышляет. Я, со своей стороны, лишь напоминаю о булле папы римского,— смиренно произнес легат, отступая с поклоном.

— Ваша светлость, князь Даниил уже ждет,— сообщил воевода.

— Вперед! — довольно произнес Бела.

Повозка загромычала по деревянному настилу моста.

Князя Даниил и Василий, княжич Лев, закарпатский воевода Ивашко, Кирилл, теперь уже митрополит, вышли во двор. Мужички, тиуны и охранники приветливо поздоровались с ними. Даниил был в добром расположении духа, и это вызвало оживление, один Кирилл оставался угрюмым.

— Не знаю твоих намерений, Даниил,— заговорил он,— да мой тебе совет не следовать тесному сближению с уграми. Они были и остаются нашими врагами.

— Угры наши соседи,— ответил Даниил.— И тебе, по моей воле ставши митрополитом в нашей земле, следует меня поддерживать.

— Служу тебе, князь, верой и правдой, но должен предостеречь тебя. Они слуги папы римского...

— Пускай хоть и самого дьявола. Мне нужен мир.

— Кабы не переплатить.

Бела, а за ним его свита вошли во двор.

Митрополит недовольно отвернулся.

Среди чинных воевод и дипломатов король выделялся своей невысокой статной фигурой, а малиновое с серебряной каемкой корзно придавало пышность и парадность. Улыбаясь, как давнему другу, он поспешил навстречу князю.

— Добра и здоровья нашему гостю, королю угров! — воскликнул Даниил.

— Здоровый дух в здоровом теле,— выспренно произнес Бела.

— От всего сердца поздравляю! — рассмеялся князь.

— Мира и процветания вашей земле,— Бела протянул руку для приветствия.

Далее король поздоровался с Василием, Львом, митрополитом.

Через неглубокий брод с венгерского берега реки Ужж пастухи перегоняли табун лошадей. Воздух сотрясали выкрики, хлесткие удары плетей.

Даниил вместе с королем вышли за ворота. За ними следовали Василий, Лев, митрополит Кирилл.

Бела изучал мужественное лицо князя.

— Прощу тебя не вспоминать нашу войну под Ярославом,— заискивающе произнес король.— Это прошлое пусть канет в Лету, все-таки в детстве мы были друзьями.

Даниил тяжело вздохнул, не в силах скрыть свои чувства, и сказал:

— При каждой встрече ты вспоминаешь об этом, а потом идешь войной на Галич...

— Да, было Даниил. Но не только моя вина в этом, подстрекали твои бояре...

— Ох, Бела, Бела...

— Нелюб ты им.

— Любить не любят, а, думаю, уважают. Оба понимали, о чем речь, поэтому и рассмеялись.

Даниил посмотрел в долину, по которой передвигался табун.

— Тут ровно тысяча, как договаривались,— глядя на лошадей, сказал король.— Слыхал, что ты получил буллу от папы римского.

— Да, мы обменялись посольствами.

— Это хорошо. У папы римского огромная сила. Ему подвластны все правители западных стран. Объяснит крестовый поход, и все пойдут за ним.

— Против кого поход? — переспросил князь.

— Против Орды, разумеется.

Незаметная улыбка мелькнула на лице князя.

— Я думаю, нам необходимо объединить силы свои,— сказал он.

— И я так мыслю,— поддержал Бела.— Мы могли бы договориться о мире.

— Великолепно! — довольно произнес князь и, оглянувшись, позвал брата. Василий заторопился к ним.— Король предлагает мир,— сообщил он.

— Русь всегда стремилась к миру,— от-

ветил Василий.— Следует лишь скрепить его.

— Это можно,— Даниил перевел взгляд на Льва, который стоял в стороне с Кириллом.— У меня взрослый сын, у тебя дочь Констанция.

— Я согласен,— одобрил король Бела.— Вот и договорились.

Даниил и Бела обнялись.

Встревоженно посмотрел на них Лев, как бы предчувствуя свою судьбу.

Легат Александр, вкрадчиво заглядывая в глаза то князю, то королю, тихо произнес:

— Что же, на все божья воля. Следовало бы решить только вопрос: где будет молиться Констанция.

— Да, да,— кивнул Бела.— Конечно же.

— Надо бы храм построить,— неожиданно предложил легат.

— Будет новый храм для жены Льва,— согласился князь.

Табун лошадей угоняли все дальше и дальше на северо-восток.

Даниил медленно шел по саду с сыном. Княжич нервничал, хотел высвободиться из-под тяжелой руки отца, которая лежала на его плече. Остановились в тени деревьев.

— Сын, пришел твой час.— Даниил опустил глаза, не выдержав встревоженного и пытливого взгляда Льва.— Жена твоя — Констанция...

— Как? — вырвалось у княжича.— Я люблю другую!

— Кто она? — строго спросил Даниил.

— Она русинка, с Галича...

— Дочь боярина?

— Нет...

— Ты с четырнадцати лет ходил со мной в походы. Много чего видел и понимаешь...

— Княже, прости, ты жесток,— повысив голос, заговорил Лев.— Тебе всего мало, ты хочешь быть самым богатым в мире. Конечно же, король дает золото, табун лошадей... — Не договорив, княжич повернулся и зашагал прочь.

— Лев!

— Ты не пожалел даже родного сына. Прощай!

— Поймай! — приказал Даниил.

Но сын его уже вскочил в седло и ускакал в открытые ворота замка.

Седой конь князя сразу же устремился вслед за златогривой кобылицей, все дальше уносящей юного княжича. Ничто не могло остановить его стремительный бег: ни рвы, ни овраги. Он преодолевал их с

легкостью птичьего полета, бежал напрямик через ржаные поля и сенокосы. Напрасно княжич оглядывался, одергивая лошадь и направляя ее в сторону. Не удержавшись в седле, он упал в траву и заплакал.

Даниил соскочил с коня и прилег рядом с ним. Потом заговорил тихо и спокойно:

— Мы, сынок, не принадлежим себе. И я когда-то выполнил волю родителей, хотя и любил другую... еще до твоей матери...

Лев не унимался.

— Пойми! Твой союз с Констанцией — это мир Руси с уграми. А это много значит. Сам знаешь, нынче он очень зыбкий...

Лев посмотрел на отца, как бы проникаясь его заботами.

— Ты в грядущем — властелин Руси,— прозвучали слова Даниила.

Паром причалил к берегу Буга. Грузные солью телеги двинулись с паромом. Худошавый тиун, посмотрев в сторону непроходимой роши, замер, увидев приближающуюся княжескую свиту, и спешно стал заворачивать лошадей.

— Не торопись, тиун! — выкрикнул на ходу князь Василий.

Тот трусовато повел головой. Даниил поднял рогожу и увидел соль. Взял горсть.

— Хорошая соль! С Коломыи?

— Ум-гу...

— К кому направляешься? — Тиун молчал. Даниил увидел на его шее бронзовую пайзу и крестик.— К ордынцам? У кого служишь?

— У боярина Судича... Не повинен я, княже. Он заставил.— Тиун упал на колени.

Даниил сорвал пайзу и передал ее Василию.

— Гляди, сами уже бегают к хану Куремсе без нашего согласия. Лошадей за вернуть, а переправу сжечь!

Один из всадников подошел к воде, взмахом меча перерубил канат. Остальные же забросали паром факелами. Бурное течение уносило горящий паром от берега.

Четверо нукеров, ожидавших обоз с солью на левом ордынском берегу, неистово выкрикивали угрозы, а потом умчались в степь, оставляя за собой облако пыли.

Моросил дождь. Во дворе боярина Судича был переполох: прислуга перетаскивала мешки, а сундуки с добром упрятывала в клетях.

Тем временем сам Судич спешно отправлял со двора вестового.

— Передай Николаевичу, что Даниил у меня. Пусть приготовится к встрече. Лети, сокол! — взмахнул рукой боярин и вышел на дорогу, встречая князя со свитой.

— Челом тебе, великий княже! — низко поклонился он.

— Почему и доныне крепость в руинах? — строго спросил князь, не ответив на приветствие.

— Ордынцы на том берегу все равно прикажут разметать.

— Бойшься?

— А кто их сегодня не боится, княже?

— Потому и соль для Киева и Суздаля посылаешь им?

— Такой приказ хана Куремсы.

— Кто твой хозяин — я или хан?! — в ярости закричал Даниил.

— Я не виновен...

— На солеварницу захотел?

— Помилуй, княже!

Даниил отозвал в сторону Василия и Льва:

— Я поеду дальше, может быть, останюсь у Николаевича. Вы немного задержитесь, посмотрите... Судича — наказать!

Великий князь в сопровождении небольшой свиты двинулся дальше.

Закатное солнце коснулось верхушек дремучего леса.

Посреди дороги, вблизи от поместья, поджидал гостей боярин Николаевич вместе со своей женой — молодой тучной женщиной, державшей в руках большой медный поднос с чашами и кувшином вина.

Княжеская свита остановилась перед ними.

— Приветствуем тебя, княже! — льстиво заторопился боярин. — Не откажи. Пожалуй в нашу обитель.

Боярыня тем временем предложила гостям вино. Дружинники оживились.

— Отдохни с дальней дороги. Люди твои подустали малость, — продолжал боярин.

— Что скажет дружина? — спросил Даниил, оглянувшись, и сам ответил: — Такому приглашению отказать грешно.

— Грешно! Грешно! — радостно загалдели дружинники.

...В просторной комнате на стенах пылали свечи. Длинный стол был оставлен изысканными яствами. Трое подростков — сыновей Николаевича — играли на свирелях, старшая дочь — на дрымбе.

Даниил сидел в роскошном кресле, вытирая полотенцем вспотевший лоб. Николаевич вместе со слугой торопливо засеменил к нему с кувшином пива.

— Это мое, собственного приготовления, — похвалился он.

— Для себя варишь или для соседей тоже? — поинтересовался князь.

— И им достается, главное — гостей потчевать. Я тебе, княже, пару бочек в дорогу приготовлю.

— Это лишнее!

...Николаевич с лампадкой в руке шел впереди. Дрожащее пламя то приугасало, то неожиданно ярко вспыхивая, отражало на стенах подвала длинные расплывчатые тени самого боярина, князя Даниила, воеводы Милослава и нового печатника Никифора. Заскрипели железные петли кованых дверей, щелкнули засовы.

Они прошли камору, до потолка набитую бочками с вином, пивом, медом и салом.

— Все это, княже, нажито личным усердием, — объяснял Николаевич.

Он приоткрыл еще одну дверь, и все по ступенькам спустились в более просторное помещение, где уже можно было выпрямиться. На полках лежали громоздкие свитки сыромятины, дубленых шкур, полотен, на сундуках — тюки с шерстью...

Впереди неожиданно появилось несколько горящих лампад, вспыхнули лучины. Князь оглянулся. Резко закрылась дубовая дверь, и снаружи загредел засов. Рядом с ними оказались четверо вооруженных гридней Николаевича.

А впереди, за длинным столом, заставленным разнообразной едой с вином, сидели довольные бояре Вышеслав, Доброслав, Володислав, Филипп. Был среди них и боярин Зизаний.

Наступила мертвая тишина. Ни один из них не поднялся.

— Пожалуй, княже, на трапезу! — сказал Николаевич грозно, во взгляде появилась дерзость.

Даниил подошел к столу.

— Встаньте! — приказал воевода Милослав.

Бояре засмеялись.

— Остынь, Милослав, — одолевая волнение, произнес князь. — Они всегда поступали так, как им удобно...

— Потому что мы хозяева на своей земле, — вскочил Доброслав. — А ты всего лишь князь... Сегодня ты, а завтра... другой.

— Язык у тебя зело востер, топору бранну подобен, боярышко. Все наши земли принадлежат Руси, а вы лишь — перегонной земли.

Вскипевший боярин Зизаний вскочил из-за стола и выплеснул в лицо Даниилу красное вино.

— Убью ты, вычадок ханов!

Воевода схватил Зизания за грудки и потряс что было мочи.

— Поди вборзе,— прохрипел Даниил, вытирая лицо.— Не трожь его.

Зизаний выпученными глазами все еще смотрел на князя. Нервно вздрагивала его рука с порожней чашей. Бояре молчали.

Несколько боярских гридней с обнаженными мечами притаились за дубовой дверью.

Во дворе Судича заканчивали погрузку имущества провинившегося боярина. Василий Волынский и Лев торопили дружинников.

Неожиданно из амбара послышался сильный стук в дверь и неразборчивый крик.

— Чего тебе? Я те бороду повычешу! — возмутился стражник.

— Открой! Хочу с князем поговорить,— услышал Василий хриплый, надрывный голос Судича и дал знак отворить.

Стражник отодвинул засов, дверь распахнулась. Судич упал на пороге и, захлебываясь, произнес:

— Попутал меня нечестивый! Хотел как лучше, а вышло худо. Казнит меня Даниил Романович... но и сам... может не дожить до судного дня,— зарыдал Судич.

— Молви, что стряслось? — приказал Василий.

— Обещай помилование, и все скажу.

— Обещаю...

— Спешу в Болохов... Там у Миколаевича презлые бояре хотят умертвить великого князя.

Василий и Лев переглянулись.

Подвал наполнился сизым едким дымом от смоляных лучин. Бояре не унимались.

— Ты... ты забрал мои лучшие земли и пастбища! — наливаясь кровью, выкрикнул Зизаний.— Как ты с нами поступил, так и мы с тобой.

— Ты шкуродер! — тоненьким голосочком поддакивал Миколаевич.— Я понимаю, что твоим многочисленным наследникам нужны большие земельные наделы, но почему мы должны страдать? У нас свои дети.

— Не о детях печемся сегодня! — достойно ответил ему Даниил.— Моим детям не нужны твои богатства, им хватит и моего добра.

— Обманом не проживешь,— не унимался Зизаний.

— Все для Руси...

— Придумал для себя нового бога — Русь и повелевает, молится ему! Поиздевался и хватит!

Он обнажил меч, и некоторые из бояр тоже ухватились за рукояти. Воевода Милослав подбежал к Зизанию, прикрывая князя.

— Решил уподобиться Гоясиру и стать княжеубийцей?! — вскрикнул он.

— Остановите лиходейство! — поднял руки печатник Никифор.— Ты, пахолок княжий! И ты! Горе вам, нечестивые и мерзкие!

В глубине подвала, за дубовой дверью послышался грохот, выкрики, бряцанье мечей. Вскочили со своих мест бояре, предчувствуя надвигающуюся опасность, засуетились.

— Что там?

— Стражники!

Грохот все усиливался, раздался истошный предсмертный крик, кто-то тяжело упал на пол. Загремел засов, и в открывшуюся дверь вывалился боярский гридень.

Перешагнув через мертвого, в комнату вбежал князь Василий со следами крови на щеке, за ним Лев и несколько воинов. Они быстро обезоружили ошеломленных бояр.

— Чего вытаращились, будто овечки непорочные? А?! — дерзко выкрикнул Василий.— Все к выходу!

Седой конь вынес Даниила на пригорок. Князь зорко взглянул на пристань, у которой снаряжались в дальний путь перевозчики соли. Направил коня к реке.

— Кто здесь старший? — спросил.

Вышел немолодой приземистый мужичок:

— Я буду, княже.

— Дорогу на Киев знаешь?

— Не раз бывал там.

— А в северную Русь?

— И туда правил.

Даниил вручил ему свернутый пергамент и сказал:

— Вот вам грамота. Поезжайте в Киев и дальше, к Суздалью и Владимиру.

— Спасибо, княже, за спасение. К басурманам все равно, что в ад.

— Счастливой дороги!

Даниил подстегнул коня и направил его узкой тропой вдоль Буга. За ним устремились подуздный и мечник.

Через открытую стражником дверь Даниил вошел в крепкое дубовое подклетье. Увидев на полу скрюченного Болоховца, остановился перед ним.

До смерти напуганный боярин поднялся и отошел в угол.

— Согрешил я, княже, прости,— захлебываясь, произнес он, упав на колени.

В изможденном и заросшем боярине трудно было узнать того гордеца, который пренебрегал даже смертью.

Даниил с отвращением рассматривал его, а когда в клеть вошел Василий, спросил:

— Так это и есть твоя тайна?

— Виноват, княже,— вздрогнули его губы.

— Ты знал о засаде, желая мне смерти...

— Виноват...

— Усладил,— усмехнулся князь.— Ты свободен.

Болоховец смотрел на него, как на чудо, явившееся ему.

— Что ты делаешь? — Василий схватил брата за руку.— Он же враг наш.

Дождавшись, пока Болоховца вывели из клетки, Даниил ответил:

— Невелик боярышко... Если бы он тогда сознался, невеста где бы нас еще ожидала засада. А так и я живой, и они.

— Твои враги не станут твоими мирниками,— не соглашался Василий.

— Это заблуждение.

По песчаной дорожке сада шел король венгерский Бела IV в сопровождении своего канцлера.

— Я дал согласие на женитьбу моей дочери с русским князем, и все договорено,— сказал король.— А римская курия — против. Как же?

— Наверное, князь Даниил в чем-то не желает уступить Риму,— предположил канцлер.

— Но я же хочу облегчить участь папы! Как он этого не понимает!

— Может быть, ему не все известно?

Бела свернул на боковую аллею, на которой веселилась его дочь Констанция в окружении сверстниц — дочерей банов и воевод.

Заметив короля, девушки со смехом гурьбой убежали в глубину сада, оставив одну королеву.

— Рад видеть тебя в хорошем расположении духа,— сказал король, поцеловав ее в щечку.— Не забывай, что скоро в путь. Ты чем-то обеспокоена?

— Я боюсь, отец.

— Почему? Ты станешь повелительницей Червоной Руси, Галиции и Воьлыни,— успокаивал ее Бела.— Лев — мужественный воин.

— Они всегда воюют, эти русины,— с горечью ответила Констанция.

— Ну и хорошо.

— Иноверцы они, сам говорил.

— А с твоей помощью, Констанция, они примут нашу веру. Сначала Лев, а потом

остальные. С твоей помощью, доченька. И за это воздаст тебе апостольская церковь.

В малой палате княжьего замка Даниил принимал своего посла при дворе папы римского игумена Григория.

— Папская курия, князь, добивается объединения церквей с единой целью, чтобы в будущем властвовать над верующими всей нашей земли. Мы же требовали признания неприкосновенности греческого обряда литургии.

Даниил долго и молча рассматривал игумена. На его уже немолодом лице заметно чувствовалась усталость и обеспокоенность.

— С трудом, но папа признал,— добавил игумен.

Даниил немало удивился услышанному и обрадовался.

— Мы потребовали признания неприкосновенности наших земель и запрета властелинам западным да рыцарям-крестоносцам нападать на Русь.

— И что?

— Пообещал,— вздохнул игумен.— И все же, князь, нам показалось, что папская курия не во всем откровенна. Не уважают они нашу веру. Присмотритесь, как ведут себя их посланники, добиваясь уже сейчас построения своих храмов. Советую не уступать их притязаниям,— игумен говорил это негромко, слегка покусывая губу.

Даниил как-то вдруг приосанился, и взгляд его стал строже.

— Мир с Римом — велика утеха мне. Спасибо. Ступай.

Игумен откланялся.

Даниил читал буллу, врученную ему легатами Генрихом и Алексеем.

— Его преосвященство очень встревожено судьбами вашей страны и всех стран западных,— объяснял Генрих,— поэтому просит сообщить о перемещениях ордынцев на ваших восточных границах и о возможном нападении.

— Варвары сожгли не только ваши города, но и храмы,— добавил легат Алексей.— Сожжены святыя писания, поэтому его преосвященство просил передать вам дары.

Он положил на стол две книги в серебряных переплетах. Даниил развернул одну из них.

— Эти книги принимаю для библиотеки своей,— сказал он.— Сие латинское письмо, у нас же на всей Руси — свое. Спасибо.

Легаты соглашались, но в глазах их проскальзывала неприязнь.

— Игумен Григорий рассказал мне о беседах и договоренностях с его преосвященством.

— Князь, все земли наши опять в страхе,— заговорил Генрих.— Если начнется третий поход ордынцев, Русь не сможет противостоять. Только апостольская церковь в силе объединить все страны супротив безверных варваров, она согласна взять под свою защиту и твою страну, однако при одном условии, что ты примешь венец королевства,— торжественно провозгласил легат и протянул Даниилу позолоченный венец.

В это время в палату вошел печатник Никифор. Даниил ухмыльнулся, глядя на этот венец, и подумал: «Другого и не ожидал от вас, черноризцы. Принимая корону, надо принимать вашу веру, а этому не бывать».

Князь передал печатнику буллу и книги, а легатам ответил:

— Не к лицу князю русскому менять веру даже во время большой опасности. Отцы наши и все русины были за патриархом греческим, никейским. Поэтому принять венец не могу. А ордынцы узнают и расвирепеют, пойдут на брань.

— Князь, мы ведем переговоры с владыкою никейским об объединении церковью христианских,— торопливо заговорил Генрих, почувствовав, что дело может провалиться.— Им тоже угрожают варвары. Объединив церкви, мы умножим силы свои. Почему бы тебе, князю русскому, первым не сделать этот шаг?

— Не к лицу королю руководить людьми, которые исповедуют греческий обряд,— твердо ответил Даниил.

— Князь,— вступил в разговор печатник Никифор,— они добиваются постройки храма в Галиче, а потом в Холме...

— Для кого? — спросил Даниил, бросив недобрый взгляд на легатов.

— Для наших посланцев и для гостей из стран западных,— поспешил ответить легат Генрих.

— Посольство ваше невелико, а нам строить новые города и крепости...

— Однако храм — та же крепость,— легко возразил легат.

— Наши храмы и станут ими. Значит, ответ его преосвященству папе римскому будет таким. Никифор, пиши...

Печатник Никифор взял писало, склонился над листом пергамента...

Даниил Галицкий с небольшой свитой въехал в главные ворота замка.

Вслед за ним устремились двое всадников, и вскоре перед высоким плечистым гриднем, охранявшем въезд, предстали подмастерье Василий и Прасковья, раскрасневшаяся и взволнованная.

— Пропусти, я к князю,— потребовала настойчиво.— У меня грамота.

— Девица? — удивился тот.— А почему переодета? Не пушу!

— Я от Авдея.

— А-а-а! Ты его дочь,— парень ощерился в улыбке.— Не разболтай только. Пропускать не велено, князь ожидает гостей...

Даниил находился в окружении княжих мужей, и девушки с трудом удалось протиснуться к нему.

— Тебе, княже, от мастера Авдея,— произнесла она громко и, поклонившись, протянула свиток.

Даниил поспешно прочитал грамоту и передал ее печатнику.

— Эта весточка утешила меня,— сказал он, пронизательно взглядываясь в девичье лицо.— Благодарю тебя, а мастеру передай, что на третий день явимся.

Прасковья откланялась. У куста жасмина неожиданно повстречалась со Львом.

— Прасковья! — обрадовался он и шагнул ей навстречу.

— Я все знаю, княжич. Будь счастливым! — в сердцах произнесла она и убежала, не оглядываясь.

— Прасковья! Я искал тебя! — воскликнул Лев, но не смог двинуться с места и еще долго смотрел ей вслед.

Выбравшись на узкую просеку, косуля побежала вниз к реке. Над оврагом, чуть выше соснового гривняка, пронзительно светило солнце. Лес наполнился собачьим лаем. Многочисленная вереница загонщиков с колотушками в руках с трудом пробиралась через заросли, гнали зверье, помогая князьям и гостям на охоте.

Через поляну засемили вепри, а вдали на опушке продолговатым пламенем промелькнула лиса.

Охотники выехали на широкую поляну, окруженную со всех сторон сосняком. Верхом впереди — князя Даниил Галицкий, Василий Волинский, за ними князь Андрей Суздальский, Святослав Поморский, король Бела IV, Миндовгас Литовский, Болеслав, Земовит — князя польские, герцог Австрийский. На кожаной перчатке левой руки у каждого сидели под колпаками кречеты и соколы.

Неожиданно на поляну выбежала лиса.

— Твоя! — взмахнул рукой Даниил, обращаясь к Андрею.

Князь Суздальский молниеносно снял колпачок с головы кречета и, подстегнув коня, поскакал через долину наперерез зверьку. Легкий толчок руки, отпущено кольцо с поводком — и кречет устремился вперед. Охотники приподнялись в стремнах.

Изменив направление полета, кречет взмыл вверх, на мгновение замер в воздухе и тут же камнем упал на жертву.

Всадник поскакал туда, где поднялись над травой могучие распростертые крылья птицы.

Кречет получил в награду кусок мяса.

— Легко управился, — похвалил Василий князя Суздальского.

— Люблю кречетов, — ответил довольный Андрей. — Когда отец был жив, мы часто охотились вместе.

Он закрепил кольцо на левой перчатке.

— А теперь?

— Теперь, — тяжело вздохнул молодой князь, — умиляюсь, как вы с Даниилом лад во всем держите. Кто вас учил так дружно жить между собой?

— Мать, княгиня Анна, и... жизнь, — открыто сказал Василий.

Высоко в небе пролетала четверка журавлей. Внезапно они закружили над поляной, вероятно, зазывая остальных готовиться к отлету.

— Королевская корона, Даниил, даст тебе защиту и помощь стран западных, — сказал Бела, обращаясь к Галицкому.

Даниил не мог согласиться с ним:

— А почему корона должна предшествовать помощи?

— Неужели тебе не хочется быть королем?

— Чтобы целиком зависеть от папы римского? Нет, Бела, я князь русский и подвластный Руси.

Они подошли к князьям Василию и Андрею.

— По разному толкуют о смерти твоего отца, — услышал Даниил голос Василия. — Он действительно умер в Орде или...

— Отравили, — наливаясь кровью, ответил молодой князь. — Я еще отомщу за него!

Даниил положил руку на плечо Андрея.

— Не горячись, княже.

— Хватит отродью волю дьявола исполнять, — сгорал от молодого нетерпения тот.

— Мы должны помнить, что ни восточные, ни западные наши недруги не хотят видеть Русь единой и вольной. А мы уже сегодня, сейчас должны жить одной думой, крепиться делами общими. Сообща и ударить, когда подоспел час. А битва грянет большая, кровавая...

— Когда же? — перебил его Андрей.

— Все зависит от того, каким будет мир — продолжительным или коротким.

В небе все еще кружили журавли. Их заметил князь Суздальский. Он снял колпак с головы кречета и отпустил кольцо.

Птица набирала высоту.

— Нелегко ему будет, одному, — кивнул Василий.

Кречет сразу атаковал предводителя. Журавль молниеносно кувыркнулся, выставив навстречу смельчаку длинные ноги. С кречета посыпались перья.

— Я выпущу своего, — предложил Даниил. — На помощь...

— Пусть сам! — заупрямился Андрей.

Кречет снова взмыл вверх.

Журавли плавно кружили над поляной. Кречет сложил размашистые крылья и стремительно полетел вниз. Зачастились крыльями журавли, снова переворачивались, выставляя вперед ноги. И снова в вышине рассыпались перья. Безвольно распушив крылья, кречет кругообразно летел в овраг. А журавли, еще раз обогнув поляну, устремились на юг.

— В этом есть знамение, — сказал задумчиво Бела IV.

— Мне кажется, что сейчас никто из нас не желает воевать, — нашелся польский князь Болеслав, окинув взглядом Андрея и Даниила.

Увлеченные беседой, князья уже не обращали внимания на выбегавших на поляну зверей.

— Не понимаю, почему вы, русские, так встревожены, — сказал герцог Австрийский, пожимая плечами. — У вас столько лесов! Если Орда и двинется, то люди найдут, где спрятаться.

Даниил только улыбнулся.

— Разумеется. Но если бы мы не сопротивлялись, Орда в один год дошла бы до моря западного. И не было бы у вас ни солнца, ни жизни...

Его сразу же поддержал король венгерский:

— Я согласен на все, лишь бы избежать новой битвы.

— Поляки тоже предлагают забыть распри, — тонким голосом заговорил князь Мазовецкий. — Ничтожны они по сравнению с тем, что может грянуть.

Слова Болеслава воодушевили Галицкого.

— Если мы договоримся, то создадим силу, — сказал он, — перед которой у них окажется мало сабель и слишком короткими будут ноги их коней.

— Что же ты советуешь, князь? — спросил Миндовгас Литовский.

— Утвердиться надо бы в мире между нами.

Даниил прошел несколько шагов и остановился у огромного валуна.

— Старцы рассказывают, что этот камень когда-то упал с неба,— заговорил он спокойно, с раздумьем.— Что нас сегодня может разделять? Огонь, вода, земля?.. Нет! Мы живем на одной земле, под одним небом ходим. На этом камне нет священных знаков, на нем единственный знак — знак неба. Пусть он роднит нас своим духом и добавит нам сил против вселенской скверны. Клянусь!

Даниил первым положил свой меч на камень. Позже на него кладут свои мечи Андрей Ярославич, Святослав, Миндовгас, Бела IV, Болеслав, Семовит, герцог Австрийский и последним Василий Волынский.

Пестрая толпа направлялась по крутой дороге на вершину самого высокого холма Семигорья, где уже находились русские князья и гости, а между ними молодая чета — Лев и Констанция.

— Как тут красиво! — восторженно произнесла Констанция.— А где мы будем жить? В шатре?

— Ты в шатре, а я в курене,— вполне серьезно ответил Лев.

— Нет, я хочу только с тобой,— кокетничала невеста.

Узкая тропинка привела Генриха и Алексея к новому недостроенному замку, на стенах которого еще трудились мастера.

Внизу, в зеленой долине, играли подростки, галдела детвора.

В тени деревьев разделявали мясные туши. Кипели котлы над большими кострами, а под дощатым навесом женщины потрошили кур. В воздухе все перемешалось: дым, перья, суетливые выкрики, песни.

На спешно сколоченном помосте неустанно играли музыканты. Невдалеке скоморохи, дрессировщики медведя и нескольких обезьян развлекали взрослых и детей. Среди них находилась и Прасковья. Она тоскливым взглядом наблюдала за толпой, в которой иногда могла увидеть своего любимого Льва.

Князья Болеслав и Миндовгас остановились на западном взгорье, откуда новый замок просматривался как на ладони. Внизу, у неглубокой реки Полтвы, начинались два ряда деревянных брустверов.

— Пригласи сюда, чтобы удивить? — спросил Болеслав.

— Даниил всегда что-то доказывает.

К их разговору прислушивался легат Генрих, незаметно возникающий то в одном месте, то в другом.

— Орда уничтожила города, а он возво-

дит новые,— продолжал Болеслав.— За лесами, в горах...

— Тут действительно какая-то тайна,— обронил Миндовгас.— Льву как старшему должен быть Галич или Холм, а тут...

Со всех окрестностей по крутым дорожкам на возвышенность бесконечно шли каменотесы, литейщики, кузнецы, дереводелы, простые смерды — пешие и конные.

Один из мастеров поднес Даниилу молот и клинья. Князь решительно взмахнул рукой и загнал клин в просверленное отверстие, соединив две скрещенные колоды, лежавшие в углу основания. То же он проделал и в трех других углах. Потом закрепил хоругвь с изображением золотого льва.

— Слава! Слава! Слава! — прокатилось по склонам.

Даниил приблизился к молодым и свежим сочным голосом произнес:

— Это тебе, сын мой, самый дорогой дар. Сегодня на этих холмах и в этих долинах заложим новый город и наречем его именем твоим. Тут будет город Львов, младший брат Киева... Приумножай, люби и защищай его, а мы тебе будем опорой. Вы еще молоды и сможете многое сделать. Прими дар!

До слез взволновали молодого князя отцовские слова, и он с достоинством ответил:

— Спасибо! Будем любить и защищать наш Львов, как и всю землю русскую.

Даниил обнял сына, поцеловал растроганную Констанцию. Хористы воспели величальную новому городу. Лилось вино из переполненных чаш, люди радовались, смеялись.

Легат Генрих, приподняв полный кубок, торжественно молвил:

— Омnia vincit amor... Все побеждает любовь! Да покоримся и мы любви! — Опустошив чашу, он склонился к Даниилу: — А где же будет храм для невесты, княже?

— Не торопитесь, легат,— сухо ответил он,— закусывайте...

Печально поглядывая Авдей на свою дочь Прасковью, которая радовалась и смеялась со всеми. А вот предательской слезы удержать не смогла...

Надвигались сумерки. Отголоски веселого праздника доносились далеко в лесу, где прогуливались князь Андрей Суздальский и дочь Даниила Анна. Анна уверенно вела Андрея через заросли, преодолевая крутые тропы.

Они обошли старое обугленное дерево, поднялись на пригорок, посреди которого стоял каменный Стрибог.

— Языческий идол? — удивился Андрей.— Сохранился?

— Некоторые старики еще верят богам предков.

— И тропинка не заросла...

— А меня всегда пугали идола,— созналась Анна.

— И сейчас боишься?

— Нет...

Далеко за горизонтом вспыхнула молния, докатились раскаты грома. Андрей взял княжну за руку, и, рассмеявшись, они сбежали вниз.

Свадебный пир продолжался в недостроенном еще князем замке. Как только открылась дверь и на порог явился Даниил, молодой суздальский князь Андрей поспешил ему навстречу. За ним неотступно следовал слуга с драгоценным ларцом в руках.

— Великий князь Даниил Романович,— обратился Андрей торжественно, вручая князю ларец.— Прошу руки вашей дочери княжны Анны.

— Согласна ли дочь? — весело спросил Даниил.

Княжна робко подошла к Андрею и стыдливо опустила глаза.

— Согласна.

— Благословляю вас, дети! Да будет мир и любовь между вами и в нашей стране!— Даниил по-отцовски нежно поцеловал обоих, а затем обратился к Андрею: — Люб ты сердцу моему.

Неумело чеканя шаг, вперед вышел меньшой сын Даниила Шварно. Он остановился перед Миндовгасом, чуть наклонил голову и громко произнес:

— Князь Литвы, примите подарок для вашей дочери Мотри...

— И приглашаю приехать к нам,— шепотом подсказал Даниил.

— И приглашаю приехать к нам,— повторил за ним сын.

Гости восторженно зааплодировали.

— Этот поступок достоин настоящего рыцаря,— довольно ответил Миндовгас, поднимая мальчика на руки.— Приглашаю и тебя в гости вместе с Даниилом Романовичем.

— Может быть, скоро и их просватаем? — улыбнулся Даниил.

— От такого зятя не откажусь. Ты только глянь — осанка гордая, грудью широк и телом размашист!

Добрая улыбка озарила широкое зарумянившееся лицо Миндовгаса.

Гости пригубили вино.

Во дворе опять заиграли музыканты.

Лев посмотрел через слюдяную соту и среди шумной толпы скоморохов увидел Прасковью.

Над городом свирепствовала метель. До княжеского двора доносился лишь шум деревьев и завывание ветра. Снег неустанно засыпал двор, лошадей, крытые сани. В розвальнях уложены мешки с тулупами, меховые полости, разнообразные дары, с которыми отправлял Даниил Галицкий свою дочь в далекую северо-восточную Русь. Анна просталась с родными, а Даниил разговаривал с митрополитом Кириллом.

— Чего кручинишься, князь? — успокаивал его митрополит.— Тебе была женой дочь новгородского князя, Василию — тверская княгиня, а теперь твоя Анна станет суздальской княгиней. Крепчают узы...

— Утешил! — с горечью ответил Даниил и, тяжело вздохнув, продолжил: — Обвенчай их, Кирилл, поклонись братьям Ярославичам. Пусть простят за то, что сам не смог приехать, непокоем исполнена земля наша...

— Прощайте!.. Повеление твое исполню и все, что передал, донесу Александру Невскому и Андрею Суздальскому.

Снег посыпал еще гуще, наметая сугробы повыше приземистых крыш. На Золотом Току ударил благовестный колокол, а Даниил все еще стоял за воротами, глядя вслед повозке, уже растаявшей в предутренней снежной мгле.

На околице приднестровского села дети играли в лапту. Вдруг со стороны ближайших изб, как вихрь, послышался нарастающий шум и рокот, а следом отчаянные крики и плач...

Более десятка всадников с меховыми накидками на плечах ворвались в деревню.

— Куремса! — с ужасом выкрикнула девочка.

Дети бросились враспынную, пытаются укрыться в заросшем мальвами овраге.

Свечой к небу вспыхнула первая изба. Мужики защищались кто чем мог: топорами, вилами, дубинами... Но вскоре пали, застигнутые врасплох от стрел и мечей. Обезумевшие от страха женщины напрасно надеялись укрыться в высоких степных травах, их молниеносно настигали арканы.

Пойманных ордынцы привязывали к телегам, многих угоняли вниз к реке, а непослушных и стремящихся бежать били плетями, пинали ногами...

— Куремса! — с испугом и ненавистью прошептала девочка, и нежное лицо ожгла слеза.

Все выше и выше выростала деревянная стена новой крепости. Среди витиеватых сплетений подмостей расхаживали Авдей и его помощники.

— Смотрите! — выкрикнул кто-то из них, указывая на Днестр.

В бурлящем потоке быстрой реки то исчезал под водой, то появлялся юноша в белой рваной рубахе. Рядом с ним плыл конь.

С трудом выбравшись на берег, обессиленный юноша упал.

Мастеровые бросились к нему.

— Авдея позовите, — вздрагивая всем телом, еле произнес незнакомец.

— Слушаю тебя, — торопливо отозвался подошедший старик.

— Это доставьте Даниилу в Галич. — Он снял с шеи княжеский знак и протянул его Авдею. — Снарядите двух гонцов. Пусть едут разными путями... Быстрее.

Прасковья решительно подошла к отцу и, туго завязав косынку сзади, сказала:

— Позволь, отец, мне.

— И я с ней, — встал рядом с Прасковьей Василий.

— Что ж, езжайте. Дело важное. Да может вам всевышний.

Вглядываясь в знойную пыльную степь на востоке, Авдей понимал, что это не просто весть.

В воздухе стояла знойная жара, над башнями новой крепости незаметно собирались тучи, предвещая бурю.

По скобленому дощатому полу твердо и торопливо ступал воевода Милослав. Гридень открыл перед ним дверь.

Князья Даниил и Василий его явно не ждали.

— Княже, вели слово молвить.

— Молви, — удивился Василий.

— Прибыл вестовой из Бакоты, велел передать вот это.

Милослав вручил Даниилу княжеский знак со скрещенными стрелами и небольшой зарубкой напротив полумесяца.

— Что это значит? — заметив, что брат побледнел, спросил Василий.

— Какой короткий мир! — обронил Даниил.

— Да не трави зверя!

— Это знак — смертельная угроза. Ордынцы пошли на нас.

Все замолчали, тревожно глядя друг на друга. В палату вошел Лев. Даниил заметил в руках воеводы пергаментный свиток.

— А это что у тебя? — спросил он.

— Прибыл гонец из Суздаля. Еле живой...

— Чего же молчишь?

— Нашли в одежде.

Даниил вырвал из рук свиток и стал читать. Потом нервно зашагал по палате.

— Хан Неврюй пошел на Суздаль и Владимир. Князь Андрей просит помощи.

— Стало быть, донесли Батью про наш союз, — догадался Василий. — Взбесился зверь.

Колокол на главной башне зазывал на вечерню.

— Какой короткий мир! — снова повторил Даниил.

Наконец он подошел к столу с картой княжества. Рядом стали Василий, Лев, воевода Милослав.

— Ты, Милослав, поведешь свой полк на помощь Андрею, — сказал он. — Иди кратчайшей дорогой через Смоленск... Ты, Василий, собирай воинов на Волыни. Лев, останешься со мной. И еще, — обратился он к брату, — пошли гонца к Миндовгасу Литовскому. А я с сыновьями соберу рать тут, позову угров, поляков... Какой короткий мир! — сокрушался Даниил.

— Только побереги себя, — сказал Василий, прощаясь с братом.

— И ты, Василий, будь поосторожней. Пошли гонцов во все крепости. Вот и настал час Авдея.

За высоким сосновым частоколом в лесных дебрях стояла новая деревянная крепость.

Авдей в окружении мастеров читал княжий указ:

— Даниил Романович премного благодарен за работу и передает наказ завершить ее. Значит, не теряем времени даром. Надо успеть.

Началось спешное разбирание крепости.

Каждое бревно в стенах имело свою числовую пометку. Падали на землю толстые бревна, скатывались вниз к реке, где их связывали в плоты. На глазах таяли стены и укрепления.

...Стремительно неслись по Днестру скрепленные меченые бревна-плоты. Зорко глядя вась в стремнину, рулевые постоянно направляли их на середину течения.

— Лишь бы успеть, — произнес Авдей, пособляя молодым плотогонам.

Тьма ордынских всадников, застилая горизонт и солнце, двигалась вдоль Днестра. Над ними возвышались острые копыта с черными треугольными флажками, бунчуки. Земля дрожала от топота копыт.

Восток затянуло серыми густыми тучами, и взшедшее солнце с трудом пробивалось сквозь мрак. Над маленькой деревушкой вдали поднимались к небу черные клубы дыма.

Князь Василий Волынский внимательно глядывался в бесконечный поток людей: мужчин, женщин, детей. Они шли через заболоченные места с котомками, корзинами, мешками...

— Откуда вы, люди добрые? — спросил уже немолодой сотенный.

— Мы из Чернигова.

— А мы с Рязани.

— С Переяслава...

— Все, кто может мастерить, ковать, ливарить, собирайтесь вот здесь, в долине, — зывал сотенный.

Из небольшой лодки, приставшей к берегу, двое гридней выносили кованный бронзой сундук.

— Князь, помоги добраться до Галича, — отдышавшись, произнес старший.

— Вы кто?

— Андрея Суздальского слуги.

В шатре Даниила Василий Волынский дочитывал письмо от Андрея:

— «...мало воинов было у меня, поэтому и проиграл. Не осуждай, отец мой. Лучше погибнуть в чужих краях, чем унижаться перед ордынцами».

— Андрей, Андрей! С малой ратью следовало бы отступить, а не рваться в бой. — Даниил склонился над столом. Длинные волосы упали, закрывая лицо. — Надо было дожидаться нашей помощи, — тяжело произнес Даниил, все еще не соглашаясь с тем, что случилось.

— А где же сестра? — спросил Лев.

— Вместе с Андреем ушла к свеям, — коротко ответил Василий.

— Князь, к тебе гости — король Бела, князя польские Болеслав и Семовит, легат папы римского Опизо... — объявил вошедший тиун.

— Зови! — коротко ответил Даниил и, обратившись к Василию, спросил: — Что посоветуешь, брат?

— Отставай и наше дело, и нашу веру. Первым вошел венгерский король Бела и красноречиво молвил:

— Здоровый дух в здоровом теле. Даниил, я рад видеть тебя!

— И я счастлив, — ответил князь, обнимаясь с венгерским королем, затем с князьями польскими. Когда же Даниил остановился перед прелатом Опизо, Бела радушно объявил:

— Князь, можем радоваться. Папа римский осуществил обещанное...

— Рексус Даниил! Да поможет вам благословение божье! — неторопливо произнес прелат. — Мы привезли обращение папы римского к тебе. Соизволь прочесть?

— Читайте.

— «...И учитывая угрозу миру, которую несут неверные, жаждущие испепелить все ценное и святое, созданное веками, мы объявляем крестовый поход и призываем всех властителей стран западных направить своих воинов на восток. Тебя, русский князь Даниил, возвышаем в королевский сан, чтобы ты с честью возглавил крестовый поход против скверны и одержал победу...»

Князья польские и венгерский король с заметной завистью смотрели на Даниила.

Галицкий, недоумевая, посмотрел на брата Василия, потом на Льва, как бы советуясь с ними.

— Или Цезарь, или никто, — сказал прелат Опизо. — Ты принимаешь королевскую корону, разрешаешь нашим легатам проповедовать слово Христово и возглавляешь поход...

— Даже в такое трудное время для Руси и для нас, — наконец заговорил Даниил, — другую веру принять не могу...

Оторопевший Опизо покосился на подошедших легатов.

— Князь Василий, — поспешил на помощь Генрих, — сейчас решается судьба многих народов...

— Мы против того, чтобы судьба других народов решалась за счет народа нашего...

— Князь Литовский тоже принял корону, — вставил свое слово польский князь Семовит.

— И завоевал расположение западных стран, — добавил Болеслав.

— Мы обещаем тебе поддержку, — Бела взял Даниила под руку. — Папа римский пришлет тысячу арбалетчиков.

— Такая помощь будет! — подтвердил Опизо.

— Даниил, на тебя смотрит не только Русь, — опять заговорил Болеслав. — Мы обещаем поддержку.

— Тут безвыходное положение, брат, — Василий уныло мотнул головой.

— Согласен, — ответил Даниил. — Только без унии церквей.

— Прими корону, — торжественно произнес Опизо, протягивая золотой венец.

— Только без унии церквей, — твердо настаивал на своем князь. — Василий, зови епископов наших...

Завьюжило...

Кони в упряжках бежали наперегонки с ветром через заснеженные поля, прижимаясь к лесу. В первых санях ехали братья Даниил и Василий, за ними воеводы, бояре, князьки мужи, епископы галицкой митрополии.

«...ГОДА 1254 МЕСЯЦА ЛЮТОГО
КНЯЗЬ ДАНИИЛ РОМАНОВИЧ ГАЛИЦ-

КИЙ УВЕНЧАН КОРОЛЕВСКИМ ВЕНЦОМ. ДАНИИЛ ПРИНЯЛ ЕГО НЕ В СТОЛИЦЕ, А В СЕВЕРНОМ ВОЛЫНСКОМ ГОРОДЕ ДОРОГОЧИН, ГДЕ С ВАСИЛИЕМ РОМАНОВИЧЕМ ГОДА 1237 РАЗГРОМИЛИ КРЕСТНОСЦЕВ БРУНО. СЕГОДНЯ ВЛАСТИТЕЛЬ ЧЕРВОНОЙ РУСИ НАПОМИНАЕТ ВСЕМ, К ЧЕМУ СТРЕМИТСЯ...»

На верху заснеженной горы стояла новая крепость с высокими деревянными брустверами и башнями.

У подножья толпились ордынцы, выкрикивая угрозы защитникам крепости... Несколько десятков нукеров устанавливали баллисты.

Куремса нервничал. Он расхаживал у своего шатра, свирепо поглядывая на вершину горы.

— Почему крепость стоит? — спросил он одного из багатуров, сопровождавших его. — Раньше ее тут не было...

— Коназ Даниль хитрый. Его люди построили такие крепости в лесах, а когда ты пошел в поход, они выстроили их на горах.

— Как?

— Сплавляли по рекам... Хитрый Даниль!

— Взять! Сжечь! — приказал хан.

Новая сотня ордынцев, поднимая невероятный крик, поползла вверх. Но уже через несколько десятков метров начинался лед, образовавшийся из воды, которую выливали защитники через стены.

Нукеры, вопя, скатывались вниз, их накрывал град камней.

— Багатур! — неистово вскрикнул Куремса. — Ты знаешь, как овладеть крепостью?

— Светлейший хан, а зачем брать? Главная сила коназа впереди. Надо идти на Луческ, Галич, Львов...

— Даниль — хитрый коназ, — хан похлопал багатура по плечу. — А Куремса хитрее...

В седловине увалов ржали кони, слышался тяжелый топот копыт, звон оружия, голоса людей, вырастая в единый бесконечный устрашающий гул.

Даниил провожал сыновей.

— Чем князь огорчен? — спросил Роман.

Даниил попытался улыбнуться. Он прижал к себе одной рукой Романа, другой Льва, и так они пошли, объединенные порывом верности и преданности друг другу.

— Нелегко провожать сыновей на войну, — ответил он.

— Думаешь о том, почему нет вестей с запада? — поинтересовался Лев.

— Обещали ведь...

— Князь, почему мы все время отступаем? — нетерпеливо спросил Роман.

— Так нужно. Через день-два подойдут дружины из Литвы, Польши, с Угров и Белой Руси, тогда и останемся. С вами посылаю бывалых воевод. Во всем доверяйтесь им. Врага не страшитесь. Помните об их хитрых уловках. Вышлют небольшой отряд, подерутся малость, а потом, будто испугавшись, начнут бежать. Не верьте им, не догоняйте. Там, где они останутся, с двух сторон будут поджидать большие отряды. Так они поступили с нами на Калке. Мне тогда было столько же лет, сколько вам сейчас... И я получил урок на всю жизнь... Сыны мои, стойте за землю русскую!

— До встречи, князь! — ответил Лев, и они обнялись.

Воевода Андрей привстал в стременах, взмахнул булавой, и сотни, одна за другой, двинулись косяком вдоль реки.

На горизонте догорало еще одно волыньское село.

Куремса метался перед шатром, как разъяренный барс, время от времени взмахивая плетью. Около десяти багатуров выстроились перед ним, ожидая распоряжений.

— Почему коназ Даниль не принимает бой? — задал он вопрос.

— Бойтсся тебя, светлый хан, — ответил один из багатуров. — Знает, что ты непобедим.

— Неужели он думает меня водить по этой земле, как скифы царя Дария водили?

— Светлейший хан, — робко начал другой багатур. — Мы взяли великий плен, собрали дань, до весны хватит, а там...

— Нет! — лютно вскричал Куремса и взмахнул плетью. — Возвращаться нельзя. Даниль замыслил зло, и его надо уничтожить сейчас...

Низко пролетали косматые облака, почти касаясь верхушек деревьев. Двое русских стражников, стоявших в зарослях на опушке леса, внимательно наблюдали за неизвестными, которые на санях въехали в долину, а потом неожиданно развернулись в обратном от города направлении. Четверо гридей на лошадях помчались им наперерез.

Заметив всадников, старый ездовой яростно стегнул взмыленных лошадей и не отпуская поводьев до тех пор, пока один из дружинников не вырвал их.

— Кого везешь?

— Послов папы римского, — ответил тот, вынимая из-под кобуха маленькую деревянную дощечку с бронзовым изображением птицы.

— Тут ордынская пайза бессильна, дед! — резко оборвал его первый стражник.

— Ов-ва! — удивился второй, разглядев в санях двух послов в кунных шубах.

— Они не понимают по-нашему, — объяснял ездовой. — Отпряньте, послы торопятся.

— Куда?

— Домой, разумеется, в Рим.

— Заворачивай, дед, а там посмотрим, какие они послы, — решительно распорядился первый стражник и стегнул лошадей посольской упряжки.

В шатер князя Василия Волынского вошли двое легатов.

— Падре Герберт! — удивился Василий. — А мы вас ждем не дождемся с запада... Ждем обещанной помощи, покровительства апостольской церкви...

— Амикус Василий! Наконец, друг Василий! — обрадовавшись, произнес Герберт и бросился навстречу князю. — Теперь мы спасены.

— Почему же объезжаете Галич?

— Ездовой сбился с дороги... — Герберт не знал, куда девать глаза. — У вас столько новых крепостей...

В шатер вошел один из гридней сторожевой охраны, задержавшей послов, и положил на стол перед Василием Волынским несколько свитков пергамента.

— Это у них нашли... в тайнике, — сказал тихо.

Толмач развернул один из свитков и бегло пробежал глазами текст.

— Там по-латыни, — забеспокоился Герберт. — Нам велено лишь передать.

— Князь Даниил ждет нас! — нашелся Василий и, обращаясь к растерянному Герберту, сказал: — Поехали!

...Даниил сосредоточенно всматривался в строки письма.

— Диковина!.. Буквы латинские, а язык другой. Скреплено печатью хана. Попробуй прочесть, — обратился он к своему советнику.

Тот подошел к слюдяной соте, стал рассматривать текст.

— На свете есть много языков, княже, да не моя вина... — сказал тихо.

Потом внимательно присмотрелся и глаза его просветлели. Он прочитал одно слово, затем другое...

— Написано арабским языком, а литеры — латынь... — обрадовавшись, произнес он.

Князя спешно подошли к нему.

— «Буду рад установить мир с тобой и с твоей помощью покорить вторую половину света... Ты говоришь, что если Русь сделать католической, мне станет легко править ею.

Я этот совет твой не понимаю и поэтому подумаю над ним. Я принимаю твой союз против Никейской империи и готов выслать орду, если ты огласишь крестовый поход против моих ярых врагов арабов... Я великий хан...» — Советник повернул лист — с обратной стороны было пусто. — Кажется, все.

Даниил пришел в ярость, нервно зашагал по палате.

— Я что-то ничего не понимаю, — смутился воевода Андрей. — Кто кому пишет?

— Хан ордынский отвечает папе римскому на его предложение скорее окатоличить русские земли, — рассвирепел Василий. — Тогда хану легче, мол, будет руководить нами...

— Может, изрубить их, как капусту? — воевода взялся за рукоять меча.

— Уймись! Пригласите Герберта! — сдержанно приказал Даниил.

Наигранная улыбка искажила и без того непривлекательное лицо прелата. Он поспешил навстречу князю, но, заметив его безучастность, остановился.

— О, рекс Даниил! Фертис, феатус... О, король Даниил! Отважный, счастливый...

— Каментис сат! Для мудреца хватит! — неуважительно ответил Даниил.

— Что за безумие тебя охватило, король? — Я не король, а русский князь!

— Его преосвященство говорил мне перед поездкой, что передал для тебя корону. Что случилось? Ты презираешь меня?

— Думаю, кому ты служишь?

— Что за разговор у нас выходит? Слуга его преосвященства папы римского.

— А он наместник бога на земле?

— Конечно, — все еще наивно отвечал прелат.

— Помните! Русь без вас стояла и выстоит! И никогда, запомните, никогда нам не быть вашими слугами!

Даниил бросил к ногам Герберта сверток пергамента и решительно произнес:

— Отпускаю тебя, иди с миром!

Герберт отступил несколько шагов назад.

— Берегись, чтобы не упасть! — злобно произнес он, решительно повернулся и торпливо пошел к двери.

— Зачем ты его отпустил? — прошептал Василий.

— Ох, брат! Теперь нам будет еще тяжелее, — простонал Даниил и снова зашагал по палате. — Страшен враг с востока, но и от западного можно всего ожидать... Как же не отпустить? Нам нужен мир с ними. Пусть едет, пусть поведает папе римскому, как мы узнали о его благонамерении, о его самых искренних чувствах к русской земле и к нам лично...

— Даниил, к чему расстраиваться? —

пробовал утешить брата князь Василий.— Может, к лучшему. Надеялись бы на подмогу. А так знаем — не будет ее...

— Да, брат, надеяться надо только на себя, а потому медлить больше нельзя ни единого дня, ни единого часа. Ордынцев надо бить только сейчас. Поехали! — сказал Даниил.

Оторвавшись от стражников, князь Даниил и Василий остановили своих лошадей на верху увала. Их взору открылись быстроходная темная река, изрезанная оврагами долина, лес.

— Много увалов, — сказал Даниил.

— Что ты ищешь?

— То же, что и ты. Бог осенил нас одной мыслью. Нельзя ошибиться.

— Вызываешь Куремсу на бой?

— Он должен принять наш бой, иначе и не следует начинать. Но не здесь...

...Летят русские всадники вдоль леса, преодолевают невысокий подъем. Перед ними раскинулось широкое поле, с юга защищенное лесом, с запада окаймленное излучиной реки с высоким правым берегом, покрытым рощами.

— Как называют это место? — спросил Даниил сотника.

— Чернятинское поле.

— Чернятинское поле... — тихо повторил князь и громко сказал: — Справа в лесу можно укрыть два запасных полка. Тут за рекой — полки левой и правой руки. За холмами — головной полк...

— Ты рассуждаешь так, будто Куремса уже подошел, — перебил его князь Василий.

— Надо его заманить сюда.

— Хитрую лису с такой силой?!

— Так, как они меня и Мстислава Удалого заманили на Калке, — скупно улыбнулся Даниил.

— Десятки туменов?! Страшно и подумать.

— В дневном бою да, а в ночном...

— В ночном?

— Пять лет назад я уже бил ятвягов ночью.

— Это была малая брань, а тут их тьма...

Даниил уже не слышал брата, он полностью был погружен в свои мысли.

— Значит, так, — снова заговорил Даниил, — все начнется перед заходом солнца, а закончится — ночью. Небольшое войско перейдет реку, его сразу обнаружат ордынцы, пойдут на нас большими силами. Нашим придется немедленно отступить сюда к излучине реки, увлекая их за собой, потом укрыться в крепости...

— Какой крепости?

— Вот сюда сплавим карпатскую кре-

пость, — Даниил указал на ближний холм у реки. — И Куремса соберет здесь все свои силы.

— Хорошо. Что же потом?

— Потом, брат, необходимо удержать ее до ночи.

— Теперь понимаю. Разрешите мне повести это войско.

— Ты поведешь волынский полк. А ночью, думаю, с этим справится Лев.

Василий тяжело вздохнул, опуская взгляд.

— Ты не согласен?

— Дело опасное, а князь молод.

— Пошлем на подмогу воеводу Дионисия... Думаю о другом. Как бы Куремса раньше не двинул на нас...

Княгиня Анна не торопясь вышла из ворот монастыря в сопровождении трех монашек и направилась в сад, где ее ожидали Даниил и Василий.

— Сыны мои! — вздрогнул голос княгини. — Вместе приехали...

Она поздоровалась с ними, пристально вглядываясь каждому в глаза.

— Матушка, — Даниил пытался унять волнение, но это далось ему нелегко. — Бог не помог нам в наших молитвах и отходит от нас...

— Даниил, не провини заступника своего, — княгиня поспешно перекрестилась.

— Поэтому и пришли к тебе, — закончил Даниил.

— Не будет нам помощи от запада, — продолжил Василий, почувствовав, как тяжело говорить Даниилу. — Все, что было обещано, — обман.

— Черный день близится, матушка, — опять заговорил Даниил. — Выбора нет. Будем воевать сами... Благослови нас на ту битву. Если же головы сложим свои, не осуди...

Княгиня прослезилась, осеня крестным знаменем старшего сына, затем младшего.

— Благословляю вас, дети великого Романа Мстиславича, — чуть слышно звучали ее слова. — Будьте мужественны до конца. Не посрамите земли предков.

Князь припал на колени, поцеловав руки матери.

В шатрах, юртах, под открытым небом спали нукеры. У многочисленных костров стояли стражники. Везде царил тишина, лишь иногда доносилось похрапывание лошадей в увалах у реки.

Не спалось Куремсе. В углу шатра слабо горела лампада, освещающая большую карту, над которой склонился хан. Советовался

сам с собой, водил пальцем по карте, прислушивался к редким звукам, доносившимся из степи.

Кони осторожно ступили в быстротечную реку. Почувствовав неглубокий ров, пошли смелее. Князь Лев был в одежде воеводы. Он оглянулся на свой полк, рассредоточившийся вдоль берега за верболозами. Русские всадники в кольчугах, в кожаных подстежках с нагрудными и плечевыми пластинками, при мечях, с привязанными к седлам шлемами все дальше уходили с Чернятинского поля в обход, углубляясь в равнину, напоминающую степь.

Внимательно следила ордынская разведка за продвижением русских ратников...

Вихрем пролетели три всадника в ставку Куремсы, спрыгнули на землю и упали в поклоне перед белой лошадию хана.

— Светлейший хан, это коназ Лев с отрядом, и стяг его впереди. Идут полным строем без шлемов...

— Мало их. Почему? — строго спросил Куремса.

— Вероятно, разведка. Идет на соединение с Даниилом. Надо бить! — предложил боярин Зизаний, сбежавший от княжьего суда. — Сколько есть, столько и бить!

— Нойон! Дегей! — закричал Куремса.

Багатуры тут же предстали перед ханом.

— Русские идут на переправу. Вырезать всех, коназа Льва ко мне живым.

— Хан, разреши, я сам приведу к тебе на веревке князя. — Зизаний наклонил голову, ожидая решения хана.

Куремса сделал недовольную гримасу и пренебрежительно махнул рукой.

Через небольшой склон перевалила татарская конница и сразу двинулась навстречу русскому отряду.

— Не вступать в бой! — тут же приказал князь Лев и направил свой меч на запад. — За мной!

Дружинники тут же двинулись за князем. — Можно только защищаться, — снова прозвучал наказ Льва. Увидев, что некоторые конники отстают, прикрикнул: — За мной!

Тьма стрел, выпущенных ордынцами, почти настигала русских.

Тучей покрыло всю долину войско Куремсы. Самые быстрые стрелки вырывались вперед, сиюсья догнать русский полк.

Скачут преследователи, и вот за изгибом реки на возвышенности появилась башня новой деревянной крепости.

Около пяти десятков русских всадников пролетели через мост над рвом и скрылись за деревянными воротами крепости.

Стражники, поворачивая скрипящее колесо, поднимали на цепях мост. С десяток ордынских преследователей успели проскочить в ворота, остальные закружили у края оборонительного рва, наполненного водой.

Из бойниц посыпались стрелы, заставляя ордынцев отойти. Крики, ругань и угрозы неслись в ответ русским воинам.

Садилось солнце, Куремса нервничал, свирепо поглядывая на холм.

С оборонительных стен один за другим сбрасывали прорвавшихся в крепость ордынцев.

— Сжечь! — взбеленился хан от переполнявшего его чувства мести.

— Повелитель неба закрыл глаз свой, и ты дай отдых воинам своим, — запричитала шаманка с бубенцом в руках. — Разожги огни, духов злых и неверных отгони...

...Ордынские сотни занимали позиции вблизи крепости, разжигали костры, разбивали лагерь. Охранники поскакали к рощам, темневшим на горизонте.

Князь Лев взобрался по лестнице на верхний ярус крепости. Два молодых дружинника отошли от бойницы, пропуская князя.

Лев посмотрел вниз на разъяренные лица ордынцев, которые непрерывно стреляли из луков, засыпая крепость горящими стрелами.

— Вот туда стреляйте! — приказал Лев дружинникам. — И почаще, не жалейте стрел, сейчас еще поднесут, а отступить будем вместе...

— Почему отступить? — спросил младший.

— Крепость подожгут, будем уходить.

Князь с дружинниками вышли из-за валунов, прикрывающих вход в пещеру, перешли вброд речку и под покровом ночи скрылись в ближайшем лесу.

Взошла луна.

Князь Даниил Галицкий сразу узнал сына, обрадовался, обнял его, потом приблизился к дружинникам, обессиленным и раненым:

— Витязи вы мои! Доблестные и мудрые! Держитесь! — сказал негромко.

— Князь Василий успел? — спросил Лев.

— Да, все на месте. И воины Миндовгаса на подходе. Твой полк возглавил Дионисий.

— Не могу оставить своих.

— Он справится.

— Знаю. Отдам ему свою одежду, а сам поведу сотню, отборную.

К ним подошел воевода Андрей и сообщил:

— Татарские лазейки были в нашем лесу, послушали и вернулись.

— Ничего не учуяли? — обеспокоился Даниил.

— Ушли спокойно. Ветер степной нам в помощь, лошадей не слышно.

Боевой конь князя гарцевал, возбужденно всхрапывал, властная рука крепко удерживала поводья.

Из-за леса вышла полная луна, тусклым светом озарив долину.

Даниилу подали боевой шлем, помогли прикрепить широкий пояс с мечом. Подъехали князя Василий, Лев, Роман, воеводы, близкие бояре.

Лев вглядывался в лица своих воинов, среди которых была и Прасковья. Казалось, вот-вот они увидят друг друга, но этому всегда что-то мешало: то спины воинов, то неожиданно поднявшийся щит.

За спинами князей развернули стяги Галицко-Волынского княжества и Спаса-Нерукотворного...

— Благословляю тя, княже, с храброй ратюю твоею в этом времени великом и в грядущих временах! — торжественно произнес игумен Григорий, окропив князя и его коня. — Веди свои полки на сатанинскую силу! Да поможет те господь и святая богородица! Изреки полку красно слово, Даниил Романович...

— Братья мои милые, сыны русские, все от мала и до велика, — громко произнес Галицкий. — Мужья достойные земли русской. Враг треокаянный топчет землю нашу, великое горе и скверну творяше по всем городам русским, порушив устоя наших славных предков. Стонет земля, и реки кровавые выходят из берегов от невинно пролитой крови христианской. Сегодня нам суждено стать воедино на брань с нечистью и доказать, что мы в своей отчизне сильные, смелые и непобедимые. Крепко держите мечи, сулицы, топоры и копья. Вперед, братья русичи! Вперед!..

Князя, близкие бояре, воеводы, сотенные разъехались к своим полкам.

В сопровождении десяти дружинников князь Даниил Галицкий остановился на открытом холме, откуда открылась освещенная огнями ордынцев долина.

Князь молча смотрел на пылающую вдалеке крепость, на долину и темные стены леса с правой и левой стороны.

— Поднять факел! — послышался приказ князя, и в тот же миг на ближнем холме вспыхнул огонь факела.

— Пошел, Василий! Пошел, брат мой дорогой! — негромко сам себе проговорил Даниил и обрадовался, увидев, как сотни волынского полка перешли реку и ринулись на ордынский лагерь слева.

— Хорошо! — громче проговорил князь. — Два факела!

Вскоре над тем же холмом взметнулись два огнища...

— Лев и Дионисий! Смелей, смелей!

Со стороны пасущихся ордынских табунов на бранное поле выступил полк Льва.

— Три факела! — приказал Даниил.

И запылала над холмом три огня.

Князь напряженно смотрел вдаль, прослеживал за битвой, которая только разгоралась.

Всадники полка княжича Романа переступили реку, набирали разгон, приближаясь к лагерю, к полыхающей крепости. Везде слышался треск и гром от переломленных копий, от ударов искрящихся мечей.

— Михаил! — позвал князь Даниил своего охранника. — Быстро к князю Роману. Пускай левее берет, левее и настречу князю Василию. Рубить, рубить сыроядных!..

Нарастал тяжелый топот коней и воинов.

Неподготовленную охрану первого кольца воины Василия Волынского смяли сразу.

Вспыхнули юрты, и заметались перепуганные нукеры.

Падали под копыта лошадей посеченные ордынцы, пали и первые русские воины-герои. Полк Андрея отрезал нукерам путь к табунам.

Куремса выбежал из шатра, впился руками в багатура-охранника.

— Что? — прошипел он, видя убегающих воинов.

— Коназ Даниль напал, — ответил один из багатуров, кинувшись в ноги хану, готовый к жестокой расправе.

— Когда спит этот лютый коназ? — осканился хан. Он оттолкнул ногой багатура, приказав вдруг: — Остановить!

Все, кроме ближайшей охраны, кашиков, разбежались в разные концы.

Из шатра послышались слова заклинания старой шаманки:

— Принеси в жертву черного коня. Черного коня с белой отметиной на лбу...

Даниил наблюдал за боем. Как только ордынцы, потесненные Василием, Львом и

Андреем, стали отступать, он натянул поводья.

— Роман, атакуем подковой.

Темная лавина русских конников разделилась надвое, одна часть поскакала к реке, вторая устремилась прямо.

— Подковой! — доносился ретивый клич Данила.

С запада, где сплотился отряд тургаудов, разгорелась жестокая битва. Один за другим падали русские воины, ополченцы — пешие и конные.

Сошлись грозно обе силы, твердо сражаясь, жестоко друг друга уничтожая, не только от оружия, но и от ужасной тесноты под конскими копытами испускали дух.

Упал тяжело раненный Федор, ему на помощь поспешила Прасковья. Подбежали еще двое, попробовали оттянуть раненого с поля боя, однако тут же были иссечены саблями ордынцев.

...Среди раненых лежал и князь Лев. Вокруг суетились кони без седоков. Прасковья бежала между лошадьми к князю.

Бой кипел уже в стороне, у реки, и поэтому ей легко удалось оттащить Льва в безопасное место за перевернутой телегой. Правое плечо кровоточило. Прасковья белым полотном крепко перевязала руку. Очнувшись, Лев увидел ее и не поверил своим глазам. Девушка, сдерживая слезы, наклонилась к нему.

— Будешь жить, князь!

— Что ты сказала? — переспросил Лев. — Прасковья... Где мои люди? Что с моим полком? — неожиданно спросил он, окончательно придя в себя.

Глаза Куремсы наливались кровью. В шатер вбежал темник.

— Светлейший хан, мы в западне! Придется отступать. Лошади готовы!

— Старый шакал! Как ты посмел живым сюда войти? Убью! — замахнулся плетью и выбежал из шатра.

Отряд личной охраны хана — тургаудов — налетел с бешеной скоростью. Удар «клина» был настолько неожиданным, что немало русских конных полегло сразу. Протаранив себе дорогу, тургауды дали возможность бежать не только Куремсе, но и многим нукерам.

Конь под ханом неожиданно споткнулся. Куремса на виду у своих воинов упал. Подоспевшие тургауды бросились к нему, быстро помогли сесть в седло.

Ордынцы убегали долиной, оглядываясь на преследователей. Вокруг слышались стоны, выкрики ордынцев и русских воинов, звон мечей и сулиц, сабель и щитов, истошное ржание раненых лошадей.

Врезавшись в гушу татар, Даниил стал биться сразу с тремя. Ему на помощь поспешил воевода Милослав.

— Князь, слева! — выкрикнул он.

Даниил рванул коня правее и вовремя подставил щит. Милослав упредил одного топором, двое других ударили его, но оба в щит, и тут же один пал под ударом меча Данила, а второй вонзил копьё в бок Милослава. Даниил, приднявшись в стреленах, достал мечом руки врага. Копье выпало, вторым ударом Милослав снес ордынцу голову.

На берегу реки бежавших ждали плоты для переправы.

Куремса спрыгнул с коня и поспешил на плот. Тургауды и нукеры в панике загоняли лошадей в воду, сами же плыли за ними, ухватившись за седла и хвосты. Плоты все дальше отплывали от берега, растворяясь в темноте.

Беглецов-ордынцев становилось все больше, они уже лавиной бежали на восток, к воде.

— Прекратить сечу! — выкрикнул Даниил, убедившись, что враги не сопротивляются и думают только, как бы спастись. — Взять плен!

— Лучше добить, князь, а то опять пойдут на нас, — сказал воевода.

— Прекратить сечу! — еще громче выкрикнул князь. — Взять плен!

— Взять плен! — приказал своим воинам Василий.

— Взять плен! — слышались команды Льва, Романа, воевод и сотников.

На востоке из-за высоких трав поднималось красное солнце.

Вдоль правого берега реки длинными рядами проходили русские воины, насыпая четыре высоких кургана. У крайней могилы лежали тела еще не захороненных воинов, и среди них — воеводы Андрея, молодых подмастерьев Василия и Федора, за ними как бы прилегшей на отдых Прасковьи, у изголовья которой, припав на колено, прощался с любимой Лев.

Игумен Григорий дочитывал молитву за упокой.

— Да будет здесь церковь ее имени, — сказал Лев, обращаясь к священнику и своим воинам. — Имени святой Параскевы...

Шли воины — пешие и конные, десятники, сотники, шли воеводы, шли князья, неся в руках камни.

Вырастали стены небольшой церквушки. А воины все шли, и не было им конца.

Когда же на куполе был установлен крест, игумен Григорий провозгласил:

— Да святится этот дом господний пресвятой Параскевы. Сыны, мужественные воины, мать-Русь славит вас с победой над злыми врагами нашими...

— Слава! Слава! Слава! — трижды прозвучало в ответ.

На распутье у Буга полки остановились. Князя прощались. Обнявшись со Львом, Даниил молвил:

— Отныне помни, сын: защищая свой город Львов, ты защищаешь Русь!

— Сочту за честь, князь!

Тремя дорогами расходились воины. Даниил возвращался в свою новую столицу Холм, Василий — в стольный город Владимир—Волынский, а Лев с небольшой дружиной — во Львов.

Пройдя саженой сто, князя оглянулись.

Трепетали в воздухе их боевые стяги.

Разъезжались три полка тремя дорогами. И пешие, и конные — уставшие, обессиленные, с повязками на руках, на головах. И все в природе, казалось, прислушивалось к позвякиванию оружия, тяжелому топоту ног, шелесту высоких трав в долине, скрипу колес...

И вдруг прокатился клич боевого рога.

Встрепенулся Даниил. От ближней роши скакал всадник. Резко остановив коня против князя и переведа дыхание, сказал:

— Князь, на города твои Холм и Дорогожин напали рыцари-крестоносцы.

Побледнел Даниил, сжалось сердце от поразившей его вести.

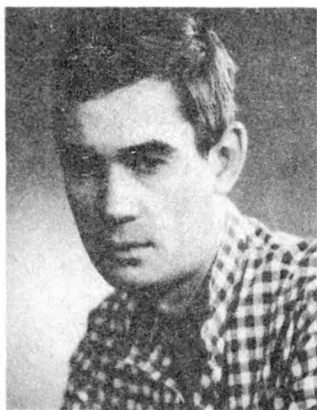
— Что же, дождались помощи от папы римского, — неистово произнес князь. — Воевода, останови полки. Не посрамим земли русской!

Над долиной зазвучали боевые рожки. Трубили сбор.

Три полка, будто три реки, повернули вспять, чтобы снова слиться в одно русло.

Одна огромная дружина двинулась на западные кордоны земли русской, чтобы и там отстоять мир.

...ГОДА 1255 КНЯЗЬ ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ ВМЕСТЕ С БРАТОМ СВОИМ КНЯЗЕМ ВАСИЛИЕМ ВОЛЫНСКИМ, СЫНОВЬЯМИ СВОИМИ ЛЬВОМ, РОМАНОМ, ШВАРНО, ВОЕВОДАМИ, СО МНОГИМИ МУЖАМИ РАЗБИЛ 60-ТЫСЯЧНУЮ ОРДУ ХАНА КУРЕМСЫ В ПРИДНЕПРОВЬЕ. ЭТО БЫЛА ПЕРВАЯ БОЛЬШАЯ ПОБЕДА НАД ГРОЗНЫМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ, ПОТОМ БЫЛИ И ДРУГИЕ РАТИ, КОТОРЫЕ ПРИВЕЛИ К ЗНАМЕНИТОЙ ПОБЕДЕ РУСИ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ...

АСЯ КАЛИЕВНА СУЛЕЕВА окончила двухгодичную актерскую студию при киностудии «Казахфильм», а в 1975 году — режиссерский факультет ВГИКа. Сняла ряд документальных фильмов, в том числе: «Песни Орынбасар», «Дом в саду» и др.

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БОДРОВ (родился в 1948 году) окончил сценарный факультет ВГИКа. Автор нескольких сборников юмористических рассказов, по его литературным сценариям поставлены фильмы: «Баламут», «Моя Анфиса», «Любимая женщина механика Гаврилова», «Очень важная персона», «Сладкий сок внутри травы».

Литературный сценарий А. Сулеевой и С. Бодрова «На зеленых холмах» удостоен премии на конкурсе «Земля и люди». Фильм по этому сценарию ставит на киностудии «Казахфильм» режиссер Ася Сулеева.

АСЯ СУЛЕЕВА, СЕРГЕЙ БОДРОВ НА ЗЕЛЕНЫХ ХОЛМАХ

Последний день августа. Жарко. В небе плывут облака.

— ...А лошадь можно с собой взять?

— Зачем она тебе? В городе автобусов, трамваев полно. Взял билет и ездил сколько хочешь.

— А Боребая?

— Боребай здесь нужен. Кто будет помогать пасти отару?

Высокая горная трава колышется от ветра. У подножья зеленого холма в густой траве сидят почерневшие от солнца дети.

— А беркута?

— В интернате кабинет есть — «Музей природы» называется. Там даже волк стоит.

Две маленькие девочки, сестры Ардак и Айнур, удивленно ахают. Они сидят по-аульному, на корточках, и внимательно слушают разговор мальчиков. Старший, Серик, плетет камчу. Поплевывая на ладони, закручивает тонкие кожаные ремешки и заплетает их в косичку.

Арман держит на коленях толстого краснощекого малыша. Тот старательно сосет

зжатый в руке кусок копченого мяса. Рядом, спрятав морду в тень, лежит старый волкодав Боребай. Малыш протягивает собаке свой кусок. Волкодав осторожно берет мясо из рук ребенка.

Отара овец медленно передвигается к вершине холма.

— А барана в город можно взять? — спрашивает Ардак.

Арман недовольно взглянул на сестру: — Зачем мне там баран? Мне они здесь надоели.

Несколько овец забрались на самую вершину холма. И снизу показалось, что они пасутся в небе, среди облаков.

— Уй, самурай, опять туда залезли! Травы там нет, чего лезут? — рассердился Арман и скомандовал: — Боребай, гони!

Волкодав вскочил. Овцы, увидев бегущую собаку, стали спускаться с горы.

— А вообще ты не бойся. Тебе повезло, что я рядом буду, — сказал Серик. — В интернате обязательно защитник нужен. Аульные пацаны любят драться.

Арман кивнул.

— Ты только с Казанбасом не связывайся,— продолжал Серик.— Дурной он, хотя уже в восьмой класс перешел.

Айнур засмеялся:

— Казанбас!*

— В интернате многим прозвища дают.

— А у тебя какое?

— Я не хулиган, меня по имени зовут. В нашем интернате десять Сериков. Может, в этом году новые Серики появятся.

— Как будто других имен мало,— удивился Арман.

— Говорят, это очень модное имя,— гордо сказал Серик.

— А у нас, если девочка родится, ее называют Акжаркын, а если мальчик — Айдос. Так мама сказала,— объявила Ардак.

— Вот уеду я в интернат, кто с Алибеком будет? — сказал Арман и поцеловал братишку в живот. Тот засмеялся.— Нет, я лучше здесь останусь!

— Арман! Арма-а-ан! — донесся голос матери.

Арман посадил Алибека на спину, и дети стали спускаться вниз.

Юрта стояла возле горной речки. Рядом с юртой дымились казаны. На берегу реки мать Армана Улкиза, быстрая молодая женщина, расстилала кошмы.

В ущелье Кок-Сай пасли овец семь чабанских семей. Любое событие в каждой семье — событие для всего ущелья. Сегодня был праздник у Каната и Улкизы. Их первенец Арман едет в город учиться — в первый класс! Вот по этому случаю и собрались гости.

Отец Армана Канат был невысок, но крепок. Характером — молчун.

Он помог сойти с лошади старейшему чабану Турмагамбету. Аксакал был в костюме, при всех орденах.

— Как ваше здоровье, Турмагамбет-ага?

— Ничего, иногда поясницу ломит.

— Здравствуйте, ата! — почтительно поздоровалась ребятня.

— Салем, салем, дети! — кивал аксакал.

Женщины раскатывали тесто. Девочки несли блюда, полные баурсаков.** Арман и Серик катили круглые столы. Улкиза торопливо накрывала их клеенкой...

Арман незаметно ушел от юрты, поднялся на вершину холма, к двум каменным бабам-балбалам. Высоко в небе парил беркут. Арман крикнул — пронзительно и горланно. Беркут медленно опустился на одну из каменных баб.

— Лошадь нельзя... Боробая нельзя...

Беркута нельзя... Нет, не поеду я в интернат...— причитал Арман.

А за столы уже расселись гости. Напутствие должен был сказать самый уважаемый чабан, Турмагамбет Каирлиев. Тут все вспомнили о виновнике торжества. За общим столом его не было. За детским дастарханом — тоже.

— Он сказал, что не поедет в интернат. Он в горы пошел, вон туда,— показал рукой Серик и добавил:— А мне в городе очень нравится.

Канат вышел из-за стола, вскочил на лошадь.

Он нагнал Армана, когда тот спускался к реке.

— Садись! — строго приказал отец.

— Не поеду я туда. Дома останусь!

Не слезая с коня, отец дал сыну подзатыльник.

Недовольный, он забрался на лошадь, сел впереди отца, взял поводья...

Армана посадили на почетное место. Аксакалу преподнесли на тарелке баранью голову.

— Сейчас интересное время,— начал аксакал, обращаясь к Арману.— Нет такого человека на земле, который не стремился бы к знаниям. Раньше — чем больше скота, тем богаче считался человек. Сейчас — чем больше человек знает, тем больше он богат. Русские правильно говорят: «Ученые — свет, неученые — тьма!» Учись, балам*! Дай бог тебе академиком стать. Прославишь своего отца, мать, наше ущелье Кок-Сай!

— Да сбудутся ваши слова! — улыбнулась Улкиза.

— Не ленись, балам! Сколько в мире знаний! Вот я — старик, а что я знаю — крупицу, песчинку от этих знаний...

— Ну что вы, аксакал! Нашим детям с вас пример надо брать. Вы для всех нас образец... — заговорили гости.

Под одобрительные возгласы аксакал поцеловал Армана в лоб.

— И помни, сынок, если тебе будет нужна помощь, зови любого чабана из нашего ущелья. Все придем!

— Зачем мне быть академиком! Я чабаном буду,— проворчал Арман.

Вернувшись на свое место, придвинул к себе тарелку с бешбармаком и стал есть.

Первого сентября во дворе интерната было тесно и шумно.

— Ты стой здесь,— сказала Улкиза Арману.— А я пойду все узнаю.

Арман огляделся по сторонам. Двор окружал бетонный забор. В дальнем углу двора в заборе была выбита большая дыра.

Улкиза вернулась с молодой девушкой.

* Казанбас — голова-котел.

** Баурсак — хлеб из кислого теста.

* Балам — мальчик.

— Это твоя учительница — Алма Жунусовна.

Арман молча кивнул.

— Здравствуй, Арман! Ты будешь учиться в первом «А»...

— Если с тобой что приключится или кто обидит, сразу скажи учительнице,— перебила Улкиза.

Арман опять кивнул.

— Он у нас молчун, в отца. А вообще мальчик он послушный, справедливый и мне был первым помощником.

— Надеюсь, что и мне он будет помощником. Правда, Арман?

Он не успел ответить, к учительнице подошли пожилые родители с сыном.

— Милая, ты уж посматривай за нашим Темирбеком. Он у нас самый маленький в семье, избалованный.

— Может, зря в интернат отдаете? — спросила учительница.

— А что делать! Школы на отгоне нет... Подошел Серик.

— Не беспокойтесь, тетя Улкиза. Пока я здесь, с ним ничего не случится.

Улкиза вынула из сумочки десять рублей.

— На, возьми, мороженое покушаете.

— Зачем так много?

— Вдруг понадобится. Обувь на его ногах просто горит, а здесь лишнюю не дадут. Съездишь с ним в «Детский мир». Только бери размером больше. Айналайн* Серик, ближе тебя у него никого здесь нет,— жалобно сказала Улкиза.

— Апай, я знаю. Я ему как брат буду, не волнуйтесь! — Серик побежал в глубь двора.

Улкиза обняла сына. Арман зашмыгал носом. Он вдруг почувствовал себя брошенным, одиноким в этом шумном чужом дворе. Улкиза поцеловала его и, чтобы самой не расплакаться, быстро, не оборачиваясь, пошла к выходу.

Маленький Темирбек рыдал, вцепившись в платье матери. Отец Темирбека оттаскивал его.

— Тебе не стыдно? Никто не плачет.

Темирбек продолжал реветь.

— Мальчик,— обратился отец Темирбека к Арману.— Иди сюда! Как тебя зовут?

— Арман,— он едва сдерживал слезы.

— Ты видишь, его мама ушла, а он не плачет. Молодец! Ты из первого «А»?

— Да.

Темирбек перестал реветь.

— И наш Темирбек из первого «А». Познакомьтесь! Темирбек, возьми чемодан!

Пока Темирбек разглядывал Армана, родители быстро побежали к машине. Темирбек сообразил, что остался один, когда

они уже сидели в машине. Бросив свой чемодан, с диким плачем Темирбек кинулся вдогонку. Но было поздно. Машина выезжала из ворот интерната. Темирбек безутешно рыдал.

Арман подошел к нему с двумя чемоданами в руках:

— Чего теперь реветь. Придется здесь обжиться,— вздохнул Арман.

В большой комнате в два ряда стояли шестнадцать кроватей.

— Салем, джигиты! — приветствовал первоклассников Серик, входя в комнату с Арманом и его новым другом Темирбеком.

Несколько мальчиков робко поздоровались.

— Вот эта, у окна, будет твоя кровать, Арман.

— Эта уже моя! — закричал рыжий мальчик.— Я первый занял.

— А рядом будет твоя кровать, Темирбек,— распорядился Серик.— Кто не будет слушаться моих братьев, будет иметь дело со мной! — строго предупредил он мальчишек.

— А кто будет обижать моего родственника,— в дверях стоял здоровый парень по прозвищу Казанбас,— с тем я поговорю.

Первоклассники с интересом смотрели то на одного, то на другого.

— Ладно, ложись у другого окна. Там даже лучше,— сказал Серик.— Не дует...

В комнате «Музей природы» на длинных полках громоздились чучела разных птиц. Стеклянными глазами они смотрели на вошедших детей. На подоконнике, греясь на солнце, лежала кошка.

— Они что, спят? — спросил шепотом Темирбек.

Он боялся подойти к огромному осклизшемуся волку.

Серик схватил руку Темирбека и засунул в пасть волку.

— Это же чучело! Никогда не бойся, раз я с тобой.

Арман дважды крутанул волка за хвост. Кошка спрыгнула с подоконника и выбежала в коридор.

Школьный двор был пуст.

— Ну, я пошел, а вы погуляйте,— сказал Серик и исчез.

Арман снова загрустил. Зря все-таки он уехал. Сейчас бы валялся в траве, слушал птиц, вдыхал запах цветов, а потом, разморенный жарким солнцем; уснул. А пронулся бы оттого, что звала мама: «Арма-а-ан, иди домой...»

* Айналайн — дорогой.

Не сговариваясь друг с другом, они пошли к выходу — посмотреть дорогу, по которой уехали их родители. Вдоль забора стояли другие первокурсники и печальным взглядом провожали проезжающие машины. Девочка с красивыми браслетами на руках всхлипывала. Арман с Темирбеком прижались к забору и долго смотрели на дорогу.

Возле «Детского мира» висело объявление: «Распродажа товаров по сниженным ценам». Улкиза с полными сетками покупок подошла к лотку. На прилавке стояли кроссовки.

— Тридцать пятый размер покажите, — попросила Улкиза.

Примерила. Кроссовки оказались впору. Были легки и удобны.

— А почему уценили?

— Расцветка дикая, — пожалала плечами продащица. — Никого не устраивает.

Улкиза засмеялась.

— Две пары таких и две — сорокового. Нас устраивает, — объяснила она, отсчитывая деньги. — Дешево и за отарой ходить удобно.

К лотку подошли родители Темирбека. Отец покрутил в руках кроссовки.

— Хорошие, берите! — посоветовала Улкиза.

— Наши, алма-атинские! — гордо сказал отец, доставая кошелек.

Женщины разговорились. Обычные казахские вопросы. Из какого района, совхоза, рода.

— Мы вас довезем. Нам по пути, — сказал отец Темирбека.

— Вы, считай, рядом живете, — вздохнула мать Темирбека. — А мы — в Джамбульской области и еще километров сто в горы.

— У вас дорога дальняя. Заедем к нам, с мужем познакомлю, — предложила Улкиза. — Поедите, чаю попьете.

— Надо познакомиться. Дети в одном классе учиться будут, — согласились родители.

Жизнь в интернате нравилась Арману. Каждый день раздавали какие-то новые вещи и бесплатно, как сказала Алма Жунусовна. Школьную форму, учебники, карандаши, краски, портфель, физкультурную форму, кеды. Скучать по дому было некогда, дни неслись быстро. Из всех уроков Арману больше всего нравились физкультура и труд. Эти уроки вел один учитель — Кайрат Омарович. Он был совсем молодой и только в этом году пришел в интернат...

Во дворе первокурсники занимались физкультурой. А шестиклассники убирали тер-

риторию. Арман несколько раз подтянулся на турнике и довольный соскочил на землю.

— Молодец! — похвалил его Кайрат Омарович. — А ну, кто ленится? — крикнул он шестиклассникам.

Те нехотя таскали выброшенные после ремонта батареи. Девочки лениво подметали двор.

Арман не выдержал, подбежал к ним и показал, как надо подметать.

— Не стыдно? — улыбаясь, спросил учитель девочек.

Те стали подметать старательнее.

— У меня две младших сестры, они все по дому делают, — объяснил Арман. — Пиалушки моют, постель убирают, индюков кормят. Родителям некогда — у нас отара большая.

— Правильно. И вообще — любую работу надо хорошо делать, если ты за нее взялся. Как ты считаешь?

— Конечно! — кивнул Арман. — За бараками плохо будешь смотреть — ни одного не останется.

— Хочешь покататься? Я сам сделал, — учитель протянул Арману доску на роликах.

— А что это? — Арман в первый раз видел такую доску.

— Вставай, узнаешь.

Ноги у Армана были крепкие. Равновесие он тоже умел держать. Как-никак с трех лет ездил на лошади. Сначала медленно, а потом все быстрее он покатился по асфальтовой дорожке. Вдруг в раскрытом окне дома, где жили преподаватели, Арман увидел девочку. У нее были белые воздушные банты, голубое платье в горошек, большие удивленные глаза. В руке она держала огромный веер и медленно обмахивалась им.

Скорость все нарастала. Со всего размаха он влетел в красные «жигули», стоящие на тротуаре рядом со спортивной площадкой.

Владелец «жигулей», плотный мужчина в майке, накачивал колеса. Он отшвырнул насос и бросился осматривать крыло. Арман лежал на тротуаре и потирал голову. — Больно? — подбежал к нему Серик.

Арман покачал головой.

— Ну и башка у тебя, — сказал хозяин машины Губайдулла, интернатский электрик. — Вмятину какую оставил! — Он осторожно стал выправлять крыло. — Катайся в другом месте! Чтоб я тебя здесь больше не видел!

Почесывая голову, Арман пошел в корпус. Еще раз обернулся. Девочки в окне уже не было.

Шел урок русского языка. Алма Жунусовна вызвала к доске Боту. На руках у девочки были тонкие серебряные браслеты. В ушах — серебряные серьги.

— У тебя красивые браслеты, Бота. Мне самой нравятся. Только не положено школьнице носить браслеты,— сказала учительница.

— Бабушка, когда жива была, надела мне их и сказала, чтобы я никогда не снимала.

— Ты и спишь с ними?

— Да.

— У моей мамы на руках браслеты еще лучше, с красными камушками,— сказал Темирбек.

— Мама может носить все что хочет. Когда кончишь школу, Бота, тогда будешь носить браслеты.

— А мои сестренки тоже носят браслеты,— сказал Арман.

— В городе дети браслеты не носят.

— А что носят? Часы?

— Ладно, я поговорю на эту тему с вашими родителями. А сейчас слушай, Бота, загадку: «Без рук, без ног, а ворота открывает». Что это такое?

— Бычок.

— Какой бычок? — удивилась учительница.

— Кокек, наш бычок. Он вечером сам приходит из стада и головой открывает ворота.

— Ну, а еще что: «Без рук, без ног, а ворота открывает?»

— Наш козел! — закричал рыжий мальчик.— Он тоже ворота открывает.

Класс засмеялся.

— Тихо! Это не ваш и не наш. Он никому не принадлежит. И если он сам без рук, без ног ворота открывает, то это большой, сильный...

— Слоны! — хором ответили дети.

— Это ветер,— сказала учительница.

Класс разочарованно вздохнул.

— Садись, Бота. А теперь к доске пойдет Арман. Слушай внимательно, Арман. «Легит на грядке — большой и сладкий». Что это такое?

В классе воцарилась тишина. Арман так крепко задумался, что на лбу от напряжения собрались морщины. «Большой и сладкий». Армана смущало слово «большой». Темирбек повернулся к рыжему парню.

— Мешок с сахаром,— шепотом сказал рыжий.

Арман напряженно думал. Ему очень хотелось отличиться.

— Большой мешок с сахаром! — стал подсказывать Темирбек.

— Не знаешь? Ну, кто отгадал? — спросила учительница.

Поднялось несколько рук.

— Скажи, Ляззат.

— Это арбуз!

Расстроенный Арман пошел к своей парте. Честно говоря, он пробовал арбуз всего

один раз в жизни. На празднике чабана, где ему достался один кусок, да и тот был не сладкий.

Однажды Армана и двух девочек, Боту и Ляззат, назначили дежурными на кухне.

В столовой, над раздачей, висела гигантская картина, от потолка и во всю стену. В центре ее был нарисован огромный арбуз в окружении других овощей. Сбоку огромными гроздьями свисал виноград. Горы вдалеке были маленькие-маленькие, а помидоры больше головы Армана. А арбуз такой, что даже папа с дядей Артельбеком не хватили бы вдвоем.

Арман долго изучал картину. Потом вздохнул и пошел надевать белый передник.

Ребята разносили хлеб на тарелках, раскладывали вилки.

Арман заглянул на кухню. Впервые он видел такие огромные кастрюли, сковородки и чайник. На жестяном столе лежала туша барана. Красивая молодая женщина в высоком белом колпаке неумело точила ножи. Арман подошел к ней.

— Давайте я поточу.

— Порежешься еще,— сказала Роза.

— Не бойтесь. Дома я всегда точу ножи,— усмехнулся Арман.

Роза протянула ему нож. Арман поплевал на брусок и заправски начал точить нож.

— А почему вам барана без головы принесли? — спросил Арман.

— Голова на мясокомбинате остается.

— Разве нет в вашем интернате уважаемых учителей? Или уважаемых учеников?

— Есть, но одной головы всем не хватит,— засмеялась Роза.

— А кто будет кушать жанбас?* — поинтересовался мальчик.

— Вы будете, дети.

— Нет. Детям не положено. Это старики должны кушать.

— Стариков у нас нет. Тебя как зовут? — спросила Роза.

— Арман. Можно я сам барана разделю?

Арман стал резать тушу и показывать Розе.

— Это тос*. Его дают снохам, только молодым. Старой снохе тос уже не предлагают. А я любую бьюрек**. Правда, он мне редко достается, его Алибек любит. Я всегда ухо ем. А баур***, журек****, бьюрек тоже на мясокомбинате остаются?

— Да.

— Самое вкусное остается. Что же тут ку-

* Жанбас — большая кость.

** Тос — грудинка.

*** Бьюрек — сердце.

**** Баур — печень.

***** Журек — почки.

шать? — сказал Арман, посмотрев на барана.

— Борщ будет наваристый.

— Наваристый не будет, баран худой, — уверенно сказал мальчик.

— Тебе не нравится, как мы тут готовим? — огорчилась Роза.

— Кисель нравится. Такой вкусный я раньше не пил.

— Я всегда буду давать тебе добавку киселя. Сколько захочешь, — пообещала Роза.

— А мои пирожки с яблоками не нравятся? — спросила другая повариха.

— Я люблю пирожки с мясом и баурсаки.

— Давай, Лиза, приготовим на ужин баурсаки? — предложила Роза.

— Такому гурману угодить будет трудно, — засмеялась Лиза.

...Арман сидел довольный и пил кисель. Перед ним стояло пять пустых стаканов киселя.

— Ух и напился! — Он погладил свой живот.

За окном послышались крики:

— Держи меня крепче! Я боюсь, папа!

Роза выглянула в окно.

— Губайдулла! Осторожно!

Отец учил свою дочь Анель кататься на велосипеде. Он бежал рядом, удерживая велосипед за руль:

— Крути, крути педали! Не отпускай руль!

Это была та самая девочка, которую вчера видел Арман.

— Доченька! У тебя получается! — крикнула из окна Роза. — Умница!

Улыбаясь, Арман смотрел в окно. Бота и Ляззат погрустнели.

— Я тоже хочу домой, к маме, — сказала Бота.

Первый «А» выстроился во дворе школы. Дети ждали учительницу. Роза вышла на крыльцо.

— Вы куда собрались? — спросила она Армана.

— В музей.

— Возьмите с собой мою дочку.

— Конечно, возьмем! — радостно ответил Арман.

В музее первоклассники осматривали экспонаты. Арман держал Анель за руку, и радость переполняла его сердце. Ему хотелось кричать, прыгать, бегать. Сделать что-нибудь необыкновенное.

— Алма Жунусовна, у нас дома есть такой сырмак*. Только он не на стене висит, а лежит на полу в юрте, — громко сообщил Арман учительнице.

— И у нас такой сырмак есть, — раздались голоса.

— А у нас нет, — сказала Анель.

— Хочешь, я подарю тебе сырмак? — спросил Арман. — У нас дома таких два, — добавил он шепотом.

— Мне больше нравятся ковры с цветами, немецкие. Я вообще очень люблю цветы.

— И кумысные кисе* у нас дома есть, — обращаясь к Анель, сообщил Арман. — Я могу две таких больших чашки кумыса выпить.

Он поднял большое деревянное кисе и стал показывать, как надо пить кумыс.

— Мальчик, немедленно поставь экспонат на место! Тут ничего нельзя трогать руками! Куда вы смотрите, девушка? Почему у вас дети невоспитанные? — вскопчила со стула служительница.

— В музей так себя не ведут, Арман, — сказала Алма Жунусовна.

— Зачем ходить в музей? У нас дома все это есть. Такие блезники** у мамы есть, в сундуке лежат. У папы такая камча есть, и куржун***, только красивей, тоже есть... — недоумевал Арман.

— Ты у нас богатый, Арман, — сказала учительница.

Класс пришел в зал, где под стеклянным куполом крыши музея стоят каменные балбалы.

— Такие у вас тоже есть? — спросила Анель у Армана.

— На холме, за юртой, две таких стоят!

Анель с уважением посмотрела на Армана. Учительница улыбнулась.

Класс перешел в греческий зал, в центре которого возвышалась до самого потолка огромная статуя Давида.

— И Давид у вас тоже стоит? — спросила учительница.

Арман долго разглядывал обнаженную фигуру.

— Нет, такой не стоит... — честно признался он.

— Ну, как жизнь? — Серик остановил в коридоре Армана.

— Хорошо.

— Никто не обижает?

— Нет. Здесь никто никого не обижает.

— Сходи во второй корпус. На третьем этаже, первая дверь. Позови Батиму. Скажи, чтобы подошла к пожарному щиту. Понял?

В комнате девочки репетировали индийский танец. Батима пыталась разучить движения головой из стороны в сторону.

— Батима! Тебя Серик ждет возле пожарного щита, — громко сообщил Арман.

— Сейчас! Выйди, я переоденусь, — сказала Батима.

В коридоре она сделала Арману замечание:

* Кисе — большая пиала.

** Блезик — браслет.

*** Куржун — сушка.

* Сырмак — ковер.

— В следующий раз говори мне на ухо, чтобы никто не услышал.

Они подошли к пожарному щиту, на котором был нарисован горящий дом и надпись: «Дети, не играйте с огнем!»

— А где Серик? — строго спросила Армана Батима.

— Что вы здесь делаете? — Серик в маске инопланетянина вынырнул из кустов.

Арман испугался.

— Дурак ты, Серик, — спокойно сказала Батима.

Серик снял с себя гуттаперчевую маску инопланетянина:

— На первоклашек, знаешь, как действует! А если еще фонарик под подбородком зажечь — ух, страшно будет!

— Каждый год одно и то же, — заскучала Батима. — Или подушками дерутся, или пугают привидениями. Придумали бы что-нибудь новое.

Серик вытащил из кармана брюк спички. Зажег, горящую засунул себе в рот и вытащил потухшую.

— Так можешь? — спросил он Батиму.

— Не могу, — ответила Батима.

Серик резко провел спичкой по брюкам. Спичка сломалась. Он достал другую. Спичка опять не зажглась.

— У Казанбаса обо все спички зажигаются. Даже об голову, — сказала Батима.

— У него голова — горящий казан! — засмеялся Серик.

Все-таки он попробовал зажечь спичку, чиркнув по волосам. Не получилось.

Арман взял спичку и чиркнул по своим брюкам. Спичка зажглась. Серик дал ему еще одну спичку. Арман чиркнул прямо по пожарному щиту. Спичка вспыхнула.

— Слушай! Что ты тут вертишься? Иди в футбол поиграй, — с досадой сказал Серик.

— Никто ведь не играет, — удивился Арман.

— Возьми книгу, почитай! Ах да, ты читать еще не умеешь.

Арман увидел на спортивной площадке Анель.

— Дай маску и спички, и я уйду, — заторопился он.

— Возьми и катись отсюда.

Арман подкрался к спортплощадке очень тихо. Анель репетировала упражнение с лентой. Длинная лента трепетала на ветру. Арман в восхищении наблюдал из-за кустов. Наконец он надел маску и выпрыгнул.

— Я страшное привидение! — закричал он.

Анель вздрогнула, но не испугалась.

— Это твоя маска?

— Нет. Мне ее Серик дал, — сказал Арман.

— Я вчера здесь оставила маску, а сегодня ее не нашла. Странно...

— А что это ты делала? — спросил Арман, снимая маску.

— Тренировалась. Я теперь буду заниматься гимнастикой. Тебе понравилось?

— Красиво... очень!

— Хочешь мои мышцы пощупать?

Арман осторожно дотронулся до ноги Анель.

— Мне надо их еще накачивать. В спорте мышцы имеют большое значение. А твои мышцы можно попробовать?

Арман изо всех сил сжал руку. Анель потрогала его мускулы.

— Сильный! — с уважением сказала она. — А кто у тебя родители?

— Чабаны... А еще мама поет песни. Сама сочиняет и поет, — добавил Арман.

— А я умею играть на пианино, — сказала Анель.

— А я вот что умею! — Арман достал спичку и чиркнул ее о свои брюки. Спичка сломалась. Тогда он подбежал к красным «жигулям» и провел спичкой по машине. И опять ничего не получилось.

Из окна высунулся Губайдулла.

— Это опять ты! — закричал он.

— Нельзя царапать машину. Папа ее очень бережет, — сказала Анель.

Губайдулла выскочил во двор. Схватил Армана за ухо:

— Хулиган! Я тебе поцарапаю! Ты где взял спички?

Арман молчал.

— Наша маска! Анель, такая дорогая игрушка! — упрекнул Губайдулла дочь. — Тут ничего нельзя оставлять без присмотра! Мигом украдут!

— Я не крал, — пробормотал униженный Арман.

Держа Армана за ухо, Губайдулла повел его через весь двор в учебный корпус.

Из дверей вышла директор интерната.

— Дарига Булатовна! Знаете, чем он занимался? Царапал мою машину спичками. Такой и школу может поджечь! Кто сегодня дежурный воспитатель?

— Кайрат Омарович, — сказала директор.

— Где он? Почему не следит за детьми, они совсем уже распустились!

— Ты из какого класса? — спросила директор у Армана.

— Из первого «А», — еле слышно ответил Арман.

— Иди в спальню, и чтоб больше этого не было!

— Он еще маску украл, — возмущенно сказал Губайдулла.

— Я не крал.

— Ну да, она лежала в кустах и сама прыгнула тебе в руки!

— Да, да! — зло огрызнулся Арман и пожевал в корпус...

В спальне он стал быстро собирать свой чемодан.

— Ты куда? — спросил удивленный Темирбек.

— Можешь занимать мою кровать.

— Далеко собрался? — спросил, заглянув в комнату, Серик.

— Верни мои деньги. Мне билет нужно купить.

— Казанбас обидел?

— Нет. Домой поеду.

— Что случилось?

— Неважно, домой поеду.

— Знаешь, если каждый домой поедет, в интернате никого не останется. Все хотят домой. Давай завтра после уроков пойдем мороженое есть в кафе или лучше шашлык... Ты что, обиделся, что я сказал тебе: «Катись отсюда?»

— Значит, маска, которая лежала в кустах, сама тебе в руки прыгнула, да? — спросил Арман, захлопывая крышку.

— Мне ее Ермек подарил. Слушай, ты сегодня никуда не поедешь. Уже темно, денег я тебе не дам. И вообще, ты должен меня слушаться.

— Чьи это деньги? Мои или твои?

— Хорошо, забирай! — Серик вынул из кармана несколько скомканных рублей и мелочь. — Но если с тобой что случится — я не отвечаю перед твоими родителями. Я тебя предупреждал. Вот свидетель, — Серик показал на Темирбека.

Не отвечая, Арман взял чемодан и вышел из комнаты. Темирбек поплелся его провозжать...

— Будут каникулы, приезжай к нам, — сказал Арман Темирбеку.

Учитель труда возился в мастерской. Делал роликовые доски. Через раскрытое окно он увидел Армана с чемоданом. Свистнул. Ребята остановились.

— Куда уезжаешь, Арман?

— Домой.

— На вечерний автобус ты опоздал. Помоги мне немного, — попросил учитель. — Вот тут надо гайки закрутить.

— А вы доску своему сыну делаете? — спросил Темирбек, заходя в мастерскую.

— Нет у меня сына. Я для вас делаю.

— Почему? У всех взрослых есть дети, — удивился Темирбек.

— У вас нет жены? — спросил Арман, поставив чемодан и берясь за доску.

— Нет. Никто за меня замуж идти не хочет, — улыбнулся Кайрат Омарович.

— Странно! Вы ведь красивый, — сказал Темирбек.

— Наверно, денег на свадьбу не накопили? — догадался Арман, закручивая гайку.

— Денег не накопил, — засмеялся учитель. — Это точно...

Они шли по аллее втроем, и каждый нес роликовую доску.

— Главное в спорте — что? — спросил учитель.

— Мышцы, — ответил Арман.

— Характер! Ты в какую спортивную секцию хотел записаться, Арман? — поинтересовался учитель.

— В борьбу.

— Хорошо. Вот сделают постоянное расписание уроков, начнем занятия. Приходи!

— Я подумаю.

— А можно и мне? — робко спросил Темирбек.

Учитель пощупал его мускулы и сказал:

— Тебе даже нужно. Ну что, попробуем?

Втроем они неслись на роликовых досках. Ветер свистел в ушах Армана. Ему казалось, что он лучший ездок в мире на роликовой доске. Обида забылась. Сложные повороты удавались легко и свободно.

Самодельная роликовая доска под учителем вдруг сломалась, и на полном ходу он врезался в «жигули». Сработала сигнализация. Резкий звук нарушил тишину.

— Бежим, Кайрат Омарович! — крикнул Арман и скрылся в кустах.

Учитель и Темирбек бросились за ним. Выскочивший в одних трусах Губайдулла успел только увидеть три силуэта. Два маленьких и один взрослый. Губайдулла отключил сигнализацию и обошел вокруг машины:

— Хулиганье! Кругом хулиганье и бандиты! — горестно сказал он. — И куда только эти учителя смотрят?!

— Хорошо бегаешь, Арман, — сказал запыхавшийся учитель.

Они вошли в спальный корпус.

— Еле спаслись, — прошептал Темирбек, тяжело дыша.

— А где мой чемодан? — вспомнил Арман.

— Я потом принесу...

Арман и Темирбек, довольные приключением, шли по коридору. В комнате отдыха работал телевизор. Слышалась музыка. Арман и Темирбек постучали в дверь. За дверью выключили звук и зашептались.

— Откройте! — сказал Арман.

Дверь открыл Сансызбай из второго «Б».

— Заходи! — пригласил он.

По телевизору шла оперетта. Девочки внимательно следили за экраном и грызли печак — белые сахарные подушечки. Треск раздавался по всей комнате.

Молодая женщина на экране обмахивалась голубым веером и пела: «О где ты, где ты, милый друг?»

Девочка в очках сказала:

— А веер, как у Анельки.

Сансызбай переключил телевизор на другую программу. На экране шел футбольный матч. Девочка в очках вернула прежнюю программу.

— Ключ достали мы! Так что будете смотреть то, что мы захотим.

— Вам бы только футбол... Сансызбай, не мешай смотреть,— сказала другая девочка.

— А вам — только бы про любовь!

На экране телевизора под веселую музыку танцевали девушки.

— Я так тоже могу,— сказала девочка в очках.

— Очки сними сначала,— пробурчал Сансызбай.

— А ты зубы почисти!

— Хорошо бы футбол посмотреть,— сказал Темирбек Арману.

— Сразу видно — первоклашки! Ничего не понимают,— сказала девочка в очках.

— Сама ты дурочка,— расхрабрился Темирбек.

На экране сейчас танцевали молодые люди. Героиня с веером спускалась по лестнице. Сначала один парень протянул ей цветок. Она отвернулась. Потом другой предложил ей цветок. Она опять не взяла. И, наконец, на сцену выбежал мужчина в белом плаще с большой корзиной красных цветов. Он опустился на колени и преподнес девушке эту корзину. Она бросилась ему в объятия. Потом раскрыла веер, и они стали целоваться. На этом оперетта закончилась.

— Хорошая картина,— сказала девочка в очках, выключая телевизор.

— А мне никто не дарил цветы,— задумчиво сказала другая девочка.

— И никто не подарит! — Сансызбай скорчил физиономию и, изображая веер рукой, пропел тонким голосом: — «О где ты, где ты, милый друг?»

Арман с Темирбеком хохотали от души. Возмущенные девочки сорвались с мест и стали колотить их по спине.

— Это что за безобразие! — появилась в дверях Алма Жунусовна.— Вы почему до сих пор не спите?! И мои здесь? Самые тихие и послушные!

Рано утром Арман был на базаре. Он сидел на ступеньках цветочного магазина. Над головой висел замок.

Рядом с магазином были распахнуты двери жестяной мастерской. В мастерской работал усатый жестящик-чеченец. На улице стояли самоварные трубы, лейки,

ведра, тазы. Особенно хорош был умывальный — на толстой ноге, с обширной раковиной и с пузатым рукомошкой. Это чудо жестяного искусства так и сверкало, отражаясь на солнце.

Арман заглянул в мастерскую. Жестящик гнул небольшой лист металла.

— Чего смотришь? Интересно? — улыбаясь, спросил он.

— Красиво получается,— ответил Арман.

Чеченец удовлетворенно кивнул.

— Умывальный хороший,— сказал Арман.

Чеченец опять кивнул.

— Восемнадцать рублей стоит. Недорого.

— Недорого,— согласился Арман.

— Может, тебе трубу надо? Чай из самовара пить будешь.

— Трубу надо. Только я сейчас в интернате живу. Туда с трубой не пустят. Вот когда домой поеду, тогда зайду.

— Заходи. Лучшую трубу тебе дам...

Цветочный магазин был уже открыт. Арман вошел и стал разглядывать цветочные прилавки.

— Что тебе надо, мальчик? — недовольно спросила продавщица.

— Цветы.

— Какие?

Арман задумался. Самым красивым ему показался веночек из искусственных роз, который как раз висел около продавщицы.

— Вот эти хочу купить,— показал Арман на веночек.

Продавщица как-то странно посмотрела на Армана, потом на веночек. «Не хочет продавать,— догадался мальчик.— Жалко».

— Возьму эти цветы,— настойчиво сказал Арман и полез за деньгами.

Продавщица вздохнула, сняла со стены веночек, протянула мальчику. «Точно, себе хотела оставить»,— усмехнулся Арман и, довольный собой, вышел из магазина.

В корейском ряду, где аккуратные корейки продавали салаты из моркови, редьки, капусты, высилась куча темно-коричневых орехов.

— Попробуй,— предложил ему продавец.

Арман попробовал.

— Что это?

— Жареные бобы. Вкусные.

— Сколько стоят?

— Тридцать копеек стакан.

Арман задумался. Продавец посмотрел на мальчика, увидел у него похоронный веночек, насыпал стакан бобов в кулек и протянул Арману.

— Бери, бери,— с сочувствием сказал он.— Бесплатно.

Оглядываясь, чтобы его никто не заметил, Арман пролез в дырку интернатского забо-

ра и осторожно подошел к крыльцу, где жила Анель и ее родители.

Венок он решил оставить прямо около дверей. Анель пойдет в школу, увидит эти красивые цветы и улыбнется. Прямо как в кино. И родители ее поймут, что ничего плохого он не хотел делать.

Машина стояла возле крыльца. Арман поставил венок и подошел к машине. Фары были в пыли. Арман достал платок, чтобы их протереть. Когда он дотронулся до машины, раздался пронзительный и противный сигнал.

На крыльцо выскочил Губайдулла:

— Зачем трогаешь! Я тебе сказал: близко сюда не подходи! Сказал или не сказал? Что тебе тут надо?

— Я пыль только хотел вытереть...

На крыльцо вышли Анель и ее мать.

— Он пыль хотел вытереть! Так я тебе и поверил! Последний раз тебя предупреждаю!.. Бандитское гнездо!.. Никто мер не хочет принимать, — разошелся Губайдулла.

— Может, он в самом деле ничего плохого не хотел? — попыталась успокоить мужа Роза.

Тот только махнул рукой.

Привлеченные шумом и криками, из окон интерната выглядывали школьники.

Губайдулла повернулся, чтобы уйти, и замер, увидев венок.

— Это кому? — тихо спросил он Армана.

— Вам... — не зная, что ответить, пробормотал огорченный Арман.

— Я так и знал! Он хочет меня в могилу свести!

— Успокойся... — сказала Роза.

Губайдулла схватил венок и с силой швырнул его за забор. Арман стоял, опустив голову.

— Убирайся отсюда!

Арман повернулся и побрел в интернат.

— Зачем ты ему венок притащил? — заинтересовался Серик.

Они стояли и разговаривали в коридоре.

— Я не ему, — буркнул Арман, — а ей...

— Для чего?

— Самые красивые цветы в магазине купил. Продавщица даже отдавать не хотела...

— Дурак ты! — сказал Серик. — Это похоронный венок, понимаешь? Его только мертвым приносят!

Арман ему не поверил:

— Зачем на похороны цветы нести? Кто так делает? Когда нашего дедушку хоронили, никто цветов не приносил. Это горе, а не праздник.

— В ауле так полагается, а тут по-другому, — сказал Серик.

— Ничего у них тут не поймешь...

— Ты, прежде чем соберешься в следующий раз что-нибудь делать, меня спрашивай. Ладно, иди на урок, а то опоздаешь.

Арман пошел в класс.

— И не подходи больше к его машине! — крикнул ему вслед Серик. — А то в самом деле выгонят!

— Очень мне нужна его машина. Ближе больше не подойду, — проворчал Арман.

В классе, в кабинете рисования, шла потасовка. Арман решил не принимать участия в возне. Сел за парту. На полках и на шкафу стояли гипсовые головы. На стенах висели детские рисунки. На них чаще всего были изображены отары овец, лошади, юрты... Чабанские дети рисовали то, что они хорошо знали и о чем нередко тосковали.

По классу летала войлочная шапка Темирбека. Наконец она попала прямо на гипсовую голову, стоящую на шкафу. Класс засмеялся. Действительно, гипсовая голова в шапке выглядела смешно.

— Учительница придет, скажет — я забросил, — печально вздохнул Темирбек. — Будет ругаться.

Арман молча посмотрел на друга. Тот вздохнул еще печальнее.

— Залезь и достань, — сказал Арман.

— Я не залезу. Высоко, — покачал головой Темирбек.

Арман молча встал из-за парты и направился к шкафу. Шкаф стоял около раскрытого окна.

Арман залез на подоконник, встал на цыпочки. До шапки было не дотянуться. Тогда он пододвинул гипс на край шкафа, подпрыгнул и сорвал её.

Шапка оказалась у него в руке, а гипсовая голова слегка покачнулась, медленно накренилась и полетела в окно. Арман даже не успел удивиться.

Внизу, как раз под окнами класса, стояли красные злополучные «жигули». Губайдулла протирал стекла. Гипсовая голова рухнула прямо на крышу машины. Множество мелких осколков разлетелось в стороны, облако белой пыли окутало машину и ее хозяина.

Когда облако рассеялось, Губайдулла медленно поднял вверх голову. На него из окон смотрел весь первый «А».

Губайдулла встретился взглядом с Арманом. Они долго глядели друг на друга. Губайдулла рванулся с места и бросился на второй этаж.

...По длинному школьному коридору Губайдулла вел Армана к директору. Он крепко держал его за ухо.

Арман молчал. Спустились по лестнице на первый этаж. Губайдулла втолкнул мальчика в кабинет.

— Полюбуйтесь, Дарига Булатовна, на преступника. Настоящий преступник! — Губайдулла весь трясся от гнева.

— Может, вы преувеличиваете? — вздохнула директор.

Губайдулла покачал головой.

— Нет, не преувеличиваю.

— Что на этот раз случилось?

— Хотел меня убить, честное слово! Стою, протираю машину, и вдруг что-то сверху падает прямо на крышу! Смотрю — голова. Лучше бы в меня попал, честное слово! Вот такая вмятина на машине.

— Ничего не понимаю. Чья голова? Откуда свалилась? — побледила директор.

— Чья — сейчас уже установит трудно. Свалилась из кабинета рисования, — объяснил Губайдулла.

— Это гипсовая голова, — объяснил Арман.

— Я думала, несчастный случай, — директор с облегчением вздохнула.

— Несчастнее не бывает, Дарига Булатовна. Сил моих уже больше нет. У меня машина — как второй ребенок! Ей месяц всего, а он по ней специально ударил! Я десять лет на нее копил. Я не жулик, у меня нет нетрудовых доходов! Одни только честные сбережения! Кто мне возместит убытки?

— Зачем ты это сделал? — обратилась директор к Арману.

— Я не хотел... — пробормотал мальчик. — Это случайно вышло...

— У него все случайно! Сначала он своей головой машину ударил, потом поджечь хотел, потом похоронный венок к моей двери поставил. Представляете? Теперь такое огромное повреждение нанес, что даже подумать страшно! По этому школьнику тюрьма плачет, честное слово, Дарига Булатовна!

— Посиди за дверью, — устало сказала директор.

Арман вышел из кабинета.

— Пора окончательно решить с ним вопрос! — донесся из кабинета голос Губайдуллы. — Вызывайте родителей, что-то делайте! Кого растим, Дарига Булатовна? Такой может и интернат опозорить, и на всю республику ославить! Вот увидите! Лучше сейчас его отчислить.

Услышав последние слова, Арман не выдержал. Через окно выпрыгнул во двор, пролез в дырку в заборе и скрылся за углом.

На автобусной станции Арман стоял в очереди, держа в руках трубу для самовара. К стоянке подрулил мощный «икарус». Арман полез в автобус.

— Ты куда со своей трубой? — закричала на него кондуктор. — Эти аульные совсем ничего не соображают!

Арман остановился.

— Зачем на ребенка кричишь? — слышался знакомый голос.

К очереди подошел дядя Артельбек, чабан из ущелья Кок-Сай.

— Такой большой автобус, такой маленький ребенок. Что он вам сделает?

— Поцарапает... — недовольно сказала кондуктор.

— Умный человек все умно делает. Не волнуйся.

Артельбек подмигнул Арману. Арман сразу почувствовал себя спокойней. Они сели на переднее сиденье.

— Хорошая труба, — похвалил Артельбек Армана. — Молодец. Мне тоже пора менять. Моя совсем прохудилась.

— Я мастера знаю. У него возьмете.

— Договорились. А тебя на побывку отпустили?

— Отпустили... — пробормотал Арман.

— Это как в армии. Хорошо служишь — пожалуйста, увольнительная. Я в армии часто в увольнительные ходил. Один раз даже отпуск дали. Десять дней. С Украины домой ехал... Вот в армию пойдешь, много чего увидишь...

— А после тюрьмы в армию берут? — неожиданно спросил Арман.

— Не знаю... — растерялся Артельбек. — Смотря кого, думаю. Иной в тюрьме отсидит и человеком выходит... Может, таких берут?

— Должны брать, — сказал Арман, глядя в окно.

— А ты почему об этом спрашиваешь?

— На всякий случай... — вздохнул Арман.

«Икарус» мчался по ровной дороге, по обеим сторонам тянулась степь — рыжая, бескрайняя, напоенная воздухом и простором. Автобус притормозил на пустынном шоссе.

Арман вышел из автобуса и побежал к своему дому. Ноги, казалось, несли его сами. Он летел. Целый месяц его не было дома. И только сейчас он понял, как сильно соскучился. Мигом вылетели из головы все неприятности, будто их и не было.

— Апа! — кричал Арман. — Смотрите кто приехал!

А навстречу уже бежали сестры Ардак и Айнур, неслись собаки, куры, индюки, бараны, жеребенок... На крыльцо выскочила мать, держа на руках Алибека.

— Ур-ра! — кричали сестры. — Арман приехал!

На обед был плов. Вся семья сидела за столом. В углу стоял самовар с новой блестящей трубой.

— А как кормят вас? Хватает тебе? — заботливо спрашивала мать, подкладывая сыну мясо.

— Хватает,— говорил Арман с набитым ртом.— Повариха очень хорошая! Всегда мне киселя две порции дает.

— А что такое — кисель? — спросила Ардак.

— Вкусная вещь. На обед дают, вместо чая,— объяснил Арман.

— Сладкая?

— Кисло-сладкий.

— Ну вот, а ты ехать не хотел,— сказал отец.— А теперь, видишь — поправилось.

Арман промолчал.

— А учителя хорошие? — спросила мать.

— Хорошие: Алма-апай интересно объясняет и в музей нас водит. Там кошмы висят, как у нас, и украшения такие, как у тебя, мама.

Мать улыбнулась.

— Еще учитель по труду есть. Он доску нам сделал на роликах и меня научил кататься.

Дети слушали Армана, раскрыв рот.

— У нас на лошади катаются, а там — на какой-то доске! — удивилась Ардак.

Мать отдала Алибека девочкам, и они ушли укладывать его спать.

За столом остались Арман, отец и мать. Мать разливала чай. Сначала отцу, потом — сыну.

— На сколько дней тебя отпустили? — спросил отец.

Арман опустил голову.

— Они меня совсем отчислить хотят... — Губы его задрожали.— Они говорят, что я позорное пятно и меня в тюрьму посадить надо... — Он не выдержал и заплакал.

В город отец и сын ехали в кузове грузовика. Между ними стоял упитанный черный баран. В кузове сидел знакомый чабан. Они с отцом разговаривали обо всем на свете: о предстоящей зимовке, о новом директоре совхоза, кормах, о премиях за год, о президенте в Америке... Поглядели на Армана. Чабан потрепал его по затылку. Мол, не расстраивайся. Арман достал из кармана кусочек курта*, положил в рот. Стал смотреть на степь, подставляя лицо степному ветру.

С гор уже начали спускаться табуны лошадей.

Вечерело, когда Арман и отец вошли во двор интерната, ведя на веревке черного барана.

— Вот здесь он живет,— сказал Арман, когда они подошли к квартире Губайдуллы.

— Иди,— сказал отец сыну.— Я поговорю с ним.

Арман направился в интернат. На спортивной площадке тренировалась Анель. Покачиваясь, стараясь сохранить равновесие, она шла по бревну. Потом спрыгнула и красиво присела. Арман остановился. Анель оглянулась на него. Они молча глядели друг на друга. Потом Анель забралась на бревно и опять пошла по нему.

Арман постоял немного и зашагал в спальный корпус.

Канат разговаривал с Губайдуллой.

— Вот, барана возьми,— неловко себя чувствуя, говорил он. Канат не умел делать такие дела.

— Зачем мне твой баран? — горячился Губайдулла. Они стояли на крыльце.— Разве дело в баране! На машину посмотри! Боюсь теперь оставлять без присмотра, честное слово! Решил по ночам в ней спать! — Губайдулла держал в руках подушку и одеяло.— Вот какая у меня теперь жизнь! И все из-за твоего сына!

Канат принялся подталкивать барана к Губайдулле. Тот, увлекшись, оттолкнул его.

— Не нужен мне твой баран! Ты смотри, какое повреждение он нанес! Какая вмятина! Кто исправлять будет?

— Давай заплачу,— сказал Канат.— Сколько хочешь?

— Мастера сначала нужно найти! Столько забот, что голова прямо болит...

— Возьми, чтобы не болела,— опять подтолкнул барана Канат.

— Не надо! — сделал широкий жест Губайдулла.— Ты лучше сына своего правильно воспитывай!

— Не будешь брат? — спросил Канат и вытер пот со лба.

— Не буду!

Тогда Канат развернулся и зашагал к выходу, ведя барана за собой.

— Постой! — опомнился Губайдулла.— Куда ты его ведешь?

— А что мне с ним делать?

— Так и быть — возьму,— великодушно согласился Губайдулла, подошел к нему и схватил веревку.— Ладно, пусть твой сын учится. На этот раз прощаю. Вот такое у меня доброе сердце. Пусть все знают.

На следующий день, во время перемены, группа первоклассников столпилась возле черного барана, который понуро стоял возле сарая, привязанный на длинную веревку.

Они сидели на корточках и с видом знатоков рассматривали барана. Они, чабанские дети, знали в этом толк.

* Курт — сушеный творог.

— Курдючный! — сказал Темирбек.
— Курдючных теперь мало,— сказал кто-то.
— Какой жирный!
— Сразу видно, что в машине привезли. Их пока на мясокомбинат пригонят, они тощие становятся.
— Губайдулла того же не возьмет.
Чуть поодаль стояли Серик и Арман.
— Да, баран — это всегда баран,— философски сказал Серик.— В любом случае нужен. Когда хорошо, нужен. И когда плохо — тоже нужен. Теперь ты не волнуйся. Такого барана ему отдали...
— Хороший баран,— подтвердил Темирбек.
— У нас все бараны хорошие,— гордо сказал Арман.
— Даже жалко,— покачал головой Темирбек.
Наперебой загалдели первоклассники:
— За такую ерунду — целого барана!
— Чуть что — сразу барана!
— Его еще просят: «Возьми барана. Ну пожалуйста, возьми!» — один из первоклассников изобразил, как отец Армана толкал вчера Губайдулле барана.— А он: «Не возьму!». А потом сразу схватил...
— Они думают, это просто — барана вырастить!
— Моему отцу за это орден дали,— сказал Темирбек.
— У моего тоже есть! Целых три! Он лучший чабан у нас в районе!
— А мой отец в Москву ездил, на ВДНХ! Ему «москвич» бесплатно дали!
— А моего отца киностудия приезжала снимать!
Арман стоял молча. Ему было что сказать про своего отца. У отца тоже было два ордена, три года назад он ездил в ГДР, его фотографию напечатали в газете.
Он подошел к своему барану, выдернул колышек из земли, к которому была привязана веревка, и повел барана за собой.
Первоклассники растерянно посмотрели ему вслед.
— Правильно,— одобрил поступок Армана Серик.— Если за каждый пустяк барана отдавать, то никакой отары не хватит.— А потом задумчиво добавил: — Правда, теперь такой крик будет, что можно вообще интэрнат не кончить...

Арман, держа на веревке барана, стоял на автобусной станции. Когда подошел «икарус», он попытался зайти в автобус.
— Ты куда с бараном?! У тебя есть голова на плечах?! — закричала кондуктор.
— Я на него билет взял,— сказал Арман.
— Это пассажирский автобус, понятно?

А не для перевозки баранов. Эти аульные совсем соображать ничего не хотят!

— Что вы кричите? Не пускаете — ну и не надо,— сказал Арман, швырнул билеты и пошел прочь. Баран торопливо побегал за мальчиком.— Пешком дойдем...— пробормотал Арман.

Арман шел в толпе прохожих, ведя за собой барана. Впереди шагал мальчик с кудрявым пуделем на поводке. Пудель завилял хвостом и кинулся к барану, видимо, принимая его за отдаленного родственника. Мальчик отдернул пуделя за поводок. Посмотрел на Армана.

— Санди, стойть! — скомандовал он. Пудель встал на задние лапы.

— А что твой баран умеет? — спросил мальчик.

Они стояли на перекрестке. Зажегся зеленый глаз светофора. Арман вскочил на спину барана и крикнул: «Алишер, гони!» Баран помчался через дорогу.

Хозяин пуделя с завистью поглядел им вслед.

...Солнце уже садилось. Арман вел барана на веревке. Они шагали вдоль автострады. Рядом с Арманом остановилась белая «волга». В окно высунулась всклокоченная голова.

— Салем большому человеку с маленьким бараном!

— Здравствуйте...

— За сколько продаешь?

— Я не продаю, я гоню домой,— объяснил Арман.

— Зачем он дома нужен? В ауле и без него обойдутся,— сказал водитель.

Арман молчал. Водитель не отставал: — Вот тебе пятнадцать рублей. Мужчина без денег — не мужчина.

В машине раздался женский смех. Водитель распахнул дверцу:

— А хочешь, поедем с нами? Шашлык будем делать, на природе отдыхать. Красиво надо жить, понимаешь?

— Я его не продам,— твердо сказал Арман.

— Жора! Оставь ребенка. Поехали,— терпеливо сказал женский голос.

— Будь я один,— тихо сказал водитель,— забрал бы я твоего барана, и дело с концом! Понял?

Он захлопнул дверцу, и машина рванула с места.

Арман постоял на пустом шоссе, а потом свернул в степь. Там он снял с барана веревку и толкнул его вперед.

Так они и зашагали дальше — маленький чабан и его отара из одного барана. Они шли и шли не останавливаясь, пока их фигурки не исчезли совсем из вида.

Утром, когда младшие дети еще спали, Арман вошел в свой дом. Отец пил чай. Он удивился, взглянув в окно и увидев барана. Посмотрел на сына, но ничего не сказал. Мать всплеснула руками, хотела что-то спросить, но осеклась под хмурым взглядом отца.

— Я сейчас,— сказал Арман и вышел во двор, взяв ведро.

Набрал из бочки воды, вылил в поилку. Баран жадно прильнул к воде.

К Арману подбежал Боребай, теплой мордой ткнулся жеребенком.

Арман зашел в дом. Канат кивнул головой, приглашая сына за стол. Мать быстро налила им чая.

— Кто подвез? — спросил после некоторого молчания отец.

— Никто.

— Где ночевал?

— В степи.

— Не замерз? — мать погладила сына по голове.

— Баран теплый. Мы вместе спали.

— Что теперь будешь делать? — спросил отец.

— Чай попью, обратно поеду. Автобус скоро,— спокойно сказал Арман.

Поблагодарив, он встал из-за стола.

— Баурсаков возьми! — кинулась мать к кастрюлям, быстро накладывая в пакет что попадется под руку.— Конфет...

Арман вышел из дома.

Из окна было видно, как маленькая фигурка шла к шоссе. Его провожали собаки. Увязался было и баран, но мальчик оттолкнул его в сторону дома. Дальше пошел один. Маленький, но уже самостоятельный мужчина.

В роли Армана — Санджар Джаксылыков.

Мать заплакала.

— Ему только семь лет,— запричитала она.— Первый раз из дома уехал... Почему ты с этим Губайдуллой не поговорил? Неужели он не понимает? К директору надо было пойти... У меня сердце за него болит. Как он теперь будет? Может, мне поехать? Узнать, в чем там дело...

— Не надо,— хмуро сказал Канат.

— Он ведь совсем не хулиган. По дому помогает, за детьми всегда приглядит, за отарой смотрит. И душа у него добрая. Чем он им не понравился? А?

— Не знаю,— буркнул Канат.

— Может, другой интернат найти?

— Там будет учиться! — вдруг стукнул кулаком по столу Канат.— Я к заврайону пойду, не поможет — к секретарю в райком! Почему мы должны другой интернат искать? С детьми надо уметь обращаться! Это ответственная работа — педагог! Про это во всех газетах пишут. Специальные постановления есть.

Мать согласно кивала.

— Мы ведь не бездельники, мы важное дело делаем. Для наших детей интернаты строят. Почему одного ребенка не могут понять? Я им все скажу! Давай пиджак!

Мать быстро вынесла пиджак, на котором висели орден «Знак Почета» и медаль «За трудовую доблесть».

— А может, не надо ругаться? — робко спросила она.— Может, по-хорошему еще раз попробовать?

Во дворе интерната, возле служебной машины, разговаривали директор Дарига Булатовна, Губайдулла и учитель труда Кайрат Омарович.

— Что там стряслось? — нетерпеливо спросила директор.— Мне на совещание надо ехать, потом в министерство — деньги выбивать на ремонт.

— А как с токарными станками для мастерской? — спросил Кайрат.— Ребята ждут.

Губайдулла стоял с оскорбленным видом. В руках он держал лист бумаги.

— Что у вас?

— Заявление об увольнении. Сегодня увольняюсь, завтра заявление жены принесу.

— Вы же знаете, Губайдулла, как с кадрами трудно. Где мы в разгар года новых работников возьмем?

— Кадры ценить надо,— сказал Губайдулла.— А тут мер никто принимать не желает! Эти ученики делают что хотят — все с рук сходит! Я принимаю это как оскорбление!

— Опять Арман? — спросила директор.—

Что он наделал? Вы в курсе, Кайрат Омарович?

Кайрат кивнул.

— Он воровство совершил. Он у меня барана украл! Надо было в милицию заявить, а вы его защищаете!

— Давайте без милиции постараемся обойтись. Какого барана он украл? Откуда здесь баран взялся?

— Мальчик ничего не крал, — не выдержал Кайрат. — Это был его баран.

— Нет, мой!

— Ничего не понимаю... — сказала Дарига Булатовна. — Так чей же баран?

— Дело в том, что отец Армана привел барана, чтобы Губайдулла не ругал мальчика за вмятину на его машине... — начал объяснять Кайрат.

— Вмятина?! Целое повреждение!

— Я это повреждение за полчаса вам исправлю! — сказал Кайрат.

— Бесплатно?

— Бесплатно! Вы со своей машиной весь интернат запугали! На спортплощадке дети уже не играют. Между прочим, там не место машине!

— А где ей место? Выделите мне гараж, Дарига Булатовна, никаких происшествий не будет!

— Государственную машину на улицу поставить, а вашу — в гараж?

— Мою машину государство делает, государство ее продает. Значит, это государству выгодно. Поэтому о ней тоже надо заботиться, — рассудительно сказал Губайдулла.

— Мне пора, — устало сказала директор. — Давайте завтра с утра разбираться. На свежую голову.

Из окон спального корпуса за разговором взрослых внимательно следил весь первый «А».

— Чего тут разбираться! Если мне барана не вернут, мер не примут, я жаловаться буду! — сказал Губайдулла. — А ты его не защищать должен, а наказывать! Тоже мне — учитель! — И он зашагал к дому.

Дарига Булатовна вздохнула, села в машину и поехала на совещание. Кайрат оглядел двор и направился в мастерскую. Остановился возле пожарного крана. Открыл его и начал поливать двор из шланга.

Арман мыл длинный школьный коридор. Отнес ведро с грязной водой. Принес с чистой. Протирал пол тщательно и со старанием.

— Арман!

Мальчик поднял голову.

В конце коридора стоял отец. В пиджаке, с орденом и медалью на груди.

— Где учителя?

— Ушли все.

— Пойдем со мной.

— Куда.

— Поужинаем.

— Сейчас. Пол домою. Немного осталось.

— Ты всегда тут пол моешь? — помолчав, спросил отец.

— Нет. Серик попросил — он дежурный.

— Сам он почему не моет? Ладно, я тебя во дворе подожду.

Отец сидел возле пожарного щита. Курил. Неподалеку были привязаны три черных барана.

Подошел Арман, посмотрел на баранов, потом на отца.

— На всякий случай взял... — сказал Канат, отводя глаза. — А вообще, я серьезно поговорить приехал...

Они встали, пошли через дорогу, зашли в ближайшее кафе.

Несколько первоклассников подошли к баранам, присели на корточки и стали их рассматривать.

Проходивший мимо Серик остановился. Сразу догадался, в чем дело.

— Чьи? — спросил на всякий случай.

— Армана... — вздохнул Темирбек.

— Пожалеешь одного барана — потом трех отдашь, — глубокомысленно заметил Серик.

Кафе было переполнено. Швейцар никого не пускал.

— Я с ребенком. Поесть... — сказал Канат.

— Так и быть — проходи, — посторонился швейцар, покосившись на орден.

— Канат! — закричали люди, сидящие за длинным столом. — Давай сюда!

Артельбек махал им рукой.

— Племянник в отпуск приехал! — показал он на молодого парня в офицерской форме. — Празднуем!

— Я с сыном... Поужинать хотел... — растерялся Канат.

— Садитесь, дядя Канат! Обидите! — крикнул весело молодой офицер.

Канату и Арману подставили стулья, они сели рядом.

Были тосты, речи, играла музыка, потом молодежь пошла танцевать. Канат повеселел. Он оглядел весь стол и вдруг обнаружил почти напротив себя насупившегося Губайдулла. Тот ел. Улыбка сошла с лица Каната.

— Выйдем, поговорим, — предложил Канат.

— Не о чем мне с тобой разговаривать, — буркнул Губайдулла.

— Пойдем, — Канат встал из-за стола. Арман с тревогой посмотрел на отца. Они вышли во двор, заставленный пусты-

ми ящиками. Арман за ними. Сюда из кафе доносился хриплый голос Челентано.

— Ну? — спросил Губайдулла.

— Давай по-хорошему договоримся, — сказал Канат. — Что ты хочешь?

— Отец привел барана, сын увел барана! — засмеялся Губайдулла. — Как с тобой можно договариваться? Что отец, что сын — бесчестные люди!

— Не говори так, — нахмурился Канат. — Я тебе трех баранов дам. Понял? Трех! Бери! Твои будут!

— Где они? — недоверчиво усмехнулся Губайдулла.

— Арман! Приведи их сюда! Всех! — скомандовал отец. — Быстро!

Мальчик послушно побежал через дорогу в интернат.

Когда Арман загонял трех баранов во двор кафе, он услышал грохот.

Груда пустых ящиков разлетелась по двору. Губайдулла лежал в углу двора.

— Милиция! — кричал он. — Милиция! На помощь!

— Никто про мою семью плохо не говорил! — кричал Канат. Рубашка у него была растегнута, рукава засучены. — И тебе не позволю!

Во двор выбегали люди.

— Задержите его! — кричал Губайдулла. — Это вся семья преступная!

— Что случилось?!

— Он сказал, что мой сын — вор! — рвал-

ся из рук Канат. — А я горжусь своим сыном! Мой сын маленький, но уже настоящий мужчина!

— Успокойся... Мало ли что человек спяну болтает...

— Держите его! — командовал Губайдулла, не вставая. — Надо вызвать милицию!

— Вставай, — бросилась поднимать мужа Роза.

— Не трогай меня! Пусть все видят, какую он мне травму нанес! Пока милиционер не придет, с места не встану!

В отделении милиции молодой лейтенант составлял протокол.

— Как же так?! Вроде заслуженный товарищ, и затеяли драку в нетрезвом состоянии!

Канат хмуро молчал.

— Товарищ лейтенант! Какое нетрезвое состояние! — заступался за Каната Артельбек. — Он поужинать пришел — с ребенком! — Артельбек показал на Армана, сидящего тут же. — Мы его к столу позвали. Ну, они поспорили немного... Разве это драка? Он ведь по-хорошему хотел...

— Потерпевший утверждает, что он получил сильную травму. Придется задержать до выяснения всех обстоятельств.

— Меня тоже задержите! — громко сказал Арман. — Я с папой хочу!

Отец Армана — актёр Анвер Боранбаев, мать Армана — актриса Гульназит Омарова, Арман — Санджар Джаксылыков.

Фото А. Назарова.

— Иди в интернат, Арман. Разберутся без тебя,— сказал Канат.

— Эх, товарищ лейтенант, что тут разбираться? Все и так ясно! — с досадой сказал Артельбек.

— Вам ясно, а нам — не ясно,— ответил лейтенант.

Арман сидел на скамейке возле милиции. В стороне стояли три черных барана. Начиная темнеть.

К мальчику подошел Кайрат.

— Пойдем, Арман.

— Никуда я не пойду. Тут буду дожидаться,— упрямо сказал Арман. Губы его дрожали.

Учитель сел с ним рядом.

— Холодно?

Арман покачал головой. Кайрат снял с себя куртку и накинул на мальчика.

— Его теперь в тюрьму посадят? — спросил Арман.

— Разве это справедливо — такого человека, как твой отец, в тюрьму сажать?!

— А в жизни всегда все по справедливости получается?

Кайрат задумался.

— Бывает, что и не получается сначала. Но справедливость в конце концов обязательно победит! Надо ей только помочь.

— Как помочь?

— Не бояться говорить правду. Заступаться за честных людей, когда им трудно. И самому быть сильным и добрым.

Арман прижался к учителю.

Из здания вышел молодой милиционер. Посмотрел на Кайрата.

— Как там дела, сержант?

Тот пожал плечами.

— Сейчас законы строгие. Могут расценить как мелкое хулиганство, а могут учесть, что в первый раз. По-всякому бывает.

Мчится всадник по ущелью Кок-Сай. Останавливается возле юрты. Выбегают из нее двое чабанов, седлают коней. И вот уже три джигита скачут через холмы. Топот копыт эхом разносится по ущелью.

Возле юрты аксакала Турмагамбета останавливаются всадники. Выходит аксакал и, как молодой, вскакивает на лошадь.

В самом низу ущелья, у реки, стоит юрта Каната и Улкизы. Оседланные лошади бьют копытами. Улкиза садится на коня, подхватывает Алибека.

Все больше всадников мчится по ущелью. Рядом с Артельбеком — лошадь без всадника. Этот конь скачет к своему хозяину...

Вот уже по пустым улицам города спускается группа всадников. Впереди едет строгий аксакал. Звенят на его груди медали и ордена.

Ночью в городе выпал снег. Первый снег...

Рано утром колхозный грузовик остановился возле милиции. Из кузова прыгнули чабаны. Из кабины осторожно, по-стариковски, вылез аксакал Турмагамбет.

Все зашли в милицию.

На кожаном диване, рядом с учителем, спал Арман.

Чабаны поздоровались с учителем и дежурным.

— Когда начальник придет, сынок? — спросил аксакал у дежурного.

— В девять ноль-ноль.

— Дай его телефон, мы ему домой позвоним,— сказал Артельбек.

— Не положено.

— Что значит «не положено»? Видишь, люди приехали!

— Если всем давать его телефон, начальнику спать некогда будет,— усмехнулся дежурный.

— У нас важное дело! Некогда нам ждать,— горячился Артельбек.

— Разговор окончен. Все.

— Как со старшим разговариваешь?! — рассердился другой чабан.— Ты хоть знаешь, кто тут стоит? Депутат Верховного Совета, Герой Социалистического Труда!

— Тише! Армана разбудите,— сказал Турмагамбет.— Подождем до утра. Что делать, если не положено...

— Может, чаю хотите, аксакал? — примирительно спросил дежурный.

— Не надо, сынок,— спокойно ответил тот.

Дежурный помолчал, поерзал на своем месте, потом набрал номер телефона.

— Товарищ майор! Лейтенант Касымов беспокоит. Народ к вам приехал, по важному делу...

Арман проснулся оттого, что отец целовал его в щеку.

— Вставай, Арман,— улыбался Канат.— В школу пора.

Арман крепко обнял отца. Увидел всех чабанов из родного ущелья.

— А где мама?

— Дома осталась.

— Я знал, что вы приедете,— сказал Арман.— Я во сне видел.

На улице стоял старый грузовик. Ранний снег лежал на пожелтевших листьях, траве, ветках деревьев.

Арман огляделся. Побежал за угол милиции. Осмотрел двор.

— Что ищешь, Арман? — спросил отец.

— Баранов украли!

— Черт с ними! — махнул рукой Канат.

Он полез в кузов машины.

Расстроенный Арман стоял рядом с учителем.

— Я их вот здесь привязал...— хмуро сказал он.— Надо было не спать, стеречь... Плохой из меня чабан...

— Арман! — крикнул из кузова отец.— Они здесь!

И в подтверждение своих слов поднял одного барана. Машина тронулась. Канат не удержался на ногах, упал. На мгновение он исчез. Потом снова встал во весь рост. Арман засмеялся. Отец махнул ему рукой...

Во дворе интерната мальчишки бросались снежками. Девчонки визжали, когда в них попадал снежный ком. Никто не обращал внимания на Армана. Вовсю шло веселое сражение.

Учитель труда разговаривал с Алмой Жунусовой.

— Вы что сегодня делаете вечером?

— Еще не решила,— пожалала плечами учительница.

— Может, пойдем в кино?

— Вы думаете, я соглашусь?

— Да,— засмеялся учитель.— Дети говорят, что я красивый мужчина!

Возле квартиры Анель стояла грузовая машина. Губайдулла осторожно нес завернутый в одеяло телевизор. Роза вынесла подушки, она выглядела расстроенной. Вышла Анель, выкатила велосипед. Прислонила его к стене и ушла.

Арман смотрел и не мог уйти. Он совершенно не радовался отъезду Губайдуллы. Арману даже стало жалко его. И себя тоже.

Анель снова вышла из дома.

— Вы уезжаете? — растерянно спросил Арман.

— У нас дедушка заболел. Он давно нас к себе звал. Мама все не хотела уезжать. Но у дедушки большой сад, дом с гаражом... А здесь у нас только одна комната и кухня.

— А когда он поправится, вы вернетесь?

— Не знаю... Это тебе на память! — Анель протянула ему красную розу.

Бумажную розу, облитую воском.

— А ты ничего не хочешь подарить мне на прощанье?

Арман стал рыться у себя в карманах.

— У тебя нет даже носового платочка?

У Армана его никогда не было.

— Хочешь пуговицу? — он готов был рвануть ее с пиджака.

— Пуговица интернатская, не надо,— ответила Анель.

Арман вспомнил, что у него есть асык, баранья косточка, которой он всегда выигрывал.

— Подожди. Я сейчас.— Он побежал в спальный корпус.

Когда он выбежал снова во двор, сжимая в одной руке розу, а в другой асык, грузовая машина с вещами ехала впереди. За ней — красные «жигули».

Арман побежал быстрее.

Увидев его, Губайдулла увеличил скорость.

Одинокий, растерянный, стоял Арман у забора. Впервые он испытывал чувство, которого не знал раньше. Чувство печали. Впервые жалось у него сердце. Захотелось плакать. И в это мгновение что-то ударило его в спину. Он обернулся. Прямо в лицо попал еще один снежок.

Он вытер рукой холодный мокрый снег и увидел смеющегося второклассника:

— Попал! Попал!

Арман засунул асык и розу в карман, слепил крепкий снежок и погнался за противником, сходу включившись в битву.

Он бегал, пригибался, уклоняясь от летящих в него снежков, смеялся, когда попадал сам. Ликовал, когда первый класс перешел в наступление.

Прицелившись, он запустил в убегающих второклашек снежок. Раздался звон разбитого стекла...

Из разбитого окна мастерской выглянул Кайрат Омарович.

— Ты разбил?

— Я случайно...— огорченно пробормотал он.

— Поднимайся в класс,— вздохнул учитель.

Раздался звонок на урок.

Арман сидел в классе. Слушал объяснение учительницы. Старательно переписывал предложение с доски.

На улице шел снег. А на снегу лежала забытая красная роза. Она была как настоящая, только красивее.

Арман на минуту оторвался от тетради и посмотрел в окно. Он подумал о том, что в степи теперь безмолвно и бело от снега. Сейчас отец и мать, в огромных тулупах, верхом на лошадях, загонят овец в кошары. Зайдут в дом. Мать поможет отцу раздеться, нальет в таз горячей воды, чтобы он согрел ноги. Приготовит крепкий чай. Потом присядет за стол и, может быть, тихо запоет свою песню. Зимой, когда в степи дует буран, кажется, что на белом свете только ты да твоя семья...

Арман думал и о том, что когда вырастет, он тоже вернется туда, в маленький дом посреди бескрайней степи...

1р.20к.
70434

КИНОСЦЕНАРИИ

1986

1